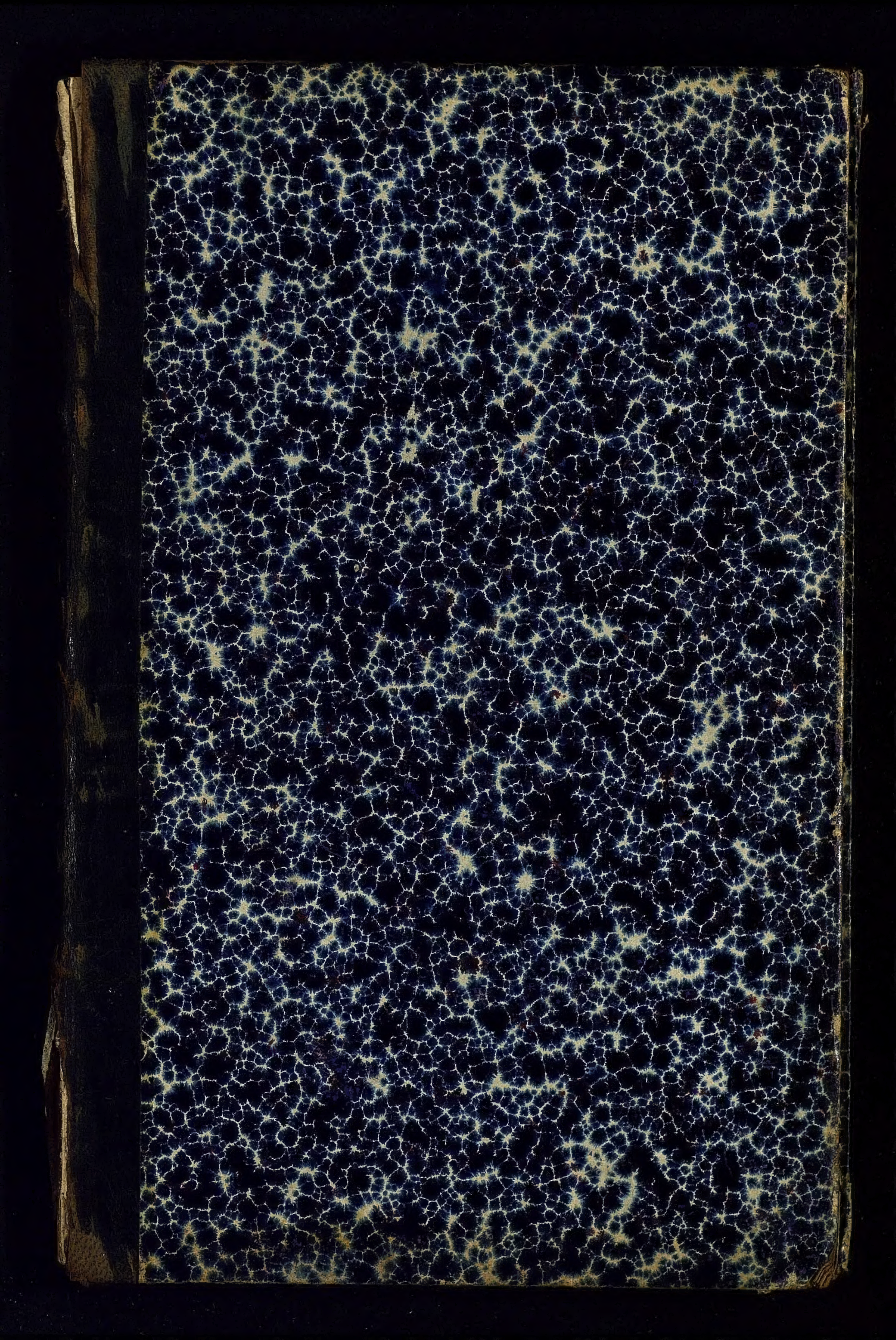
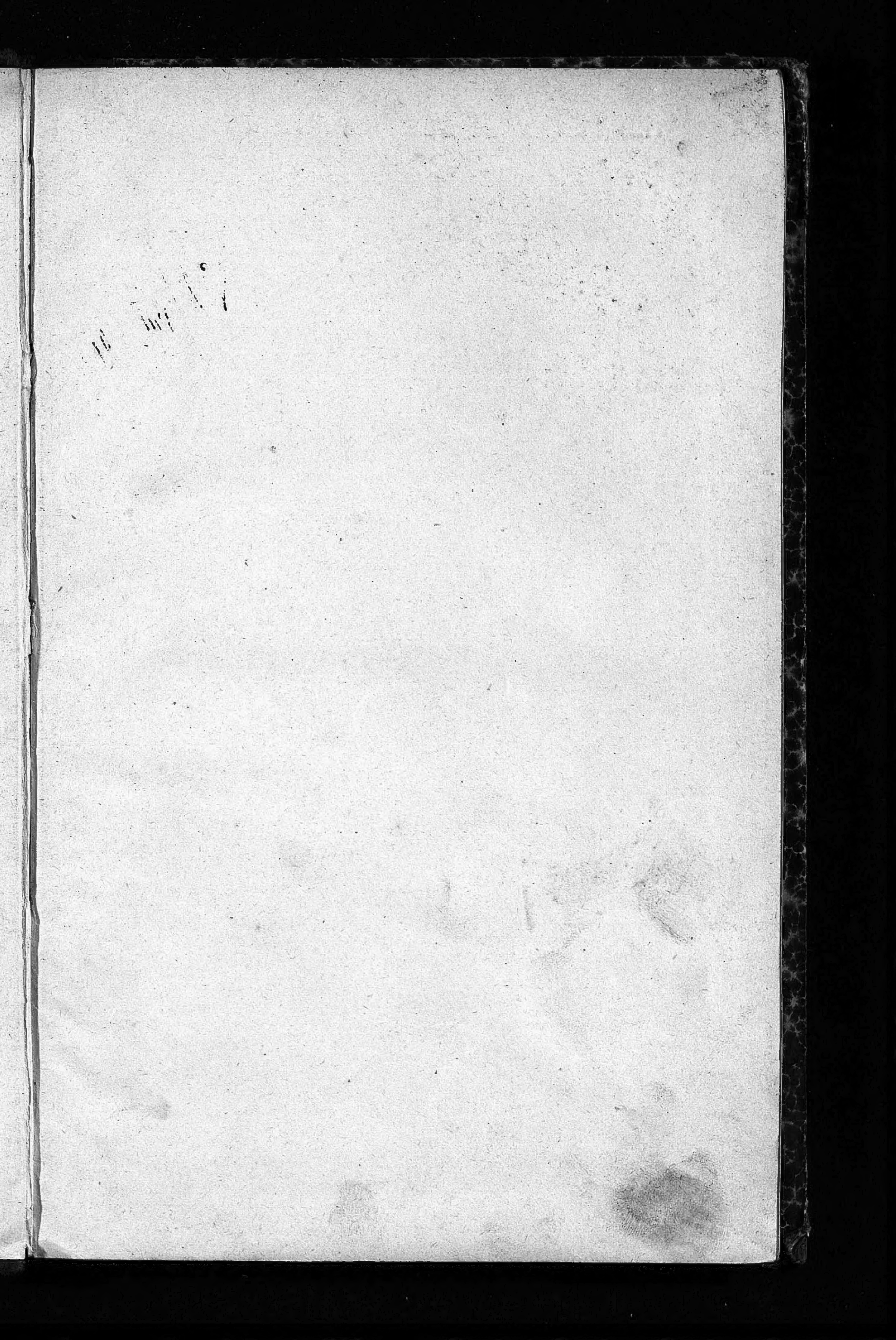

№ 2/VIII 08.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIX-й. **АВГУСТЪ.** 1908 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложеніе: Портретъ **Графа Льва Николаевича Толстого.**

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1908 года.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ на Фонтанкѣ д. № 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Надежда». Почтамтская, 13.

1908.

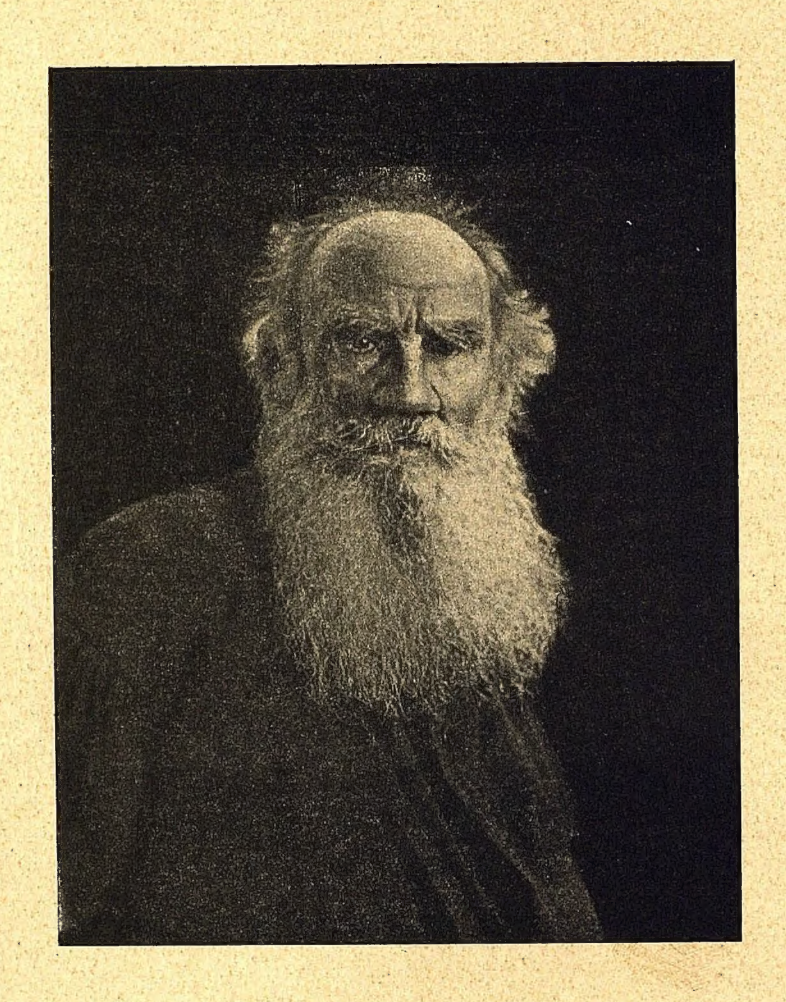
VIII-я книга „Русской Старины" вышла 1-го августа 1908 года.

Библіографическій листокъ.

Владимиръ Короленко. Отошедшіе. СПб. 1908.

„Отошедшіе", о которыхъ разсказываетъ В. Г. Короленко,—это Глѣбъ Успенскій, Чернышевскій и Чеховъ, и маленькую книжку воспоминаній талантливаго писателя о трехъ большихъ людяхъ прочитываешь быстро-быстро, и закрываешь медленно, словно нехотя, съ щемящей грустью въ сердцѣ. Это не столько мемуары, сколько мастерски набросанные психологическіе портреты, оттѣненные меланхолическимъ свѣтомъ нѣжнаго лиризма, такъ свойственнаго таланту Короленко. Самыя лучшія, теплыя страницы посвящены Глѣбу Успенскому, съ которымъ Короленко познакомился въ 1887 году. „Я увидѣлъ"—разсказываетъ авторъ—„въ первый разъ его удивительные глаза, широко разставленные и глубокіе. Въ нихъ было что-то ласковое и печальное въ то же время; лицо показалось мнѣ усталымъ. Помню, однако, что оно какъ-то сразу, безъ всякаго промежуточнаго впечатлѣнія и разлада,—слилось со всѣмъ лучшимъ, что отлагалось въ душѣ отъ его произведеній. Мнѣ казалось только, что лицо и взглядъ автора „Будки", Разоренья" и столькихъ картинъ, полныхъ яркаго и своеобразнаго юмора,—должны бы быть нѣсколько веселѣе. Однако я чувствовалъ, что отъ этого оно не стало бы лучше, чѣмъ съ этой грустью,—сосредоточенной, вдумчивой и какъ-будто давно отложившейся на самомъ днѣ этой глубокой души... Разговоръ Успенскаго былъ тоже совершенно особенный. Разсказывая что-нибудь, онъ глядѣлъ на собесѣдника своимъ глубокимъ, мерцающимъ взглядомъ, говорилъ тихо, какъ-будто сквозь слегка сжатые зубы, и при этомъ жестикулировалъ какъ-то особенно, то и дѣло прикладывая два пальца къ груди, какъ-будто указывая на какую-то боль, которую онъ чувствовалъ отъ собственныхъ разсказовъ гдѣ-то въ области сердца. Его рѣчь была отрывиста, безъ закругленныхъ періодовъ, полная причудливыхъ изгибовъ и неожиданныхъ опредѣленій, часто вспыхивала своеобразнымъ юморомъ. И никогда она не производила впечатлѣнія простой болтовни на досугѣ, среди которой такъ хорошо иногда отдохнуть отъ работы и отъ мыслей. Его молчаніе было отмѣчено тѣми же чертами, какъ и его разговоръ. Въ его отрывистыхъ замѣчаніяхъ и въ его молчаніи чувствовалась какая-то неразрывная связь. Въ одномъ изъ своихъ очерковъ онъ говоритъ, что иногда можно „молчать о многомъ". Дѣйствительно, бываютъ разговоры, въ которыхъ содержанія меньше, чѣмъ въ полномъ молчаніи, и бываетъ молчаніе, въ которомъ ходъ мысли чувствуется яснѣе, чѣмъ въ иномъ даже умномъ разговорѣ. Такое именно значительное молчаніе чувствовалось въ паузахъ Успенскаго. Его рѣчь и его паузы продолжали другъ друга. Мысль его шла, какъ рѣка, которая то течетъ на поверхности, то исчезаетъ подъ землею, чтобы черезъ нѣкоторое время опять сверкнуть уже въ другомъ мѣстѣ"... Успенскій былъ живой, неисчерпаемый источникъ нравственнаго обаянія для всякаго, кто хоть на мгновеніе попадалъ въ атмосферу этого колоссальнаго ума и горящаго сердца, будь это писатель Короленко, или случайно столкнувшійся съ Успенскимъ на пароходѣ жалкій мѣщанинишко, надъ которымъ „устроили большую подлость", или двѣ ярмарочныя пѣвички, съ которыми какъ-то перекинулся дружескимъ словомъ Глѣбъ Ивановичъ.

Безотчетная, евангельская доброта Успенскаго мало задумывалась надъ вѣковѣчнымъ вопросомъ объ отношеніи человѣка и Бога, но въ послѣдніе еще не поглощенные безуміемъ годы его жизни, быть можетъ, уже витали въ его душѣ религіозные образы и мысли, въ которыхъ и нашелъ себѣ форму его психозъ. „Несомнѣнно, что въ этомъ изстрадавшемся чужими страданіями подвижникѣ литературы въ послѣдній періодъ жизни проснулся обычный типъ подвижника, знакомый нашей русской, порою жестокой, порою простодушной родной старинѣ. И, можетъ быть, въ другія времена его бы оставили на свободѣ, и онъ бродилъ бы по деревнямъ, или жилъ бы въ какой-нибудь обители, и говорилъ бы людямъ о святой инокинѣ Маргаритѣ, которая учитъ побѣждать въ человѣкѣ звѣря и помогаетъ святому Глѣбу бороться съ животнымъ Иванычемъ, и раскрываетъ свѣтлое небо... И его слушали бы темные люди и ловили бы въ темныхъ рѣчахъ мерцаніе небесной правды"... Интересны слова Успенскаго о Толстомъ, передаваемыя Короленко, у котораго онъ однажды увидѣлъ висѣвшій надъ столомъ портретъ великаго писателя и спросилъ: „Что это значитъ?"—указывая глазами на портретъ. Это былъ періодъ, когда Толстой находился въ фазисѣ „непротивленія", когда изъ-подъ его пера появилась сказка объ Иванѣ-дуракѣ и другіе разсказы той же серіи, изъ-за которыхъ еще не развернулась новая эволюція этого безпокойнаго и могучаго духа. Я отвѣтилъ Глѣбу Ивановичу,—передъ чѣмъ именно я преклоняюсь въ этомъ человѣкѣ. Онъ долго и задумчиво смотрѣлъ своими печальными глазами въ суровыя черты портрета и потомъ сказалъ: „Да! Я вотъ давно собираюсь къ нему... Поговорить... о многомъ"... И потомъ, улыбнувшись, отвѣтилъ:

Левъ Толстой.
1908 10 Мая.

ПРИ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА"
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса".

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ—ПЯТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ВОСЕМЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,

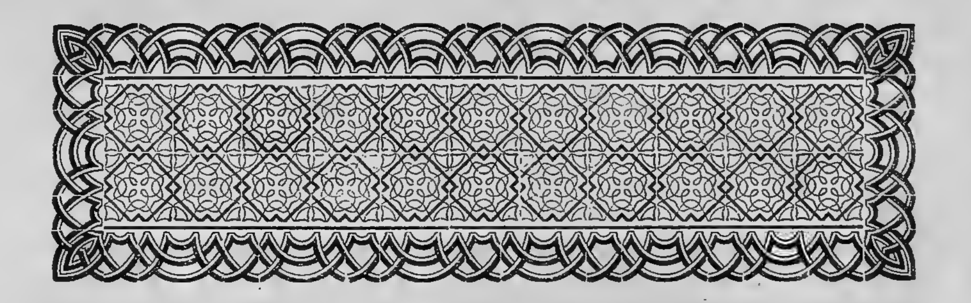
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ» платятъ: вмѣсто 5 руб.—4 руб., и вмѣсто 8 руб.—7 руб.

Великая совѣсть.

Взоры всего человѣчества обращены теперь къ маленькому уголку Тульской губерніи, къ бѣдной деревенькѣ, имя которой, Ясная Поляна, звучитъ образованному уху какъ Стаффордъ-на-Авонѣ, какъ Ферней, какъ Михайловское... Тамъ, въ груди восьмидесятилѣтняго старца, бьется одно изъ самыхъ прекрасныхъ, самыхъ благородныхъ сердецъ, какія зналъ міръ, — сердце, въ унисонъ съ которымъ бьются милліоны другихъ сердецъ, заимствующихся свѣтомъ и пламенемъ отъ этого великаго источника. Нынѣ исполняется восемьдесятъ лѣтъ Толстому[1]), и весь цивилизованный міръ празднуетъ славное долголѣтіе великаго писателя и великаго праведника. „Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды“... Горька и безотрадна наша дѣйствительность. Но у насъ есть великое утѣшеніе — сознанье, что среди нашихъ современниковъ есть Левъ Толстой, носитель и живое олицетвореніе вѣчной правды на землѣ. Онъ, нашъ современникъ и соотечественникъ, наша слава и гордость, и всѣ мы уже много лѣтъ прислушиваемся къ вѣщему голосу яснополянскаго мудреца, который въ своемъ уединеніи, однако, не отошелъ отъ жизни, но весь въ ней, глубоко испытуя ее и направляя своей могучей рукою...

Прошло болѣе полустолѣтія съ тѣхъ поръ, какъ молодой литераторъ-офицеръ писалъ (во второмъ изъ „Севастопольскихъ разсказовъ“—„Севастополь въ маѣ 1855 года“), стараясь оправдать

---

[1]) Отзываясь на просьбу редактора, глубокоуважаемый и любимый Левъ Николаевичъ нашелъ досугъ и охоту выбрать и собственноручно подписать для «Русской Старины“ свой портретъ, снимокъ съ котораго приложенъ къ настоящей книгѣ нашего журнала.

или, вѣрнѣе, объяснить свою безпощадную художественную правдивость: „Можетъ, не надо было говорить этого; можетъ быть, то, что я сказалъ, принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ злыхъ истинъ, которыя, безсознательно таясь въ душѣ каждаго, не должны быть высказываемы, чтобы не сдѣлаться вредными, какъ осадокъ вина, который не надо взбалтывать, чтобы не испортить его. Гдѣ выраженіе зла, котораго должно избѣгать? Гдѣ выраженіе добра, которому должно подражать въ этой повѣсти? Кто злодѣй, кто герой ея? Всѣ хороши, и всѣ дурны... Герой же моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его, и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ,—*правда*". Поэтомъ этого героя Толстой остался навсегда.

Толстой великій счастливецъ. Ему удалось почти сразу, безъ страшныхъ душевныхъ мукъ, сомнѣній, терзаній и бореній, найти свою правду, найти себя. Его путь съ самаго начала былъ ровенъ, хотя не всегда былъ гладокъ и легокъ. Въ сороковыхъ годахъ, еще юношей, подъ вліяніемъ Руссо, онъ принимается за разсужденіе „О цѣли философіи", въ которомъ ясно выражаетъ свой идеалъ нравственнаго совершенствованія и смотритъ на философію, какъ на „науку жизни". Теорія у него не расходится съ практикой, и въ 1847 г. онъ, оставивъ университетъ, поселяется въ родной Ясной Полянѣ, чтобы послужить своимъ крѣпостнымъ, улучшить ихъ бытъ. Объ этой порѣ своей дѣятельности онъ самъ разсказалъ потомъ въ „Утрѣ помѣщика". Объясняя свои намѣренія, герой, Нехлюдовъ (т. е. Толстой) пишетъ: „Не моя ли священная и прямая обязанность заботиться о счастіи этихъ семисотъ человѣкъ, за которыхъ я долженъ буду отвѣчать Богу? Не грѣхъ ли покидать ихъ на произволъ грубыхъ старостъ и управляющихъ, изъ-за плановъ наслажденія или честолюбія? И зачѣмъ искать въ другой сферѣ случаевъ быть полезнымъ и дѣлать добро, когда мнѣ открывается такая благородная, блестящая и ближайшая обязанность?" Нехлюдовъ, этотъ постоянный спутникъ Толстого и во многихъ отношеніяхъ его двойникъ, вскорѣ убѣждается въ невозможности создать идиллическую счастливую Аркадію на скудной почвѣ, прогноенной крѣпостнымъ правомъ. Но благородный пылъ души не гаснетъ отъ неудачъ, и въ 1858 г. имя Толстого появляется подъ запиской 105 тульскихъ дворянъ, предложившихъ тульскому губернскому комитету „для выработки мѣръ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ" освободить крѣпостныхъ съ надѣленіемъ ихъ землею; послѣднее особенно ужасало тогда значительную часть дворянства.

Вскорѣ Толстой увлекается задачами народнаго воспитанія. Онъ додумывается до своей собственной педагогической системы, осно-

ваетъ школу и заводитъ педагогическій журналъ. Въ то же время онъ дѣятельно работаетъ въ качествѣ мирового посредника, защищая интересы крестьянъ. Затѣмъ религіозно-философскіе вопросы окончательно занимаютъ его мышленіе. Путь, по которому онъ все время движется, неуклонно прямъ. Онъ родился рыцаремъ правды и совѣсти - и остался имъ навсегда.

Еще героемъ „Юности", въ обликѣ Николеньки, Толстой сдѣлалъ нравственное „открытіе": онъ пришелъ къ убѣжденію, что „назначеніе человѣка есть стремленіе къ нравственному совершенствованію, и что совершенствованіе это легко, возможно и вѣчно". Это убѣжденіе въ необходимости и возможности нравственнаго улучшенія навсегда окрасило міроотношеніе Толстого. Грянула Восточная война, Толстой принялъ, въ качествѣ артиллерійскаго офицера, участіе въ оборонѣ Севастополя. И какія чувства и мысли вызвала война въ молодомъ офицерѣ? Великій язычникъ Пушкинъ любилъ войну и все военное и, по крайней мѣрѣ какъ поэтъ, не замѣтилъ ея тѣневой, мрачной стороны. Ему нравилась не только „пѣхотныхъ ратей и коней однообразная красивость", но даже „смерть и адъ со всѣхъ сторонъ", и съ его пера сорвалось хладнокровное сравненіе битвы съ земледѣльцемъ („какъ пахарь, битва отдыхаетъ"). Мальчикомъ онъ мечталъ:

Трепещетъ бранью грудь моя,
При блескѣ браннаго булата
Огнемъ пылаетъ взоръ, и я
Лечу на гибель супостата...

Выйдя изъ лицея и собираясь вступить въ военную службу, онъ упоенно писалъ:

Что восхитительнѣй, живѣй
Войны, сраженій и пожаровъ,
Кровавыхъ и пустыхъ полей,
Бивака, рыцарскихъ ударовъ?..

Въ эпилогѣ „Кавказскаго Плѣнника" онъ воспѣлъ храбраго Котляревскаго:

Куда ни мчался ты грозой,
Твой мечъ, какъ черная зараза,
Губилъ, ничтожилъ племена...

Ожидая войны въ Бессарабіи, въ 1821 г., онъ радовался:

Война!.. Подъяты наконецъ,
Шумятъ знамена бранной чести!

Увижу кровь, увижу праздникъ мести,
Засвищетъ вкругъ меня губительный свинецъ!
И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей...

Ему словно въ голову не приходило, что на войну можно смотрѣть иначе, съ другихъ точекъ зрѣнія.

Не такъ взглянулъ на нее Лермонтовъ. Пѣвецъ Бородина и участникъ битвы при Валерикѣ послѣ кровопролитнаго сраженія грустно размышлялъ:

...Жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ? Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ. Зачѣмъ?..

Но то, что было нужно Пушкину, а у Лермонтова иногда проглядывало, какъ мимолетное настроеніе, составляетъ для Толстого источникъ внутреннихъ страданій и скорби. Въ „Севастопольскихъ разсказахъ“ война является не „съ музыкой и барабаннымъ боемъ, съ развѣвающимися знаменами и гарцующими генералами, а въ ея настоящемъ выраженіи —въ крови, въ страданіяхъ, въ смерти“... Описывая уборку труповъ во время кратковременнаго перемирія, Толстой говоритъ: „На бастіонахъ и на траншеяхъ выставлены бѣлые флаги; цвѣтущая долина наполнена мертвыми тѣлами; прекрасное солнце спускается къ синему морю; синее море, колыхаясь, блеститъ на золотыхъ лучахъ солнца. Тысячи людей толпятся, смотрятъ, говорятъ и улыбаются другъ другу. И эти люди—христіане, исповѣдующіе одинъ великій законъ любви и самоотверженія, глядя на то, что они сдѣлали, съ раскаяніемъ не упадутъ вдругъ на колѣни передъ Тѣмъ, Кто, давъ имъ жизнь, вложилъ въ душу каждаго, вмѣстѣ со страхомъ смерти, любовь къ добру и прекрасному, и со слезами радости и счастья не обнимутся, какъ братья?.. Бѣлые флаги спрятаны, и снова свистятъ орудія смерти и страданій, снова льется невинная кровь, и слышатся стоны и проклятія“.

Вотъ Толстой въ новомъ автобіографическомъ изображеніи. Онъ—Оленинъ, герой „Казаковъ“. Умный юноша, съ нѣжной, чуткой душой, но съ слабой волей и испорченный плохимъ воспитаніемъ и безпорядочной жизнью, попадаетъ въ казачью станицу, въ міръ величавой природы и простыхъ, не тронутыхъ культурой людей. Онъ „чувствуетъ“ горы, ихъ непорочную бѣлизну и вѣчную красоту, и „какой-то торжественный голосъ“ прозвучалъ въ его душѣ: „Теперь началось“... „И вдругъ ему открылся какъ будто но-

вый свѣтъ: счастіе вотъ что,—сказалъ онъ самъ себѣ,—счастіе въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣка вложена потребность счастія; стало быть, она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, то есть отыскивая для себя богатства, славы, удобствъ жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастья незаконна. Какія же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, несмотря на внѣшнія условія? Какія?—Любовь, самоотверженіе!.. Вѣдь ничего для себя не нужно,—все думалъ онъ,—отчего же не жить для другихъ?" Только такъ жить значитъ—жить, и вотъ почему Платонъ Каратаевъ, жизнь котораго, „какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла какъ отдѣльная жизнь, а имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ", не говоря уже о Кутузовѣ, носителѣ „духа простоты и правды", который „ничего не говорилъ о себѣ, не игралъ никакой роли, казался всегда самымъ простымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ и говорилъ самыя простыя, обыкновенныя вещи",—въ глазахъ Толстого выше Наполеона, который „до конца жизни своей не могъ понимать ни добра, ни красоты, ни истины". Потому что „нѣтъ истиннаго величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, доброты и правды".

Пьеръ Безухій, въ котораго Толстой вложилъ часть своей души, „долго въ своей жизни искалъ съ разныхъ сторонъ успокоенія, согласія съ самимъ собою... Онъ искалъ этого въ филантропіи, въ масонствѣ, въ разсѣяніи свѣтской жизни, въ винѣ, въ геройскомъ подвигѣ самопожертвованія, въ романической любви; онъ искалъ этого путемъ мысли, и всѣ эти исканія и попытки обманули его. И онъ, самъ не думая о томъ, получилъ это успокоеніе и это согласіе съ самимъ собою только черезъ ужасъ смерти, черезъ лишенія и черезъ то, что понялъ въ Каратаевѣ... То самое, чѣмъ онъ прежде мучился, чего онъ искалъ постоянно, цѣли жизни, теперь для него не существовало. Эта искомая цѣль жизни теперь не случайно не существовала для него, только въ настоящую минуту, но онъ чувствовалъ, что ея нѣтъ и не можетъ быть. И это-то отсутствіе цѣли давало ему то полное, радостное сознаніе свободы, которое въ это время составляло его счастье. Онъ не могъ имѣть цѣли, потому что онъ теперь имѣлъ вѣру—не вѣру въ какія-нибудь правила, или слова, или мысли, но вѣру въ живого, всегда ощущаемаго Бога. Вдругъ онъ узналъ, что Богъ—вотъ Онъ, тутъ, вездѣ. Онъ узналъ, что Богъ въ Каратаевѣ болѣе великъ, безконеченъ и непостижимъ, чѣмъ въ признаваемомъ масонами Архитектонѣ вселенной. Онъ испыталъ чувство человѣка, нашедшаго искомое у себя подъ ногами,

тогда какъ онъ направлялъ зрѣніе, глядя далеко отъ себя. Онъ всю жизнь свою смотрѣлъ куда-то поверхъ головы окружающихъ людей, а надо было не напрягать глазъ, а только смотрѣть передъ собой. Онъ не умѣлъ видѣть прежде великаго, непостижимаго и безконечнаго ни въ чемъ. Онъ только чувствовалъ, что оно должно быть гдѣ-то, и искалъ его. Во всемъ близкомъ, понятномъ онъ видѣлъ одно ограниченное, мелкое, житейское, безсмысленное. Онъ вооружился умственной зрительной трубой и смотрѣлъ вдаль, туда, гдѣ это мелкое житейское, скрываясь въ туманной дали, казалось ему великимъ и безконечнымъ оттого, что оно было не ясно видимо... Но и тогда, въ тѣ минуты, которыя онъ считалъ своею слабостью, умъ его проникалъ и въ эту даль, и тамъ онъ видѣлъ то же мелкое, житейское, безконечное. Теперь же онъ выучился видѣть великое, вѣчное и безконечное во всемъ и потому естественно, чтобы видѣть его, чтобы наслаждаться его созерцаніемъ, онъ бросилъ трубу, въ которую смотрѣлъ до сихъ поръ черезъ головы людей, и радостно созерцалъ вокругъ себя вѣчно измѣняющуюся, вѣчно великую, непостижимую и безконечную жизнь. И чѣмъ ближе онъ смотрѣлъ, тѣмъ больше онъ былъ споконъ и счастливъ. Прежде разрушавшій всѣ его умственныя постройки страшный вопросъ: „зачѣмъ?" теперь для него не существовалъ. Теперь на этотъ вопросъ—зачѣмъ? въ душѣ его всегда готовъ былъ простой отвѣтъ: „затѣмъ, что есть Богъ, тотъ Богъ, безъ воли Котораго не спадетъ волосъ съ головы человѣка".

То же чувство живетъ и въ душѣ княжны Марьи Болконской. „Всѣ сложные законы человѣчества сосредоточивались для нея въ одномъ простомъ и ясномъ законѣ—въ законѣ любви и самоотверженія, преподанномъ тѣмъ, который съ любовью страдалъ за человѣчество, когда самъ Онъ—Богъ. Что ей было за дѣло до справедливости или несправедливости другихъ людей? Ей надо было самой страдать и любить, и это она дѣлала".

Такъ, говоря о своихъ героихъ, Толстой высказалъ лучшее, задушевное *свое*. Такъ разсказалъ онъ *себя*, и только такъ можно и должно понимать Толстого. Это—самое существенное въ немъ. Искателемъ Бога началъ онъ свой путь, скоро нашелъ Его и съ Нимъ проходитъ уже черезъ восемь десятилѣтій своей жизни.

Талантливый критикъ С. А. Венгеровъ, мѣтко опредѣлившій Бѣлинскаго—и опредѣленіе это вошло въ литературное сознаніе и обиходъ—какъ „великое сердце", сказалъ такое же мѣткое и исчерпывающее въ своей краткости и лапидарности слово о Толстомъ—*великая совѣсть*. Нельзя ближе и лучше опредѣлить Толстого! Существуетъ взглядъ на русскую литературу, пытающійся истол-

ковать ее, какъ литературу учительную, терзающуюся нравственными проблемами, богоищущую, какъ литературу совѣсти par excellence. Трудно сказать, конечно, что это единая основная черта русской литературы, но, конечно, *чувство совѣсти* ни одной литературѣ не сродни такъ сильно, какъ русской. И въ этомъ смыслѣ Толстой—высшій, совершеннѣйшій представитель русской литературы, величайшій русскій писатель. Онъ лучшій выразитель духа совѣсти, и нѣтъ у насъ, имѣющихъ Гоголя и Достоевскаго, писателя, въ которомъ этотъ духъ былъ бы глубже и крѣпче. Вотъ отчего никого у насъ такъ не любятъ, какъ Толстого, ни къ кому такъ не прислушиваются, какъ къ Толстому, и съ тѣмъ большимъ благоговѣйнымъ вниманіемъ, чѣмъ тяжеле и мрачнѣе становится жизнь. Никогда человѣчеству не былъ такъ дорогъ ни одинъ писатель, быть можетъ, потому что никогда еще міръ такъ горько и мучительно не захлебывался въ омутѣ лжи, нравственныхъ противорѣчій и всяческаго зла и неправды. Толстой не только дорогъ,—онъ необходимъ, и тысячамъ людей становится легче жить подъ взглядомъ грустныхъ очей яснополянскаго мудреца. Легче дышать и глядѣть на свѣтъ Божій, зная, что живъ Толстой, жива правда...

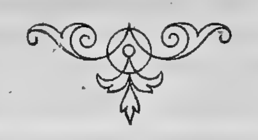
Страстная любовь къ правдѣ, соединенная съ великимъ художественнымъ талантомъ, такъ сильна въ душѣ Толстого, что заставляетъ его забывать о своемъ писательскомъ геніи. Отрицая современную внѣшнюю культуру, идущую не по пути добра и совѣсти, Толстой возстаетъ противъ ея порожденія и орудія—искусства, и отказывается признавать то, что такъ часто служитъ злу. Но и самое отрицаніе облечено у него въ художественную форму, потому что перестать быть художникомъ художникъ не можетъ, и его горячія діатрибы противъ искусства говорятъ только о пламенной любви его къ идеалу, во имя котораго такъ доблестно началъ онъ и ведетъ до сихъ поръ свою славную дѣятельность.

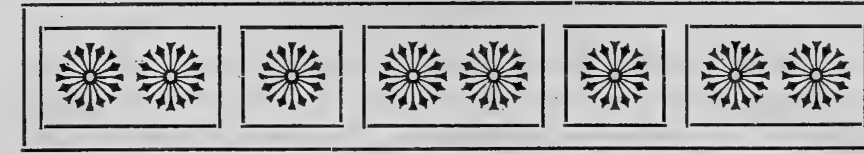
Нѣтъ у насъ нынѣ писателя не только болѣе великаго, но и болѣе національнаго, болѣе коренного. Еще живъ былъ Пушкинъ, когда родился Толстой; Бѣлинскій писалъ свои жгучія статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Современникѣ“, когда юноша-поэтъ началъ свою сознательную жизнь. Его дѣтство и отрочество обвѣяны воспоминаніями Отечественной войны и двадцатыхъ годовъ. Императоръ Николай Павловичъ успѣлъ быть его читателемъ и, познакомившись съ „Севастопольскими разсказами“, сказалъ: „Этого офицера надо беречь“. Писемскій предсказалъ: „офицерикъ всѣхъ насъ за поясъ заткнетъ“. Толстой былъ близкимъ сотрудникомъ и членомъ редакціи „Современника“, товарищемъ Некрасова, Гончарова, Островскаго, и умирающій Тургеневъ короновалъ капитолійскимъ

вѣнкомъ чело „великаго писателя земли русской". Толстой—цѣлая эпоха, живая эпопея. Лучи славы цѣлаго вѣка горятъ на его восьмидесятилѣтнихъ сѣдинахъ. Великій поэтъ съ великою душою, онъ ни разу „не унизилъ ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной", всегда идя во главѣ лучшихъ стремленій родного народа, въ авангардѣ всего юнаго и смѣлаго. Толстой никогда не былъ старымъ. Онъ навсегда останется въ сознаніи и благодарной памяти русскаго народа рядомъ съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Гоголемъ, Достоевскимъ...

И теперь, когда величайшій, благороднѣйшій сынъ русскаго народа вступаетъ въ девятое десятилѣтіе своей прекрасной жизни, когда весь міръ чествуетъ въ великомъ праведникѣ высшій образецъ нравственной красоты, въ великомъ художникѣ, чтитъ вершину неслыханной эстетической прелести, какъ-то особенно хочется говорить и думать о Толстомъ, пріобщаясь къ неисчерпаемому роднику добра и свѣта, хочется снова и снова пожелать, чтобъ была долга и бодра благословенная небомъ, священная старость нашего Толстого...

Н. Л.

Крахъ земельныхъ банковъ.

(Изъ записокъ стараго помѣщика).

Къ числу нововведеній въ царствованіе Александра II принадлежитъ и учрежденіе земельныхъ банковъ, которые замѣнили дѣйствовавшіе ранѣе въ этомъ случаѣ Московскій Опекунскій Совѣтъ и Приказы Общественнаго Призрѣнія, благодѣтельно сохранявшіе за дворянами ихъ вотчины, взимая незначительный процентъ, при различныхъ льготахъ отъ правительства. При этомъ самымъ крупнымъ земельнымъ банкомъ въ государствѣ являлось Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, съ главнымъ его правленіемъ въ Петербургѣ, и учредителями этого общества были лица, извѣстныя своею честностью и богатствомъ.

Провинціальные дворяне, неуспѣвшіе послѣ крестьянской эмансипаціи заложить всѣ свои имѣнія, спѣшили сдѣлаться членами этого Общества, и ко мнѣ, какъ служившему тогда въ должности губернскаго предводителя, поступила масса писемъ отъ дворянъ, желавшихъ имѣть повѣреннаго этого Общества въ Саратовѣ для принятія въ залогъ имѣній. Вслѣдствіе чего, стремившійся занять эту должность, мѣстный дворянинъ П. И. Митрофановъ, получивъ отъ меня письмо на имя графа Бобринскаго, отправился въ Петербургъ. Вернувшись оттуда повѣреннымъ, онъ съ большимъ успѣхомъ сталъ вербовать новыхъ заемщиковъ, завлекая ихъ предстоявшими выгодами ихъ положенія. Когда же пришлось оставить мнѣ свою продолжительную службу дворянству, то какъ и полагается для безвозмездныхъ служакъ, попалъ въ эту золотую паутину и я. И затѣмъ недолго спустя двухмилліонная растрата Юханцева легла тяжелымъ бременемъ на членовъ заемщиковъ золотого банка.

Кто помнитъ это время, тотъ, конечно, не забылъ переполохъ, который надѣлалъ этотъ одинъ изъ первыхъ банковскихъ краховъ.

Тутъ начались его реформы учрежденіемъ въ губернскихъ городахъ Окружныхъ Отдѣленій Общества Взаимнаго Поземельнаго кредита, съ жалованьемъ предсѣдателю и членамъ отдѣленія, и на должность предсѣдателя былъ намѣченъ я, но такъ какъ я не встрѣтилъ сочувствія моему предложенію, чтобы, вообще, всѣ должностныя лица изъ членовъ заемщиковъ служили Обществу до пополненія Юханцевской растраты даромъ, что дало бы возможность достичь этого пополненія не далѣе 6—7 лѣтъ, то отъ предсѣдательства я устранился, за что и былъ осмѣянъ въ столичныхъ газетахъ, какъ желавшій будто-бы тремя тысячами въ годъ своего жалованья покрыть двухмилліонную растрату.

Вскорѣ же затѣмъ послѣдовала новая реформа, по которой при Окружныхъ Отдѣленіяхъ была учреждена на жалованьи только должность непремѣннаго члена, предсѣдатели же и члены отдѣленія получали жетонное вознагражденіе по 25 рублей за каждое засѣданіе, являясь, по приглашенію непремѣннаго члена, для просмотра описаній закладныхъ имѣній и пр.

Привыкнувъ къ работѣ и считая службу во Взаимномъ Поземельномъ Кредитѣ также общественной, я, задавшись идеей посвятить свои силы исключительно общественной службѣ, не могъ уклониться отъ занятія мѣста предсѣдателя Саратовскаго Окружнаго Отдѣленія, и хотя поѣздки по осмотру и описаніе имѣній преимущественно возлагались на членовъ Отдѣленія, но, по просьбѣ дворянъ, я, почти постоянно, самъ находился для этого въ разъѣздахъ, знакомясь съ мѣстными условіями, которыя въ обширной Саратовской губерніи представляютъ большое разнообразіе. Но поѣздки мои въ большинствѣ случаевъ не удовлетворяли желаній новыхъ заемщиковъ, которые хотя мои описанія имѣній находили правильными, но съ выводами о ихъ доходности не соглашались, особенно недовольны были мною, при осмотрѣ заложенныхъ въ Обществѣ и самовольно вырубленныхъ лѣсовъ, крупные титулованные землевладѣльцы и купцы, окрестившіе мои осмотры „погромомъ“, что и было впослѣдствіи причиной приглашенія меня занять мѣсто предсѣдателя правленія Саратовско-Симбирскаго земельнаго банка послѣ его краха, несмотря но то, что я не имѣлъ ни одной акціи этого банка. Это послѣднее обстоятельство произошло въ 1882 году, когда виновные въ этомъ крахѣ уже были устранены отъ должностей и преданы суду.

Какъ теперь, помню, насколько я былъ удивленъ, получивъ письмо за подписью восьми крупнѣйшихъ акціонеровъ этого банка, изъ числа которыхъ я лично зналъ лишь только одного. Въ письмѣ этомъ они, предлагая мнѣ занять мѣсто предсѣдателя правленія,

просили, въ случаѣ моего согласія, разрѣшить имъ внести отъ моего имени акцій на 6.500 р., чтобы я могъ имѣть право участія въ акціонерномъ собраніи. Переговоры эти шли письменно, потому что я, на шестомъ десяткѣ моей жизни, заболѣлъ гангренознымъ дифтеритомъ и выдержалъ карантинъ, и мой первый выѣздъ послѣ болѣзни былъ прямо въ акціонерное собраніе.

Предсѣдателемъ правленія мнѣ пришлось прослужить недолго, такъ какъ министерство финансовъ рѣшило, во что бы то ни стало, ликвидировать дѣла банка, затрудняясь тѣмъ обстоятельствомъ, что заложенное крупное имѣніе Оренбургскаго края въ 100.000 десятинъ лѣса, подъ названіемъ Конно-Никольской дачи и Уткинская дача въ 50.000 десятинъ оставались за банкомъ, хотя я и представлялъ министру доводы о возможности поправленія дѣлъ этого банка передачей въ аренду Конно-Никольской дачи одному изъ самыхъ крупныхъ лѣсопромышленниковъ съ громаднымъ залогомъ и ручательствомъ уплаты срочныхъ платежей, и того обстоятельства, что Уткинская дача оставалась за банкомъ лишь только потому, что купчая крѣпость на это имѣніе была уничтожена по распоряженію бывшаго оренбургскаго генералъ-губернатора Крыжановскаго и что при укрѣпленіи этого послѣдняго имѣнія за банкомъ, онъ могъ бы выручить за него, уже намѣченной продажей, гораздо больше лежащаго на имѣніи долга.

Подробный отчетъ мой по этому банковскому дѣлу былъ напечатанъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" 11 марта 1883 г. за № 39, гдѣ и упоминалось о крупныхъ акціонерныхъ совѣщаніяхъ въ это время у меня въ Петербургѣ и о требованіи министра Бунге немедленнаго взноса акціонерами по 120 р. на акцію, не допуская возможности разсрочить этотъ взносъ въ продолженіе полугода, какъ этого желали съѣхавшіеся тогда въ Петербургъ изъ разныхъ мѣстъ акціонеры-банкиры.

Не безынтересно будетъ упомянуть, что изъ числа бывшихъ директоровъ этого банка А. П. Коваленко выбранъ былъ и на этотъ разъ директоромъ, такъ какъ онъ, хотя и находился подъ судомъ, какъ подписавшій отчеты и доклады банка, но не только акціонеры, но и все общество знало Коваленко, какъ человѣка, способнаго, не читая, подписать даже свой смертный приговоръ, и дѣйствительно Коваленко за время службы при мнѣ въ банкѣ подписывалъ какъ журналы, такъ и прочія бумаги, никогда не читая, говоря, что онъ вѣритъ своимъ коллегамъ.

А. П. Коваленко, владѣя милліоннымъ состояніемъ, занималъ съ молодыхъ лѣтъ въ своемъ уѣздѣ по выборамъ разныя высшія общественныя должности и даже отъ губернскаго земства состоялъ

директоромъ Саратовско-Тамбовской желѣзной дороги. Человѣкъ онъ былъ честный, добрый и отзывчивый, но большой кутила, и въ домѣ его всегда можно было застать общество кутящей молодежи. Свое громадное состояніе онъ все прожилъ и подъ конецъ жизни дошелъ почти до нищеты, такъ что квартиру ему уже безвозмездно давало въ Балашовѣ городское общество, на нужды котораго онъ въ свое время не стѣснялся въ пожертвованіяхъ, содержали же его уже бывшіе его крѣпостные на свой счетъ.

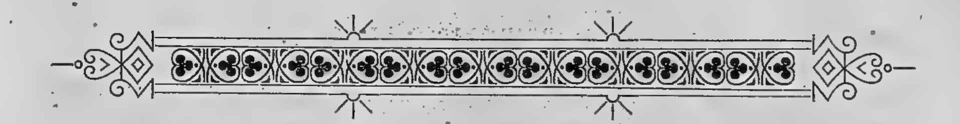
Для характеристики я приведу одинъ случай его необузданныхъ кутежей въ г. Балашовѣ,—гдѣ онъ, пресыщенный различными выдумками забавъ, которыми утѣшалъ любившее его тамъ общество, однажды лѣтомъ вздумалъ потѣшить собравшуюся у него публику катаньемъ въ саняхъ, для чего онъ распорядился скупить, за баснословную цѣну, ледъ изъ погребовъ жителей города и устлать лучшую тамъ улицу льдомъ, по которому вереница троекъ и рысаковъ потѣшала этого, хотя и хорошаго человѣка, но безумнаго расточителя.

Въ Саратовѣ, гдѣ по зимамъ живалъ Коваленко, у него производилась игра въ штосъ и въ банкъ, и онъ для своихъ пріятелей устраивалъ аѳинскіе вечера.

Коваленко былъ также большой театралъ и значительную часть своего состоянія онъ истратилъ, чтобы дать дорогу одной изъ современныхъ знаменитостей столицы, начавшей свою карьеру въ Саратовѣ, и которая впослѣдствіи, когда ему не съ чѣмъ было выѣхать въ Саратовъ изъ Петербурга, за все это отплатила ему самой черной неблагодарностью.

В. А. Шомпулевъ.

Результатъ излишней довѣрчивости.

Со временъ императрицы Екатерины II было введено правиломъ, чтобы адъютанты расположенныхъ въ Петербургѣ полковъ, въ коихъ Государь состоитъ шефомъ, представляли ежедневно Его Величеству, въ видѣ записки, дневной рапортъ. Онъ писался на прекрасной ватманской бумагѣ; въ немъ обозначалось свѣдѣніе о личномъ составѣ роты, или эскадрона, или батареи—по принадлежности,—о перемѣнахъ, послѣдовавшихъ за сутки, о заболѣвавшихъ, объ арестованныхъ, о бѣжавшихъ, а также о чрезвычайныхъ происшествіяхъ, когда такія случались.

Императоры Николай I и Александръ II съ особымъ интересомъ слѣдили за этими докладами-рапортами, а шефскія части, какъ наиболѣе заслуженныя, безъ сомнѣнія, видѣли въ этомъ особое къ себѣ драгоцѣнное Высочайшее вниманіе.

При Императорѣ Александрѣ III, когда, за постояннымъ пребываніемъ Государя въ Гатчинѣ, явилось много препятствій къ точному и срочному выполненію этого правила,—оно было, быть можетъ временно, отмѣнено.

Въ началѣ ноября 1876 года главнокомандующій войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа вел. князь Николай Николаевичъ Старшій отбылъ въ Кишиневъ, гдѣ и вступилъ въ командованіе формировавшеюся тогда для дѣйствій противъ турокъ на Балканскомъ полуостровѣ арміей.

Въ послѣднихъ числахъ ноября, передъ Георгіевскимъ праздникомъ, въ гвардіи глухо пронесся слухъ о томъ, что временно заступившій мѣсто вел. князя генералъ-адъютантъ баронъ Бистромъ очень озабоченъ случаемъ, вышедшимъ въ одномъ изъ шефскихъ полковъ съ дѣломъ ежедневнаго представленія дневныхъ рапортовъ; никто не зналъ въ чемъ суть, но изъ устъ въ уста передавали, что Государь остался по этому поводу очень недоволенъ и будто бы

приказалъ наложить взысканіе на одного изъ полковыхъ адъютантовъ; названіе полка произносили только шопотомъ и украдкой.

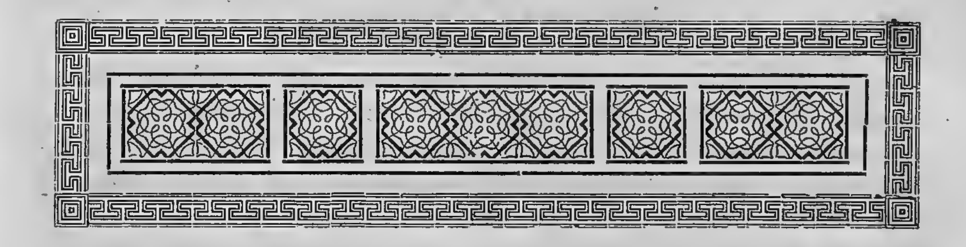
Въ самый день кавалерскаго праздника стали опредѣленно разсказывать, что Государь, проходя мимо представителей того полка, о которомъ носились глухіе слухи, сказалъ генералъ-адъютанту барону Бистрому: „А ты невольную ошибку эту оставь безъ взысканія; Богъ съ нимъ"; полковому же адъютанту Государь сказалъ, снисходительно улыбаясь: „Я увѣренъ, что ничего подобнаго впредь не повторится не только у тебя, но и нигдѣ, никогда; ты, конечно, лишній разъ убѣдился въ томъ, насколько надо напрягать вниманіе къ тому, чтобы ближайшіе подчиненные исполняли свой долгъ точно и чтобы все, даже въ мелочахъ, шло гладко; пусть этотъ случай послужитъ урокомъ навсегда и тебѣ и всѣмъ, кто объ этомъ услышитъ".

Обычно адъютанты, послѣ тщательной провѣрки содержанія рапорта, переписаннаго лучшимъ писаремъ, подписывали таковой, сами аккуратно его вкладывали въ конвертъ, тщательно запечатывали сургучною полковою печатью и отправляли „въ собственныя Его Императорскаго Величества руки".

Что случилось на этотъ разъ, не извѣстно: случайно ли адъютантъ, подписавъ рапортъ, довѣрилъ писарю его отправить или у того адъютанта это довѣріе къ писарю было въ обычаѣ, но оказалось, что 24-го ноября, въ Екатерининъ день, Государь, вскрывая конверты шефскихъ частей, нашелъ въ конвертѣ того полка, вмѣсто рапорта, написанное на прекрасной ватманской бумагѣ письмо лучшаго изъ писарей къ родителямъ; письмо, обыденнаго крестьянско-солдатскаго содержанія съ привѣтами, поклонами безконечному числу поименованныхъ родственниковъ, съ испрашиваніемъ родительскаго на вѣкъ нерушимаго благословенія,—заканчивалось радостнымъ сообщеніемъ, что пишется это письмо на такой бумагѣ, на какой доблестный полкъ пишетъ только Царю Батюшкѣ. Писарь очевидно совершенно невинно перемѣшалъ два документа—родительскій послалъ Царю, а послалъ ли Царскій на родину,—неизвѣстно.

Сообщ. А. Е. К.

Къ біографіи И. С. Тургенева.

Въ серединѣ 1860 г. Тургеневъ продалъ право новаго изданія своихъ сочиненій Н. А. Основскому, издателю „Московскаго Вѣстника“. Послѣдній, желая сдѣлать счастливую аферу на имени писателя, который былъ въ то время на верху своей славы, выпустилъ вопреки условіямъ вмѣсто 4.800 экземпляровъ (въ 4 томахъ) около 6.000 и все-таки не доплатилъ Ивану Сергѣевичу 2.500 рублей. Друзья Тургенева: И. В. Павловъ, А. А. Фетъ, А. Н. Плещеевъ, Н. Х. Кетчеръ, П. В. Анненковъ, по просьбѣ пострадавшаго, вмѣшались въ дѣло. Вслѣдствіе понятнаго противодѣйствія со стороны Основскаго и слишкомъ горячаго отношенія къ дѣлу друзей Ивана Сергѣевича, нѣкоторые изъ послѣднихъ оказались въ столкновеніи другъ съ другомъ. Недоразумѣніе, впрочемъ, кончилось благополучно, оставивъ лишь недобрый осадокъ въ душѣ Фета. Съ разсказа послѣдняго мы и начнемъ изложеніе этой любопытной исторіи, надѣлавшей въ свое время много шуму среди литературныхъ кружковъ и до сихъ поръ смутно и сбивчиво передаваемой въ біографической литературѣ о Тургеневѣ. При изложеніи будемъ пользоваться, какъ газетнымъ, такъ и неизданнымъ, рукописнымъ матеріаломъ того времени.

На стр. 355—357 перваго тома „Моихъ воспоминній“ Фета читаемъ: „Отъ 17 декабря (ст. ст.) 1860 г. онъ (Тургеневъ) писалъ изъ Парижа: „На сей разъ, дорогой Аѳан. Аѳан., вы получите отъ меня коротенькое и чисто дѣловое письмо. До меня дошло свѣдѣніе, что изданіе моихъ сочиненій, сдѣланное г. Основскимъ, поступило въ продажу, а между тѣмъ обѣщанныя деньги имъ не высылаются, и вотъ уже два мѣсяца, какъ я не получаю отъ него писемъ. Такъ какъ это дѣло для меня важное, я покорнѣйше прошу васъ взять

на себя всѣ хлопоты и вообще вступить въ мои права, сдѣлаться моимъ „alter ego“, въ удостовѣреніе чего посылаю вамъ записочку для представленія г. Основскому. Наши условія были слѣдующія: онъ имѣлъ право печатать 4.800 экземпляровъ и за это долженъ былъ мнѣ заплатить 8.000 руб., изъ коихъ половина должна была быть представлена до изданія въ свѣтъ, другая — четыре мѣсяца послѣ. Получилъ же я отъ него, не помню хорошенько, 1.500 или 2.000 руб., кажется, 1.500. Вы попросите его, чтобы онъ представилъ вамъ счетъ и такимъ образомъ узнаете количество выданной суммы. Остающіеся 2.000 или 2.500 руб. онъ долженъ немедленно выслать. Мнѣ это все очень непріятно и особенно непріятно мнѣ васъ утруждать; но вы можете сказать ему, что у насъ есть съ вами счеты. Постарайтесь узнать сперва стороной или даже отъ него, не выслалъ ли онъ мнѣ денегъ? Въ такомъ случаѣ не безпокойте его, только скажите ему, что я прошу его передать вамъ слѣдуемое мнѣ количество экземпляровъ, изъ которыхъ пошлите три Анненкову. Разрѣшеніе на полученіе этихъ экземпляровъ вы найдете на второй страницѣ прилагаемаго листика. Однимъ словомъ, я полагаюсь на васъ, что вы въ этомъ дѣлѣ поступите и деликатно и практично... Вашъ Ив. Тургеневъ“.

„Я прошу Аѳ. Аѳ. Фета взять на себя всѣ сношенія съ Н. А. Основскимъ по дѣлу изданія моихъ сочиненій и прошу г. Основскаго выдавать слѣдуемыя мнѣ деньги г. Фету, который вступаетъ вполнѣ во всѣ мои права. Поручаю также г. Фету получить отъ г. Основскаго слѣдуемые мнѣ экземпляры. Ив. Тургеневъ“.

Типъ людей, совершенно равнодушныхъ къ матеріальнымъ своимъ средствамъ, готовыхъ горстями разбрасывать свое добро и въ то же время скупыхъ на копѣйки и неразборчивыхъ въ источникахъ новаго прилива денегъ,—далеко не новый. Если бы Тургеневъ самымъ рѣшительнымъ образомъ не принадлежалъ къ этому типу, я не сталъ бы говорить о его счетахъ съ Основскимъ. Дѣло въ томъ, что когда я попросилъ у Основскаго денегъ и книгъ, то солидарное въ его предпріятіи лицо напечатало въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ отрицаніе моего полномочія. Я попросилъ, въ оправданіе свое отъ самозванства, у Тургенева подтвержденіе моего полномочія телеграммой и напечаталъ послѣднюю съ буквальнымъ русскимъ переводомъ. На другой день по выходѣ номера мой антагонистъ прислалъ ко мнѣ секунданта, и дѣло приняло бы траги-комическій оборотъ, если бы старый Ник. Хр. Кетчеръ, со всегдашнею своею честностью и безпощадною грубостью, не разъяснилъ задорнымъ пѣтухамъ, что тутъ они дѣло имѣютъ не со мною, а съ Тургеневымъ. Тѣмъ не менѣе я переслалъ Тургеневу 2.000 руб. въ Парижъ, а когда позднѣе

я спросилъ его, чѣмъ кончилось дѣло, онъ самъ, превративъ разсказъ въ мимическое представленіе, отнесся къ нему комически. Онъ совершенно забылъ о моей траги-комедіи по его же милости".

Если бы Фетъ дѣйствительно ограничился только требованіемъ „денегъ и книгъ", какъ онъ пишетъ, то никакого „отрицанія своего полномочія", онъ, разумѣется, не встрѣтилъ бы, и ему не пришлось бы инсинуировать по адресу Тургенева въ своихъ воспоминаніяхъ. На самомъ дѣлѣ Фетъ, по полученіи письма Ивана Сергѣевича отъ 17 (29) декабря, помѣстилъ слѣдующее открытое письмо въ № 9 „Московскихъ Вѣдомостей" (12 января 1861 г.) въ отдѣлѣ книжныхъ объявленій: „Въ 51 № „Искры" 1860 г. съ удивленіемъ прочелъ я, что наблюденіе надъ печатаніемъ 2-й части послѣдняго изданія сочиненій И. С. Тургенева принимаетъ на себя г. А. Плещеевъ. По случаю пребыванія самого автора за границей, всѣ сношенія его по теперешнему изданію поручены мнѣ, и я положительно могу завѣрить, что оно какъ было, такъ и останется въ завѣдываніи Н. А. Основскаго. Ни И. С. Тургеневымъ, ни мною, его уполномоченнымъ, не сдѣлано въ этомъ отношеніи никакихъ другихъ распоряженій. Поэтому всякое объявленіе о будущемъ печатаніи 2-й части отъ кого бы то ни было и въ другомъ смыслѣ, прошу считать недѣйствительнымъ. А. Фетъ".

Немедленно по прочтеніи этого контръ-объявленія Плещеевъ и Павловъ обратились въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей" со слѣдующими письмами, напечатанными на другой день въ № 10 газеты:

I. „Въ № 9-омъ „Московскихъ Вѣдомостей" съ удивленіемъ прочелъ я объявленіе г. Фета, просящаго считать недѣйствительнымъ мое извѣщеніе въ 51 № „Искры" о томъ, что наблюденіе надъ печатаніемъ 2-й части послѣдняго изданія сочиненій И. С. Тургенева принимаю на себя я самъ, нижеподписавшійся, какъ владѣлецъ большей половины ($^5/_8$) всего изданія. Честь имѣю увѣдомить и г. Фета и всю читающую публику, что 2-я часть будетъ печататься подъ моимъ личнымъ наблюденіемъ, съ согласія г. Основскаго, на что имѣю письменныя доказательства, которыя и напечатаю, буде г. Фетъ того пожелаетъ. Примите и пр. А. Плещеевъ. 12 января".

II. „М. Г. Честь имѣю довести до всеобщаго свѣдѣнія, что я читалъ письмо И. С. Тургенева къ г. Фету отъ 17 (29) декабря, и что это письмо никакимъ образомъ не уполномочиваетъ г. Фета на такое странное объявленіе, какое сдѣлано имъ въ № 9 „Московскихъ Вѣдомостей". Прошу покорнѣйше Ивана Сергѣевича Тургенева

подтвердить мои слава печатно. Примите и пр. Иванъ Павловъ. 12 января".

Въ тотъ же Татьянинъ день, день праздника Московскаго университета, И. В. Павловъ послалъ письмо и къ Основскому [1]: „Нилъ Андреевичъ, я теперь въ самомъ веселомъ, пріятномъ расположеніи духа и готовъ расцѣловать всѣхъ и каждаго, потому что вернулся сію минуту изъ собранія, гдѣ много было пито въ честь университета. Окончательно и „безповоротно" принимаю на себя порученіе Плещеева и прошу тебя относиться исключительно ко мнѣ, а Плещеева не безпокоить ни подъ какимъ видомъ. На сейчасъ мною прочитанное письмо твое прежде всего отвѣчу тебѣ словами почтмейстера (въ Гоголевскомъ „Ревизорѣ"): „въ томъ-то и дѣло, что онъ не уполномоченный и не особа"! Я читалъ письмо Тургенева къ Фету (отъ 17 (29) декабря): тамъ говорится только о полученіи съ тебя денегъ—и больше ничего! Объ этомъ завтра же будетъ напечатано отъ моего имени въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Я вызываю Тургенева подтвердить мои слова печатно. Фетъ въ конецъ себя одурачилъ! Скажи ему отъ меня, что своимъ контръ-объявленіемъ онъ подтвердилъ свое мнѣніе о лирическомъ поэтѣ, который (по его собственнымъ печатнымъ словамъ) „долженъ бросаться головою внизъ съ четвертаго этажа". Вотъ эту-то штуку Фетъ и совершилъ. Такъ ему скажи. О содержаніи Тургеневскаго письма я въ завтрашнихъ газетахъ ничего не говорю, потому что отъ этого содержанія тебѣ бы не поздоровилось; но если Фетъ вздумаетъ возражать, то я публикую и содержаніе. Деньги за изданіе ты получишь отъ меня тотчасъ же, какъ только пришлешь текстъ 2-го тома для печатанія.., т. е. тотчасъ получишь половину по твоему собственному счету, а остальную половину, т. е. часть—по напечатаніи мною 2-го тома: и намъ будетъ видно, что стоитъ изданіе, да и счетъ, тобою присланный, отдадимъ на провѣрку всѣмъ издателямъ и типографщикамъ. Жаловаться тебѣ на такое распоряженіе грѣхъ: мы тебѣ не мѣшали распродать твои и собственные экземпляры, несмотря на явную съ твоей стороны намъ помѣху... дай же намъ продать хоть частицу нашихъ экземпляровъ. Если же завтра ты не доставишь мнѣ текста для печатанія второго тома, то я передамъ все дѣло на судъ Русской литературы со всѣми подробностями... не щадя себя, передамъ исторію о продажѣ тобою Салаеву части изъ купленнаго для меня Плещеевымъ пая, и о твоемъ любезномъ мнѣ подаркѣ на чужой счетъ... все, все! Подумай. Жду

---

[1] Хранится въ Импер. Публ. Библіотекѣ.

твоего отвѣта до девяти часовъ вечера 13-го января. Ив. Павловъ“.

Послѣ столь горячаго отпора со стороны Павлова, можетъ быть, и послѣдовала подтвердительная телеграмма Тургенева Фету, вызовъ послѣдняго на дуэль и т. д.? Никакихъ, однако, слѣдовъ какой-либо телеграммы ни въ объявленіяхъ „Московскихъ Вѣдомостей“, ни въ письмахъ заинтересованныхъ лицъ мы не находимъ, а находимъ въ тѣхъ же воспоминаніяхъ Фета (правда, въ другомъ мѣстѣ) два письма Ивана Сергѣевича къ нему 2 (14) и 10 (22) января, которыя какъ разъ и не допускаютъ возможности повѣрить этимъ свидѣтельствамъ Фета. Въ первомъ (отъ 2 янв.) мы имѣемъ простую отмѣну полномочій предыдущаго письма (отъ 17 дек.), второе (отъ 10 янв.) увѣдомляетъ о полученіи денегъ отъ Основскаго черезъ Фета, т. е. полученныхъ и высланныхъ послѣднимъ въ Парижъ еще до своего контръ-объявленія. Въ письмѣ Тургенева отъ 2 января, безъ сомнѣнія, уже бывшемъ въ рукахъ Фета черезъ 10 дней, читаемъ: „Теперь я только хочу вамъ сказать, что я получилъ отъ Основскаго хоть не всѣ деньги, которыя онъ долженъ былъ выслать, однако, половину; и потому, положите подъ сукно все, что я вамъ сообщилъ по этому поводу, и пріостановитесь. Я душевно радъ, что всѣ распущенные слухи оказались ложными; радъ и за себя, а главное за Основскаго, котораго мнѣ было какъ-то дико воображать не совершенно честнымъ человѣкомъ“. Въ письмѣ же отъ 10 января Иванъ Сергѣевичъ пишетъ: „Ля Илляхъ иль Аллахъ, Магомедъ резуль Аллахъ...—Нѣтъ Фета, кромѣ Фета, и Тургеневъ пророкъ его. Какими словесами достойно воспою я ваше многомилостивое обо мнѣ попеченіе, драгоцѣннѣйшій Аѳан. Аѳан.! Воображеніе нѣмѣетъ, и языкъ отказывается выразить избытокъ чувствъ. Я сейчасъ получилъ ваше письмо со вложеннымъ векселемъ въ 9.250 ф. Я порадовался и за себя и за Основскаго; авось онъ мнѣ весной заплатитъ остальныя деньги: будемъ также надѣяться, что число лишнихъ напечатанныхъ имъ экземпляровъ не слишкомъ велико, хотя по-настоящему ему вовсе не слѣдовало печатать лишнихъ. Прилагаю при семъ росписку, которую прошу васъ вручить ему отъ моего имени. Онъ обѣщался было выслать мнѣ экземпляръ, но обѣщаніе это вмѣстѣ со многими другими кануло въ воду, а мнѣ собственно хотѣлось бы знать, попали ли въ текстъ нѣкоторыя измѣненія и прибавленія, какъ напр. „Конецъ Рудина“. Но вамъ нечего хлопотать объ этой высылкѣ—я получу здѣсь экземпляръ другимъ путемъ. Однимъ словомъ, danke, merçi, gratias tibi ago, thank you, gracie, спасибо,—вотъ только забылъ, какъ по-гречески“. Приложенная росписка была такого содержанія: „Я нижеподписавшійся симъ объ-

являю, что изъ слѣдуемыхъ мнѣ съ Н. А. Основскаго за изданіе моихъ сочиненій въ 4.800 экземплярахъ,—8.000 рублей серебромъ, (восемь тысячъ) получилъ 5.500 руб. (пять тысячъ пятьсотъ) Ив. Тургеневъ" [1]).

Результатомъ нагоняя Павлова Основскому явилось слѣдующее письмо послѣдняго къ редактору „Московскихъ Вѣдомостей" (въ №15): „М. Г. Считаю долгомъ объявить, что не только съ моего согласія, но по моему собственному предложенію и настоятельному требованію, печатаніе 2-го тома сочиненій И. С. Тургенева будетъ производиться подъ личнымъ наблюденіемъ г. Плещеева. Вчера я получилъ на то разрѣшеніе г. Фета, уполномоченнаго отъ г. Тургенева дѣйствовать, какъ его „alte rego", по всѣмъ дѣламъ изданія. Я требовалъ и требую, чтобы это печатаніе производилось не въ типографіи г. Рышкова, мною завѣдываемой. Въ объявленіи, которое помѣстилъ г. Плещеевъ въ 51 № „Искры", вовсе не упоминается о моемъ собственномъ предложеніи и настоятельномъ требованіи: это существенное упущеніе есть чрезвычайно важная ошибка г. Плещеева. Н. Основскій. 18 января". Письмо это снабжено примѣчаніемъ Основскаго, въ которомъ онъ признаетъ полномочія Фета, ссылаясь не на какую-либо телеграмму, а все на то же письмо Тургенева отъ 17 дек.

Дѣйствительно, томы I, III и IV печатались въ типографіи Рышкова съ цензорскимъ разрѣшеніемъ отъ 30 сентября 1860 года, второй же томъ печатался въ типографіи Грачева и помѣченъ цензурою 28 числомъ ферваля мѣсяца 1861 года. Сданъ же былъ въ продажу II томъ лишь въ маѣ. По крайней мѣрѣ первое по времени объявленіе о его продажѣ мы нашли въ номерѣ „Московскихъ Вѣдомостей" отъ 20 мая (книжнаго магазина Свѣшникова).

Прошло затѣмъ оговоренныхъ въ условіи съ Основскимъ четыре мѣсяца, прошло и еще столько же, а остальной суммы Иванъ Сергѣевичъ такъ и не получилъ. Это дало поводъ эмигранту князю Долгорукому лишній разъ шумно рекламировать свой заграничный журналъ „Правдивый", въ номерѣ котораго отъ 18 апр. 1862 г. онъ размахнулся такимъ нѣсколько запоздалымъ объявленіемъ, набраннымъ крупнымъ шрифтомъ на видномъ мѣстѣ: „Воровство. Издатель полнаго собранія сочиненій Ивана Сергѣевича Тургенева, Основскій, обокралъ нашего знаменитаго писателя на двѣ тысячи пятьсотъ руб. серебромъ. Предаемъ гласности этотъ поступокъ: пусть общественное мнѣніе заклеймитъ позоромъ вора-Основскаго"... Тур-

---

[1]) Фетъ I, 361—362.

геневъ отвѣтилъ на это объявленіе въ № 134 „Колокола“ такимъ письмомъ: „М. Г. Редакторъ „Правдиваго“ помѣстилъ въ № 3 (въ № 2) своего журнала нѣсколько строкъ объ издателѣ моихъ сочиненій, г. Основскомъ. Г. Основскій дѣйствительно не доплатилъ мнѣ двухъ тысячъ пятисотъ рублей серебромъ, но это еще не значитъ, чтобъ онъ заслуживалъ жестокое названіе, ему данное, и я не могу не сожалѣть о томъ, что почтеннѣйшій редакторъ „Правдиваго“ нашелъ нужнымъ доводить до свѣдѣнія публики частный фактъ для нея неинтересный. Примите и пр. Иванъ Тургеневъ. Лондонъ, 17 мая 1862 года“.

Г. Викторовъ, изъ замѣтки котораго мы беремъ объявленіе Долгорукаго и отвѣтъ на него Тургенева, совершенно вѣрно говоритъ: „Появленіе письма легальнаго русскаго писателя за его полною подписью въ заграничномъ изданіи, да еще въ такомъ, какъ „Колоколъ“ въ эпоху его наибольшаго вліянія, было дѣломъ необычайнымъ и мало имѣетъ подобныхъ себѣ примѣровъ въ исторіи русской литературы“. Причину такого опаснаго выступленія г. Викторовъ видитъ въ необыкновенной добротѣ Ивана Сергѣевича. „Письмо Тургенева объ Основскомъ“, пишетъ онъ: „можетъ служить новою иллюстраціей гуманнаго, деликатнаго и внимательнаго отношенія Тургенева къ людямъ, даже и въ такихъ случаяхъ, когда онъ, повидимому, могъ имѣть противъ нихъ многое, былъ, по общему мнѣнію, въ правѣ метать громы или, по крайней мѣрѣ, не мѣшать другимъ дѣлать это за него“ [1]).

Обратимся теперь къ воспоминаніямъ Анненкова. Въ № 4 журнала „Вѣстникъ Европы“ за 1885 г. (стр. 481 и слѣд.) читаемъ: „Этотъ замѣчательный годъ (1861), однако же, начался съ дурными предзнаменованіями для Тургенева. Начать съ того, что второе изданіе его сочиненій, порученное г. Основскому, окончилось третейскимъ судомъ издателя со своими заимодавцами въ Москвѣ и полнымъ фіаско. Тургеневъ роптал, не получая ничего отъ издателя, а вмѣсто слѣдующихъ ему суммъ къ нему безпрестанно приходили жалобы на недобросовѣстность издателя, занимавшаго кругомъ деньги, чтобы исполнять свои обязательства передъ подписчиками, на запоздалые или неудовлетворительные его счеты, даже на нѣкоторые издательскіе его пріемы, имѣвшіе некрасивый видъ. Тургеневъ былъ раздраженъ. Впрочемъ, исторія съ Основскимъ началась еще ранѣе, и уже можно было предвидѣть, чѣмъ она кончится. Вотъ что писалъ мнѣ Тургеневъ еще въ 1860 г.: „18 (30) нояб-

---

[1]) «Истор. Вѣстн.», 1897 г., іюль, стр. 100—101.

ря. Парижъ. Любезнѣйшій другъ П. В. Доложу Вамъ, что я сильно почесалъ у себя въ затылкѣ послѣ вашего письма. Если Основскій, котораго я считалъ честнымъ человѣкомъ, выкинулъ такую штуку съ „Московскимъ Вѣстникомъ", то кто жъ ему помѣшаетъ выкинуть таковую же и со мной—т. е. вмѣсто 4.800, какъ сказано въ условіи, напечатать 6.000 и денегъ мнѣ не выслать? А деньги мнѣ крайне нужны, при теперешнихъ моихъ большихъ расходахъ—и при оказавшемся нежеланіи моихъ мужичковъ платить мнѣ оброкъ, — тотъ самый оброкъ, за который они хотѣли быть благодарны „по гробъ дней". А потому позвольте поручить Вамъ мои „интересы", какъ говорятъ французы, хотя собственно я не вижу, что вы можете сдѣлать. Вотъ, однако, что можно: черезъ московскихъ пріятелей, стороной, узнать о поступкахъ Основскаго; можно прибѣгнуть къ Кетчеру или Ив. Вас. Павлову—однимъ словомъ — вамъ книги въ руки. Вы поступите съ свойственной вамъ аккуратностью и деликатностью". Въ слѣдующемъ письмѣ къ Анненкову отъ 7 (19) января 1861 г. Тургеневъ пишетъ: „Спасибо за сообщенныя извѣстія объ изданіи. Я вчера получилъ письмо отъ Плещеева съ подробнѣйшимъ изложеніемъ дѣла. Я ему сегодня же написалъ — и поручилъ ему сговориться съ Фетомъ для обоюдоостраго дѣйствія. Но, кажется, я останусь въ дуракахъ, хотя особенной грусти по этому поводу не чувствую. Такъ и быть! Но кто бы подумалъ, что Основскій"... Съ небольшимъ черезъ недѣлю, 16 (28) января, Тургеневъ писалъ тому же корреспонденту: „Я получилъ длинное письмо отъ Основскаго, и, оказывается, что онъ дѣйствительно былъ оклеветанъ—и достоинъ сожалѣнія. До него, между прочимъ, дошли слухи — будто я поручалъ вамъ употребить противъ него полицейскія мѣры; будьте такъ добры, напишите ему въ двухъ словахъ, что я ничего подобнаго вамъ не поручалъ: это подниметъ этого придавленнаго человѣка, который въ одно и то же время разоренъ и опозоренъ. Зная ваше доброе сердце, я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы немедленно это сдѣлаете. Я не могъ не усомниться въ немъ, вслѣдствіе писемъ отъ его же пріятелей, но я никогда не позволилъ бы себѣ осудить окончательно человѣка бездоказательно". Анненковъ заключаетъ свое изложеніе дѣла Основскаго такими строками: „Какъ удивились пріятели Тургенева, разсчитывавшіе на его поддержку въ ихъ разсчетѣ съ Основскимъ, когда получили отъ него формальный отказъ участвовать въ какихъ-либо заявленіяхъ и протестахъ противъ издателя, нанесшаго такой ущербъ ему и погубившаго цѣлое предпріятіе. Въ числѣ негодующихъ тогда находился одинъ изъ заимодавцевъ Основскаго и горячій энтузіастъ самого Тургенева, котораго онъ называлъ основа-

телемъ русскаго женскаго Олимпа, населеннаго богинями непогрѣшимой нравственной чистоты и прямой неуклонной воли — именно извѣстный умный, даровитый писатель Иванъ Вас. Павловъ. Г. Павловъ разорвалъ дружелюбныя сношенія съ Тургеневымъ, не понимая, какъ можно потворствовать явному нарушенію своихъ обязанностей и покрывать ихъ молчаніемъ и своимъ именемъ. Но у Тургенева были и логическія, а всего болѣе гуманныя причины поступать такъ, какъ онъ сдѣлалъ. Прежде всего первой причиною неудачи „изданія своихъ сочиненій“ былъ онъ самъ: онъ поручилъ дѣло человѣку, не отвѣчавшему идеалу литературнаго дѣятеля, но очень хорошо отвѣчавшему старой привычкѣ Тургенева предполагать въ простыхъ малоразвитыхъ людяхъ основы иногда тупой и досадной, но всегда стойкой и неизмѣнной честности“.

Въ какихъ заявленіяхъ и протестахъ Иванъ Сергѣевичъ отказывался участвовать, изъ разсказа Анненкова совсѣмъ не видно. Вѣдь не имѣлъ же онъ въ виду зычное ручательство кн. Долгорукаго или миѳическую телеграмму Фета. Какимъ образомъ Основскій „погубилъ цѣлое предпріятіе“, это тоже остается непонятнымъ и невыясненнымъ въ воспоминаніяхъ Анненкова. Мы знаемъ только, что Основскій нанесъ матеріальный ущербъ Тургеневу, но изданія не загубилъ, а напротивъ выпустилъ его въ увеличенномъ количествѣ экземпляровъ. Очевидно, память измѣнила Анненкову при передачѣ подробностей дѣла, какъ измѣнила она ему и въ разсказѣ о происшедшемъ будто бы разрывѣ дружескихъ связей Ивана Сергѣевича съ И. В. Павловымъ. На этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ особенно любили останавливаться всѣ интересовавшіеся дѣломъ Основскаго, при чемъ неизмѣнно ссылались на воспоминанія Анненкова. Остановимся и мы минуту на этомъ фактѣ.

Лицеистъ XII выпуска, мценскій помѣщикъ, бывавшій у своего земляка Ивана Сергѣевича въ Спасскомъ, Иванъ Васильевичъ Павловъ (1823—1904 гг.) былъ особенно близокъ къ Тургеневу во время сотрудничества своего въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, гдѣ Павловъ писалъ подъ псевдонимомъ: Л. Оптухинъ. Оба пріятеля, и Тургеневъ и Павловъ, принимали одинаково горячее участіе въ этомъ недолго просуществовавшемъ (1859—1860 гг.) журналѣ. Въ Импер. Публичной библіотекѣ хранится болѣе десятка писемъ Павлова къ издателю „Московскаго Вѣстника“—Основскому, касающихся главнымъ образомъ литературной стороны предпріятія и рисующихъ ихъ автора, какъ удивительно симпатичнаго, умнаго и живого человѣка. Охлажденіе (но не разрывъ) между пріятелями дѣйствительно произошло, но причиной его были чисто внѣшнія обстоятельства: Иванъ Сергѣевичъ съ начала 60-хъ годовъ боль-

шею частію проживалъ за границею, И. В. Павловъ въ 1867 г. перешелъ на службу въ провинцію [1]). Дѣйствительно, существовало у послѣдняго и особенное преклоненіе передъ „основателемъ русскаго женскаго Олимпа“, но оно поколебалось еще за два года до описываемаго эпизода, тотчасъ послѣ выхода „Дворянскаго гнѣзда“, о которомъ Павловъ далъ слѣдующій интересный отзывъ въ письмѣ къ Основскому отъ 10 марта 1859 г. [2]): „Романъ („Двор. гнѣздо“), несмотря на великолѣпнѣйшія подробности, въ цѣломъ есть фальшивый аккордъ. Доказательства мои просты, ясны, жестоки и неотразимы! Героиня не русская, не христіанка и даже не дѣвушка, а членъ „кружка“ 40-хъ годовъ... Дикая, не женственная псевдорелигіозность въ ней съ боку припека. Она помазана „горничнымъ“ элементомъ — и только; а въ сущности она одна изъ лживыхъ, неестественныхъ зандихиныхъ героинь... Она напоминаетъ Брюлловскихъ ангеловъ и праведницъ, въ которыхъ святости напущено густо—густо! А всмотрѣться попристальнѣй, это княжны и графини петербургскихъ салоновъ. Я такъ обожаю Ивана Сергѣевича, что ошибка его приводитъ меня въ совершенное отчаяніе! Послѣ „Фауста“ и „Аси“, въ которыхъ онъ достигъ Сіонскихъ вершинъ творчества, написать „гнѣздо“... Это ужасно! Окончивши чтеніе „гнѣзда“, я плакалъ, но не столько надъ романомъ, сколько объ романѣ, который для меня погибъ со всѣми его великолѣпіями. И онъ, онъ— Иванъ Сергѣевичъ—на ложной дорогѣ... и вся русская журналистика будетъ ему за это кадить, восхищаться и утвердятъ его во лжи, его, которому въ правдѣ нѣтъ равнаго между всѣми нынѣ живущими романистами цѣлаго міра! Есть отчего придти въ отчаяніе“.

И. В. Павловъ не могъ слишкомъ гнѣваться на Тургенева за его отношеніе къ своему издателю, такъ какъ и самъ Павловъ относился къ Основскому въ періодъ, описываемый Анненковымъ, далеко не враждебно, хотя зналъ его съ худшей стороны, чѣмъ Тургеневъ. Прекрасное доказательство тому имѣемъ въ одномъ изъ писемъ Павлова къ Основскому, касающемся все той же исторіи съ изданіемъ сочиненій Ивана Сергѣевича [3]). „Очень знаю, что получать деньги тебѣ надо, да сколько? вотъ вопросъ. Ты такъ уменъ, что всѣхъ другихъ считаешь дураками и мальчишками. Бу-

[1]) См. некрологъ И. В. Павлова въ „Нов. Врем.“ 1904 г., № 10.344 (16 дек.).

[2]) Хранится въ Импер. Публ. Библ.

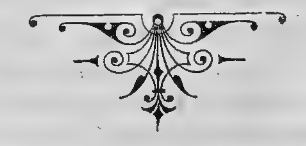
[3]) Письмо хранится въ Импер. Публ. Библіотекѣ. Хронологической помѣты не имѣетъ, но, очевидно, относится къ среднимъ числамъ января 1861 г.

демъ откровенны: ты, по всеобщему говору, напечаталъ шесть тысячъ экземпляровъ, изъ которыхъ успѣлъ продать около полутора тысячъ; тебѣ хочется еще продать полторы тысячи, а не триста, либо пятьсотъ, которыя у тебя должны остаться по договору и, ты во что бы то ни стало хочешь насъ отстранить отъ печатанія второй части... Вѣдь это яснѣе дня! Неужели ты всѣхъ считаешь Фетами? Тебѣ нужны деньги—изволь! продай всѣ пятьсотъ оставшихся у тебя экземпляровъ съ уступкой 25%, а печатаніе двухъ остальныхъ частей передай намъ и въ газетахъ объ этомъ объяви самъ. Такъ и быть! и деньги за печатаніе 1-го и 4-го томовъ заплатимъ всѣ сполна по твоему счету. Ежели ты на эти условія не идешь, то ясное дѣло, что у тебя есть въ умѣ что-нибудь болѣе выгодное. Вотъ что я тебѣ скажу, Основскій: ты имѣешь неопровержимыя доказательства, что я только на тебя бѣсился и ругалъ тебя не болѣе какъ изустно... Слѣдовательно, зла я тебѣ не желалъ и не желаю. Я люблю сильныхъ, цѣльныхъ людей; будь они мнѣ раз-вороги, я ими порой любуюсь, какъ сильной лошадью, которая меня же несетъ и бьетъ. Само собою разумѣется, что тебя я причисляю къ этой породѣ людей, потому что ты уменъ, какъ дьяволъ, въ этомъ надо отдать тебѣ справедливость... Мало того, ты человѣкъ добрый, да у тебя душа к....! Я иду до послѣдней откровенности и тебя на то же уполномачиваю... сердиться не стану. Честное и благородное слово даю, что вредить тебѣ не хочу и не стану; но вѣдь карманъ дѣло чувствительное! Литературный шкандалъ заводить... безполезно, потому что ты сраму не имашь и отопрешься отъ исторіи съ Салаевскимъ паемъ, какъ отперся въ своемъ теперешнемъ письмѣ ко мнѣ. А вотъ что: если ты на мое теперешнее предложеніе не согласенъ, то завтра же я подаю докладную записку оберъ-полиціймейстеру, въ которой я излагаю всѣ обстоятельства дѣла,—надо, дескать, намъ Основскому платить, а сколько платить неизвѣстно; то просимъ дозволить намъ печатаніе остальныхъ двухъ томовъ, а ему воспретить. Деньги же съ насъ получить по его счету. Однимъ словомъ, сдѣлается то черезъ полицію, что теперь я предлагаю сдѣлать мирно и по-домашнему. Отвѣчай тотчасъ же. А оболтусу Фету я такую литературную вытрепку задамъ, что небу жарко будетъ! Отвѣчать... Тургеневъ его не уполномачивалъ—сіе вѣрно. Inde срамъ".

До насъ не дошли объясненія Основскаго, какъ не дошли письма Плещеева по этому дѣлу, но и безъ нихъ роль Тургенева во всей этой исторіи настолько ясна, что какія-либо обвиненія, вытекающія изъ воспоминаній Фета и Анненкова, не попадаютъ въ цѣль. Подозрѣнія въ непростительномъ барскомъ легкомысліи или въ мало-

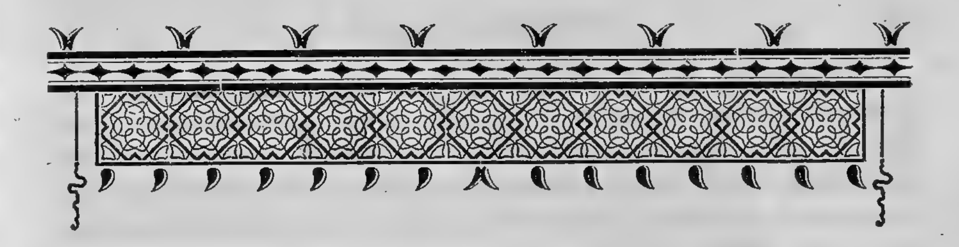
душной слабохарактерности не имѣютъ рѣшительно никакой почвы подъ собой, не оправдываются никакими положительными фактами. Иванъ Сергѣевичъ здѣсь, какъ и въ другихъ денежныхъ столкновеніяхъ, всегда былъ вѣренъ той порядочности, о которой писалъ разъ брату [1]) по поводу денежныхъ счетовъ съ нимъ: „Изо всѣхъ привилегій дворянства, которыя, слава Богу, исчезли, только и осталась, что поговорка [2]): Noblesse oblige“.

Н. Гутьяръ.

[1]) Письмо отъ 11 (23) февр. 1878 г. «Русск. Стар.» 1885 г., дек., 630.

[2]) Конечно, въ смыслѣ правила, принципа.

Учебныя воспоминанія[1].

Изъ прочихъ крупныхъ сооруженій не могли, конечно, привлечь къ себѣ вниманія даже и захолустныхъ провинціаловъ такія произведенія казенной архитектуры, образцы которыхъ имѣются во всѣхъ губернскихъ городахъ,—какъ-то: зданія: духовной академіи, Родіоновскаго института, военнаго госпиталя, находящіяся на Арскомъ полѣ и тюремный замокъ (по-казански—„казаматъ") близъ женскаго монастыря. При ближайшемъ знакомствѣ съ городомъ обращаютъ на себя вниманіе еще нѣкоторыя мечети—въ татарской части города.

Относительно чистоты и внѣшняго порядка Казань въ то время ничѣмъ не отличалась отъ другихъ губернскихъ городовъ. Не припомню даже, были ли въ ней въ достаточномъ числѣ наши русскіе признаки существованія порядка—полицейскія будки?—Вообще же городъ былъ довольно грязенъ; особенно въ осеннее и весеннее время нѣкоторыя улицы были почти непроходимы, какъ напр., Рыбная и Горшечныя; на Рыбной жидкая грязь, стекавшая по наклонной плоскости отъ театра, клиники и изъ Горшечныхъ улицъ, представляла собою подобіе рѣчки изъ липкой глинистой грязи, переправляясь черезъ которую, пѣшеходы легко теряли калоши. А подъемъ съ Рыбной въ Старо-Горшечную по немощеному тогда глинистому спуску представлялъ очень трудную задачу для жителей и посѣтителей тѣхъ мѣстъ, особенно по вечерамъ, при почти полномъ отсутствіи освѣщенія. Возвращаясь однажды вечеромъ домой, я потерялъ тутъ калошу, а начавши искать ее—потерялъ и другую и такимъ образомъ явился домой уже безъ этой обуви, изобрѣтенной галлами для хожденія по ихъ грязной Лютеціи (что нынѣ Парижъ), но все-таки непригодной

[1]) См. „Русскую Старину" іюль 1908 г.

для нѣкоторыхъ изъ нашихъ городовъ, гдѣ иногда полезнѣе употреблять охотничьи сапоги... За ночь калоши мои, вѣроятно, были снесены потокомъ грязи на Рыбную и погибли въ ея пучинахъ. Еще отличались своей грязью улицы Засыпкина, Касаткина и Мокрая, заливаемыя весенними разливами Волги и Казанки, доходящими до самыхъ стѣнъ кремля, когда все пространство вокругъ трехъ четвертей города представляетъ собою сплошное озеро. Тогда изъ этой массы воды виднѣется только дамба, соединяющая городъ съ Адмиралтейской слободой да насыпь-холмикъ, на которомъ стоитъ церковь-памятникъ покоренія Казани. Грязный ручей Булакъ дѣлается въ это время довольно приличной рѣчкой-каналомъ. Одна изъ слободъ Казанскихъ такъ и называется „Мокрой“ [1]).

Перехожу къ университету, его обстановкѣ, профессорамъ и студенчеству съ его бытомъ.

Выборъ факультета. Оканчивая гимназію, а то и раньше, еще въ половинѣ гимназическаго курса, юноша намѣчаетъ себѣ дальнѣйшее поприще—опредѣлиться ли прямо на казенную службу, или пристроиться къ частнымъ занятіямъ, или поступить въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній—спеціальныхъ, или просто въ университетъ. Въ настоящее время всего удобнѣе поступать въ университеты, такъ какъ въ спеціальныя заведенія надо сдавать конкуррентныя испытанія; тогда какъ въ университеты принимаютъ по гимназическимъ аттестатамъ. До 80-хъ годовъ существовала нѣкоторая провѣрка, но потомъ и она отмѣнена.

Въ прежнее время, хотя обязательной всеобщей воинской повинности не было, и привилегированныя сословія вольны были служить или не служить отечеству воинами, но нѣкоторые по окончаніи гимназіи поступали въ военную службу юнкерами, по призванію; другіе, изъ числа неудачниковъ, не имѣя силъ дотянуть до конца курса, убоявшись бездны премудрости, оставляли гимназіи и тоже поступали въ юнкера и затѣмъ—сдавъ экзаменъ на офицера, если это удавалось, дѣлались офицерами. Такъ поступили и нѣкоторые изъ моихъ товарищей: поступили юнкерами и даже успѣли потомъ отличиться подъ Севастополемъ.

---

[1]) Въ этихъ низменныхъ мѣстахъ и вообще за Булакомъ процвѣтали въ изобиліи тѣ увеселительныя заведенія, къ которымъ относится извѣстная пѣсня Казанскихъ студентовъ: «Стою одинъ передъ избушкой».

Этотъ краткій очеркъ внѣшности Казани имѣетъ цѣлью только дать читателю общее представленіе о мѣстности, въ которой каждому студенту приходится пребывать четыре года, и о томъ, что на первый разъ больше обращаетъ на себя вниманіе новоприбывшихъ. Для интересующихся подробностями рекомендую существующія описанія Казани (напр. Пинегина).

Намѣревающіеся поступить въ университетъ, разумѣется, ѣдутъ въ университетскій городъ и поступаютъ на намѣченный еще въ гимназіи факультетъ, смотря по склонности къ извѣстной отрасли наукъ или по тому, какая спеціальность представляется болѣе выгодной въ будущемъ, съ матеріальной стороны.—Въ прежнее время молодые люди изъ разночинцевъ и семинаристовъ (пока этимъ послѣднимъ не было запрещено поступать въ университеты) поступали больше на медицинскій факультетъ; меньшее число поступало на историко-филологическій и физико-математическій факультеты, имѣя въ виду сдѣлаться учителями гимназій. Естественныя науки въ наше время не были еще въ особенномъ почетѣ у молодежи; поворотъ въ ихъ сторону начался приблизительно только съ 60-хъ годовъ.

Значительный процентъ гимназистовъ избиралъ, какъ и нынѣ, факультетъ юридическій, какъ прологъ къ гражданской службѣ; а съ судебною реформой 60-хъ г. стремленіе на этотъ факультетъ усилилось до чрезвычайности, что и вполнѣ понятно въ виду современнаго спроса на юристовъ и возможности, если не удастся попасть на службу по судебному вѣдомству, отдаться адвокатурѣ. Но поступали и поступаютъ на юридическій факультетъ также и потому, что онъ считается самымъ легкимъ, какъ нетребующій той усиленной работы и самодѣятельности, какія нужны для другихъ факультетовъ, гдѣ такъ много обязательныхъ практическихъ занятій, успѣшностью коихъ обусловлено, въ значительной степени, передвиженіе студента изъ курса въ курсъ [1]).

---

[1]) На юридическомъ факультетѣ въ Казани въ мое время только профессоръ Д. И. Мейеръ велъ практическія занятія со студентами гражданскимъ правомъ; въ чемъ они состояли — не знаю; помню только шкафъ съ «дѣлами», стоявшій въ его аудиторіи. Съ уходомъ его въ Петербургъ—дѣло это, кажется, не продолжалось. Позднѣе, уже въ 70-хъ годахъ, вопросъ о привлеченіи студентовъ юристовъ былъ рѣшительно возбужденъ м—вомъ народнаго просвѣщенія и, рѣшенъ у насъ, въ Петербургскомъ университетѣ, въ 80-хъ годахъ учрежденіемъ занятій, но только по такъ называемымъ главнымъ предметамъ, каковы: римское право, гражданское, уголовное и исторія русскаго права; все прочее, преподаваемое на юридическомъ факультетѣ, считается второстепеннымъ, маловажнымъ для юриста и если, напр., профессоръ объявляетъ практическія занятія по политической экономіи, финансовому или полицейскому праву, то желающихъ заниматься оказывается очень мало. Мечта студента—благополучно раздѣлаться съ главными предметами; прочіе же имѣютъ значеніе только для нѣкоторыхъ любителей... Очевидна фальшь этого дѣленія наукъ на привилегированныя и непривилегированныя; этимъ порождается небрежное отношеніе студентовъ къ послѣднимъ, какъ будто обществу нужны только законоискусники и казуисты, а въ людяхъ, имѣющихъ порядочныя свѣдѣнія объ условіяхъ народнаго благосостоянія и пр. т. п., вовсе нѣтъ надобности, или какъ

Самый бѣдный числомъ студентовъ былъ тогда вездѣ, какъ и теперь—факультетъ историко-филологическій (съ восточнымъ отдѣленіемъ въ Казани); но и математическій въ Казани не богатъ былъ слушателями. Изъ моихъ товарищей по гимназіи только одинъ поступилъ на математическій факультетъ, да и то по какому-то странному капризу; такъ какъ при его способности писать разсказы и стихи изъ него скорѣе выработался бы беллетристъ, а можетъ быть порядочный филологъ, чѣмъ математикъ. Четверо или пятеро изъ товарищей поступили на медицинскій факультетъ; я и еще двое—на камеральное отдѣленіе юридическаго факультета. Впрочемъ, поступленіе мое на этотъ факультетъ было довольно случайнымъ.

Слывя въ гимназіи за хорошаго математика, я думалъ было поступить на физико-математическій факультетъ. Но потолковавъ объ этомъ съ нѣкоторыми товарищами-студентами, мнѣ очень не совѣтовавшими избирать этотъ факультетъ, въ виду чрезвычайной якобы строгости и придирчивости профессора чистой математики Попова (т. н. „короткаго"), я быстро перемѣнилъ рѣшеніе и, какъ имѣвшій съ дѣтства влеченіе также къ естественнымъ и техническимъ наукамъ, поступилъ на камеральное отдѣленіе, въ число наукъ котораго, на-ряду съ нѣкоторыми изъ юридическихъ, входили—химія, технологія, ботаника, сельское хозяйство. Хотя камеральное отдѣленіе и считалось очень легкимъ, но для студентовъ, желающихъ учиться—было и тутъ надъ чѣмъ поработать.

Подавъ прошеніе, мнѣ пришлось, какъ я объяснялъ уже, сдавать вновь весь гимназическій экзаменъ. Казалось бы, отличный аттестатъ гимназіи долженъ бы былъ избавить юношу отъ лишнихъ хлопотъ; но канцелярское воззрѣніе взяло верхъ, и мнѣ пришлось опять пережить экзаменную тревогу.

Это было тѣмъ болѣе непріятно, что лѣто я провелъ очень добросовѣстно въ ничегонедѣланіи, а тутъ пришлось кое-что подзубрить, особенно изъ исторіи, въ виду строгости экзаменатора, профессора Иванова, о которой было извѣстно во всѣхъ гимназіяхъ Казанскаго округа, куда его посылали (по тогдашнему обычаю) на ревизіи. Но на экзаменъ изъ математики я пришелъ, совсѣмъ не готовясь, понадѣявшись на свою память и на возможность попасть къ профессору Котельникову, экзаменатору болѣе снисходительному, чѣмъ безпощадный Поповъ, отъ котораго меня очень предостерегали знакомые студенты-математики. Но счастливая звѣзда моя привела

будто кончившій юридическій факультетъ столько же способенъ ко всякой должности, насколько доселѣ считались у насъ ко всему годными питомцы военно-учебныхъ заведеній.

меня именно въ его лапы. Онъ продержалъ меня часа полтора, щупая мои познанія по всѣмъ частямъ гимназическаго курса, справлялся даже съ моимъ аттестатомъ и заявилъ мнѣ наконецъ, что хотя я и получилъ золотую медаль, но что у меня нѣтъ математическаго мышленія. Тутъ я мысленно возблагодарилъ товарищей, отговорившихъ меня отъ математическаго факультета съ его мышленіемъ. А надо еще замѣтить, что я гораздо больше всѣхъ моихъ товарищей по гимназіи предавался сему мышленію, по доброй волѣ, безъ заданій занимаясь рѣшеніемъ задачъ и выводами формулъ. У Попова, однако, выручили меня логарифмы, съ которыми я умѣлъ очень хорошо обращаться; онъ смирился и поставилъ мнѣ хорошіе баллы.

Экзамены изъ прочихъ предметовъ сошли очень хорошо,—даже исторія и географія у грознаго Иванова, очень долго промучившаго меня и нѣсколько человѣкъ сибиряковъ, обязанныхъ сдавать экзаменъ, какъ прибывшіе изъ другого округа. Еще, правда, профессоръ богословія, отецъ Владимірскій, экзаменуя изъ церковной исторіи, очень любопытствовалъ узнать отъ меня подробности о ереси пелагіанъ и за неполное знаніе оныхъ поставилъ мнѣ тройку. Предупреждали меня товарищи при экзаменѣ изъ нѣмецкаго языка стараться не попасть къ знаменитому цивилисту Мейеру, который будто бы держался правила никому не ставить высокаго балла потому, что-де „самъ я знаю только на пять, а вы все-таки меньше меня знаете". Но я думаю, что это была выдумка; чтобъ удостовѣриться, правда ли это, я бы непремѣнно подошелъ экзаменоваться къ Мейеру; но его не оказалось, и попалъ я къ Боллензену, который ограничивался самыми пустяшными вопросами.

Съ окончаніемъ всѣхъ предварительныхъ мытарствъ, поступающіе, узнавъ въ канцеляріи, что приняты, обязаны были какъ можно скорѣе шить себѣ форму и являться въ мундирахъ, при шпагахъ и трехуголкахъ къ административной грозѣ университета — инспектору Ланге, имѣвшему едва-ли не больше значенія и силы въ университетѣ, чѣмъ ректоръ и вся профессорская коллегія. При представленіи передъ его (въ родѣ свиныхъ) грозныя очи Василій Ивановичъ внимательно осматривалъ, все ли на студентѣ по формѣ; объяснялъ, кому и какъ отдавать честь—прикладываніемъ двухъ пальцевъ правой руки къ кокардѣ шляпы; какъ держать сію послѣднюю въ рукѣ, когда она не на головѣ;—при чемъ внушалъ при встрѣчахъ съ губернаторами и университетскимъ начальствомъ отдавать честь, непремѣнно не доходя шести шаговъ до „особы", если же въ фуражкѣ, то снимать ее, соображаясь съ этимъ разстояніемъ.

Студенческая форма состояла тогда изъ темнозеленаго мундира съ фалдами (съ хвостикомъ, какъ называли въ шутку), съ голубыми обшлагами и воротникомъ, украшеннымъ двумя петлицами изъ серебрянаго (въ столицахъ золотого) галуна. Большинство студентовъ, впрочемъ, вмѣсто петлицъ изъ галуна, носило вышитыя, на что начальство смотрѣло снисходительно, какъ бы не замѣчая такого отступленія отъ формы, въ сознаніи, что шитыя петлицы красивѣе. Вице-мундиромъ служилъ сюртукъ съ голубымъ воротникомъ и такими же кантиками на обшлагахъ. Пуговицы на мундирѣ и сюртукѣ были бѣлыя (въ столицахъ золоченыя) съ государственнымъ гербомъ тогдашняго гвардейскаго образца (орелъ съ распущенными крыльями). Къ сюртуку тоже полагались шпага и треуголка; но ношеніе ихъ при сюртукѣ было обязательно только въ театрѣ, на концертахъ, и т. п. На лекціи и всюду ходили безъ шпагъ, въ фуражкахъ, и быть на лекціяхъ застегнутыми на всѣ пуговицы не было обязательно. Въ столицахъ, напротивъ, шпага и шляпа при сюртукѣ были, говорятъ, обязательны даже для слушанія лекцій, что, конечно, было довольно стѣснительно и породило въ Москвѣ пѣсню, въ которой въ числѣ достоинствъ „прямого студента" отмѣчалось, что онъ „не ходитъ въ трехуголкѣ, застежкой пуговицъ не рветъ, а шпагу ржавую на полкѣ на всякій случай бережетъ". Насколько трехуголка и шпага способствовали успѣхамъ въ наукахъ—исторія умалчиваетъ. Впрочемъ, по мнѣнію министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, ношеніе шпаги имѣло нравственную цѣль: оно должно было удерживать студентовъ отъ поступковъ, несогласныхъ съ правилами благовоспитанности и приличія. Насколько достигалось это назначеніе шпагъ въ столицахъ, не знаю; но у насъ, въ Казани, по крайней мѣрѣ въ первое время по поступленіи, студенты дѣйствительно старались быть приличнѣе при шляпѣ и шпагѣ; нѣкоторые сожалѣли даже, что послѣдняя безъ темляка, который придавалъ бы имъ видъ состоящихъ на государственной службѣ. Потомъ этотъ престижъ исчезалъ.

Къ формѣ полагались бѣлыя замшевыя перчатки, которыя, впрочемъ, франты изъ студентовъ замѣняли, особенно для баловъ, бѣлыми лайковыми. Мундиръ со всѣми принадлежностями требовался не только для баловъ и собраній и торжественныхъ случаевъ, но и для обязательнаго, всѣмъ студентамъ православнаго исповѣданія, присутствія въ воскресные и праздничные дни за обѣдней въ университетской церкви, за чѣмъ инспекція слѣдила довольно усердно [1]).

[1]) Обязательно было также для всѣхъ православныхъ говѣніе передъ Пасхой и присутствіе на Пасхальной утренѣ и обѣднѣ, послѣ коихъ пред-

При строгомъ Николаевскомъ режимѣ и такомъ его блюстителѣ, какимъ былъ Ланге, нарушеніе установленныхъ правилъ или формальностей легко могло повліять въ худую сторону на судьбу студента. Поэтому мы старались избѣгать встрѣчъ съ этимъ господиномъ, чтобъ не нарваться на какое-либо грубое замѣчаніе Ланге, нисколько не стѣснявшагося дѣлать выговоры студентамъ во всякомъ мѣстѣ и при всякой публикѣ, а пожалуй отправить и въ карцеръ [1]).

Внѣ университета всего чаще приходилось встрѣчаться съ Ланге на Воскресенской, которая, должно быть, была любимымъ мѣстомъ его прогулки. Кстати сказать, она тогда была сплошь вымощена торцами и во всю ширину свою служила какъ бы бульваромъ для гуляющей публики.

Завидѣвъ издали Василія Ивановича на Воскресенской, мы, большею частію, спѣшили свернуть въ боковую улицу, а если были вблизи гостепріимнаго трактира „Китая“, то укрывались въ него. Тутъ всегда можно было найти занятіе: если не хотѣлось ѣсть, играли на билліардѣ, просматривали газеты.

Разстегнутый сюртукъ на улицѣ, недостающая пуговица и вообще всякое нарушеніе формы всегда возбуждали негодованіе Ланге; а неловкій отвѣтъ на его замѣчаніе легко приводилъ въ карцеръ. Особенно же слѣдилъ онъ за своевременнымъ отданіемъ ему чести. По этому поводу былъ со мной такой случай: мнѣ очень занездоровилось въ университетѣ, и я поспѣшилъ домой, взявъ извозчика, такъ какъ жилъ тогда довольно далеко, близъ такъ называемаго „казамата“ (т. е. тюрьмы). Ѣду, закутавшись, никуда не глядя; вдругъ грозно окликаетъ меня грубымъ голосомъ Ланге; я вынужденъ былъ остановиться, сойти съ саней и, вмѣстѣ съ выговоромъ за упущеніе своевременно поклониться,

---

лагалось студентамъ общее розговѣнье въ актовомъ залѣ, съ участіемъ и начальства. Тутъ утомленные стояніемъ въ церкви студенты угощались куличами, пасхами, яйцами, чаемъ и пивомъ. При существованіи казеннокоштныхъ студентовъ устраивать это розговѣнье не было, конечно, затруднительно: имѣлась посуда, существовали повара; а студентовъ было не такъ много, чтобъ разорить университетскаго эконома.

[1]) Какъ, подумайте, измѣнились отношенія! Теперь студентъ освобожденъ отъ необходимости хотя бы изъ вѣжливости кланяться чинамъ инспекціи, такъ какъ инспекція признана уже совсѣмъ ненужной. Знаю случай, бывшій въ Кіевѣ: студентъ очутился въ одной конкѣ съ инспекторомъ и, зная его въ лицо, не счелъ нужнымъ хотя бы головой ему кивнуть. «Я съ нимъ незнакомъ», отвѣчалъ онъ, когда при его же разсказѣ объ этомъ, ему напомнили о вѣжливости, къ которой долженъ бы побуждать хотя бы личный интересъ, при существовавшей доселѣ зависимости студентовъ отъ инспекціи...

*

получилъ приказаніе возвратиться въ университетъ. Кончилось тѣмъ, что я, больной, несмотря на мои объясненія, былъ отведенъ въ карцеръ. Учрежденіе это помѣщалось гдѣ-то вверху, близъ церковнаго чердака; состояло, помнится, изъ двухъ маленькихъ полутемныхъ комнатъ, очень грязныхъ; въ одной изъ нихъ была прежесткая постель, покрытая отвратительно-испачканнымъ байковымъ одѣяломъ, съ такой же чистоты подушкой. Стѣны были, разумѣется, разрисованы и исписаны всякими глупостями, плодами фантазіи и скуки заключенныхъ. Тюремный сторожъ, старикъ, котораго студенты звали Дагоберомъ, привелъ меня на эту вышку, принесъ кружку воды и ломоть чернаго хлѣба и скрылся. Не знаю, гдѣ онъ помѣщался, и была ли возможность дозваться его въ случаѣ надобности. Не полагалось ли вовсе освѣщенія или Дагоберъ не считалъ нужнымъ баловать имъ своихъ кліентовъ,—но, когда стемнѣло, мнѣ ничего не оставалось, какъ лечь и предаться въ тишинѣ одиночества размышленію о нанесенномъ мнѣ оскорбленіи. Легъ я, конечно, не раздѣваясь и, съ горя заснулъ, насколько позволяла жесткость ложа, то и дѣло о себѣ напоминавшая. Но вотъ, должно быть, часовъ около 9-ти, является Дагоберъ съ фонаремъ и зоветъ меня къ инспектору. Оказалось, что пріѣхалъ выручать меня мой хозяинъ Н. В. Лавровъ, у котораго я тогда временно жилъ. Къ счастію я, чуя, что „свинья въ манишкѣ“ (какъ звали студенты Ланге), пожалуй, посадитъ меня въ карцеръ, далъ знать Лаврову черезъ товарища о своемъ приключеніи и такимъ образомъ былъ освобожденъ. Тутъ Ланге былъ уже очень любезенъ и отпустилъ меня со словами: „какъ же это вы были такъ неосторожны“, нисколько значитъ не сознавая, что придрался ко мнѣ безъ достаточнаго основанія. Впрочемъ, можетъ быть, немножко и сознавалъ, потому что казался сконфуженнымъ, что ни за что, ни про что засадилъ въ карцеръ студента 3-го курса, и что это стало извѣстно такому крупному въ „губерніи“ лицу, какимъ былъ мой хозяинъ—управляющій палатой государственныхъ имуществъ. Если бы это были какой-нибудь обыкновенный студенческій хозяинъ или обыкновенная хозяйка, то просидѣть бы мнѣ цѣлыя сутки, а то и дольше, такъ какъ, отсылая меня въ карцеръ, Ланге не сказалъ на сколько времени; а простой человѣкъ и не посмѣлъ бы явиться къ такой „особѣ“ съ ходатайствомъ за своего жильца.

Впрочемъ, еще раньше этой исторіи у меня были два не то, что столкновенія съ Ланге, а маленькія приключенія, хотя на замѣчаніе я къ нему попасть не могъ, такъ какъ онъ вообще, кажется, не очень способенъ былъ запоминать физіономіи и фамиліи, хотя мы обязаны были ежемѣсячно представлять ему для подписи свои студенческіе

виды на жительство. Первое мое приключеніе съ нимъ было на первыхъ же порахъ поступленія моего въ университетъ: вошелъ онъ въ аудиторію, гдѣ мы собрались въ ожиданіи профессора; „вы тамъ, что щуритесь“? — раздался гнусавый грубый голосъ Василья Иваныча, когда я по свойству близорукихъ, прищурился, чтобы разглядѣть, кто вошелъ. „Я близорукъ“. — „Носите очки, а то начальникъ на васъ смотритъ, а вы щуритесь“. Другое приключеніе было въ квартирѣ г. инспектора, когда онъ мнѣ задалъ порядочный нагоняй за то, что, не найдя никого въ его передней, я прошелъ черезъ залу до кабинета, какъ это мы обыкновенно дѣлали въ гимназіи, если была нужда къ инспектору, а доложить было некому. Въ карцеръ я, впрочемъ, тогда не попалъ: В. И. принялъ въ уваженіе, что я неотесанный еще провинціалъ. Были случаи и болѣе милостиваго его отношенія ко мнѣ: однажды мнѣ случилось прійти на урокъ танцевъ [1]); явился и В. И. посмотрѣть за порядкомъ; „И вы здѣсь?“ — „Да-съ“. — „А вы просили у меня разрѣшенія?“ — „Позвольте попросить теперь“. Было милостиво позволено.

Послѣ исторіи съ карцеромъ В. И., кажется, помнилъ уже мою физіономію и вообще сталъ любезнѣе; однажды, призвавъ меня, онъ попросилъ привезти ему съ Нижегородской ярмарки фунтъ табаку „кнастеръ“ (не знаю, существуетъ ли теперь этотъ табакъ). Задача была трудная, такъ какъ табакъ этотъ привозили на ярмарку, кажется, только по особымъ заказамъ. Но В. И. словно угадалъ, что я могу добыть ему желаемое: кнастеръ привозили на ярмарку въ количествѣ нѣсколькихъ фунтовъ для нижегородскаго помѣщика генерала павловскихъ временъ П. Б. Григорьева (дѣдушки писателя П. Д. Боборыкина), а генералъ дарилъ его иногда 2—3 фунта своему постоянному врачу, моему отцу. И вотъ такимъ образомъ я имѣлъ возможность исполнить желаніе Ланге и преподнести ему желаемый фунтъ кнастера; онъ поблагодарилъ, и я думалъ этимъ и кончилось; но нѣсколько времени спустя онъ вручилъ мнѣ 2½ р. — стоимость табака.

Не знаю, много ли сдѣлалъ Ланге добра студентамъ въ свое продолжительное инспекторство; вѣроятно, нѣкоторые все-таки поминали его добромъ; вѣдь и у дурныхъ людей бываютъ моменты,

---

[1]) Танцы преподавалъ уморительнаго вида танцмейстеръ Севастьяновъ. Подъ звуки двухъ скрипокъ, совершенно почти заглушавшихся шарканьемъ ногъ танцующихъ по некрашенному, пескомъ вымытому полу. Танцовальный залъ этотъ, находящійся близъ студенческой раздѣвальни, противъ входа въ инспекторскую квартиру, теперь обращенъ въ аудиторію, и полъ его выкрашенъ.

когда они не прочь сдѣлать и что-нибудь хорошее, - но большинство студентовъ относилось къ нему съ полнымъ презрѣніемъ, даже, пожалуй, съ ненавистью. Много онъ перепортилъ имъ крови своею придирчивостью, своимъ грубымъ начальническимъ обращеніемъ. Нѣкоторымъ извиненіемъ ему, впрочемъ, могли служить, какъ духъ того времени, такъ и предписанія Уваровской инструкціи 1834 г. инспекторамъ университетовъ, напоминающей знаменитую инструкцію мрачной памяти знаменитаго „директора“ Казанскаго университета—Магницкаго. Согласно мысли графа Уварова (въ представленіи въ комитетъ министровъ 1833 г.) инспекторъ долженъ былъ „быть душою всѣхъ движеній студентовъ“; насколько Ланге былъ оною—хорошо помнимъ всѣ мы, былые студенты того времени. Но, несомнѣнно, что онъ, согласно мнѣнію того же министра Уварова (изложенному въ докладѣ 1848 г.), смотрѣлъ какъ на „зло—превыше всѣхъ прочихъ—на возможность у студентовъ мысли, что они составляютъ отдѣльное сословіе, имѣющее свои виды, свой голосъ и даже свои права“.

Какъ Ланге преслѣдовалъ это „зло“ видно, между прочимъ, изъ дѣлавшагося имъ внушенія студентамъ не ходить толпами: „одному, внушалъ онъ, идти позволительно, двоимъ неловко, а трое—составляютъ уже толпу; а хожденіе толпами запрещается“.

Припомнимъ еще, что согласно инструкціи 1836 г. неодобрительный отзывъ инспектора о поведеніи студента могъ помѣшать переводу его въ слѣдующій курсъ, награжденію медалью и полученію степени кандидата. Должно быть, составители инструкціи безусловно держались положенія, что „qui proficit in litteris sed deficit in moribus—plus deficit quam proficit“ и поэтому одобренное инспекторомъ поведеніе, хотя бы оно сводилось лишь къ лицемѣрію, поставили выше успѣховъ въ наукѣ, совершенно не понимая, что нерѣдко наиболѣе даровитые молодые люди оказываются и наиболѣе строптивыми въ смыслѣ послушанія и очень склонными выходить изъ рамокъ казеннаго „поведенія“.—А въ числѣ главныхъ примѣтъ хорошаго поведенія было „строгое и благочестивое исполненіе обрядовъ церкви, къ которой каждый принадлежитъ“; обязательное посѣщеніе студентами православнаго исповѣданія литургій и всенощныхъ въ воскресные и праздничные дни—въ университетской церкви; безпричинное нехожденіе въ церковь, какъ черта нетвердой нравственности, отмѣчалось инспекторомъ въ особой книгѣ и принималось въ соображеніе при переходныхъ и окончательныхъ испытаніяхъ.

Инспектору студентовъ и его помощникамъ студенты обязаны были „безусловнымъ повиновеніемъ“.

Конецъ господства Ланге былъ довольно для него печальный и неожиданный. Съ новымъ царствованіемъ повѣяло и въ Казанскомъ университетѣ новымъ духомъ; студенты стали держаться „вольнѣе" и обнаруживать меньше страха передъ фигурой инспектора. А тутъ явился еще и довольно основательный поводъ къ ихъ неудовольствію: зимою 1857 г. случилось избіеніе студентами двухъ офицеровъ, пріѣзжихъ изъ Петербурга (Лобачевскаго и кн. Оболенскаго), оскорбившихъ студентовъ своими о нихъ отзывами. Однимъ изъ руководителей этого студенческаго подвига, а по другимъ разсказамъ—и скандала, которымъ сопровождалась рѣчь попечителя Молоствова, хотѣвшаго напомнить студентамъ о неприличіи ихъ поведенія,—былъ студентъ Умновъ, разжалованный за это въ солдаты. Если вина его не была преувеличена, а дѣйствительно онъ былъ зачинщикомъ, то подлинно можно сказать о немъ „малъ золотникъ, да дорогъ": это былъ очень юный студентикъ, обладавшій такой маленькой фигурой, что при поступленіи его въ число козеннокоштныхъ, пришлось особо заказать для него шляпу и шпагу по росту. Сколько помню изъ тогдашнихъ разсказовъ (самъ я, занятый писаніемъ диссертаціи на медаль и зубреніемъ къ окончательнымъ экзаменамъ, мало увлекался въ это время студенческими дѣлами), главнымъ виновникомъ строгаго наказанія Умнова былъ Ланге. Глубоко огорченные и взволнованные участью товарища студенты сдѣлали подписку въ его пользу, привлекли въ ней и кое-кого изъ казанскаго общества; а относительно Ланге порѣшили поговорить съ ректоромъ (проф. І. М. Ковалевскимъ). Въ одинъ прекрасный день, собравшись послѣ лекцій въ актовомъ залѣ, они пригласили ректора для бесѣды. Я, нѣсколько опоздавши на эту сходку, шелъ еще по корридору, когда мимо меня быстро прошелъ Ковалевскій, направляясь къ залу, гдѣ и начался шумный говоръ; говорили, должно быть, всѣ разомъ. Вдругъ чуть не бѣгомъ пронесся туда же Ланге; но едва онъ показался въ залѣ, какъ былъ встрѣченъ криками: „вонъ! вонъ!".. Что было дальше—не знаю, такъ какъ смущенный и испуганный этими криками и общимъ галдѣньемъ я не рѣшился уже войти въ залу, а повернулъ домой. Вскорѣ товарищъ принесъ вѣсть, что Ланге уже не инспекторъ, и что исполненіе должности инспектора поручено профессору Пахману. Такъ что мы, оканчивающіе курсъ, имѣли дѣло уже съ нимъ. Ланге, получивъ вскорѣ отставку, переселился въ Москву, гдѣ и умеръ въ 1867 году.

И странное дѣло: этотъ человѣкъ, презираемый и ненавидимый студентами, постоянный предметъ ихъ насмѣшекъ, дѣйствующее лицо въ пѣсенкахъ, о немъ сложенныхъ, и въ анекдотахъ, доказываю-

ющихъ его глупость и самодурство, „свинья въ ермолкѣ" или въ „манишкѣ", какъ обыкновенно его называли, остался у насъ, старыхъ студентовъ, больше въ памяти, чѣмъ тѣ лица, которыхъ стоило бы поминать добромъ. Когда на обѣдахъ бывшихъ студентовъ Казанскаго университета заходитъ рѣчь о старыхъ временахъ, личность Василія Ивановича поминается уже непремѣнно, словно въ назиданіе собесѣдникамъ-студентамъ позднѣйшихъ лѣтъ, что вотъ-де не ропщите на свое время, а посмотрите, подъ какимъ режимомъ *мы* жили, когда судьба наша почти вполнѣ зависѣла отъ глупаго и грубаго человѣка, мнившаго себя, и не безъ основанія, по тѣмъ временамъ, вершителемъ студенческихъ судебъ. Припомнимъ, что уставъ 1835 года отдалъ всю дисциплинарную власть надъ студентами, помимо ректора и совѣта, инспектору, даже не выборному, а назначаемому „изъ гражданскихъ или военныхъ чиновъ" и подчиненному непосредственно попечителю учебнаго округа. Ланге и былъ изъ военныхъ чиновъ, служивъ и въ гражданской службѣ до поступленія въ инспекторы [1]).

---

[1]) Уставъ 1862 г. сдѣлалъ должность инспектора выборною и предоставилъ совѣтамъ университетовъ избирать на нее одного изъ своихъ членовъ, съ званіемъ проректора или изъ стороннихъ чиновниковъ, съ званіемъ инспектора; при чемъ лицо это должно быть непремѣнно изъ окончившихъ университетскій курсъ, дѣйствовать же на основаніи инструкціи, даваемой совѣтомъ. Въ экстренныхъ случаяхъ проректоръ или инспекторъ могъ распоряжаться только съ разрѣшенія ректора, который потомъ доводилъ объ этомъ до свѣдѣнія совѣта. Позднѣе, мало по малу, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, съ перемѣною взглядовъ правительства, порядокъ этотъ измѣнился: права инспектора были значительно расширены, по образцу устава 1835 г. А уставъ 1884 года сдѣлалъ его опять непосредственно подчиненнымъ попечителю, который de facto его и назначаетъ, представляя намѣченное лицо на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія, который, разумѣется, никогда не усумнится въ правильности рекомендаціи попечителя. Хотя далѣе въ уставѣ сказано, что инспекторъ подчиняется въ дѣйствіяхъ своихъ ректору и исполняетъ его законныя (sic!) требованія, дѣйствуя при томъ по инструкціи, данной министромъ народнаго просвѣщенія (не совѣтомъ уже!), но эта его подчиненность ректору почти мнимая: въ случаѣ несогласія съ ректоромъ онъ всегда можетъ укрыться подъ эгиду своего непосредственнаго начальника—попечителя и даже, пожалуй, обвинить ректора въ незаконности его требованій. Стоитъ добавить еще, что въ уставѣ 1884 г. ни слова не сказано, изъ какихъ лицъ долженъ быть назначаемъ инспекторъ, и слѣдуетъ ли ему имѣть университетское или вообще какое бы то ни было образованіе. Уставъ полагается, повидимому, на сообразительность попечителей, предполагая, что они не рѣшатся представлять на должности инспекторовъ людей безъ образованія или какихъ-нибудь проходимцевъ...

Теперь, какъ извѣстно, инспекція совсѣмъ упразднена; но она возродилась въ лицѣ проректора съ его штатомъ.

Насколько въ настоящее время студенты вообще довольны этой реформой, сказать затрудняюсь; но уничтоженіе инспекціи входило въ число ихъ „требованій“ и знаю, что „субики“, какъ они называли субъ-инспекторовъ, далеко не пользовались ихъ расположеніемъ, а въ случаѣ появленія на сходкахъ подвергались иногда и насильственнымъ дѣйствіямъ вродѣ грубо-выражаемыхъ приглашеній убираться, выталкиванія, а то и бросанія въ нихъ картофелемъ и т. д.

Въ наше время въ Казани, не питая къ нимъ нѣжныхъ чувствъ, студенты относились къ нимъ вообще прилично: Иванъ Ивановичъ Ивановъ пользовался даже нѣкоторымъ расположеніемъ; другой субъ-инспекторъ, придирчивый Зоммеръ, былъ нерѣдко предметомъ насмѣшекъ, какъ и 3-й г. Фишеръ; а поступившій, кажется, вмѣсто этого послѣдняго, новый субъ-инспекторъ г. Ситновъ считался почему-то совсѣмъ глупымъ. Надъ ними посмѣивались; но тѣмъ не менѣе—чувство порядочности и дисциплины заставляло видѣть въ этихъ личностяхъ все-таки делегатовъ начальства; поэтому рѣзкія столкновенія съ ними были довольно рѣдки.

Въ недавнее время студенты, не безъ сочувствія даже нѣкоторыхъ изъ профессоровъ и, какъ говорятъ, университетскихъ совѣтовъ, потребовали и достигли полнаго уничтоженія инспекціи, т. е. всякаго надзора за благочиніемъ въ университетахъ, который все-таки однако пришлось *кое-кому поручить*. Не знаю, какъ въ другихъ университетахъ, но въ нашемъ Петербургскомъ устраненіе надзора въ настоящую печальную для университетской жизни эпоху имѣло послѣдствіемъ исчезновеніе всякаго уваженія къ храму науки.

Впрочемъ, можно ли о какихъ-нибудь приличіяхъ помнить, когда у студента есть болѣе важныя заботы, благо онъ мнитъ себя призваннымъ и компетентнымъ рѣшать важные общественные и другіе вопросы помимо всякой науки!

Не то было въ наше время: о „матерьяхъ важныхъ“ студенты хотя и разсуждали иногда, но это не мѣшало имъ дѣлать свое студенческое дѣло. А если бы они пустились нарушать университетскія правила или требованія дисциплины, то у инспектора было вдоволь власти, чтобъ пресѣчь это зло, считавшееся тогда чуть не уголовнымъ преступленіемъ.

„Правила“ же строго запрещали студентамъ всякаго рода многочисленныя собранія и сходбища, а равно „всякія азартныя игры“.

Итакъ, инспекторъ съ его помощниками, по одному на факуль-

теты, были тѣми лицами, съ которыми студентамъ наичаще приходилось имѣть дѣло. Они въ студенческой жизни подлинно faisaient la pluie et le beau temps, какъ говоритъ французская поговорка.

Съ прочимъ начальствомъ—ректоромъ, деканами и попечителемъ округа студенты мало имѣли соприкосновенія. По крайней мѣрѣ, мнѣ пришлось бесѣдовать съ ректоромъ Симоновымъ только однажды, при подачѣ прошенія о зачисленіи въ студенты; а къ декану юридическаго факультета, которымъ сначала при мнѣ былъ проф. Д. И. Мейеръ, а потомъ Н. А. Ивановъ, не пришлось даже ни разу обратиться—какъ и къ преемнику Симонова—новому ректору Ковалевскому. Но не всѣ студенты, конечно, были въ такомъ счастливомъ положеніи, какъ я, не дававшемъ случая обращаться къ этимъ лицамъ съ какими-либо заявленіями или просьбами. Довольно многіе, вѣроятно, обращались съ ходатайствами о какихъ-либо льготахъ, объ освобожденіи отъ платы, о пособіяхъ, о разрѣшеніи обѣдать съ казенными студентами и т. д.; а то по поводу экзаменныхъ неудачъ или, наконецъ, по чисто личнымъ дѣламъ. По части пособій, стипендій и льготъ, требовалось, кажется, обращаться прежде всего къ инспектору.

Въ новый годъ и первый день Пасхи нѣкоторые изъ насъ расписывались у ректора въ сѣняхъ его квартиры и у инспектора, на поздравительномъ листѣ. Нѣкоторые поздравляли также любимыхъ профессоровъ. Поздравляли ли декановъ, не знаю; по крайней мѣрѣ, мнѣ ни разу не пришло объ этомъ въ голову.

Попечитель генералъ В. П. Молоствовъ и его помощникъ, знаменитый математикъ Н. И. Лобачевскій (тогда уже слѣпой), являлись въ университетъ только въ экстренныхъ и торжественныхъ случаяхъ. Помню, между прочимъ, что Лобачевскій присутствовалъ при приводѣ студентовъ къ присягѣ по случаю воцаренія Императора Александра II. А Молоствовъ, въ наше пребываніе въ университетѣ, только разъ попытался бесѣдовать со студентами, да и то очень неудачно. Всѣ студенты были приглашены въ актовый залъ для выслушанія увѣщанія попечителя по случаю вышеупомянутыхъ и прочихъ безобразій, участившихся съ ослабленіемъ суроваго николаевскаго режима. Студенты, по какому-то странному недоразумѣнію, считавшіе этого высокообразованнаго и добраго человѣка за какого-то армейскаго бурбона, приняли его слова чуть не со смѣхомъ въ лицо и вообще такъ сконфузили бѣднаго старика своимъ поведеніемъ во время его рѣчи, что онъ, говорятъ, чуть не плакалъ отъ огорченія. По окончаніи же рѣчи нѣкоторые кричали „ура", другіе „дуракъ"! Все это было, конечно, глупое и непростительное школьничество, совершенно неприличное студентамъ, мало-

мальски себя уважающимъ и сознающимъ чувство приличія. Происходило это неуваженіе къ себѣ и къ начальству, конечно, вслѣдствіе всегдашняго недостатка, присущаго нашей учащейся молодежи,—слабаго нравственнаго развитія, отсутствія правильнаго воспитанія въ средней школѣ, а съ нимъ и благовоспитанности, свойственной образованному человѣку.

Перейду теперь къ обзору предметовъ, преподававшихся полстолѣтія тому назадъ на юридическомъ факультетѣ Казанскаго университета и, въ частности, на камеральномъ его отдѣленіи. Постараюсь дать и посильную характеристику преподавательскаго персонала.

В. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо М. Д. Скобелева Д. А. Скалону [1]).

Санъ-Стефано 1878, 8/III, 11 час. дня.

Уважаемый Дмитрій Антоновичъ!

Еще разъ рѣшаюсь просить Вашего участія по поводу того же предмета.

За бои 22 августа, 30 и 31 того же мѣсяца, мною были представлены *особо* отъ прочихъ слѣдующіе мои ординарды къ Владимірскимъ крестамъ:

1. 10 стр. бат. поруч. Марковъ,
2. 26 каз. пол. хорунжій Дукмасовъ,
3. Казанск. пол. поруч. Лисовскій.

Рѣшился я представить этихъ достойныхъ офицеровъ къ столь высокой наградѣ только во вниманіе *къ дѣйствительной, всѣмъ отрядомъ* признанной ихъ боевой доблести. Между тѣмъ, до сихъ поръ офицеры эти не получили наградъ.

Вы знаете, я крайне рѣдко рѣшаюсь безпокоить Главнокомандующаго. Изъ-за себя лично *никогда*. Въ данномъ случаѣ, однако, вынужденъ просить Васъ мнѣ помочь и доложить Его Высочеству — мнѣ трудно будетъ пріискать себѣ такихъ офицеровъ въ бою, *довѣріе ко мнѣ уменьшается*, а Вы знаете — одинъ въ полѣ не воинъ.

P. S. Посылаю Вамъ мою карточку, снятую въ Константинополѣ; не возвратите ли Вы мнѣ *мое письмо объ Индѣйскомъ походѣ* [2]).

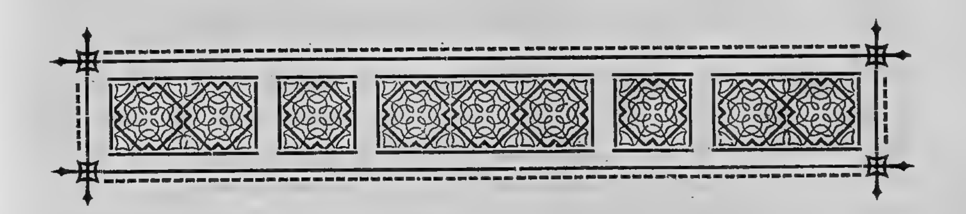
М. Скобелевъ.

Сообщено Д. Скалономъ.

[1]) Адъютанту Главнокомандующаго.

[2]) Будетъ впослѣдствіи помѣщено въ „Русской Старинѣ“.

С.-Петербургско-музыкально-драматическій кружокъ любителей.

Въ настоящее время въ Петербургѣ функціонируетъ немалое количество любительскихъ кружковъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ столько серьезныхъ заслугъ передъ русскимъ искусствомъ, какъ „С.П.Б. музыкально-драматическій кружокъ любителей", основанный еще въ 1877 г. и существующій понынѣ.—„Евгеній Онѣгинъ" Чайковскаго, „Ферамарсъ" Рубинштейна, „Хованщина" Мусоргскаго, „Кузнецъ Вакула" Соловьева, „Кроатка" Дютша и многія другія оперы впервые, силами любителей, безъ участія профессіональныхъ артистовъ, были поставлены этимъ кружкомъ, ставились имъ и новыя пьесы драматическаго репертуара.

Для дирижированія этими операми приглашались такія силы, какъ профессоръ Зикке, Соловьевъ, Гольдштейнъ, Дютшъ, Главачъ, Сафоновъ, Гуго Варлихъ; драматическими спектаклями дирижировали: Н. Потѣхинъ, Сазоновъ, Панчинъ и др.

Впослѣдствіи С.П.Б. музыкально-драматическій кружокъ настолько заинтересовалъ собою публику, что устроители благотворительныхъ спектаклей обращались къ его содѣйствію и опять таки силами любителей, но уже съ участіемъ извѣстныхъ артистовъ, кружокъ ставилъ оперы и драмы. Савина, Лавровская, Панаева-Карцева, Красовская, В. В. Самойловъ, Палечекъ, Самусъ, Лодій участвовали въ нихъ вмѣстѣ съ любителями. Царская фамилія посѣтила спектакли, которые кружокъ ставилъ въ Михайловскомъ дворцѣ въ пользу благотворительныхъ учрежденій Вел. Кн. Екатерины Михаиловны, равно какъ и тѣ, которые устраивали графини Кочубей и Игнатьева въ залѣ Кононова.

Интересно прослѣдить, какъ возникъ и развился этотъ кружокъ. Основаніе ему положилъ въ 1877 году адъютантъ Л.-Гв. 1-ой артиллерійской бригады Валеріанъ Васильевичъ Карминъ.

Самъ В. В. съ дѣтства пристрастился къ искусству. Въ 1857 г. Карминъ для подготовки къ поступленію въ „корпусъ института путей сообщенія“ былъ отданъ въ извѣстный въ то время пансіонъ г. Эмме; воспитателемъ и преподавателемъ французскаго языка состоялъ въ пансіонѣ нѣкто г. Фленъ (впослѣдствіи извѣстный педагогъ). Фленъ былъ хорошимъ актеромъ и страстнымъ любителемъ устраивать спектакли, конечно, на французскомъ языкѣ; устраивалъ онъ спектакли и въ пансіонѣ Эмме. Самъ же Эмме (преподаватель математики въ корпусѣ путей сообщенія) былъ музыкантъ любитель; онъ ввелъ въ пансіонѣ для желающихъ уроки музыки подъ руководствомъ скрипача итальянской оперы Ронси; такимъ образомъ, изъ воспитанниковъ образовался небольшой оркестръ, при чемъ на контрабасѣ игралъ самъ директоръ пансіона. Спектакли въ пансіонѣ обставлялись очень тщательно, репетицій дѣлалось много, и на нихъ допускались всѣ воспитанники, а въ числѣ ихъ и Карминъ, страстно полюбившій сцену. Да и дома, благодаря брату, страсть къ театру поддерживалась въ мальчикѣ; братъ этотъ—архитекторъ—любитель механики, построилъ съ его помощью модель сцены съ обстановной и „превращеніями“ знаменитаго акта „Волчья Долина“ изъ оперы „Фрейшютцъ“, образцомъ послужила братьямъ постановка извѣстнаго декоратора и механика Роллера на Императорской сценѣ.

Вмѣсто корпуса путей сообщенія, Карминъ попалъ въ 1858 г. въ 1-й кадетскій корпусъ.

Тутъ любовь мальчика къ театру не могла заглохнуть: 1-й корпусъ, какъ извѣстно, разсадникъ и дѣдушка русскаго театра еще со временъ Сумарокова; въ память этого въ корпусѣ ставились ежегодно спектакли, при чемъ всѣ декораціи и костюмы доставлялись изъ Имп. театровъ. На спектакляхъ присутствовалъ Императоръ и вся Царская фамилія.

Въ программу представленія входили: русская и французская пьесы, и дивертисментъ—балетъ; какъ мужскія, такъ и женскія роли исполнялись кадетами.

Подготовлялись къ спектаклямъ тщательно подъ руководствомъ В. В. Самойлова, лично учившаго кадетъ-актеровъ, французскую пьесу ставилъ кто-нибудь изъ выдающихся артистовъ французской труппы Имп. театра, а балетъ ставилъ учитель танцевъ Эбергардъ.

Карминъ поступилъ прямо во 2-ю роту, фельдфебелемъ этой

роты былъ тогда извѣстный впослѣдствіи Н. И. Бобриковъ (финляндскій генералъ-губернаторъ), въ то время серьезный, требовательный, никогда не улыбавшійся мальчикъ.

2-я рота обыкновенно танцовала на спектакляхъ, это была ея привилегія, и потому имѣла доступъ на репетиціи. Карминъ былъ окончательно очарованъ В. В. Самойловымъ, его художественныя указанія, полныя вмѣстѣ съ тѣмъ жизненной правды, такъ восхищали юнаго кадета, что онъ не уходилъ со сцены и въ концѣ концовъ попалъ не то въ бутафоры, не то въ помощники режиссера на корпусныхъ репетиціяхъ и спектакляхъ.

И лѣтомъ для развлеченія въ лагеряхъ кадеты не отставали отъ театра и устраивали спектакли въ баракахъ, такъ какъ сами жили тогда въ палаткахъ. По окончаніи курса, Карминъ вышелъ въ подпоручики 3-й гвардейской и артиллерійской бригады въ Варшаву, во время польскаго возстанія, когда всякая общественная жизнь замерла, и офицеры могли вращаться лишь въ своемъ тѣсномъ военномъ кругу, развлеченіемъ служилъ имъ польскій театръ, такъ какъ о русскомъ театрѣ въ Варшавѣ тогда и помину не было, а потребность въ немъ была такъ сильна, что скоро подъ режиссерствомъ командира л.-гв. Прусскаго полка, 3-й гвардейской дивизіи, генерала-маіора Карцева, отличнаго актера-любителя, офицеры устроили русскій спектакль въ придворномъ театрѣ Померанчарнѣ, въ Лазенкахъ. Поставлена была, конечно, съ благотворительною цѣлью, „Свадьба Кречинскаго", и исполнили великолѣпно свои роли Кречинскаго—самъ Карцевъ, Расплюева—уланъ Дерфельденъ, Нелькина—прапорщикъ артиллеріи Прежбяно, извѣстный въ кругу товарищей какъ талантливый разсказчикъ анекдотовъ и весельчакъ.

Начальникъ артиллеріи былъ въ то время генералъ-адъютантъ В. М. Шварцъ, очень богатый человѣкъ; желая поднять и соединить общество, онъ любилъ устраивать разныя торжества. Такъ въ день тезоименитства В. Кн. Ольги Ѳеодоровны, супруги Августѣйшаго генералъ-фельдцейхмейстера всей артиллеріи, и въ день тезоименитства Государя Императора Шварцъ устроилъ грандіозный фейерверкъ передъ Лазенковскимъ дворцомъ.

Для устройства фейерверковъ и иллюминаціи на Повонскахъ въ лагеряхъ, гдѣ стояла вся артиллерія, была образована фейерверочная лабораторія; тамъ работали лаборатористы всѣхъ бригадъ и отъ каждой изъ нихъ по одному офицеру, при чемъ отъ 3-й Гвардейской артиллерійской бригады былъ командированъ В. Карминъ. Завѣдывали лабораторіей батарейные командиры подполковники Салецкій и Нетельгорстъ (извѣстный тогда художникъ). Они

обратили вниманіе на способности и любовь Кармина къ пиротехникѣ и декоративной части и назначили его завѣдующимъ декоративнымъ отдѣломъ и отдѣломъ бенгальскихъ огней на Лазенковскихъ торжествахъ.

Во всѣ торжественные дни Великій Князь Намѣстникъ и супруга его Великая Княжна Александра Іосифовна устраивали рауты въ Лазенковскомъ дворцѣ, и Августѣйшая хозяйка очаровывала всѣхъ своей любезностью и красотой.

Чтобы отблагодарить Великую Княгиню за эти рауты, бригадный командиръ И. С. Кохановъ (впослѣдствіи виленскій генералъ-губернаторъ, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта) устроилъ (въ 1864 г.) большой праздникъ вродѣ пикника въ загородномъ дворцѣ графа Потоцкаго „Наталинѣ", съ неизбѣжнымъ фейерверкомъ и иллюминаціей и двумя оркестрами музыки.

Устройство иллюминацій, фейерверка и декорированіе дома было опять таки поручено Кармину; это былъ его первый самостоятельный опытъ, который удался вполнѣ; Великокняжеская Семья осталась очень довольна всѣмъ вечеромъ. Черезъ нѣсколько дней Кохановъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ распорядителей праздника и прочиталъ имъ польскія газеты, напечатавшія большія похвалы устроенному имъ торжеству.

Иллюминація, состоявшая изъ бумажныхъ фонарей, склеенныхъ артиллеристами и промасленныхъ для большаго эффекта, особенно отмѣчалась одной изъ газетъ, въ ней же говорилось, что фейерверкъ превзошелъ всѣ ожиданія, „впрочемъ, иначе и быть не могло, такъ какъ устроенъ онъ былъ артиллеристами, опытными въ этомъ дѣлѣ".

Перейдя на службу въ Петербургъ въ л.-гв. 1-ю артиллерійскую бригаду, Карминъ не могъ удовлетвориться скучнымъ, однообразнымъ образомъ жизни общества офицеровъ и натянутыми отношеніями, которыя царствовали въ ихъ средѣ. Большую часть дня онъ сталъ проводить въ манежѣ, помогая бригадному берейтору объѣзжать молодыхъ лошадей, но это занятіе не могло заполнить жизнь общительнаго молодого человѣка, привыкшаго въ Варшавѣ къ столичному и военному обществу товарищей, и ему пришла мысль устроить въ небольшомъ тогда и сыромъ помѣщеніи манежа конныя карусели по вечерамъ, привлечь къ участію въ нихъ своихъ новыхъ товарищей и такимъ образомъ объединить ихъ. Устроивъ складчину между офицерами на приведеніе неказистаго манежа въ болѣе или менѣе приличный видъ, Карминъ выточилъ люстры изъ дерева для керосиновыхъ лампъ, устроилъ переносный барьеръ, за нимъ уставилъ скамьи для публики; конская аптека

была превращена въ уборную для прекрасныхъ амазонокъ, которыхъ пригласилъ энергичный распорядитель, а въ комнатѣ сторожа былъ устроенъ чайный буфетъ. Въ хлопотахъ помогалъ Кармину извѣстный тогда сынъ богача спортсменъ Брюстъ-Лисицынъ, онъ же дирижировалъ первою каруселью въ концѣ 1866 г. Родные и знакомые офицеровъ и амазонокъ любовались ѣздой молодежи подъ музыку, а по окончаніи карусели все общество соединилось за чайнымъ столомъ и окончили вечеръ кадрилью на пескѣ. Благодаря дружному веселью натянутыя отношенія исчезли, офицеры горячо благодарили Кармина за доставленное имъ удовольствіе, порѣшили составить общество каруселей и выбрали распорядителемъ Кармина. Изъ этого-то общества и образовался впослѣдствіи СПБ. кружокъ любителей музыкантовъ и артистовъ.

Хотя карусели успѣшно шли и существовали десять лѣтъ, но не могли замѣнить театра и удовлетворить страсти къ нему Кармина. Кромѣ Императорскихъ театровъ тогда не было другихъ, такъ частныя антрепризы не разрѣшались въ столицахъ, но любительскіе спектакли устраивались часто, и Карминъ, устроивъ складной комнатный театръ, разъѣжалъ по знакомымъ и разыгрывалъ съ ними разныя пьесы, но чаще въ качествѣ режиссера, слѣдуя указаніямъ В. В. Самойлова, усвоеннымъ молодымъ офицеромъ еще въ корпусѣ. Къ 1874 году карусели уже нѣсколько пріѣлись и возможно было для оживленія общества устроить въ манежѣ любительскіе спектакли, заведя разборную сцену.

За дѣло взялся Карминъ, которому посчастливилось къ тому же найти между офицерами 1-ой бригады хорошихъ актеровъ и любителей, а между амазонками хорошихъ любительницъ актрисъ. Манежъ уже окончательно преобразился къ этому времени, появилось въ немъ газовое освѣщеніе и хорошія ложи, конскую аптеку окончательно выселили и устроили на ея мѣстѣ прекрасныя дамскія уборныя.

Все было готово для спектаклей, недоставало только оркестра для аккомпанированія пѣнію, а любители желали ставить водевили съ пѣніемъ, которые были въ то время въ модѣ. Духовой бригадный оркестръ къ этому дѣлу не годился: онъ не могъ аккомпанировать пѣнію; рояль нельзя было держать въ сыромъ помѣщеніи манежа,—пришлось составлять струнный оркестръ изъ любителей, преимущественно офицеровъ.

Карминъ, бывшій въ то время бригаднымъ адъютантомъ, завѣдывалъ, слѣдовательно, и хоромъ музыки, капельмейстеромъ былъ имъ приглашенъ знаменитый нашъ солистъ на корнетъ-а-пистонѣ И. Е. Соловьевъ, получившій 1-ю золотую медаль на всемірномъ

конкурсѣ военной музыки въ Парижѣ при Наполеонѣ III. Страстный любитель музыки, игравшій къ тому же и на скрипкѣ, Соловьевъ охотно помогъ Кармину составить оркестръ, привлекъ къ участію въ немъ и нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ учениковъ своихъ офицеровъ. Безвозмездно дирижировалъ оркестромъ (человѣкъ въ 20) тотъ же Соловьевъ, а режиссеромъ спектаклей былъ Карминъ. Спектакли чередовались съ каруселями, тѣ или другіе ставились всего разъ въ мѣсяцъ до 1876 года, во въ этомъ году, по сформированіи 5-ой и 6-ой батарей въ бригадѣ, стало все труднѣе и труднѣе получать манежъ бригады, а съ осени 1876 г. начальство окончательно отказалось давать манежъ подъ спектакли и карусели.

Трудно было любителямъ помириться съ такимъ положеніемъ вещей, особенно послѣ того, какъ на послѣднемъ спектаклѣ въ манежѣ имъ удалось блестяще исполнить такую серьезную пьесу, какъ „Ревизоръ" и передъ такой публикой, какъ все высшее начальство во главѣ съ военнымъ министромъ графомъ Милютинымъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ и его товарищемъ генералъ-адъютантомъ Баранцевымъ.

Въ это время сталъ разгораться славянскій вопросъ, и начиналась сербско-турецкая освободительная война, многіе изъ русскихъ офицеровъ уѣхали въ Сербію добровольцами, уѣхалъ и недавно отличившійся на послѣднемъ спектаклѣ въ роли Хлестакова, капитанъ Голощаповъ (нынѣ генералъ на Кавказѣ).

Всюду шли сборы въ пользу славянъ; желая со своей стороны внести лепту на это дѣло, любители актеры и музыканты обратились къ Кармину съ просьбой устроить спектакли въ пользу славянъ.

Карминъ пустился на поиски помѣщенія и снялъ залъ Кононова, который въ это время пустовалъ, досталъ на свой страхъ декораціи изъ прогорѣвшаго театра „Французскій Буффъ" и устроилъ сцену, такъ какъ таковой въ залѣ Кононова не было, а была лишь эстрада, на которой Римскій-Карсаковъ давалъ свои концерты.

Помогъ Кармину завѣдывавшій домомъ П. И. Архаровъ, состоящій членомъ „кружка" и понынѣ.

Въ этомъ помѣщеніи общество „каруселей" дало цѣлый рядъ спектаклей, привлекая къ участію въ нихъ для увеличенія сборовъ В. В. Самойлова, который какъ-разъ въ это время ушелъ съ императорской сцены, но сохранилъ громадную симпатію публики. Самойловъ любезно согласился играть съ любителями за поспектакльную плату въ 300 рублей. Оркестръ любителей, увеличившійся къ этому времени до 40 человѣкъ, игралъ въ антрактахъ и

аккомпанировалъ пѣнію, а Кармину пришлось сдѣлаться въ немъ контрабасистомъ, такъ какъ играть на этомъ инструментѣ любителей находилось мало, а замѣнить Кармина, какъ скрипача, представлялась полная возможность. Къ русскимъ пьесамъ скоро присоединили и французскія, благодаря тому, что извѣстный тогда дѣятель по славянскому комитету, графъ Нессельроде (сынъ министра иностр. дѣлъ), плохо говорилъ по-русски и могъ играть лишь французскія пьесы; этотъ Нессельроде и другой дѣятель по славянскому комитеру, графъ Соллогубъ (сынъ писателя), принимали горячее участіе въ спектакляхъ любителей-офицеровъ.

Успѣшная дѣятельность „общества каруселей" на сценическомъ поприщѣ дала мысль объ образованіи изъ его членовъ спб. музыкально-драматическаго кружка любителей, написать соотвѣтственный уставъ и подать его на утвержденіе черезъ градоначальника Ф. Ф. Трепова.

Треповъ бывалъ часто на спектакляхъ любителей въ манежѣ, восхищался игрой ихъ и умѣньемъ привлечь въ качествѣ зрителей хорошее общество,—слѣдовательно, въ сочувствіи его музыкально-драматическому кружку сомнѣнія не было.

Все же возникновеніе частныхъ театровъ и кружковъ встрѣчало въ то время непреодолимыя препятствія, на нихъ смотрѣли, какъ на конкуррентовъ императорскихъ театровъ, и частная антреприза безусловно не допускалась. Надо было осторожно обойти всѣ препятствія, и Карминъ написалъ коротенькій уставъ кружка, включивъ такіе пункты: участіе въ кружкѣ профессіональныхъ артистовъ не допускается, спектакли должны быть безплатные, всѣ расходы раскладываются поровну на всѣхъ членовъ кружка, число коихъ не должно превышать 200 человѣкъ.

Для большихъ шансовъ на успѣхъ, Карминъ поѣхалъ къ градоначальнику въ сопровожденіи Соллогуба и Нессельроде, которые носили оба придворное званіе камеръ юнкеровъ и имѣли большія связи въ высшемъ обществѣ. Уставъ былъ поднесенъ Трепову съ просьбой взять подъ свое покровительство нарождающійся въ Петербургѣ 1-й кружокъ любителей. Треповъ обѣщался оказать свое содѣйствіе по утвержденію устава и въ скоромъ времени, при докладѣ Императору о благополучіи въ столицѣ, доложилъ Ему и о новомъ кружкѣ, прося разрѣшенія на его утвержденіе.

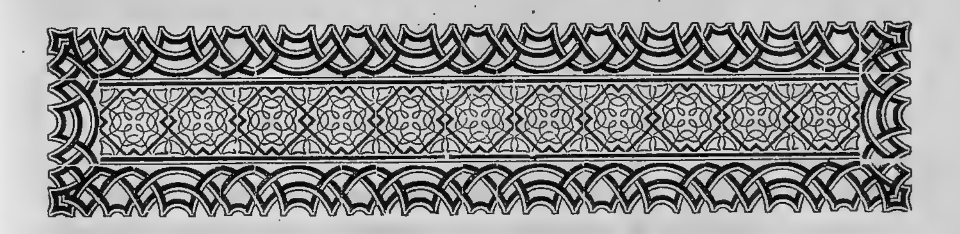
По Высочайшему повелѣнію уставъ былъ переданъ на разсмотрѣніе дирекціи императорскихъ театровъ. Всесильный тогда начальникъ репертуарной части П. С. Федоровъ неоднократно вызывалъ Кармина для разныхъ разъясненій, вставилъ отъ себя нѣсколько пунктовъ въ видѣ примѣчаній и, наконецъ, уставъ былъ пере-

*

данъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, утвержденъ и отпечатанъ, а черезъ девять дней, 3-го апрѣля 1877 года, состоялся въ залѣ Кононова первый спектакль С.-Петербургскаго-Музыкально-Драматическаго Кружка. 3-го же апрѣля 1907 года кружекъ торжественно отпраздновалъ свой 30-ти-лѣтній юбилей и чествовалъ своего основателя и почетнаго члена Валеріана Васильевича Кармина.

Крушковскій.

Жизнь и литературная дѣятельность П. А. Плетнева.

(Окончаніе).

VI[1]).

Въ 1832 году Плетневъ былъ избранъ профессоромъ на каѳедру русской словесности въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Кромѣ университета, у него остался Патріотическій институтъ, а также онъ долженъ былъ преподавать и въ педагогическомъ институтѣ. Въ этомъ послѣднемъ онъ читалъ только шесть лѣтъ, а профессура въ университетѣ оставалась за нимъ до назначенія его ректоромъ уже отъ правительства въ 1849 г., по новому закону, въ силу котораго, между прочимъ, обязанности профессора съ него слагались.

Скабичевскій въ своей второй статьѣ, говоря о началѣ профессорской дѣятельности Плетнева, обвиняетъ его въ томъ, что онъ не обладалъ достаточными для профессора знаніями и что, какъ „катедеръ-карьеристъ" получилъ профессуру по протекціи. „Занять какую-либо каѳедру въ одномъ изъ россійскихъ университетовъ въ тѣ блаженныя времена было дѣломъ очень легкимъ. Для этого не требовалось никакихъ ученыхъ степеней, а достаточно было сильной протекціи". Примѣръ — Гоголь, получившій каѳедру исторіи безъ всякихъ на это ученыхъ правъ. По поводу этого скажемъ,—не разсуждая о томъ, на сколько тяжелъ былъ „ученый багажъ" Плетнева,—что никто не рѣшится утверждать, будто Плетневъ, какъ профессоръ, былъ не на своемъ мѣстѣ, въ особенности, если имѣть въ виду общее состояніе науки въ Россіи въ то время. Это вполнѣ доказывается имѣющимися у насъ воспоминаніями разныхъ лицъ и, кромѣ того, сообщеніями его самого о собственныхъ лек-

[1]) См. „Русскую Старину", іюль 1908 года.

ціяхъ, которыя мы ниже приводимъ. А съ другой стороны, кто же протежировалъ Плетневу? Никитенко оставилъ нѣкоторыя подробности избранія его на каѳедру, откуда видно, что никакого искательства со стороны Плетнева не было. Онъ пишетъ, что съ помощью Уварова, бывшаго въ то время товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, „въ университетѣ принята и приводится въ исполненіе „система очищенія“, т. е. увольненія неспособныхъ профессоровъ. Поэтому Толмачеву (предшественнику Плетнева) велѣно подать въ отставку, Бутырскаго тоже хотятъ уволить (оба—профессора словесности). И вотъ Уваровъ посылаетъ Никитенко къ Галичу, съ предложеніемъ каѳедры словесности, но Никитенко, какъ онъ пишетъ, „рѣшился совѣтовать отдать ее не Галичу, а Плетневу. Послѣдній, говоритъ онъ, гораздо для нея пригоднѣе“. Совѣтъ этотъ былъ принятъ и приведенъ въ исполненіе [1]). Въ этихъ извѣстіяхъ, въ которыхъ нельзя видѣть чего-либо недосказаннаго, нѣтъ и намека на протекцію въ избраніи Плетнева.

Изъ воспоминаній о профессорствѣ Плетнева приведемъ прежде всего слова Тургенева. Тургеневъ о Плетневѣ вспоминаетъ съ самою нѣжною любовью. О профессорствѣ его онъ пишетъ такимъ образомъ. „Какъ профессоръ русской литературы, онъ не отличался большими свѣдѣніями; ученый багажъ его былъ весьма легокъ; зато онъ искренно любилъ „свой предметъ“, обладалъ нѣсколько робкимъ, но чистымъ и тонкимъ вкусомъ, и говорилъ просто, ясно, не безъ теплоты. Главное: онъ умѣлъ сообщать своимъ слушателямъ тѣ симпатіи, которыми самъ былъ исполненъ—умѣлъ заинтересовать ихъ... Онъ былъ очень смиренъ, но его любили. При томъ, его—какъ человѣка, прикосновеннаго къ знаменитой литературной плеядѣ...—окружалъ въ нашихъ глазахъ ореолъ. Всѣ мы наизусть знали стихи: „Не мысля гордый свѣтъ забавить“,—и т. т. [2]).

Авторъ исторіи Спб. университета за первыя 50 лѣтъ, бывшій слушателемъ Плетнева, какъ и Тургеневъ, говоритъ, что „переходъ отъ Толмачева къ Плетневу былъ рѣзокъ“. Первый былъ „человѣкъ старинный и съ отсталыми взглядами, державшійся строгой вѣры въ правила риторики и піитики“ [3]). Плетневъ же, говоря его словами [4]), принялъ за основаніе своихъ лекцій „историко-критическое изъясненіе произведеній литературы и соединилъ въ нихъ взглядъ на успѣхи умственныхъ силъ вообще съ характеристикою самаго искусства, въ перемѣнахъ котораго онъ показывалъ развитіе ду-

[1]) Ib.

[2]) «Литературный вечеръ у П. А. Плетнева».

[3]) Пятидесятилѣтіе, стр. 73.

[4]) 25-лѣтіе Спб. у—та, стр. 80.

ховной жизни націи". „Студентовъ располагала къ нему и производила вообще хорошее впечатлѣніе его симпатичная личность, его внимательность къ студентамъ, желаніе быть имъ полезнымъ. Онъ умѣлъ возбудить въ слушателяхъ охоту пробовать силы свои въ разныхъ родахъ литературныхъ произведеній—и скоро на каѳедрѣ его явились студенческія произведенія, о какихъ раньше не могло быть и мысли: явился, между прочимъ, и „Конекъ-Горбунокъ" Ершова [1]). Однако, какъ говоритъ тотъ же авторъ, „его лекціи не поражали слушателей ни особенностью взглядовъ, ни глубиною мысли и еще менѣе ученостью". Но нѣсколько иначе говоритъ другой слушатель Плетнева, Фортунатовъ. О самомъ первомъ курсѣ лекцій Плетнева онъ сообщаетъ слѣдующее: „Прежде чѣмъ приступить съ нами къ исторіи русской литературы, онъ предпослалъ этому курсу общія замѣчанія о литературѣ и языкѣ вообще. Во вступленіи къ исторіи литературы у него заключалось рѣшеніе вопросовъ: 1) что должна содержать исторія литературы; 2) въ какомъ отношеніи исторія литературы находится къ исторіи политической; 3) какъ надобно опредѣлять въ исторіи литературы эпохи и изображать періоды; 4) какому выбору должно подвергать всѣ матеріалы изъ исторіи литературы. На этихъ вступительныхъ лекціяхъ Плетнева видно вліяніе Фр. Шлегеля, котораго „Исторія древней и новой литературы" въ переводѣ на русскій яз. вышла у насъ въ свѣтъ въ 1830 г. Исторію русской литературы успѣлъ съ нами довести Плетневъ только до Ломоносова. Онъ долго останавливался съ нами на томъ, что должно было имѣть главнѣйшее вліяніе на ходъ нашей древней литературы". О томъ, какъ Плетневъ слѣдилъ за текущею литературою предмета, Фортунатовъ говоритъ: „лишь только являлось какое-нибудь замѣчательное произведеніе, изъ лекцій П. А—ча мы видѣли, что оно ему знакомо [2]).

Нѣкто А. Ч., такъ же слушатель Плетнева, передаетъ, что Плетневъ, какъ и Никитенко, принадлежалъ къ числу немногихъ любимыхъ профессоровъ. Что касается его преподаванія, то А. Ч. присоединяется къ мнѣнію Григорьева, цитированному выше, и, кромѣ того, присоединяетъ слѣдующее: „Задачу ознакомить своихъ слушателей со своими взглядами на извѣстный періодъ русской литературы преподаватель понималъ довольно своебразно. Я слушалъ его лекціи въ продолженіе трехъ курсовъ. Два года подрядъ читалъ Плетневъ Державина и только на 3-й неожиданно перешелъ къ Крылову, не удостоивъ вниманія всѣхъ прочихъ дѣятелей русской

---

[1]) Пятидесятилѣтіе, стр. 90.
[2]) Р. Архивъ, 1869, стр. 332—333.

литературы. Большая часть этихъ лекцій посвящалась чтенію произведеній этихъ авторовъ, чтенію съ устарѣвшею декламаціей, съ кикимъ-то неестественнымъ паѳосомъ“ [1]). Этотъ отзывъ представляется единственнымъ; въ виду другихъ, болѣе благопріятныхъ свѣдѣній, онъ требуетъ осторожнаго къ себѣ отношенія. И, напримѣръ, о чтеніи Плетнева Смирнова отзывается такъ, что онъ умѣлъ своимъ чтеніемъ стиховъ растрогивать слушателей [2]). Интересна подробность, встрѣчаемая у А. Ч., о черной трости, которую Плетневъ „имѣлъ обыкновеніе приносить съ собою на лекцію, и которую не выпускалъ изъ рукъ; говорили, будто она досталась ему на память отъ Пушкина“. Объ этой трости пишетъ, подсмѣиваясь, и Гротъ въ одномъ письмѣ [3]).

Къ совершенно благопріятнымъ отзывамъ принадлежатъ отзывы Лонгинова, Грота, Барановскаго (профессора въ Гельсингфорсѣ). „Онъ читалъ“, говоритъ первый, „не мертвыя лекціи, а живыя импровизаціи, исполненныя знанія и любви къ дѣлу... Онѣ были въ высшей степени занимательны [4]). Барановскій говорилъ Гроту, какъ онъ любилъ лекціи Плетнева, особенно тѣ, на которыхъ происходили пренія со студентами [5]).

Съ 1840 года мы имѣемъ сообщенія о лекціяхъ Плетнева, принадлежащія ему самому, именно въ перепискѣ съ Гротомъ. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Свое мнѣніе о лекціи вообще онъ высказываетъ въ такихъ словахъ. „Будь лекція коротка, но въ ней должно быть зерно мысли. Опредѣлительность предмета, ясность мнѣній и новость взгляда или самаго сюжета—вотъ секретъ быть любимымъ профессоромъ [6]). 25 сентября 43 г. онъ сообщаетъ, что, передавъ слушателямъ идеи объ элементахъ сочиненія, онъ подкрѣпилъ свою теорію разборомъ Іоанны д'Аркъ. „Мои замѣчанія“, прибавляетъ онъ, „очень занимаютъ студентовъ“. Но въ 45 г. онъ пишетъ: „На лекціи я читалъ изъ Ундины. Мнѣ всегда бываетъ досадно, когда при чтеніи не замѣчаешь на лицахъ студентовъ никакого сочувствія къ красотамъ поэта. И теперь было такъ: или они безчувственны, или глупы“ [7])... Первыя лекціи осени 1845 г. были посвящены имъ изложенію элементовъ эстетики, при чемъ

---

[1]) Р. А. 1888. № 9. «Петербургскій университетъ полвѣка назадъ», стр. 120.

[2]) «Записки», I, 107.

[3]) Переписка, III, 119.

[4]) Труды Грота, III, 305.

[5]) Переписка, II, 65.

[6]) Ib. I, 332.

[7]) Ib. II, 434.

было опровергаемо мнѣніе, „будто художества могутъ быть употребляемы какъ средства для достиженія общежительныхъ или политическихъ видовъ“ [1])... 10 октября начатъ „переборъ произведеній нашей словесности“. Говорено о переводѣ библіи „на одно изъ юго-восточныхъ славянскихъ нарѣчій“ и его значеніи. 24 октября лекція о XIII и XIV вв. „Важнаго ничего“, говоритъ Плетневъ, „но изложеніемъ своимъ я доволенъ“. 7 ноября „лекціи касались Никона и Петра Могилы, лицъ важныхъ въ исторіи русскаго образованія XVII в. 14 н. о Кантемирѣ. 28-го о томъ же Кантемирѣ съ сравненіемъ его съ Державинымъ, при чемъ найдено, что „первый оригинальнѣе, вѣрнѣе, полнѣе и проникнутѣе руссизмомъ“. 12-го декабря продолженіе о Ломоносовѣ съ доказательствомъ того, что „своею методою въ искусствѣ писанія онъ задержалъ развитіе общаго движенія нашей литературы, обративъ умы всѣхъ на кованіе громкихъ фразъ, въ которыхъ и заключалось долго все искусство писателей, пренебрегавшихъ легкимъ и комическимъ“. Личность Екатерины II Плетневъ считалъ центромъ всѣхъ культурныхъ движеній конца 18 в., въ томъ числѣ и литературы (ср. выше рѣчь о народности). Въ январѣ 1846 г. Плетневъ пишетъ: „я каждый отдѣлъ литературы во второй половинѣ XVIII в. вывожу изъ собственной умственной дѣятельности Екатерины II. Такъ приступая къ легкой словесности, въ которой отличились Богдановичъ и Хемницеръ, я показалъ, что въ сказкахъ государыни были уже элементы этого забавнаго тона и языка. Мнѣ удалось все это округлить и представить живо“. Объ одномъ оригинальномъ случаѣ читаемъ 6 февраля... „на лекціи читалъ я нѣкоторыя мѣста изъ М. Н. Муравьева—и это не только интересовало слушателей, но и меня самого. Тутъ былъ и молодой Баратынскій. Я къ моимъ разсказамъ о впечатлѣніи, какое всегда производитъ на меня Муравьевъ, прибавилъ (указывая на Баратынскаго), что съ его отцомъ и Дельвигомъ началъ я учиться словесности съ этого чтенія—и, кажется, это на всѣхъ подѣйствовало“. Съ 1820 года, по хронологіи Плетнева, начинается великая эпоха: искусство начинаетъ падать, и выходитъ на сцену промышленность [2]).

Для древней исторіи у Плетнева были записки. 9 марта 1848 г. онъ пишетъ: „я, составивши въ первый годъ профессорства записки касательно древней исторіи русской литературы (о новой могу всегда говорить безъ приготовленія) пользуюсь ими до сихъ поръ, разнообразя то содержаніе, то планъ, то изложеніе“. Въ качествѣ

---

[1]) Ib. II, 548.
[2]) Ib. II, 709.

источниковъ онъ пользовался въ древней исторіи литературы Карамзинымъ и Евгеніемъ, которые „всѣхъ обстоятельнѣе изложили дѣло и все черпали изъ самыхъ источниковъ“ [1]). Гротъ пишетъ ему однажды объ этихъ источникахъ: „матеріалы извлечены (для записокъ) иногда слово въ слово, однако жъ ты умѣлъ оживить (въ общемъ ихъ соединеніи) ихъ своею мыслію и своимъ взглядомъ“ [2]).—Плетневъ по выслугѣ 25 лѣтъ въ ученомъ званіи, послѣ которыхъ профессоръ по закону долженъ былъ быть увольняемъ, еще два раза былъ избираемъ на каѳедру [3]).

Изъ всего этого видно, что Плетневъ былъ преподаватель средней руки, который, какъ отозвался Тургеневъ, „не внушалъ студентамъ никакихъ преувеличенныхъ чувствъ, ничего подобнаго тому, что возбуждалъ въ нихъ, напримѣръ, Грановскій“, но вовсе не характеризуетъ собою „блаженныя времена“ 30—40-хъ годовъ, какъ утверждаетъ Скабичевскій.

Въ февралѣ 1840 года Плетневъ, оставаясь профессоромъ, былъ избранъ въ ректоры; въ 1844 и 48 гг. переизбранъ, а съ 1849 года, вслѣдствіе новаго постановленія о ректорахъ [4]), назначенъ былъ на эту должность отъ правительства и оставался въ ней до октября 1861 г. Въ продолженіе этого времени Плетневъ исполнялъ также обязанности попечителей, когда они отсутствовали. Григорьевъ говоритъ о ректорствѣ Плетнева: „выборы Плетнева въ ректорское званіе совѣтомъ университета и затѣмъ утвержденіе его въ этомъ званіи правительствомъ на безсрочное время свидѣтельствуютъ какъ о способностяхъ его къ ректорскимъ обязанностямъ, совершенно иного свойства, нежели профессорскія, такъ и о признаніи за нимъ этихъ способностей со стороны товарищей по университету и со стороны высшаго начальства. Большимъ счастіемъ для университета было, во многіе трудные дни его существованія, имѣть во главѣ своей человѣка съ такимъ покойнымъ до невозмутимости характеромъ, какимъ отличался Плетневъ, пользовавшійся за то, при необыкновенномъ практическомъ умѣ, тонкомъ тактѣ и холодной добротѣ своей, расположеніемъ и уваженіемъ во всѣхъ слояхъ общества“ [5]). Тотъ же А. Ч., отзывы котораго мы при-

---

[1]) Ib. I, 446.

[2]) Ib. I, 416.

[3]) Ib. III, 486.

[4]) Въ письмѣ къ Жуковскому отъ 3 янв. 1850 г. (Соч. и переп., III, 620) Плетневъ пишетъ, что (по словамъ Уварова) «перемѣна въ способѣ избранія ректоровъ устроена была для благовиднаго удаленія меня отъ должности». Вѣроятнѣе предполагать тутъ результатъ усиленія «охранительныхъ» мнѣній послѣ 48 года.

[5]) Пятидесятилѣтіе, 296.

водили ранѣе, о ректорствѣ Плетнева говоритъ такимъ образомъ: „Добродушный и всегда доступный Плетневъ былъ совершенно противоположнаго типа“, чѣмъ его предшественникъ Шульгинъ, котораго „обращеніе со студентами было непривѣтливо и выраженіе лица сурово“ [1]). „Плетневъ съ рѣдкою въ начальникѣ снисходительностью выслушивалъ просьбы студентовъ и, по возможности, всегда удовлетворялъ ихъ. Благоволительная скромность принадлежала къ отличительнымъ чертамъ его характера. Она проявлялась, напр. при студенческихъ исторіяхъ. Однажды студенты выгнали субъинспектора изъ аудиторіи за то, что онъ по приказанію попечителя сталъ отмѣчать отсутствующихъ. Плетневъ въ рѣчи къ нимъ сталъ объяснять, что они должны „сохранять въ поступкахъ то достоинство, которое на нихъ возлагаетъ званіе студентовъ. Говорятъ“, прибавляетъ Плетневъ, „будто они изумлены были столь неожиданнымъ тономъ искренности и спокойствія моего“ [2]).

Случай съ Некрасовымъ особенно ярко характеризуетъ его благодушное отношеніе къ учащимся. Приведемъ его со словъ Скабичевскаго. „Получивъ на пріемномъ экзаменѣ единицу изъ географіи и опасаясь экзамена физики, Некрасовъ явился къ ректору, Плетневу, и откровенно высказалъ ему свое положеніе: онъ противъ воли отца поступаетъ въ университетъ, и теперь, если его не примутъ въ число студентовъ, его положеніе будетъ отчаянное. Плетневъ справился о прочихъ отмѣткахъ, отлично рекомендовавшихъ юношу, желавшаго, при томъ поступить на философскій факультетъ, и обнадежилъ Некрасова обѣщаніемъ ходатайствовать за него въ совѣтѣ. Но Некрасовъ совсѣмъ не явился на экзаменъ изъ физики, и въ совѣтѣ только поэтому не могло быть объ немъ и рѣчи. За то потомъ при свиданіи Плетневъ убѣждалъ Некрасова все-таки не оставлять университета и поступить вольнослушателемъ. Некрасовъ сначала не рѣшался. Нѣсколько дней спустя, на Старо-Исаакіевскомъ мосту юноша видитъ, что кто-то догоняетъ его и идетъ съ нимъ рядомъ, всматриваясь въ него. Это былъ Плетневъ. Онъ снова сталъ убѣждать его, и Некрасовъ подалъ прошеніе“ [3]).

Въ качествѣ ректора, а также и ранѣе, будучи только профессоромъ, Плетневъ почти каждый годъ составлялъ отчетъ по университету. Кромѣ того, Плетневу принадлежитъ не разъ цитированный нами трудъ, составленный ко дню юбилея: „Первое 25-лѣтіе

---

[1]) L. c. 125.

[2]) Переписка съ Гротомъ, II, 821 слл.

[3]) В. Е. 1885 г. ноябрь, стр. 57. У Скабичевскаго приведено, какъ выдержка изъ «біографіи».

Императорскаго С.-Петербургскаго Университета", читанный имъ на актѣ 8 февраля 1844 г. [1]). Никитенко отзывается объ отчетѣ не особенно одобрительно: „Ректоръ 3 ч. и 18 минутъ читалъ исторію университета. Тоска и холодъ всѣхъ одолѣли. Никогда еще, кажется, университетскій отчетъ не былъ неудачнѣе. О дѣятельности университета за истекшія 25 лѣтъ не сказано ничего существеннаго, а можетъ быть и не могло быть сказано" [2]). Дѣйствительно, это трудъ, носящій характеръ довольно сухого перечня.

Не лишне для характеристики Плетнева, какъ профессора и ректора, упомянуть объ одномъ замѣчаніи Никитенко. Онъ говоритъ, что въ 1849 году—когда ходили слухи о закрытіи университетовъ — „Плетневъ въ своемъ отчетѣ старался, сколько возможно, выставить пользу и безопасность университетскаго образованія [3]).

VII.

Съ ректорствомъ Плетнева и съ службой его друга, Грота, въ Гельсингфоргскомъ университетѣ тѣсно связаны не безынтересныя отношенія друзей къ Финляндіи. Прежде скажемъ о знакомствѣ Плетнева съ Гротомъ, которое перешло потомъ въ самую тѣсную дружбу и имѣло большое вліяніе на обоихъ друзей. Сближеніе произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ концѣ 1837 года Яковъ Карловичъ окончательно обработалъ свой переводъ „Мазепы" Байрона и далъ прочесть его своему товарищу Деларю. Этотъ передалъ переводъ Плетневу, который и пожелалъ познакомиться съ Гротомъ лично. Гротъ, какъ онъ говоритъ въ автобіографіи, „по трудамъ его давно чувствовалъ влеченіе" къ Плетневу. Онъ не замедлилъ откликнуться на зовъ Плетнева, и „Мазепа" появился вскорѣ въ журналѣ Плетнева [4]). Склонный къ привязанности Плетневъ и мягкій, нѣжный Гротъ сошлись между собою и до конца сохраняли постоянное общеніе. Уже въ началѣ ихъ переписки встрѣчаемъ такія изъявленія любви друзей. Гротъ пишетъ: „Съ благоговѣніемъ любовался я вашею аккуратностью и жадно ловилъ глазами каждую букву вашей руки" [5]). Плетневъ: „Я васъ люблю и уважаю, и въ перваго вѣрую, какъ въ себя" [6]). Плетневъ часто

[1]) Издано въ томъ же г. Всего 127 стр. маленькаго формата.

[2]) Дневникъ I, 462.

[3]) Ib. I, 505.

[4]) Переписка Плет. съ Гр. I, стр. IX. «Мазепа» въ Совр. 1838 г. т. IX, 94—128.

[5]) Ib. 27 авг. 1840.

[6]) Ib. 8 окт. 1840.

признается другу, что вліяніе Грота отражается на немъ самымъ благотворнымъ образомъ [1]). Съ своей стороны и Гротъ не остается въ долгу въ отношеніи признательности. Но изъ переписки видно, что все-таки Плетневъ получилъ отъ дружбы болѣе, нежели Гротъ. Напримѣръ и Плетневъ говоритъ такимъ образомъ: „То, чѣмъ я обязанъ Якову Карловичу, въ сущности несравненно выше того, на что можетъ указать онъ, какъ на мое ему содѣйствіе. Его вліяніе на меня было чисто моральное и интеллектуальное: онъ развилъ въ душѣ моей любовь къ умственному труду, уваженіе ко всему дорогому и раскрылъ тѣ, едва замѣтныя черты въ душѣ нашей, которыя поставили человѣка такъ высоко надъ всею природой [2]). Въ 1840 году Гротъ переселился въ Гельсингфорсъ, а въ 1841 году былъ назначенъ тамъ профессоромъ. Плетневъ, избранный 1840 г. ректоромъ, въ тотъ же годъ былъ посланъ въ Гельсингфоргскій университетъ на двухсотлѣтній юбилей, въ качествѣ представителя отъ петербургскаго университета. Тамъ онъ былъ избранъ, какъ и Жуковскій, почетнымъ докторомъ. Результатомъ этой поѣздки была статья Плетнева: „Двухсотлѣтній юбилей Александровскаго университета“, напечатанная въ „Современникѣ“ въ томъ же 1840-мъ году [3]). Здѣсь описывается богатое церемоніями торжество и, между прочимъ, происходившія на немъ „промоціи“. Пребываніе Плетнева на юбилеѣ, во время котораго онъ былъ и гостемъ своего друга, скрѣпило еще болѣе ихъ связь, а кромѣ того еще, вообще, произвело на него чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Съ этой поѣздки начинаются его симпатіи къ Финляндіи и финляндцамъ. Тамъ онъ познакомился съ нѣсколькими финляндскими учеными и литераторами. Это произошло, главнымъ образомъ, на собраніи 7 (19) іюля, когда русскіе ученые (а не наоборотъ!) устроили небольшое угощеніе своимъ собратьямъ. Тутъ присутствовали, между прочимъ, такія лица, какъ, Францевъ, Рунебергъ и Лёнротъ [4]), а изъ русскихъ — наши друзья. Объ этомъ торжествѣ, говоритъ Плетневъ, съ чрезвычайною теплотою описывая союзъ участвовавшихъ гостей, въ своемъ описаніи: „Языки: латинскій, русскій, нѣмецкій, шведскій, французскій и даже финляндскій звучали по небольшой залѣ. Хозяева повели къ столу гостей своихъ, какъ дамъ, гдѣ и сѣли парами“ и т. д. Гротъ на этотъ случай приготовилъ стихи, кото-

---

[1]) Ib. I, 452 и др.

[2]) Ib. III, 28 апр. 1865 г.

[3]) Совр. XX, 5—23. Соч. и переп. I, 433.

[4]) Епископъ Францѐнъ — шведскій поэтъ. Рунебергъ — финскій поэтъ (1804—1877). Лёнротъ—финскій ученый языковѣдъ и писатель (1802—1884) возстановитель текста Калевалы.

рые Плетневъ и приводитъ въ своемъ описаніи. Тутъ, между прочимъ, читаемъ:

Друзья, нальемъ огнистой влагой чаши
И весело подымемъ ихъ къ устамъ;
„Да здравствуютъ“, воскликнемъ, „братья наши
По сѣверу и девяти сестрамъ!“
Отнынѣ намъ милѣе финновъ скалы;
Да будетъ ввѣкъ сей край благословенъ.
Ура, осушимъ полные бокалы
За дружество полуночныхъ каменъ“... [1]).

„Русскіе и финляндцы“, говоритъ Плетневъ въ концѣ статьи, „подъ охранительною державою единственнаго монарха, должны идти по одной дорогѣ и равнымъ шагомъ на поприщѣ просвѣщенія. Юбилей Александровскаго университета былъ поводомъ сближенія тѣхъ и другихъ, конечно не въ большомъ количествѣ, но онъ показалъ— взаимное ихъ стремленіе къ преуспѣянію благодѣтельныхъ занятій и пламенную любовь къ общему ихъ отечеству. Можетъ быть, онъ составитъ эпоху въ соединеніи литературъ Сѣвера и въ обработываніи его исторіи“.

Затѣмъ, переписываясь съ Гротомъ, Плетневъ съ самымъ живымъ интересомъ справляется о своихъ новыхъ знакомыхъ. Въ августѣ того же года онъ пишетъ: „Съѣздите къ Вульферту (финляндскому почтъ-директору) на дачу и, скажите, что я не перестаю вспоминать о томъ днѣ, который у нихъ провелъ. Не отвѣчалъ ли Франценъ?.. Мнѣ все такъ у васъ любопытно. Я васъ прошу каждому изъ знающихъ меня пересказывать, какъ я ими всѣми не перестаю интересоваться [2]). Онъ даже называетъ иногда себя финляндцемъ [3]). 16 мая 1842 года пишетъ Гроту: великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ „всегда забавна моя привязанность къ Финляндіи. Она говоритъ, что я похожъ на ребенка, которому удалось разъ куда-нибудь съѣздить, и онъ безпрестанно вспоминаетъ объ этомъ. „Вѣдь вы не родились тамъ“, прибавила она. „По крайней мѣрѣ“, отвѣчалъ я, „надѣюсь тамъ умереть“ [4]). Въ письмахъ Грота читаемъ, что и финляндцы съ своей стороны выражали большую симпатію къ Плетневу. Нѣкоторыя лица хотѣли перенести сближеніе и на почву печати. Напримѣръ, упомянутый Вульфертъ предполагалъ издавать „Финляндскій Вѣстникъ“, къ участію въ которомъ онъ

[1]) «Соч. и переписка» Плетнева I, 442.
[2]) Переписка I, 12.
[3]) Ib. I, 164.
[4]) Ib. I, 539.

хотѣлъ привлечь и Грота съ Плетневымъ. Послѣдній одобрялъ это намѣреніе, но оно осталось неосуществленнымъ [1]. Другое изданіе, хотя нѣсколько позднѣе, было выпущено. На упомянутомъ обѣдѣ русскихъ и финляндскихъ литераторовъ въ юбилейные дни задуманъ былъ сборникъ, который и былъ изданъ Гротомъ къ началу 1842 г. подъ именемъ „Альманахъ въ память 200-лѣтняго юбилея Александровскаго университета", на шведскомъ и русскомъ языкахъ. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что Плетневъ снабжалъ финляндцевъ, отправлявшихся внутрь Россіи, рекомендаціями.

Однако, симпатіи финляндцевъ къ русскимъ были менѣе искренни, чѣмъ предполагалъ Плетневъ, и не простирались далѣе личностей. Это видно изъ сообщеній Грота, въ какомъ положеніи находилось въ Финляндіи изученіе русскаго языка и какъ отнеслись тамъ къ преподаванію Грота. Положеніе русскаго языка въ Гельсингфорсскомъ университетѣ было подобно тому, какое было въ доброе старое время въ Дерптскомъ университетѣ. О положеніи русскихъ преподавателей въ Гельсингфорсѣ ясно свидѣтельствуетъ случай съ предшественникомъ Грота, о чемъ пишетъ послѣдній, что этого преподавателя одинъ изъ студентовъ однажды схватилъ за носъ [2]. Другой профессоръ, обязанный читать русскую исторію, вовсе ея не читалъ [3]. Русскія дѣловыя бумаги иногда попадили нераспечатанными подъ столъ [4], что дѣлалъ самъ ректоръ. О томъ, какого мнѣнія держались финляндцы о русскихъ, свидѣтельствуютъ слѣдующія слова Грота. „Послѣ обѣда", пишетъ онъ, „поправлялъ сочиненіе одного студента о пользѣ русскаго языка. По его мнѣнію, недостаточные въ немъ успѣхи происходятъ отъ предразсудка, что русскіе вообще грубы и безнравственны" [5]. Гротъ говоритъ, что изученіе русскаго языка запущено, да и самые законы объ этомъ очень легко можно обходить. По закону, какъ пишетъ Гротъ, знаніе русскаго языка требовалось отъ всѣхъ студентовъ, поступавшихъ изъ частныхъ домовъ, отъ тѣхъ гимназистовъ, которые не были въ гимназіи освобождены отъ изученія русскаго языка. А этимъ правомъ пользовались тѣ, кто заявятъ, что они готовятся къ ученому поприщу, а не къ гражданской службѣ. „А такъ какъ", прибавляетъ Гротъ, „меньшее только число готовится въ чиновники, и меньшее же число поступаетъ изъ родительскаго дома, то

---

[1] Ib. I, 666.
[2] Ib. I, 15.
[3] Ib. I, 315.
[4] Ib. III, 334.
[5] Ib. II, 620.

ясно, что большая часть студентовъ нашихъ вовсе не обязана знать русскаго языка“ [1]).

Финляндцы, должно быть, сразу увидѣли серьезныя намѣренія Грота и потому отнеслись къ его назначенію съ подозрѣніемъ. Онъ пишетъ Плетневу: „сильны старые предразсудки: они сообразили, что правительство хочетъ вдругъ насильно навязать имъ русскій языкъ“ [2]). Профессоръ Лилле прямо говорилъ Гроту, что на послѣдняго смотрятъ съ неудовольствіемъ и даже съ подозрѣніемъ [3]). Что симпатіи финляндцевъ именно простирались только на личности, показываетъ слѣдующее мѣсто изъ письма Грота: „когда я Рейну (профессору) рекомендовался, какъ новый его товарищъ (съ приличной скромностью), то онъ сказалъ, что собственно моей персонѣ всѣ они рады, но боятся, что слишкомъ усиленное ученіе русскаго языка повредитъ ихъ древней національный образованности“. [4]) Гротъ поспѣшилъ увѣрить его, что онъ постарается согласить оба интереса и что ему дорога, какъ и всякому изъ финляндцевъ, польза края и университета. Ректоръ объяснялъ Гроту, что налегать неудобно на русскій языкъ, который долженъ быть изучаемъ не въ университетѣ, а въ гимназіи [5]). Такія заявленія дѣйствовали на Грота, а слова Лилле произвели на него такое впечатлѣніе, что онъ плакалъ [6]).

При такихъ условіяхъ приходилось Гроту начинать свое преподаваніе. Назначенный ординарнымъ профессоромъ (кромѣ него были еще лекторъ и экстра-орд. проф.) исторіи и литературы русской, онъ и долженъ былъ начать чтеніе по-шведски и только одну лекцію читалъ по-русски (изъ четырехъ) [7]). Послѣднюю врядъ ли кто понималъ, такъ какъ, по словамъ самого Грота, студентовъ, способныхъ слушать русскія лекціи, не было [8]). Первыя лекціи, однако, посѣщались. Вступительная „была полна любопытныхъ“,—въ слѣдующую—„опять множество слушателей, но уже поменьше“. Въ концѣ же концовъ ему пришлось добиваться успѣховъ строгостью. Онъ пишетъ: „Въ четвергъ утромъ былъ у меня на дому тентаменъ (предварительное испытаніе) въ русской исторіи. Одинъ изъ бывшихъ тутъ двоихъ студентовъ могъ отвѣчать и изъ русскаго

---

[1]) Ib. Письмо 25 ноября 1845 г.
[2]) Ib. I, 319.
[3]) Ib. I, 320.
[4]) Ib. I, 315.
[5]) Ib. I, 321.
[6]) Ib. I, 320.
[7]) Ib. I, 392, 396.
[8]) Ib. I, 326.

языка. Я ихъ продержалъ съ 1/29 до 12-ти и рѣшился быть вообще гораздо строже прежняго въ своихъ требованіяхъ, убѣдившись, что только взыскательностью и можно добиться успѣховъ. Впередъ никому не будетъ оказываемо ни малѣйшаго снисхожденія. Къ тому я такъ устроилъ, что знаніе русскаго языка на моихъ экзаменахъ, какъ и въ службѣ, даетъ рѣшительный перевѣсъ" [1]. Но эта взыскательность не прошла ему даромъ. Ему пришлось испытать не особенно пріятную исторію „окноломства". Въ его квартирѣ нѣсколько разъ выбивали стекла какимъ-то длиннымъ орудіемъ, и какъ будто производились даже выстрѣлы [2]. Однако Гротъ, несмотря на всѣ непріятности, оставался въ Гельсингфорсѣ до 1853 г., когда онъ перешелъ въ Александровскій Царскосельскій Лицей и сталъ въ то же время учителемъ въ царскомъ домѣ. Вмѣстѣ съ этимъ кончились и финляндскія отношенія Плетнева.

Относительно Плетнева нужно замѣтить, что онъ не представлялъ себѣ ясно, по какому поводу финляндцы могутъ недружелюбно относиться къ Гроту. Онъ замѣчаетъ Гроту, что финляндцы поступили въ отношеніи къ нимъ не столь добросовѣстно, какъ можно бы отъ нихъ ожидать. „Какъ можно", восклицаетъ тутъ же Плетневъ съ наивнымъ удивленіемъ, „принадлежа Россіи, пренебрегать ея исторіею"? [3]) Потомъ и онъ разочаровывается въ новыхъ друзьяхъ, однако суть дѣла все еще не ясна ему. Онъ не понимаетъ, въ чемъ могутъ финляндцы подозрѣвать Грота (слова Лилле). „Въ чемъ подозрѣніе?" спрашиваетъ онъ, „въ проискѣ или въ другомъ чемъ"? [4]) „Я удивляюсь, какъ Цигнеусъ (одинъ изъ друзей, поэтъ) не растолкуетъ тебѣ, что все это броженіе умовъ есть обыкновенное толмачество безсилія и празднословія". „Вотъ каковы друзья! Годъ восхищались въ тебѣ всѣмъ, а теперь нахмурились". Но со стороны финляндцевъ подобное настроеніе понятно вполнѣ, когда они увидѣли, какое серьезное значеніе придаетъ Гротъ изученію русскаго языка и исторіи, тогда какъ ихъ привычныя мнѣнія объ этихъ предметахъ были совершенно другія... Кромѣ того, имъ могло казаться, что это усиленіе русскаго языка приметъ размѣры, опасные для ихъ національности. Въ этомъ смыслѣ они могли подозрѣвать, что Гроту даны отъ правительства русскаго какія-нибудь инструкціи, что было, конечно, несправедливо, такъ какъ Гротъ дѣйствовалъ по личному усердію. И правительство русское въ то

---

[1]) Ib. II, 460.
[2]) Ib. II, 664, 691, 695.
[3]) Переписка, I, 324.
[4]) Ib. I, 327.

время никакими особыми цѣлями по отношенію къ Финляндіи не задавалось.

Остается сказать, что заботы Плетнева о Финляндіи выразились еще въ нѣсколькихъ запискахъ, поданныхъ имъ разнымъ лицамъ. Одна изъ нихъ написана на имя статсъ-секретаря гр. Ребиндера, другая—наслѣдника престола, носившаго титулъ канцлера университета. Въ первой [1]) изложенъ Плетневымъ планъ преподаванія русскаго языка въ Гельсингфорсскомъ университетѣ. Должны быть, по его проекту, 4 преподавателя: 2 лектора, одинъ профессоръ литературы и ординарный профессоръ исторіи. Слушать должны студенты всѣхъ факультетовъ. Должна быть улучшена и расширена библіотека русскихъ книгъ. Для поощренія студентовъ должно учредить преміи или предоставить выгоды по службѣ. „Когда университетъ", говорится въ запискѣ, „распространитъ по Финляндіи столько людей, которые воспитаютъ новое поколѣніе въ новыхъ чистыхъ понятіяхъ о Россіи, тогда достаточно будетъ оставить при университетѣ опять одного лектора... Прочее приведено будетъ въ движеніе распространившимся знаніемъ достоинства націи". Въ запискѣ наслѣднику [2]) говорится о шведахъ, финляндцахъ, финнахъ, о важности тамошняго университета и объ отношеніи къ нему каждаго изъ указанныхъ племенъ. Затѣмъ изображено, „какъ распространеніе русскаго языка въ племени такъ называемыхъ финляндцевъ можетъ не только въ университетѣ, но и повсюду дѣйствовать на сближеніе Финляндіи съ Россіей".

VIII.

Литературная дѣятельность Плетнева за разсматриваемый періодъ сосредоточилась въ „Современникѣ". О происхожденіи его и о томъ, что онъ представлялъ изъ себя, намъ извѣстно слѣдующее. Въ декабрѣ 1835 г. Пушкинъ, давно уже имѣвшій намѣреніе „произвести что-нибудь: альманахъ, журналъ, чего добраго и газету [3]), подалъ записку Бенкендорфу съ просьбой позволить ему издать въ слѣдующемъ году четыре тома статей чисто литературныхъ (какъ-то: повѣстей, стихотвореній etc.), историческихъ, ученыхъ, также критическихъ разборовъ русской и иностранной словесности, на подобіе англійскихъ трехмѣсячныхъ Rewiews" [4]) Это позволеніе было дано

---

[1]) Ib. I, 661—2.
[2]) Ib. I, 208.
[3]) Письмо къ Плетневу. «Соч. и переписка» III, 370.
[4]) Соч. Пушкина, стр. 1597.

Пушкину въ январѣ 1836 г., и результатомъ его явились четыре тома „Современника". Уже изъ самой просьбы Пушкина видно, что онъ не предполагалъ издавать журналъ въ собственномъ смыслѣ, а именно нѣчто въ родѣ альманаха и просилъ разрѣшенія только на годъ. Дальнѣйшая судьба изданія изложена Плетневымъ въ запискѣ его опекѣ дѣтей Пушкина, которая (опека) при передачѣ Плетневымъ „Современника" въ 46 г. обратилась къ нему съ заявленіемъ правъ дѣтей поэта на „Современникъ" [1]). Оказывается, что на слѣдующій, 37-й годъ, Пушкинъ просьбы не возобновлялъ, а появленіе „Современника" въ этомъ году объясняется тѣмъ, что „В. А. Жуковскій, кн. П. А. Вяземскій, кн. В. Ѳ. Одоевскій и Плетневъ обратились къ Государю Императору съ просьбою... издать еще четыре тома „Современника" въ пользу семейства А. С. Пушкина".

„Кончивъ изданіе", продолжаетъ Плетневъ, „мы исполнили обязанность, которую приняли на себя въ память дружбы къ намъ А. С. П., и „Современникъ" прекратился. Ни мы, ни наслѣдники покойнаго не имѣли права признавать его чьею-либо собственностью, такъ какъ онъ и прежде и нынѣ, по точному смыслу Высочайшаго разрѣшенія, существовалъ временно". Относительно же своего самостоятельнаго издательства Плетневъ продолжаетъ: „Ея Императорскому Высочеству Государынѣ Маріи Николаевнѣ угодно было ходатайствовать, чтобы это прекратившееся навсегда изданіе было возстановлено, и чтобы „Современникъ" изъ сборника, выходившаго каждый разъ съ особаго Высоч. разрѣшенія, обращенъ былъ въ постоянный журналъ и съ тѣмъ вмѣстѣ въ законную собственность одного издателя и редактора, представляя меня на этотъ отвѣтственный предъ правительствомъ трудъ, какъ человѣка, лично извѣстнаго Ея Высочеству". Разрѣшеніе было дано 14 ноября 1837 г. и положило начало съ 1838 года издательской дѣятельности Плетнева.

Какую же цѣль преслѣдовалъ новый издатель и въ какомъ видѣ явилось его изданіе? Хотя Плетневъ и заявлялъ въ запискѣ, что „Современникъ" Пушкина былъ явленіемъ временнымъ, и что такимъ образомъ „Современникъ" Плетнева представляетъ изъ себя нѣчто независимое, однако онъ всегда говорилъ, что продолжаетъ дѣло Пушкина, сохраняетъ его наслѣдіе. Разсмотрѣніе взглядовъ на журналъ Пушкина уяснитъ намъ, слѣдовательно, и взгляды Плетнева. Что Плетневъ считалъ себя продолжателемъ Пушкина, въ этомъ никто не сомнѣвался. Гротъ смотритъ на изданіе, какъ на нѣкото-

---

[1]) Переп., II, 957.

рую обязанность передъ Пушкинымъ [1]). И Гоголь въ письмѣ къ Плетневу говоритъ: „его (журнала) цѣль другая: это благоуханіе цвѣтовъ, растущихъ уединенно на могилѣ Пушкина“... Каковы же были намѣренія поэта, которыя хотѣлъ онъ осуществить своимъ изданіемъ? Съ одной стороны это какъ будто желаніе придать равновѣсіе литературѣ посредствомъ борьбы противъ „братьевъ разбойниковъ“. Но, съ другой стороны, критика и тогда замѣтила склонность къ предразсудкамъ, которые не могли придать ему значеніе руководителя общественнаго мнѣнія. Именно, „Современникъ“, объявляя себя продолжателемъ Литературной Газеты, избралъ себѣ слишкомъ благородныя средства для пріобрѣтенія вліянія: не полемику онъ взялъ себѣ принципомъ, а выраженіе почтенія къ заслугамъ, стремленіе къ образованію общественнаго вкуса посредствомъ указанія на избранныхъ представителей науки и искусства. Кромѣ того, въ „Современникѣ“ почти вовсе отсутствовалъ общественный элементъ, а намеки на него отличались наклонностью къ аристократизму, къ провозглашенію себя и лицъ единомысленныхъ родомъ избраннымъ, солью земли. За это-то и упрекалъ издателя Бѣлинскій: „къ чему эти безпрестанныя похвалы самимъ себѣ за знаніе „свѣтскости“, къ чему эти безпрестанныя увѣренія, что вы люди свѣтскіе? Мы и такъ вѣримъ вамъ“... Такимъ образомъ, изданіе Пушкина являлось чѣмъ-то въ родѣ оранжерейнаго цвѣтка, который нужно было оберегать отъ вреднаго дыханія современной журналистики. Но цвѣтокъ этотъ, будучи благороднымъ, не обладалъ тѣми качествами, которыя дѣлали бы его жизненнымъ: въ немъ не было общественности, современности. Безъ этихъ свойствъ онъ естественно и спустился на положеніе прежнихъ „Альманаховъ“.

Благоговѣя къ памяти великаго поэта и къ его взглядамъ, Плетневъ и беретъ на себя обязанность продолжать дѣло Пушкина въ томъ же духѣ и тѣми же средствами. Взгляды его на журнальную дѣятельность выражаются и въ положительныхъ сужденіяхъ о дѣятельности журналиста и въ отрицательныхъ—о тогдашнихъ литературныхъ дѣятеляхъ. Хотя отзывъ Плетнева о значеніи журнала не одинаковы, однако можно найти мѣста въ его письмахъ, въ которыхъ онъ придаетъ журналу, періодическимъ изданіямъ, вообще, великое значеніе. Такъ, онъ говоритъ по поводу импровизированныхъ лекцій: „Сосредоточивая вниманіе слушателей на трехъ эпохахъ развитія мысли, т. е. на открытіи языка, письменъ и книгопечатанія, вдругъ почувствовалъ я, что въ наше время соверши-

[1]) Ib. II, 828.

лось для мысли нѣчто равносильно-важное предыдущимъ случаямъ: это періодическія изданія. Франція и Англія уже почувствовали всю необъятность силы, все благо и всю гибель этого новаго властелина, поднявшагося надъ всѣми видоизмѣненіями могущества. Нѣтъ доктрины, которой бы, наконецъ, нельзя было навязать человѣчеству помощью періодическаго изданія, ведомаго равномѣрно, но неослабно" [1]). Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „Теперь безъ журнала нѣтъ средства ученому быть полезнымъ отечеству. Печатаніе сочиненій отдѣльно, преподаваніе лекцій изустно,—все это ничто въ сравненіи съ журналомъ, который превратился въ англійскій магазинъ всей умственной дѣятельности" [2]). Что же касается назначенія журнала, одушевленнаго добрыми намѣреніями, а не преслѣдующаго наживу, то Плетневъ продолжаетъ смотрѣть на него, какъ на вмѣстилище того же святого искусства, которому служили въ прошломъ, и отчасти въ настоящемъ, его друзья—поэты. Журналъ долженъ имѣть цѣлью „послѣдовательное развитіе лучшихъ убѣжденій въ назиданіе не только нынѣшнимъ поколѣніямъ, но и другимъ" [3]). Объ общественномъ же содержаніи журналистики онъ полагаетъ такъ, что „ни политика, ни религія, ни философія не могутъ у насъ развиваться и развѣтвляться". Какъ продуктъ искусства, журналъ не долженъ терпѣть около себя какихъ-либо торговыхъ сдѣлокъ въ родѣ платы сотрудникамъ за ихъ произведенія, что начали допускать другіе „торгаши", которые „изъ храма и алтарей сдѣлали у насъ кабакъ и стойку" [4]). Въ силу тѣхъ же взглядовъ онъ не признавалъ и политики для своего благороднаго журнала. Онъ не желалъ спускаться до брани съ торгашами и невѣждами. Однако въ этомъ отношеніи нужно имѣть въ виду и то обстоятельство, о которомъ говоритъ и Тургеневъ, что онъ „не былъ рожденъ бойцомъ, ему недоставало мужества". Доказательствомъ этого можетъ служить случай со статьею Никитенка. Никитенко принесъ Плетневу статью, съ духомъ „Современника" несогласную, такъ какъ въ ней онъ говоритъ „очень ѣдко противъ Греча и Булгарина". Авторъ желалъ, чтобы издатель помѣстилъ ее въ рубрикѣ „Разное", которую велъ самъ Плетневъ. Но послѣдній, какъ онъ признается Гроту, „все сдѣлалъ напротивъ, только и желавши вывести его на свѣжую воду". „Когда уже гласно сдѣлалось въ городѣ, что это писалъ цензоръ Никитенко, я ничего не опасаюсь ни за личность свою, ни за

---

[1]) Ib. II, 563.
[2]) Ib. II, 193.
[3]) Переписка, письмо отъ 15 іюля 1844.
[4]) Ib. 25 ноября 1842.

„Современникъ“ [1]).—Такимъ образомъ, эстетическіе взгляды Плетнева оставались къ этому времени во всей силѣ, да и въ продолженіе всей послѣдующей дѣятельности онъ не измѣнялъ имъ. Какъ говоритъ Л. Майковъ, „уже въ ту пору (послѣ смерти Пушкина) умственный взоръ Плетнева былъ обращенъ къ прошлому и такимъ остался до конца жизни“. Новыя явленія, новыя потребности жизни и перевороты въ литературѣ, замѣчаетъ кн. Вяземскій, „не сдвинули его съ той ступени, на которой онъ твердо и добросовѣстно сталъ однажды навсегда“. Но что для консерватора Вяземскаго было хорошимъ качествомъ въ его другѣ,—то, конечно, поставить въ заслугу Плетневу нельзя. Если для кружка старыхъ друзей на первомъ планѣ стояла эстетика, то для новаго времени получилъ значеніе уже и „печной горшокъ“. И если для старыхъ людей характерною чертою является ихъ консерватизмъ, то для новыхъ дѣятелей 40-хъ годовъ выступаетъ въ качествѣ главнѣйшей задачи углубленіе въ общественную жизнь и критика ея на новыхъ началахъ... Къ сожалѣнію, Плетневъ не понялъ новыхъ теченій въ жизни и литературѣ и отнесся къ нимъ почти вполнѣ отрицательно.

Изъ переписки Плетнева съ разными лицами можно видѣть, каковы были его сужденія о тогдашнихъ журналистахъ и писателяхъ. Всего больше доставалось отъ него Булгарину и Гречу. Произведенія ихъ „гадки“; „писать въ защиту Булгарина—все равно, что защищать своденъ, шпіоновъ и паясовъ“. „Нашли же они (финляндскіе профф.) вкусъ въ панегирикахъ п.....а и невѣжи“ [2]) и т. д. и т. д. Сенковскій таковъ же. Сюда же присоединилъ Плетневъ и бѣднаго Полевого. Объ этихъ четырехъ журналистахъ Плетневъ пишетъ Гроту: „Нѣтъ, мой другъ, на Булгаринѣ, Сенковскомъ, Полевомъ и Гречѣ должно лежать навѣки проклятіе всѣхъ гражданъ, вѣрныхъ отечеству и служенію наукамъ. Они изъ храма и алтарей сдѣлали у насъ кабакъ и стойку“ [3]). Что касается Краевскаго, то онъ пользовался сначала расположеніемъ Плетнева, но впослѣдствіи Плетневъ, кажется, никого такъ не ненавидѣлъ, какъ Краевскаго. Ненависть свою, къ сожалѣнію, переносилъ Плетневъ съ Краевскаго и на всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе соприкасался съ издателемъ „Отечественныхъ Записокъ“. Сюда принадлежали Бѣлинскій, Лермонтовъ, Грановскій, Некрасовъ и т. д. Даже эстетическое чутье Плетнева не помогло ему оцѣнить талантъ Лермон-

[1]) Ib. II, 809.
[2]) Ib. I, 114.
[3]) Ib. I, 649.

това. Онъ былъ, по отзыву Плетнева, „запоздалый Пушкинъ по претензіямъ, безъ его ума и таланта“ [1]). Лермонтовъ былъ послѣ Байрона и Пушкина фокусникъ, который гримасами своими умѣлъ толпѣ напоминать своихъ предшественниковъ“ [2]). Особенно слѣдуетъ отмѣтить непониманіе Плетневымъ Бѣлинскаго. Пока Бѣлинскій писалъ въ духѣ чистаго искусства, восхвалялъ кумировъ Плетнева, до тѣхъ поръ послѣдній и его хвалилъ. А затѣмъ, впослѣдствіи, Плетневъ иначе не называлъ его статьи, какъ „завираньемъ“, „безалаберщиной“. Въ 1840 г. пишетъ Гроту: „о Бѣлинскомъ я всегда говорилъ, что онъ полонъ истинныхъ мыслей и знанія искусства [3]). „У Бѣлинскаго много души и энтузіазма. Прогляди его разборы: переводы римскихъ элегій Гёте и стихотвореній В. Гюго“ [4]). Статья Бѣлинскаго о народной поэзіи содержитъ „нѣчто полезное“, „много фактовъ“ [5]). Въ № 3 „Отеч. Зап.“ 42 г. статья — „объяденіе“. Но потомъ читаемъ: „началъ было читать о Державинѣ Бѣлинскаго: нѣтъ силъ выдержать его философскія натуги. Онъ не только не исправляется, но все уходитъ въ глубь и въ даль неясности и завиранья“ [6]). Плетневъ перестаетъ его читать:—„только перелистываю“, пишетъ онъ. Онъ даже обзываетъ Бѣлинскаго вмѣстѣ съ Краевскимъ „скотиками“ [7]). „Говорятъ, что онъ (издатель „Финскаго Вѣстника“) нанялъ Бѣлинскаго, чтобы тотъ и въ его журналѣ лаялъ на подобіе „Отеч. Зап.“ [8]).

Какія же вины указывалъ Плетневъ за своими литературными собратьями? Въ этомъ вопросѣ онъ много не разбирался, а больше ограничивался бранью. По отзыву Плетнева, всѣ журналисты — „шарлатаны, лавочники и невѣжды“; ихъ восторгъ—поддѣльный. „Мы“, пишетъ онъ Гроту, „одни должны дѣйствовать въ литературѣ. Все внѣ насъ есть эгоизмъ, расчетъ, чванство, подлость, безчувственность, безнравственность и невѣжество“ [9]). Торгашество—ихъ глав-

---

[1]) Ib. I, 163.

[2]) Письмо къ Коптеву,—Р. Ар. 1877, III, 365.—«Казначейша» Лермонтова была напечатана въ «Современникѣ». Ср. разсказъ Панаева о негодованіи Лермонтова по этому случаю съ замѣчаніями Скабичевскаго въ біографіи Лермонтова (изд. Павленкова).

[3]) Переписка I, 159, 163.

[4]) Ib. I, 376.

[5]) Ib. I, 426, 462.

[6]) Ib. II, 7.

[7]) Ib., II, 182.

[8]) Ib. II, 297.

[9]) Ib. II, 196.

ный грѣхъ: всѣ они лавочники [1]). Опредѣленнѣе пишетъ онъ въ слѣдующемъ мѣстѣ: тенденціи нашихъ юношей—это просто разрушеніе всякой святыни. Нѣтъ теперь ничего нигдѣ прекраснаго, просто человѣчески, а все оцѣнивается по отношенію къ господствующимъ идеямъ. Романъ, поэма, трагедія, даже исторія не должны смѣть быть человѣчески-прекрасными; они должны стремиться къ поддержанію французскихъ политическихъ идей—и тогда всякую нелѣпость модные критики назовутъ міровымъ явленіемъ" [2]).

Такъ оцѣнивалъ Плетневъ новыя теченія; онъ видѣлъ въ нихъ лишь одно „растлѣніе" [3]). Эта-то отсталость литературныхъ мнѣній его и была главною причиною того, что журналъ его не имѣлъ успѣха. Замѣчанія о томъ, что у Плетнева, якобы, не было способностей журналиста [4]), имѣютъ мало значенія. Говорятъ, напр., что у Плетнева не было редакторской изворотливости, практическаго смысла и чутья журналиста, ни политическаго искусства и задора, ни юркости и беззастѣнчивости. Дѣло было не въ этомъ и, особенно, не въ двухъ послѣднихъ качествахъ. Вѣрнѣе признать другой приговоръ, что новыя вѣянія не коснулись Плетнева, что онъ остался неподвиженъ подъ обветшавшими знаменами двадцатыхъ годовъ. И случилось то, что онъ остался безъ сотрудниковъ, а потому и безъ подписчиковъ. Старые работники сошли со сцены, да они и не могли быть работниками въ настоящемъ смыслѣ, а передъ новыми Плетневъ затворилъ двери, не желая съ ними якшаться, такъ какъ не признавалъ въ нихъ ни ума, ни таланта, ни литературной порядочности [5]).

Посмотримъ теперь, въ какомъ видѣ явился журналъ. Въ концѣ послѣдней книжки „Современника" за 1837 г. находится объявленіе о подпискѣ на слѣдующій годъ. Рѣшено было издавать по-прежнему четыре книги въ годъ размѣромъ не менѣе 20 листовъ. Плетневъ

[1]) Отрывки посланій къ Плетневу Пушкина прямо свидѣтельствуютъ, что и Плетневъ не былъ чуждъ торгашескихъ стремленій. Что касается Пушкина, то Никитенко разсказываетъ, какъ Пушкинъ требовалъ, чтобы на мѣсто исключенныхъ министромъ стиховъ были поставлены точки, за которыя, все-таки, нужно было платить тѣ же 10 руб. со строки. Дневн. I, 326. О «Звѣздочкѣ», журналѣ Ишимовой, Плетневъ пишетъ: Конст. Карл. (Гротъ) вызвался подслужиться А. О-нѣ. Онъ напишетъ ко всѣмъ знакомымъ ему губернаторамъ, чтобы они постарались о распространеніи «Звѣздочки» въ ввѣренныхъ имъ губерніяхъ». 13 дек. 1847. Жуковскій съ Плетневымъ хлопочутъ о «Рекомендаціи» Одиссеи для школъ. Соч. Пл. III, 609, 633.

[2]) Ib. II, 323.

[3]) Ib. III, 208.

[4]) См. Біографич. очеркъ К. Грота.

[5]) «Загробный журналъ Пушкина». Ист. В. 1897 г. I. Нѣкоторыя немногія мѣста нашего изложенія о «Современникѣ» составлены по этой статьѣ.

позаботился о льготахъ для подписчиковъ, назначивъ разсрочку. Цензорами были назначены Никитенко и Лангеръ.

Первый годъ изданія былъ сравнительно удачный: мы встрѣчаемъ на страницахъ „Современника“ большое количество именъ, которыя пользовались любовью и популярностью среди читателей. Здѣсь явились: Гоголь, Даль, Гребенка, Губеръ, Розенъ, Тютчевъ, гр. Ростопчина, Кольцовъ, Бенедиктовъ и другіе, въ томъ числѣ Я. К. Гротъ и А. Ишимова, которымъ впослѣдствіи пришлось играть выдающуюся роль въ жизни „Современника“. Самъ Плетневъ помѣщаетъ въ своемъ журналѣ въ этомъ году рядъ интересныхъ очерковъ, свидѣтельствующихъ о его твердомъ намѣреніи не покладать рукъ на пользу своего дѣтища. Напр., здѣсь мы видимъ его статьи: „О литературныхъ утратахъ“, „А. С. Пушкинъ“, „О стихотвореніяхъ графини Ростопчиной“ и др. Въ общей сложности онъ печатаетъ 13 самостоятельныхъ статей, не считая множества библіографическихъ замѣтокъ. Кромѣ того, особую цѣнность придавали „Современнику“ помѣщавшіяся тутъ, доселѣ неизданныя, произведенія Пушкина.

Болѣе или менѣе благополучно проходитъ и слѣдующій, 1839 г., но уже въ 1840 году, отчасти потому, что Плетневъ начинаетъ забираться служебными и общественными должностями, журналъ идетъ на убыль, дѣлается безцвѣтнымъ и теряетъ интересъ. Рѣдкими и случайными гостями являются здѣсь только слѣдующіе корифеи тогдашней литературы: Жуковскій, Одоевскій, Квитка, Бенедиктовъ, Кольцовъ, Сологубъ, Языковъ. Въ отдѣлѣ беллетристики фигурируетъ до своего перехода въ „Отечеств. Записки“ почти исключительно Квитка. Въ остальныхъ частяхъ книжки наполняются статьями Грота, Ишимовой и нѣкоторыхъ начинающихъ писателей, которые своими трудами, конечно, не могли много способствовать процвѣтанію журнала. До чего мало было сотрудниковъ у „Современника“ уже въ 1840 году, показываютъ слѣдующія прискорбныя извѣстія Плетнева Гроту: „Возвратясь домой (21 сент.), нашелъ у себя письмо отъ Квитки. На будущій годъ онъ отказывается отъ поставки повѣстей въ „Современникъ“, потому что дворянство при выборахъ намѣрено возложить на него какую-то хлопотливую должность. Я не знаю, что мнѣ будетъ и дѣлать безъ него. Откуда взять повѣстей? Развѣ нанять переводчика? Да не будетъ ли гадко перепечатывать французскую водяность и мерзость?“ [1]). Но главнымъ образомъ раздражило Плетнева то, что, очевидно, Квитка оставлялъ „Современникъ“ изъ нежеланія писать даромъ. „Но вотъ что досаднѣе“, пишетъ Плетневъ далѣе: „Квитка у меня проситъ позволенія напе-

[1]) Переписка съ Гротомъ I, 66.

чатать въ „Маякѣ“ (также ненавистномъ Плетневу) отрывокъ изъ своего новаго романа: „Маякъ“-де исправно платитъ, а деньги вещь хорошая“. Какъ это вамъ покажется?“ Гротъ ему отвѣчалъ, что въ разсужденіи Квитки много логики. Гротъ предвѣщаетъ паденіе журнала и совѣтуетъ даже сейчасъ прикрыть его, хотя это и было бы прискорбно. При этомъ онъ указываетъ и причину безславія: „такова“, говоритъ онъ, „судьба журнала, несогласнаго съ духомъ времени, журнала анахронизма“. Но Плетневъ остается твердъ въ своемъ намѣреніи продолжать „Современникъ“. „Отъ Современника не откажусь и безъ Квитки. Ужели вы, Ал. Осиповна (Ишимова) да я не наполнимъ чѣмъ-нибудь четырехъ книжекъ. Все равно: подписчиковъ и теперь не было лишнихъ, а 300 авось всегда останется по привычкѣ. „Современникъ“ все будетъ острасткою для негодяевъ торгашей“. И дѣйствительно, Гротъ оправдалъ надежды друга. За весь періодъ изданія онъ выручалъ Плетнева съ удивительною преданностью и трудолюбіемъ. Чуть не въ каждомъ номерѣ мы встрѣчаемъ его произведенія, прозаическія и стихотворныя, касающіяся, преимущественно, скандинавскихъ и финскихъ обитателей. Но при всей важности своихъ статей Гротъ, какъ единственный работникъ, не могъ, конечно, поддерживать весь журналъ. Ишимова мало ему помогала „своимъ симпатичнымъ, но маленькимъ голоскомъ“ (Глинскій). Самъ Плетневъ, столь ревностно поработавшій въ 1838 году, во всѣ остальныя 8 лѣтъ помѣщаетъ здѣсь всего лишь 9 небольшихъ очерковъ и цѣликомъ уходитъ въ составленіе библіографіи. Изъ другихъ сотрудниковъ можно указать на сестру Грота, участвовавшую въ качествѣ переводчицы, трудъ которой — „Семейство“—подвергся нелестному отзыву Бѣлинскаго.

Въ виду такихъ печальныхъ обстоятельствъ, немудрено, что „Современникъ“ запаздывалъ; это было даже, какъ сознавался издатель, для него обыкновеніемъ [1]). Выходъ журнала былъ „мукой“ для издателя, изъ-за него онъ терялъ здоровье, да, кромѣ того, еще самъ платилъ 5 т. асс. денегъ ежегодно, такъ какъ подписчиковъ при такомъ веденіи дѣла было мало. Хотя и Плетневъ предполагаетъ небольшую цифру въ 300 подписчиковъ, но въ дѣйствительности было ихъ еще меньше. „На Современникъ денежныхъ подписчиковъ (пишетъ онъ въ янв. 1841 г.) только 160, въ томъ числѣ 100 въ долгъ [2]). Въ 1845 г. въ февралѣ ихъ нѣсколько больше: „на Современникъ по нынѣшнее число (27 фев.) подписалось въ С.-Петербургѣ 57 особъ, а внѣ Петербурга по городамъ (съ Москвой)

---

[1]) Ib. I, 205, 516.
[2]) Ib. I, 219.

176 человѣкъ, итого въ Россіи всѣхъ умныхъ людей пока только 233 человѣка [1]). Въ концѣ концовъ „получился заколдованный кругъ, въ которомъ издателю предоставлялось вертѣться, какъ бѣлкѣ въ колесѣ: сотрудниковъ не было, потому что денегъ не было; денегъ не было, потому что подписчикъ отсутствовалъ, а послѣдній не являлся, такъ какъ не за чѣмъ сюда было и идти: журналъ былъ безсодержателенъ [2]).

Такое печальное положеніе дѣлъ, понятно, должно было вліять на издателя. Прежде всего нужно отмѣтить, что трудъ по „Современнику" былъ ему очень непріятенъ: „вожусь", пишетъ онъ, „съ окончаніемъ Современника. Это для меня самое тяжелое. Такъ непріятно спѣшить писать на срокъ" [3]). Журналъ былъ для него „обузою", „собачьей цѣпью"... А тотъ журналистъ, котораго Плетневъ причислялъ къ сонму невѣждъ и торгашей, писалъ: „умру на журналѣ и въ гробъ велю положить подъ голову книжку „От. Записокъ"... Литературѣ росссійской моя жизнь и кровь!"...

И вотъ издатель придумываетъ средства, чтобы какъ-нибудь улучшить дѣло. Съ этою цѣлью онъ сталъ издавать съ 1843 года „Современникъ" ежемѣсячными книжками по 7 листовъ. Онъ думалъ придать этимъ журналу больше живости и себя заставить работать усиленнѣе. Но тутъ же онъ сознается, что такая реформа— не болѣе какъ пустяки. Онъ пишетъ Гроту: „Я съ будущаго (43) года хочу издавать Современникъ ежемѣсячно, книжками по 7 печатн. листовъ. Это, можетъ быть, предсмертная вспышка, но нельзя же мнѣ было угасить С—къ, не усиливъ его движенія. Съ другой стороны, для тоненькихъ книжекъ, можетъ быть, и рука свободнѣе будетъ работать. Даже неизбѣжность выпустить № къ каждому 1-му числу не придастъ ли энергіи моему унынію? Словомъ, что я сдѣлалъ, какъ сдѣлалъ и для чего — не могу дать отчета въ этомъ ни себѣ, ни тебѣ. Между тѣмъ дѣло двинуто [4]). Онъ даже рѣшается измѣнить своему убѣжденію и предполагаетъ „нанять" работниковъ, если журналъ получитъ какой-нибудь ходъ". А пока издателю „бѣда съ матеріалами". Онъ надѣется, что журналъ, являясь ежемѣсячно, привлечетъ участіе этихъ мелочныхъ писателей, которые все дѣлаютъ, чтобы скорѣе узрѣть себя въ печати". При такихъ заявленіяхъ, конечно, ужъ не можетъ быть и рѣчи о „завѣтахъ Пушкина"... „Конечно", оговаривается Плетневъ, „и толку въ нихъ (этихъ маленькихъ писателяхъ) немного. Но можно же что-нибудь вы-

---

[1]) Письмо къ Коптеву, Р. Арх. 1877, III, 361.

[2]) «Загробный журналъ». Ист. В., стр. 270.

[3]) Переписка съ Гр. I, 500.

[4]) Ib. I, 556—6. Письмо отъ 11 іюля 1842.

брать". И заканчиваетъ трагически: „если же и эта перемѣна ничего къ нему не прибавитъ, кромѣ хлопотъ изданія,—я рѣшился бросить его черезъ годъ—и предать судьбѣ всю русскую литературу, которой, видно, на роду написано жить и умереть дурой" [1]). А пока Плетневъ собирается: „*вараксать*" кое-что отъ себя" [2]).

Понятное дѣло, „Современнику" доставалось отъ его коллегъ, и это еще болѣе угнетало Плетнева. Критики или замалчивали журналъ, или дѣлали такіе отзывы, которые бѣсили издателя. Интересно привести выдержку изъ „Инвалида", которую выписываетъ самъ Плетневъ, съ комментаріями, своему другу. „Преуморительныя строки Краевскій сейчасъ тиснулъ въ № 50 Инвалида о Современникѣ. Вотъ онѣ: „Въ ряду нашихъ журналовъ 1843 г. не послѣднее мѣсто занимаетъ С—къ, издающійся подъ ред. г. Плетнева и выходящій съ 1-го янв. нынѣшняго года ежемѣсячно книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ (NB. Я публиковалъ непремѣнно въ 7 л., а издалъ № 1 въ 9 л., № 2—въ 8, а № 3—въ 9 1/2 л.). Въ Современникѣ помѣщаются, кромѣ ученыхъ статей, *небольшія повѣсти* (и ни слова о Семействѣ!), разсказы и стихотворенія, и *есть отдѣлъ*, подъ названіемъ: Новыя сочиненія (NB. У меня не *отдѣлъ*, а самая полная, какъ тебѣ самому извѣстно, *библіографія*, раздѣленная для удобства и системы на 3 ч.: Новыя сочиненія, Новые переводы и Новыя изданія,—чего никто не сумѣлъ изъ нихъ сдѣлать, ибо это требуетъ лишней работы). Наружность Современника очень благообразная". (Переп. II, 29).

Кромѣ того, надъ Плетневымъ сыгралъ злую шутку книгопродавецъ Ивановъ. Съ нимъ Плетневъ заключилъ сдѣлку, по которой Ивановъ долженъ былъ взять на себя всѣ расходы по изданію; въ его же пользу шли и деньги подписчиковъ. Плетневъ обязывался—только работать, и ничего не приплачивать, а за труды получать изъ лишка („чего и не уповаю"—говоритъ онъ). Плетневъ напечаталъ, что прекращаетъ всякое сношеніе съ подписчиками. А потомъ вдругъ Плетневъ получаетъ извѣстіе, что Ивановъ печатно же извѣщаетъ о своемъ неучастіи въ изданіи „Современника". Это, конечно, страшно обозлило Плетнева. „Мошенникъ съ компаніею таковыхъ же вздумалъ подорвать мое изданіе. Но они ошиблись въ расчетѣ! Я не живу своимъ изданіемъ, какъ они, а сохраняю его на зло имъ, и никогда не удостоятся они отъ меня ни единаго слова въ отвѣтъ, хотя бы я остался безъ единаго подписчика" [3]).

---

1) Ib. I, 568.
2) Ib. I, 569.
3) Ib. II, 177.

Терпя, такимъ образомъ, отовсюду и не видя никакой пользы отъ перемѣны въ выходѣ изданія, Плетневъ начинаетъ строить новые планы. Въ 1844 г., не найдя полемической статьи Грота въ „Москвитянинѣ" по поводу романа „Семейство", онъ пишетъ: „Я взбѣшенъ... Съ этой минуты меня преслѣдуетъ мысль, что мнѣ и тебѣ надобно серіозно приняться вмѣстѣ за Современникъ. Теперь безъ журнала нѣтъ средства ученому быть полезнымъ отечеству... Ты бы глядѣлъ на Европу, а я на Россію, т. е. на Азію. Подумай" [1]... Но Гротъ не имѣлъ времени заняться серіознѣе, да, вѣроятно, и не особенно вѣрилъ въ намѣренія Плетнева. Перемѣны, предлагаемыя Плетневымъ, не могли быть существенными, какъ видно изъ его дальнѣйшихъ писемъ. Онъ предлагаетъ вмѣсто годового длиннаго романа, который „потоплялъ 3/4 бумаги", помѣщать разсказы покороче, а все прочее замѣщать „разными воззрѣніями, выписками, указаніями и т. подобными статьями, устремленными на основаніе дѣйствительно благородной школы литературной". Цѣлью журнала будетъ: преслѣдовать полузнаніе, лѣность, корыстные расчеты и насильно гнать къ труду, ученію и добросовѣстности.

Но эти планы были только словами. Плетневъ и на слѣдующій 1845 г. спрашиваетъ у Розы Карловны длиннаго романа. Отъ этого онъ ставитъ въ зависимость существованіе журнала. Гротъ въ отвѣтъ на это письмо ставитъ рѣшительный вопросъ, стоитъ ли съ прежними тенденціями продолжать изданіе, и высказываетъ свои мнѣнія о журналѣ. „Журналъ долженъ касаться интереснѣйшихъ вопросовъ эпохи... судить рѣшительно, спорить въ защиту своихъ убѣжденій... Журналъ, имѣющій много читателей, составляетъ силу въ обществѣ... Годимся ли мы въ издатели журнала?"... На подробныя разсужденія Грота Плетневъ отвѣчаетъ обширнымъ письмомъ, въ которомъ и показываетъ, что совѣты друга не оказывали на Плетнева никакого вліянія. „По-твоему", пишетъ онъ, „журналъ долженъ отражать современную литературу въ извѣстный моментъ, а по-моему—послѣдовательное развитіе лучшихъ убѣжденій въ назиданіе не только нынѣшнимъ поколѣніямъ, но и будущимъ. Гоняться за тѣмъ, чтобы большее число принимало наши убѣжденія, низко и безплодно... Спорить и судить рѣшительно—два дѣла разныя. Одно доказываетъ неопытность, даже ребячество; другое исполняется безъ отношеній къ толпѣ... Ты не замѣчаешь, что (въ библіографіи) объ одной книжкѣ я говорю въ маѣ, а они—въ іюлѣ. Восхитительная современность ихъ (прочихъ журналовъ) существуетъ только

---

[1]) Ib. II, 193.

у тебя въ воображеніи. Прочія же статьи всѣ альманашныя, какъ и у меня".

Гротъ указываетъ Плетневу, что не онъ, а именно другіе журналы предупреждаютъ его своими библіографическими замѣтками. Указываетъ и на то, что самъ же Плетневъ былъ доволенъ статьею Грота въ защиту „Семейства", а она была полемическая. Плетневъ въ своихъ отвѣтахъ Гроту договорился до того, что Пушкинъ началъ „Современникъ" просто для 25 тыс. руб. Также жалуется онъ, что и единственный его другъ не можетъ съ нимъ согласиться. Гротъ его успокаиваетъ, и перестаетъ спорить.

Когда вышла февральская книжка журнала въ 1845 г.,—Гротъ замѣчаетъ Плетневу, что такъ какъ издатель отложилъ библіографію до № 3, то и осталось въ книжкѣ современнаго только слово февраль,—а издатель отвѣчаетъ, что и этого слова нѣтъ... да и не нужно...

Въ концѣ 1845 года былъ составленъ указатель за 10 лѣтъ изданія.

Съ какимъ отчаяннымъ пренебреженіемъ говоритъ Плетневъ о 46 годѣ: ...„У меня къ 46 г. ни одной нѣтъ повѣсти. Нѣтъ ли чего у Лундаля (шведъ, сотрудникъ)? Разсказы Андерсена и Никандера истощились. Не знаю, чѣмъ и швырнуть въ эту публику. Воображаю, какъ ей противенъ былъ № 11".

Относительно полемическаго элемента въ журналѣ Плетневъ, въ концѣ концовъ, согласился съ Гротомъ и призналъ не только возможнымъ, но и необходимымъ допустить его въ „Современникъ". Съ этою цѣлью съ 1846 онъ вводитъ съ № 3 особый отдѣлецъ, названный имъ: „Разное". „Тутъ", говорилъ Плетневъ, „я намѣренъ ввертывать и полемическія замѣтки, чтобы не оставаться Молчалинымъ въ литературѣ [1]). Но эти полемическія замѣтки были довольно безобидны. Да и могъ ли Плетневъ рѣшительно высказываться, когда онъ говоритъ, что брезгуетъ тѣми мѣстами, гдѣ попадаются подъ языкъ такія скверныя имена, какъ Гречъ и пр.

Справедливость требуетъ замѣтить, что Плетневъ не всегда противодѣйствовалъ ненавистной ему современной журналистикѣ только литературными средствами. Когда можно было, онъ былъ не прочь и „власть употребить". Это видно изъ слѣдующаго. Попечитель Спб. округа и вмѣстѣ предсѣдатель цензурнаго комитета, Волконскій, уѣзжая, поручилъ Плетневу исправлять его обязанности, но только по учебной части, а членамъ комитета предоставлено было самимъ руководствоваться своимъ уставомъ. Это распоряженіе

---

[1]) Ib. II, 679.

попечителя Плетневъ объяснилъ происками врагомъ, главнымъ образомъ, Краевскаго, который — пишетъ Плетневъ — „предчувствовалъ для себя что-нибудь нерадостное отъ новаго начальства... Но все къ лучшему“ — продолжаетъ онъ — „*я не введенъ въ искушеніе воевать открыто съ этими мерзавцами,* а они своей дерзостью и сами рано или поздно доконаютъ себя“. Едва-ли можно признать откртымъ боемъ борьбу начальника съ своими подчиненными, и хороша собственная рекомендація человѣка, такъ откровенно заявляющаго о своей готовности вступить въ такой бой!.. Никитенко разсказываетъ объ одномъ случаѣ такого боя. 8 марта 1845 г. онъ пишетъ: „Плетневъ предсѣдательствуетъ въ цензурномъ комитетѣ. Первое употребленіе, какое онъ сдѣлалъ изъ своей власти въ пользу литературы — это притѣсненіе журналовъ, ему непріязненныхъ, а они почти всѣ ему непріязненны, ибо не обращаютъ вниманія на его бѣдный „Современникъ“...

Теперь Плетневъ вздумалъ провѣрить: издаются ли журналы точь-въ-точь по программѣ, которая была утверждена правительствомъ, т. е. не помѣщаютъ ли журналисты въ своихъ изданіяхъ такихъ статей, которыя не были поименованы въ первоначальной программѣ. Оказалось, что всѣ отступали отъ нея... Особенно виноваты въ этомъ смыслѣ „От. Зап.“ которыя сначала не обѣщались помѣщать иностранныхъ повѣстей, а теперь помѣщаютъ. Обстоятельство это никогда не считалось въ цензурѣ важнымъ...

Цензура заботилась только о томъ, чтобы журналы не нарушали правилъ ея и не касались предметовъ, предоставленныхъ другимъ цензурамъ... Плетневъ, поднимая этотъ вопросъ, воздвигалъ страшную бурю и повергалъ въ затрудненіе самого министра, который въ началѣ каждаго года утверждаетъ существованіе журнала въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ уже передъ тѣмъ... Бой былъ жаркій, и хотя я одержалъ побѣду, однако не увѣренъ въ прочности ея“... *15 марта:* „Не даромъ сомнѣвался я въ Плетневѣ. Въ комитетѣ онъ согласился не начинать дѣла о журналахъ. Въ... дружескихъ моихъ съ нимъ объясненіяхъ, онъ подтвердилъ мнѣ то же, а сегодня мы получили предписаніе министра, который, „увидѣвъ, что нѣкоторые журналы самовольно отступили отъ своихъ программъ, предписываетъ ввести ихъ въ предѣлы“. На этотъ разъ, однако, весь комитетъ возсталъ... Плетневъ, который, кромѣ того, покушался еще на разныя другія стѣснительныя распоряженія по цензурѣ—разбитъ на всѣхъ пунктахъ... Пробовалъ онъ придраться и къ „Б. д. Чт.“: въ программѣ ея объявлено, что она будетъ печатать переводныя повѣсти, а она печатаетъ романы... Какую же существенную разницу полагаете вы, спросилъ я, — ме-

жду повѣстью и романомъ? Мы оба съ вами профессора словесности, и я, по крайней мѣрѣ, не могу опредѣлить иначе повѣсть, какъ повѣсть есть романъ, а романъ, какъ романъ есть повѣсть.— Бѣдная, бѣдная наша литература!..“ [1]).

Сюда же относится „Замѣчаніе“, написанное Плетневымъ по порученію попечителя Мусина и помѣщенное по приказанію попечителя въ „Сѣв. Пчелѣ“. Это „Замѣчаніе“ было направлено противъ похвалъ Булгарина Дерптскому университету. Гротъ замѣчаетъ Плетневу по этому поводу: „Изъявлять неудовольствіе за то, что похвалили чужое, а не наше—не совсѣмъ ладно. Пользоваться властью, чтобы заставить издателя газеты напечатать у себя непріятное для него—еще менѣе ладно. Соединеніе именъ Мусина и Плетнева, хотя и не явное, оскорбительно для чувства“ [2]). Плетневъ оправдывается, что нужно было п.... этого рода наказать чѣмъ-нибудь.

Такія мѣры, конечно, „Современнику“ пользы не принесли, и онъ долженъ былъ прекратиться; но на выручку явились Панаевъ И. и Никитенко, которые предложили Плетневу сдать имъ журналъ въ аренду. Предложеніе это было пріятно Плетневу, въ чемъ самъ онъ и сознался Гроту. Гротъ ничего противъ этого не говоритъ и указываетъ, въ чемъ, въ сущности, состояла вся дѣятельность Плетнева по изданію „Современника“. Это была, говоритъ онъ, „канцелярская очистка“ — „ты сдѣлался въ литературѣ канцеляристомъ“. Эти слова какъ нельзя правильнѣе характеризуютъ работу Плетнева—онъ заботился „наполнить чѣмъ-нибудь свои книжки“— хотѣлъ „вараксать“ и т. д.

Условія передачи были для Плетнева выгодны. Онъ теперь не только переставалъ платить издержки, но еще сталъ получать по 3 тысячи асс. ежегодно. Дозволеніе о передачѣ „Современника“ было подписано министромъ 23 октября 1846 года. „Съ плечъ моихъ спала гора“ — пишетъ Плетневъ. „Въ пятницу началъ статью, подъ названіемъ: „Къ читателямъ „Современника“, гдѣ прощаюсь съ моими подписчиками“. Объявленія о новомъ „Современникѣ“, гдѣ буквы въ аршинъ, на зеленомъ огромномъ листѣ уже разосланы по городу и въ города провинціальные“. Гротъ пишетъ: „Итакъ, рѣшена участь „Современника“! Тѣнь Пушкина! не содрогаешься ли ты? Твое созданіе... Но иначе не могло сдѣлаться безъ совершеннаго уничтоженія журнала“ [3])...

---

[1]) Дневникъ I, 473—4.
[2]) Переписка, II, 830—1.
[3]) Ib. II, 845.

Но этого мало. Плетневъ довершилъ свое паденіе еще горшимъ поступкомъ. Въ числѣ сотрудниковъ новаго „Современника", этихъ „невѣждъ" и „подлецовъ": Бѣлинскаго, Грановскаго и т. д., онъ позволилъ поставить и свое имя! Онъ оправдывается передъ Гротомъ тѣмъ, что ему нельзя было отказать въ этомъ Никитенку, просившему объ этомъ. Плетнева осуждали за это и другіе его знакомые. Шевыревъ, напримѣръ, просилъ его взять свое имя изъ числа сотрудниковъ.

Прощаясь съ читателями, издатель указываетъ на тѣ задачи, которыя онъ хотѣлъ преслѣдовать въ журналѣ, и на характеръ своей дѣятельности. Тутъ, между прочимъ, онъ ставитъ себѣ въ заслугу отсутствіе бранчиваго тона, который преобладаетъ въ другихъ жуналахъ. „Періодъ моего „Современника" составляетъ въ жизни моей время, о которомъ я навсегда сохраню самое пріятное воспоминаніе"...

Переходимъ къ литературной дѣятельности Плетнева, выразившейся въ его статьяхъ за этотъ періодъ. Въ 1837 году написаны статьи: „*Исторія поэзіи*, соч. Шевырева", еще „*Руководство къ исторіи литературы, соч. Вахлера*". Первая не даетъ какихъ-нибудь важныхъ заключеній. Во второй находимъ подтвержденіе взглядовъ Плетнева на риторику, что она отжила свой вѣкъ. „Литература", говоритъ онъ, „перестала быть изслѣдованіемъ троповъ и фигуръ". „Школьныя теоріи въ дѣлѣ творчества не болѣе приносятъ пользы, какъ въ живописи толки о рамахъ, холстѣ, кистяхъ... Изящное—этотъ предметъ постоянныхъ споровъ — есть то же, что жизнь природы, необъятная въ своемъ разнообразіи"...

Разборъ „Ундины" Жуковскаго, написанный въ томъ же году и напечатанный, какъ и предыдущая статья, въ Литературныхъ прибавленіяхъ къ „Русскому Инвалиду",—не прибавляетъ также ничего особеннаго для выясненія теоретическихъ взглядовъ Плетнева — тутъ онъ эстетикъ безъ примѣси. Въ каждомъ поэтическомъ произведеніи художникъ вводитъ насъ „въ царство поэзіи". Въ немъ „самое безотчетное воспріятіе въ душу прекраснаго не остается безплоднымъ. Оно ее настроиваетъ въ тотъ необходимый тонъ, съ котораго начинается музыка прекрасной дѣятельности. Дальнѣйшее развитіе состоитъ въ зависимости отъ безчисленнаго множества обстоятельствъ, на которыя нѣтъ общихъ положеній".

Послѣднею статьею 1837 года является „*Шекспиръ*". По словамъ Грота, Плетневъ посвятилъ много времени на изученіе твореній этого генія и даже согласенъ былъ бы посвятить ему и всю жизнь. Плодомъ изученіи Шекспира явилась только эта статья.

Черезъ нее проходитъ отъ начала до конца это чувство преклоненія предъ талантомъ драматурга. Главнѣйшею чертою шекспировскаго таланта, говоритъ Плетневъ, является „страсть къ анализу". „Что только бывало когда-нибудь дорого или близко душѣ человѣка, въ уединеніи ли, въ семействѣ, или въ общественномъ, гражданскомъ быту, все знаетъ онъ, какъ будто черезъ его сердце текли потоки всѣхъ чувствованій и всѣхъ страстей нашихъ". Затѣмъ автора поражаетъ его необычайная объективность. Этою способностью въ равной съ нимъ степени никто одаренъ не былъ. „Она въ его лицѣ осуществила басню о Протеѣ. Можно сказать, что, прочитавши всего Шекспира, нигдѣ самого его не замѣтишь... Изъ столькихъ лицъ есть ли хоть одно, на которое можно указать и прибавить: вотъ характеръ, любимый авторомъ? Сочинилъ ли онъ хоть одну сцену? хоть одинъ монологъ? Вокругъ него движется цѣлый міръ, всѣ состоянія, всѣ возрасты, люди со всѣми ощущеніями сердца; все дѣйствуетъ, все борется, одерживаетъ побѣду или уступаетъ; а онъ, какъ духъ невидимый, ничему не причастный... стоитъ въ волшебномъ кругу своемъ и смотритъ на все безстрастно... Недоступнѣе и поразительнѣе этого искусства, кажется, нѣтъ".

Глубокія идеи авторъ высказываетъ о реализмѣ Шекспира. Онъ строго порицаетъ исправленія, передѣлки, которыя прежде часто считались необходимыми въ переводахъ. „Такъ называемыя грубости нѣкоторыхъ выраженій"—схвачены Шекспиромъ съ натуры и являются плодомъ его геніальной наблюдательности. Въ жизни современнаго его произведеніямъ общества онѣ были вполнѣ естественны и свойственны англійскому народу. Поэтому переводчикъ и долженъ смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія „истиннаго англичанина или другого Шекспира". Безъ этого нельзя и переводить его, безъ убѣжденія въ правдивости такихъ выраженій. „Смѣсь такъ называемыхъ низкихъ сценъ съ высокими или важными, шутокъ посреди трогательнаго, непристойностей посреди торжественнаго— все это переноситъ читателя въ ту сторону, гдѣ общежитіе и гражданскія условія не понимаютъ мелочной щекотливости другихъ народовъ, гдѣ непозволительно только то, что неестественно, или оскорбляетъ права гражданина, гдѣ нѣтъ отчужденности ни отъ чего человѣческаго". Необходимость и естественность низкихъ выраженій Плетневъ остроумно доказываетъ также и въ одномъ письмѣ къ Пушкину. Онъ называетъ идею о натуральности ихъ любимою идеею. Онъ проситъ Пушкина ввернуть въ *трактатъ* о *Шекспирѣ*: „спрашивается, за чѣмъ передъ публикой позволять дѣйствующимъ лицамъ говорить непристойности? Отвѣчается: эти лица и не подозрѣваютъ о публикѣ: они рѣшительно

одни, какъ любовникъ съ любовницей, какъ мужъ съ женой... Пракситель, обдѣлывая формы статуи, заботится объ истинѣ всѣхъ частей ея (вотъ его коранъ!), а не о тѣхъ, кто будетъ прогуливаться мимо выставленной его статуи" [1]).

Если сопоставить эту защиту Шекспировской реальности съ нѣкоторыми мѣстами другихъ статей, то встрѣтимъ большую разницу. Разбирая Шекспира, Плетневъ стоитъ на сторонѣ грубыхъ выраженій, даже непристойностей—на сторонѣ полнѣйшей реальности—въ другихъ случаяхъ онъ, наоборотъ, порицаетъ изображеніе грубаго. Онъ осуждаетъ низкія выраженія, когда говоритъ о „Рыбакахъ" Гнѣдича (см. выше стр. 63, 64), когда разбираетъ оду Петрова. Такимъ образомъ отзывы о Шекспирѣ нужно отнести къ увлеченію любимымъ авторомъ: они противорѣчатъ его теоріи изящнаго. Впрочемъ, говоря въ другомъ мѣстѣ о Шекспирѣ, онъ высказываетъ и о немъ сужденія, нѣсколько неясныя. Онъ говоритъ, что трагикъ обязанъ снять съ изображаемаго лица „все грубое, ничтожное, земное", и приводитъ въ примѣръ Шекспира. „Его искусство украшаетъ природу, но не противорѣчитъ ей".

Статья о Шекспирѣ напечатана въ „Инвалидѣ". Съ 1838 года начинается „Современникъ" Плетнева. Этотъ годъ, какъ сказано, былъ довольно плодовитъ статьями. Изъ нихъ первою съ литературнымъ характеромъ является статья *„О литературныхъ утратахъ"*. Здѣсь въ лирическомъ тонѣ Плетневъ говоритъ объ утратѣ трехъ талантовъ: Карамзина, Дмитріева и, особенно, Пушкина. Здѣсь открывается преклоненіе передъ талантомъ Пушкина, которое не покидало Плетнева никогда въ жизни. Вообще же эта статья является панегирикомъ искусству и въ особенности могущественнѣйшему изъ нихъ—поэзіи. О поэтѣ авторъ говоритъ: „онъ шелъ впереди всѣхъ, какъ вожатый и держалъ передъ нами свѣтильникъ, безъ котораго мгновенно очутились мы въ тьмѣ". Гдѣ ни показывается имя поэта въ печати—„повсюду блеститъ оно яркой звѣздочкой, и появленіе этой алмазной точки на небосклонѣ литературномъ есть уже эпоха для всѣхъ и каждаго".

„Праздникъ въ *честь Крылова"* даетъ слѣдующія мысли о поэзіи. „По сочиненіямъ Крылова можно будетъ составить полную картину Россіи. Истинный поэтъ, говоря нефигурально, такой же дѣеписатель, какъ и историкъ, съ тою разницею, что послѣдній сохраняетъ строгую систему въ распредѣленіи событій, а первый набрасываетъ группы, не заботясь объ ихъ послѣдовательности. Но поэтъ для души, способной все понимать въ немъ, глубоко-

---

[1]) «Соч. и переписка» Плетнева, III, 353. Письмо отъ 21 мая 1830 г.

мысленнѣе и наставительнѣе историка, точно такъ, какъ созерцаніе самой природы далѣе уводитъ въ естествознаніе, нежели изученіе Бюффона и Линнея".

Подобное предпочтеніе поэта передъ историкомъ находитъ себѣ параллель въ перепискѣ Плетнева съ Гротомъ. Тамъ Плетневъ разсуждаетъ о ненужности антропологіи, когда есть такіе изслѣдователи человѣка, какъ Шекспиръ [1])...

Дань уваженія и любви къ умершему другу отдалъ Плетневъ въ статьѣ „А. С. Пушкинъ", напечатанной въ томъ же году. Это небольшая характеристика личной и поэтической жизни поэта и его дѣятельности. Сужденія, которыя высказываетъ здѣсь Плетневъ, отличаются правильностью и безпристрастіемъ. Онъ порицаетъ влеченіе поэта къ высшему свѣту; отмѣчаетъ отсутствіе постоянства въ трудѣ. Говоря о „Русланѣ и Людмилѣ", авторъ замѣчаетъ, что всѣ журнальные толки, вызванные поэмою, не коснулись существеннаго. „Никто не замѣтилъ, что это была первая на русскомъ языкѣ поэма, которую всѣ прочитали, забывши, что до сихъ поръ поэма и скука значили у насъ одно и то же".

Въ томъ же году написана статья по поводу публичныхъ чтеній по литературѣ: „*Курсы литературы*". Здѣсь Плетневъ высказываетъ слѣдующіе интересные взгляды на литературу, на отношеніе ея къ жизни. „*Одно согласіе съ общими законами духа человѣческаго такъ* еще мало даетъ характера и поразительной красоты произведенію, что мы даже сами требуемъ индивидуальныхъ достоинствъ отъ сочинителя, который въ послѣднемъ случаѣ не можетъ и не долженъ противорѣчить ни вѣку своему, ни своему мѣсту. Отсюда выводятся главнѣйшія требованія искусства. Литература безъ красокъ и жизни сдѣлалась бы сухимъ изложеніемъ отвлеченностей. Въ ней должна отражаться особенность дѣйствующихъ лицъ. Никто не живетъ безъ какого-нибудь отношенія къ обществу своего времени. Итакъ, оцѣнка литературы заключается въ соображеніи обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ явились ея произведенія. Какъ жизнь, не противорѣчащая общей идеѣ человѣка, его частному призванію и законамъ, принятымъ въ обществѣ, есть достоинство, такъ литература, вѣрно выражающая эту жизнь, есть совершенство".

Первоначально, говоритъ далѣе авторъ, искусство шло этимъ естественнымъ путемъ согласія съ жизнью. Но самые успѣхи его дали поводъ принять произведенія такого искусства за неизмѣнный образецъ и „изъ литературы, искусства изящнаго, то есть, изъ ес-

---

[1]) Переписка съ Гротомъ II, 37, 39, 46, [illegible], 56.

тественнаго стремленія человѣческаго духа къ творенію, образовали искусство механическое, заключенное въ обработкѣ опредѣленныхъ матеріаловъ въ опредѣленной формѣ".

Это теченіе отразилось на современномъ обыкновеніи „дѣлить все, что составляетъ литературу, на классицизмъ и романтизмъ". Но „если испанская поэма о Сидѣ проникнута духомъ романтизма, что же послѣ того находите вы романтическаго въ Шекспирѣ?"...

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ касается мысли, которую развивалъ онъ и раньше въ своихъ статьяхъ. Это – мысль объ индивидуальности писателя. „Величайшая ошибка теоретиковъ", говоритъ Плетневъ, „состоитъ въ томъ, что они подходятъ къ явленіямъ съ готовою въ рукахъ своихъ системой. Геніальный писатель самъ собою представляетъ полный міръ. Изъ него надобно составить систему; а мы его усиливаемся помѣстить въ такое же маленькое отдѣленіе, какое приготовили для всякаго встрѣчнаго".

Эти разсужденія Плетнева, при сопоставленіи ихъ съ мыслями, высказанными имъ же въ другихъ мѣстахъ, рождаютъ нѣкоторыя недоумѣнія. Прежде чѣмъ привести эти мѣста и разобраться въ противорѣчіяхъ, разсмотримъ еще другія статьи, которыя касаются тѣхъ же самыхъ предметовъ. Сюда, между прочимъ, относится статья 1840 года, подъ заглавіемъ „Финляндія въ русской поэзіи" (напечатано въ книгѣ: „Альманахъ въ память двухсотлѣтняго юбилея Александровскаго университета", изд. Гротомъ). „Ученые" (можно прибавить: и поэты) „перестали уже думать, что до всего можно дойти по одному наведенію, не покидая кабинета и корпя надъ теоріями. Одни изъ нихъ отправляются въ путешествія, чтобы собственными наблюденіямя увѣриться въ истинѣ своихъ предположеній и чужихъ разсказовъ; другіе, превратясь въ антикваріевъ, живутъ въ пыльныхъ архивахъ и безмолвною бесѣдою допрашиваютъ старину на ея выразительномъ языкѣ...

...Что душа, по счастливому образованію своему призванная на служеніе въ храмѣ изящныхъ искусствъ, не властна существовать безъ творчества,—это всѣмъ было ясно. Но указать для ея созданій образы, которые бы отвѣчали всѣмъ требованіямъ;... которыхъ частное и преходящее значительностью и несомнѣнностью своею выкупало бы *холодность* и *безцвѣтность общечеловѣческаго*—указать это досталось позднѣйшей эпохѣ (авторъ ранѣе говорилъ о времени за четверть столѣтія). Теперь поэтъ или художникъ, проникнутый до глубины души всѣми стихіями жизни общества и физической природы, жизни, трепещущей отъ полноты и занимательности своего вѣка и своей точки на землѣ, возсоздаетъ ея образы неистощимо - разнородные, какъ его настроеніе, и неиз-

мѣнно привлекательные, какъ сама истина, т. е. природа. Въ критикѣ нѣтъ теперь требованій произвольныхъ, которыя неминуемо слѣдовали за неопредѣленными, сбивчивыми законами эстетики: „Надобно подражать изящной природѣ“, или: „Надобно возводить природу до идеала“. На основаніи этихъ разсужденій авторъ и указываетъ на односторонность картинъ Финляндіи въ стихотвореніяхъ Баратынскаго. Эта односторонность и неполнота произошла именно отъ недостаточнаго изученія жизни и мѣстности. И въ содержаніи преобладаетъ, поэтому же, „одна мысль, одинъ образъ,— это идея Скандинавскаго міра, вообще, безъ частностей эпохъ, и даже безъ замѣтнаго разграниченія Финляндіи и Швеціи“.

Сюда же относится статья о Мертвыхъ Душахъ, которую Плетневъ написалъ вслѣдъ за появленіемъ поэмы и помѣстилъ въ „Современникѣ“ подъ вымышленнымъ именемъ. Эту статью Плетневъ называетъ выраженіемъ „почти всей эстетики своей“ [1]); поэтому разсмотримъ ее нѣсколько подробнѣе.

Прежде всего автора поражаетъ отсутствіе сочиненности лицъ и положеній, отсутствіе какихъ-либо авторскихъ намѣреній подѣйствовать на читателя. „Онъ самъ весь проникнутъ жизнью и, вмѣсто того, чтобы сочинять, онъ воплощаетъ въ дѣйствительность свою внутреннюю жизнь, это чудное вмѣстилище всего внѣшняго“. Это проникновеніе жизнью великаго таланта и производитъ то, что мы видимъ только рядъ поразительныхъ (картинъ) сценъ, не подозрѣвая, что дѣло состоитъ въ искусствѣ автора.

Въ каждомъ произведеніи, далѣе, должна быть основная идея, и въ произведеніи Гоголя она есть, но только еще въ зародышѣ, или, какъ говоритъ критикъ, книга Гоголя есть „вступленіе къ великой идеѣ человѣка, увлекаемаго страстями жалкими, но неотступно дѣйствующими въ мелкомъ кругу общества“. Эта идея выражается пока не въ особенно сложномъ *дѣйствіи*, но это и не важно, потому что „въ сущности искусствъ не вымыселъ важенъ, а жизнь. *Ея полное и поэтическое развитіе есть прямая цѣль великихъ художниковъ*“. „Конечно“, говоритъ авторъ: „есть правило въ критикѣ: не останавливать движенія дѣйствія“. Но это не значитъ безпрестанно прибавлять что-нибудь новое къ общему ходу исторіи. Какъ въ дѣйствительной жизни наружное движеніе не доказываетъ еще внутренней дѣятельности, которая одна по справедливости называется нашею жизнью, такъ и въ произведеніи искусства развитіе дѣятельности каждаго момента есть истинно-художническое движеніе“.

---

[1]) Ib. II, 630.

Далѣе авторъ восторгается объективностью, которою поэтъ „такъ превосходитъ всѣхъ писателей, что нерѣдко перестаешь подозрѣвать его присутствіе тамъ, гдѣ онъ, какъ разсказчикъ, обязанъ находиться... Отсутствіе усилія, естественное положеніе всѣхъ лицъ и между тѣмъ всеобщая жизнь и постоянное дѣйствіе комической красоты—вотъ что изумляетъ въ авторѣ, повидимому, безпечномъ и все предоставившемъ самой природѣ".

На долю таланта авторъ относитъ тотъ „тактъ, сколько, гдѣ и когда надобно воплощать природу, а равнымъ образомъ сколько, гдѣ и когда не довѣрять ей, и образовать собственное цѣлое, лишь бы оно въ согласіи было съ ея законами".

Въ числѣ первыхъ достоинствъ изящнаго произведенія авторъ полагаетъ „независимость созданія". Талантъ долженъ, если онъ хочетъ творить законно, по призванію природы,—обладать „самобытностью", „долженъ всему въ твореніи сообщить собственное содержаніе, объемъ, части, характеръ, форму, краски и выраженіе". „Все это поразительно чувствуешь, читая Мертвыя Души. И прежде Гоголя были писатели съ комическимъ настроеніемъ. И прежде него провинція давала богатый матеріалъ талантамъ. И прежде него смѣсь европейскихъ нравовъ съ невѣжествомъ и безвкусіемъ рѣзко отражалась то въ романахъ, то въ комедіяхъ, то въ повѣстяхъ. И прежде Гоголя простонародный языкъ игралъ веселую роль на устахъ героевъ, подмѣченныхъ авторами въ глуши, на облучкѣ саней... Мы всѣ читали это съ удовольствіемъ"... Но только у Гоголя „все является въ какомъ-то чудномъ, поразительномъ образѣ, проникнутомъ и новостію и истиною, безъ малѣйшихъ излишествъ, безъ преувеличеній, въ естественномъ движеніи, въ полнотѣ и въ завидномъ спокойствіи, которое одно сообщаетъ сценѣ высокое значеніе въ художественномъ отношеніи". Эта-то сила таланта художника изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій, изъ которыхъ посредственный писатель ничего не извлекъ бы, „кромѣ натянутыхъ остротъ и скучныхъ шуточекъ"—строитъ эстетическое цѣлое, гдѣ „никто не смѣшонъ, потому что въ жизни и дѣйствіяхъ каждаго есть истина, убѣждающая читателя".

Далѣе авторъ развиваетъ ту мысль, почему данную комическую книгу онъ находитъ серьезною. Все въ поэмѣ проникнуто истиною, такимъ сочувствіемъ автора, что и читатель увлекается въ окружающую его сферу, и изображенныя въ поэмѣ комическія лица и положенія доводятъ читателя до созерцанія красоты высокой.

Только въ изображеніи скряжничества Плюшкина и умилительности Манилова критикъ находитъ недостатки въ томъ отношеніи,

что въ такомъ видѣ они являются преувеличеніемъ. Они встрѣчаются очень рѣдко и не должны бы имѣть мѣста въ поэмѣ. „Мнѣ кажется“, говоритъ авторъ, „что въ поэмѣ, которая такъ ярко отражаетъ все народное, предпочитать надобно и самыя особенности или даже странности, болѣе свойственныя націи, нежели просто общечеловѣческія. Народная поэма есть исторія въ лицахъ, между которыми, естественно, избираются выставляющіяся чаще и ярче“. Характеры Плюшкина и Манилова не соотвѣтствуютъ этимъ требованіямъ: они рѣдки и не національны, по мнѣнію автора. „Мы живемъ“, продолжаетъ авторъ, „въ такую эпоху, въ которую отъ каждаго художника критика требуетъ ближайшаго, ясно высказавшагося соотношенія между жизнію и произведеніемъ искусства. Если поэтъ и вздумаетъ въ своемъ созданіи возобновить дѣйствіе другой націи или давно прошедшаго времени, тѣмъ не менѣе отъ него мы требуемъ полнаго изученія избраннаго имъ предмета и самаго неподдѣльнаго сочувствія съ жизнію прошлою. Теперь странно вносить въ художества неопредѣленныя идеи, вѣрныя по изученію сердца человѣческаго вообще, но не схваченныя на извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время. Такого рода художественныя задачи забыты въ старыхъ книгахъ и отяжелѣвшихъ школахъ“...

Послѣднею мыслью разбора является интересная мысль объ одномъ недостаткѣ поэмы. „Въ ней нѣтъ того, чего мы еще не встрѣчаемъ въ нашей жизни—серьезнаго общественнаго интереса“. „Во всѣхъ нашихъ разговорахъ, мысляхъ, поступкахъ чувствуешь мелочность, ограниченность“. „Но все это не говоритъ противъ Гоголя, напротивъ, еще оправдываетъ его такъ какъ Гоголь возвратилъ обществу то, что оно могло ему дать само“. Авторъ заключаетъ эту мысль такъ: „Какъ прежняя, такъ и нынѣшняя наша общежительность хранитъ въ своей исторіи любопытныя доказательства того, что и у всѣхъ самыхъ великихъ писателей русскихъ степень развитія интересовъ всегда была ниже, нежели у писателей другихъ народовъ“.

Въ заключеніе разбора М. Душъ критикъ приводитъ слова Гоголя изъ описанія сада: „все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда они соединяются вмѣстѣ“ и т. д., и говоритъ, что здѣсь писатель „съ изумительною отчетливостью изложилъ всю теорію изящнаго“... „Его книга точно этотъ садъ... Но что сказать тѣмъ, кто будетъ недоволенъ языкомъ его? Не лучше ли отослать ихъ къ тощимъ писателямъ, которые вмѣсто краснорѣчія сердца и воображенія поднесутъ имъ строчки, выпрямленныя по линейкѣ грамматики“?

Такимъ образомъ, по вопросу о томъ, что и какъ должна изо-

бражать поэзія, Плетневъ высказываетъ слѣдующія мысли. Цѣлью поэзіи является воспроизведеніе дѣйствительности во всей ея полнотѣ. Жизнь дѣйствительная должна давать матеріалъ поэзіи и, именно, та жизнь, которую писатель наблюдаетъ вокругъ себя, которая протекаетъ въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ. Этотъ матеріалъ долженъ быть признанъ болѣе важнымъ по сравненію съ тѣмъ, который доставляетъ жизнь, согласная съ „общими законами духа человѣческаго", не привязанная къ опредѣленной націи въ извѣстное время. Общечеловѣческая поэзія, говоритъ Плетневъ, холодна и безцѣтна.

Далѣе, Плетневъ даетъ понять, что изображеніе жизни должно быть поэтическимъ. Поэтъ долженъ критически относиться къ своему матеріалу, долженъ обладать тактомъ, гдѣ можно довѣрять природѣ и гдѣ нѣтъ.

Теперь сдѣлаемъ сопоставленія, изъ которыхъ и увидимъ, что на практикѣ Плетневъ оказывался иногда противорѣчащимъ себѣ.

Касательно вопроса о реальности изображенія замѣтимъ, что Плетневъ, съ одной стороны, допускалъ „непристойности" у Шекспира (для образца ихъ укажемъ, хоть, на „Перикла"), съ другой стороны, онъ возмущался тѣмъ, какъ одинъ писатель заставляетъ браниться одно изъ вводимыхъ имъ лицъ, которое, кромѣ того, находилось въ тавернѣ, въ закоулкѣ... „Прилично ли", спрашиваетъ Плетневъ, „европейцу XIX в. остаться безъ свѣдѣній о томъ, какъ бранили трактирную служанку хозяйка и одинъ изъ посѣтителей таверны?" [1]).

Почему же герои Шекспира могутъ выражаться и дѣйствовать такъ, какъ выражаются и дѣйствуютъ дѣйствительно ихъ прототипы, а герои другихъ писателей не могутъ этого допускать?

Далѣе, относительно общечеловѣческаго. Хотя Плетневъ и признавалъ его безцвѣтность и холодность, но въ другомъ мѣстѣ онъ самъ же пишетъ: тенденціи нашихъ юношей—„это просто разрушеніе всякой святыни. Нѣтъ теперь ничего нигдѣ прекраснаго, просто человѣчески, а все оцѣнивается по отношенію къ господствующимъ въ политикѣ идеямъ. Романъ, поэма, трагедія, даже исторія не должны смѣть быть человѣчески прекрасными; они должны стремиться къ поддержанію французскихъ политическихъ идей—и тогда всякую нелѣпость молодые критики (Бѣлин.) назовутъ міровымъ явленіемъ. Отзывы о холодности общечеловѣческаго относятся къ 1840 г., а второй—къ 1844 г.

Любопытно справиться, какъ Плетневъ разрѣшалъ еще одинъ

---

[1]) «Соч. и переписка» II, 501.

вопросъ. Полное изображенie жизни въ поэзiи требуетъ, чтобы выводились и отрицательныя стороны дѣйствительности. Какъ же къ нимъ относиться? Какъ совмѣстить ихъ изображенie съ любовью къ отечеству? Какъ разсматривать явленiя русской жизни, выведенныя Гоголемъ, явленiя и лица, ужасныя, отвратительныя? Плетневъ отвѣчаетъ на эти вопросы тѣмъ, что признаетъ всѣхъ героевъ Гоголя не типами, а, какъ онъ выражается, „индивидуалами". „Каждая черта ихъ характера есть въ нѣкоторомъ смыслѣ черта бiографическая, а не родовая, т. е. общая многимъ лицамъ одного сословiя, или одного времени, или одной нацiи. Индивидуальная черта, видимо, покажется ложью, если кто-нибудь перенесетъ ее въ другой характеръ для дополненiя его. Оттого комическое, смѣшное, даже унизительное въ поступкахъ Гоголевскихъ лицъ нисколько не оскорбляетъ ни сословiя ихъ, ни современности, а еще менѣе нацiи" [1]).

Такъ разрѣшая этотъ вопросъ въ примѣненiи къ Гоголю, Плетневъ говоритъ далѣе о другихъ писателяхъ. „Подражатели Гоголя, или не оттѣнивши въ немъ этой особенности, или не владѣя талантомъ, чтобы сохранить столь тонкiя черты въ своихъ произведенiяхъ, начали смѣшивать у себя въ сочиненiяхъ то, что натурою и генiемъ раздѣлено прекрасно. Но какъ и мыслiю о нацiональной нашей славѣ изображенiя Гоголя проникнуты повсемѣстно; то у подражателей его, обыкновенно грубѣе принимающихся за дѣло и потому начавшихъ высказывать патрiотизмъ, вышло теперь что-то явно себѣ противорѣчащее. Они пестрятъ свои разсказы, повѣсти, романы и другiя сочиненiя возгласами во славу Россiи, а герои ихъ, а разсказы ихъ, а описанiя ихъ, заключающiя не художнически-частное, а типически-общее, заставляютъ смѣяться надъ тѣмъ, или сожалѣть о томъ, или даже призирать то, что бы сочинителямъ хотѣлось заставить полюбить" [2]).

Такимъ образомъ, по мнѣнiю Плетнева, любовь къ отечеству не совмѣстима съ изображенiемъ отрицательныхъ типовъ. Кто изображаетъ отечественныя отрицательныя явленiя, придавая имъ типическiй характеръ, тотъ не любитъ своей родины...

Въ перепискѣ съ Гротомъ Плетневъ, разсуждая о томъ же, называетъ и имена этихъ послѣдователей Гоголя, включая въ ихъ число и самого Гоголя. Ему кажется страннымъ, „что всѣ новые: Гоголь, Одоевскiй и Сологубъ, стремясь превознести достоинство

---

[1]) «Соч. и переписка» II, 149.

[2]) Ibidem.

русскаго народа, ни о чемъ не разсказываютъ, кромѣ его глупостей и мерзостей". (7 окт. 44 г.).

Въ виду такого отношенія Плетнева къ творчеству Гоголя, становится понятнымъ сочувствіе и даже восторгъ, съ которымъ онъ встрѣтилъ „Переписку съ друзьями". Плетневъ пишетъ Гоголю 1 янв. 1847 года: „вчера совершено великое дѣло: книга твоихъ писемъ пущена въ свѣтъ. Но это дѣло совершитъ вліяніе свое только надъ избранными, прочіе не найдутъ себѣ пищи въ книгѣ твоей. А она, по моему убѣжденію, есть начало собственно русской литературы. Все, до сихъ поръ бывшее, мнѣ представляется, какъ ученическій опытъ на темы, выбранныя изъ хрестоматіи"...[1]).

Къ 1845 году относится разборъ „Опыта исторіи русской литературы", Никитенко, напечатанный въ „Современникѣ", гдѣ Плетневъ излагаетъ свои общія мысли объ историческомъ изслѣдованіи литературы.

Вначалѣ Плетневъ считаетъ нужнымъ указать на то, что „знаніе правилъ литературы и ея исторіи никого не доводитъ до степени отличнаго писателя, ежели человѣку не дано природою такъ называемаго таланта".

По вопросу объ объемѣ понятія литературы Плетневъ высказывается, что „литература есть духовная жизнь народа, выразившаяся его словомъ... Дѣйствительная цѣнность литературныхъ сочиненій должна быть опредѣляема не безусловно, по общимъ законамъ эстетики, а по отношенію къ тому, что они вносятъ въ исторію народнаго духа... Я не нахожу ни выгоды, ни обязанности ученія разграничивать то (литературу и науку), что природою и сущностью своею соединено такъ нераздѣльно". Получающаяся въ такомъ случаѣ необъятность предмета можетъ быть, по мнѣнію Плетнева, устранена, „когда всѣ повторенія, всѣ сокращенія, всѣ подражанія, всѣ выписки и многія подобныя имъ явленія письменности, какъ сухія вѣтви, отсѣчены будутъ историкомъ отъ возращаемаго имъ древа исторіи литературы".

Что касается метода изслѣдованія, то Плетневъ говоритъ: „Опасно въ нынѣшнее время возставать противъ исторіи, излагающей факты безъ примѣси теоретическихъ толкованій. Ясно, въ полнотѣ и съ художническою истиною представленныя событія обильнѣе благотворными выводами снабжаютъ читателя, нежели такъ называемые высшіе взгляды, односторонніе, произвольные"... Эти факты, однако, должны быть подвергнуты критико-эстетической оцѣнкѣ.

---

[1]) «Р. Вѣстн.» 1890, XI, стр. 42.

Слѣдуетъ также излагать и сужденія о вліяніи отдѣльныхъ писателей на ходъ литературы и жизни.

Плетневъ возстаетъ противъ тѣхъ выраженій сочиненія, гдѣ русская литература какъ бы не считается дѣйствительно существующею, а обладающею лишь возможностью настоящаго проявленія. Никитенко говоритъ: „исторія русской мысли *должна* имѣть *свой* характеръ, *свое* значеніе"... „Какія задачи суждено ему (генію русскаго народа) рѣшать въ системѣ человѣческой разумности—это тайна Провидѣнія". Плетневъ замѣчаетъ: „въ исторіи русской мысли не только *долженъ быть*, но и есть особенный ея характеръ и значеніе" и проч.

Кромѣ изданія „Современника", на Плетневѣ лежали еще и другія обязанности. Съ 1841 года, когда было учреждено II Отдѣленіе Академіи Наукъ, Плетневъ состоялъ его членомъ, а съ 1859 года былъ въ немъ предсѣдательствующимъ. Какъ академикъ, Плетневъ не заявилъ себя учеными трудами. Изъ филологическихъ мнѣній его укажемъ, напр., на то, что онъ повторяетъ мнѣніе Пушкина о происхожденіи *„двенадцатъ"* отъ двое, невозможность чего Гротъ ему и доказываетъ. Плетневъ легко предполагаетъ возможность произвольнаго измышленія словъ [1]. Вообще отзывъ его о филологіи таковъ: „твое пристрастіе къ филологіи (пишетъ онъ Гроту) похвально, какъ профессора, но можетъ сдѣлаться предосудительно, если ты этому скелету принесешь себя въ жертву, какъ человѣка" [2].—Въ качествѣ академика Плетневымъ были написаны слѣдующія статьи. Во-первыхъ, „В. А. Жуковскій"—статья, читанная въ Отдѣленіи и напечатанная въ „Извѣстіяхъ II Отд. Ак." [3]. Затѣмъ, по случаю смерти гр. Уварова: „Памяти гр. С. С. Уварова"—статья, напечатанная въ „Ученыхъ Запискахъ II Отд." [4]. Въ 1860 году написанъ небольшой „Отзывъ о драмахъ: „Горькая Судьбина" и „Гроза», напечатанный въ отчетѣ о 4 присужденіи наградъ гр. Уварова [5].—Почти ежегодно Плетневъ писалъ отчеты по II отдѣленію. Въ этихъ отчетахъ Плетневъ обращалъ большое вниманіе на біографіи дѣятелей въ разныхъ областяхъ знаній. Онъ не разъ выражалъ желаніе, чтобы Гротъ потомъ собралъ и издалъ эти біографіи. Гротъ исполнилъ только одно: онъ собралъ и издалъ

---

[1] «Переписка съ Гр.» II, 335.
[2] Ib. II, 438.
[3] «Соч. и переписка» III, 1—59.
[4] Ib. III, 149.
[5] Ib.III, 226.

отчеты его, которые и составили двѣ книги. Предполагается всѣ біографіи Плетнева изъ отчетовъ издать въ четвертомъ томѣ его сочиненій [1]).

Въ заключеніе второго періода жизни и дѣятельности Плетнева можно указать, что положеніе его въ эту пору было установившимся. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ разнообразныхъ кругахъ и былъ вездѣ желаннымъ гостемъ. О популярности Плетнева свидѣтельствуетъ Гоголь. Онъ въ одномъ письмѣ къ сестрамъ спрашиваетъ ихъ: „разскажите мнѣ что-нибудь о Плетневѣ. Такъ же ли онъ бываетъ у васъ часто и по-прежнему ли любимъ всѣми?" [2]). Гротъ не разъ упоминаетъ о множествѣ знакомыхъ Плетнева: „у тебя столько друзей, что тебѣ только стоитъ перейти Исаакіевскій мостъ,—и тотчасъ къ тебѣ явятся спутники" [3]). И у Плетнева собиралось много гостей, особенно дамскаго пола" [4]). Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что Плетневъ иногда злоупотреблялъ своимъ вліяніемъ, о чемъ уже было и ранѣе сказано. Здѣсь прибавимъ еще одинъ разсказъ Никитенки. Послѣ одного экзамена Плетневъ, Никитенко и Шульгинъ составили „конфедерацію для противодѣйствія въ университетѣ всякому нечистому духу въ ученомъ и нравственномъ отношеніи. Мы дали другъ другу слово сохранять строгое безпристрастіе при переводѣ студентовъ"... „Немного спустя мы пошли къ князю, и тутъ безпристрастіе наше встрѣтило свой первый камень преткновенія: Плетневъ просилъ попечителя за плохого студента, брата одного изъ своихъ друзей" [5]).

X.

Покончивъ съ „Современникомъ", Плетневъ доканчиваетъ *біографію Крылова*, которая была издана въ 1847 г. при сочиненіяхъ баснописца. Этому роду сочиненій Плетневъ думаетъ посвятить все свободное время. Онъ пишетъ Гоголю: „ты мнѣ долженъ сказать свое мнѣніе объ этомъ моемъ трудѣ (біографіи Крылова). Если онъ удался, то я примусь за Карамзина, а наконецъ и за Жуковскаго. Безъ „Современника" мнѣ раздолье" [6]). Этимъ намѣреніямъ относительно біографіи Карамзина, какъ мы знаемъ, онъ встрѣтилъ

---

[1]) Біографія Пл—ва, составл. К. Я. Гротомъ, сстр. 37—38.
[2]) Письма Гоголя, изд. Маркса, I, 530
[3]) «Переписка съ Гр.» II, 7.
[4]) Ib. II, 517.
[5]) «Дневникъ» I, 332.
[6]) «Р. В.» 1890, XI, 50.

препятствіе въ семьѣ исторіографа; біографія же Жуковскаго была потомъ имъ написана и напечатана въ „Живописномъ Сборникѣ“ 1853 г., а также и отдѣльно [1]), подъ заглавіемъ „О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго“. Кромѣ этихъ біографій и указанныхъ ранѣе статей, Плетневымъ написана книга: „Юбилей 50-лѣтней литературной дѣятельности академика князя П. А. Вяземскаго“ [2]). Этимъ ограничивается все, что сдѣлалъ Плетневъ въ литературной области за послѣдніе годы—съ 47 по день своей смерти (1865 г.), т. е. за періодъ, приблизительно, въ 20 лѣтъ.

О біографическихъ трудахъ Плетнева можно сказать, что онъ къ нимъ чувствовалъ особое пристрастіе. Онъ считалъ долгомъ воздать достойное „труженикамъ нашимъ не только по наукѣ и беллетристикѣ, но и на поприщѣ государственной службы“. „Изъ всѣхъ родовъ сочиненій“, пишетъ онъ Жуковскому, „я болѣе всего люблю біографіи. Ихъ чтеніе доставляетъ мнѣ всегда величайшее наслажденіе“ [3]).—Біографіи Плетнева написаны просто и живо. Онѣ не обильны подробностями о жизни лица, но имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, его характеристику. Въ біографіи Крылова находимъ много анекдотовъ, которымъ Плетневъ, вообще, придавалъ большое значеніе. Онъ называетъ анекдоты „цвѣтами на канву“—они неизмѣримо важнѣе пошлыхъ фразъ о томъ, что извѣстное лицо обладало „умомъ просвѣщеннымъ и твердою волею“ и проч. Въ біографіяхъ поэтовъ Плетневъ высказываетъ и свои взгляды на искусство. Посмотримъ, какъ они выразились за этотъ періодъ. Это мы видимъ въ біографіи Жуковскаго.

Прежде всего, что касается сущности поэзіи, то Плетневъ указываетъ на неправильное пониманіе ея современниками: „Поэзія“, начинаетъ онъ первую статью о Жуковскомъ, „можетъ быть никогда не была такъ ложно понимаема, какъ многіе понимаютъ ее въ наше время. Съ высоты провозвѣстницы божественныхъ истинъ (таково было о ней понятіе древнихъ) теперь низводятъ ее до забавы младенчествующихъ народовъ. Изъ вдохновеннаго искусства превращаютъ ее въ холодное разсужденіе на заданный предметъ. Но настоящая сущность поэзіи, говоритъ Плетневъ, останется въ основѣ неизмѣнною. Ея основаніе не случайное, не временное“... „Съ поэзіею всегда будетъ слито понятіе о вдохновенной человѣку силѣ къ возсозданію всего прекраснаго, поражающаго въ природѣ“.

Далѣе Плетневъ ставитъ вопросъ о пути, которымъ долженъ

---

[1]) «Соч. и переписка» III, 60.

[2]) Ib. III, 234.

[3]) Ib. III, 728.

слѣдовать поэтъ, и о цѣли этого пути. На первый вопросъ онъ отвѣчаетъ, что это путь красоты. Въ объясненіе второго онъ приводитъ слова Жуковскаго изъ письма Гоголю, гдѣ Жуковскій комментируетъ слова Руссо: „Il n'y a de beau que ce qui n'est pas,—прекрасно только то, чего нѣтъ—въ романтическомъ смыслѣ. Но къ опредѣленію цѣли прекраснаго по Жуковскому, что она есть „не иное что, какъ самое это твореніе, свободное, вдохновенное,—ни съ какимъ постороннимъ видомъ не соединенное", Плетневъ прибавляетъ: „Ежели прекрасное, по мнѣнію поэта нашего, въ себѣ самомъ заключаетъ и цѣль поэзіи, отсюда не слѣдуетъ, что оно осуществленіемъ своимъ ни къ чему не приближаетъ ни насъ, ни того, кто его производитъ". „Оно вноситъ въ душу лучшія начала, изъ которыхъ развивается духовное бытіе наше".

Такимъ образомъ о поэзіи Плетневъ судитъ точно такъ же и теперь, какъ судилъ онъ о ней и въ двадцатые годы. И точно такъ же благоговѣетъ онъ передъ поэзіей, какъ и тогда...

Что касается отзыва Плетнева о двухъ драмахъ, Островскаго и Писемскаго, то онъ представляетъ собою короткій разборъ произведеній на основаніи требованій искусства, особенно драматическаго. И критикъ находитъ въ обоихъ произведеніяхъ важную мысль, вѣрное изображеніе жизни и характеровъ и соотвѣтствующій языкъ, почему и находитъ возможнымъ наградить авторовъ.

Хотя Плетневъ и называлъ свой „Современикъ" обузой, однако послѣ передачи его онъ сталъ ощущать нѣкоторую пустоту въ своей жизни. Уже около 1847 года въ его письмахъ начинаетъ звучать нота какихъ-то неопредѣленныхъ мечтаній. Чувствительное сердце Плетнева потребовало отзвука, и вотъ онъ вторично женится. Вторая жена Плетнева, княжна Щетинина, по замѣчанію біографа, была женщина, вполнѣ достойная своего супруга, одинаковаго съ нимъ душевнаго склада. Съ этой семейной перемѣной, происшедшей въ 1849 году, совпадаетъ, приблизительно, и женитьба Грота, что повліяло на сокращеніе ихъ переписки. Съ 1853 г. эта переписка прекращается на долгое время, такъ какъ Гротъ переселился въ Петербургъ.

Въ общемъ жизнь Плетнева въ послѣдніе годы течетъ по-прежнему. Только въ 1849 году, какъ упоминалось ранѣе, его судьбѣ угрожала опасность по винѣ Бутурлинскаго комитета, но опасность эта благополучно миновала. Въ остальномъ положеніе его было прочно, что и доказывается всеобщимъ къ нему вниманіемъ. Онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ нѣсколькихъ университетовъ (Казанскаго - съ 1849, Московскаго—съ 55 г. и С.-Петербургскаго съ 62 г.), почетнымъ вольнымъ общникомъ Им. Акад. Художествъ (1853) и др.

Не разрывая связи съ тѣми учрежденіями, гдѣ началась его служба, онъ и въ эту эпоху нѣсколько лѣтъ (54—57) состоялъ членомъ совѣта патріотическаго института.

Какъ ни благодушно, въ общемъ, чувствовалъ себя Плетневъ [1]), все-таки въ его жизни бывали иногда часы, какъ онъ говоритъ, меланхоліи. О своемъ состояніи въ это время Плетневъ пишетъ въ 1847 году: „Я въ эти часы хожу по комнатамъ, думаю о своей прошлой жизни, сравниваю ее съ настоящею, гляжу съ какою-то боязнью въ будущее, и на меня находятъ мрачныя думы. Самая тяжелая для меня мысль, что я переживаю какое-то лишнее время“. Здѣсь, безъ сомнѣнія, отразилась присущая, вообще, характеру Плетнева нервность, по которой онъ увлекался въ крайности, какъ въ проявленіяхъ любви, такъ и вражды, и впадалъ въ состояніе какъ веселости, такъ и крайней грусти. Въ одну изъ такихъ грустныхъ минутъ онъ написалъ Гроту письмо, которое сильно опечалило Грота. Послѣднимъ оно, должно быть, уничтожено, такъ какъ замѣтенъ пробѣлъ въ перепискѣ. Въ этомъ письмѣ, принятомъ Гротомъ за проявленіе болѣзненной вспышки, Плетневъ, судя по отвѣту Грота, упрекалъ друга своего въ холодности, неблагодарности и выставлялъ въ дурномъ свѣтѣ его противорѣчія. Съ женитьбой такія вспышки, кажется, прошли, и въ 1849 году Плетневъ пишетъ, что онъ наслаждается полнымъ семейственнымъ счастьемъ. Часто вращается онъ въ свѣткомъ высшемъ кругу, что доставляетъ ему освѣженіе.

Къ литературнымъ занятіямъ Плетневъ нѣсколько охладѣваетъ послѣ „Современника“, за текущей же литературой почти перестаетъ слѣдить, не находя въ ней ничего себѣ по сердцу [2]). Его мысли витаютъ въ добромъ старомъ времени. Такъ, вмѣстѣ съ біографіей Крылова, онъ пишетъ еще другую его же—для дѣтей. Гротъ ему и совѣтуетъ писать по воспоминаніямъ о друзьяхъ—поэтахъ—Жуковскомъ, Пушкинѣ и др. [3]). Но Плетневъ затруднялся писать о знаменитыхъ людяхъ: „Легко сказать, пиши о Жуковскомъ, Пушкинѣ. Вѣдь это не Крыловъ, гдѣ разложишь хронологически его изданія, да и валяй“... Гротъ указываетъ ему на его преимущества—близость къ поэтамъ, которыхъ дѣятельность такъ связана съ исторіей всей новѣйшей литературы и о которыхъ достовѣрныя свѣдѣнія получить такъ важно. Но, очевидно, Плетневу не всегда пріятно было напоминаніе о трудѣ, даже отъ друга. Поэтому Гротъ спѣшитъ

---

[1]) Въ 45 г. Пл. пишетъ: „у насъ все идетъ, какъ въ природѣ: неизмѣнно, покойно и благопоспѣшно». Переп. съ Гр. II, 505.

[2]) Переписка съ Гротомъ III, 20.

[3]) Ib. II, 851.

успокоить его, говоря, что послѣ столькихъ трудовъ ему и отдохнуть можно. Обращая иногда вниманіе на текущую литературу, Плетневъ возмущался противъ „вралей“. „Можно бы написать книжку, если бы противники были поумнѣй!“ Гротъ въ 48 г. пишетъ ему: „Кто лѣтъ черезъ 50 будетъ читать ихъ (критическія статьи П.), пожалѣетъ,... почему другъ Пушкина не написалъ болѣе? Плетневъ оправдывается тѣмъ, что у него три должности да 30 корреспонденцій. „Да я же и не помышлялъ“, заявляетъ онъ, „что какой-нибудь трудъ мой принесетъ хоть малую пользу литературѣ“... Онъ все-таки обѣщаетъ трудиться: „Дай только окончить оба годовые отчета по Академіи и университету. A propos: зачѣмъ же этихъ ежегодныхъ писаній моихъ не считаешь ты за дѣло?“... Приводитъ онъ и другія причины и уповаетъ на будущее. Отъ женитьбы также ожидаетъ усиленія энергіи. Гротъ же указываетъ ему прямо на корень вещей: „въ тебѣ“, говоритъ онъ, „дѣйствуетъ русская лѣнь“. Видя, что Плетнева не заставишь систематически трудиться, Гротъ въ письмахъ начинаетъ задавать ему вопросы изъ исторіи литературы, на которые Плетневъ и отвѣчаетъ.

Чтобы успокоить совѣсть, Плетневъ радъ былъ иногда предаться иллюзіи занятія. Въ 1850 году онъ сообщаетъ, что „выбралъ новое занятіе, которое чрезвычайно пріятно и удобно“... Оно состояло въ томъ, что онъ бралъ на домъ каталоги изъ библіотеки и просматривалъ ихъ. Отмѣчалъ нужныя книги и приказывалъ библіотекарю приносить ихъ. „Ежели нахожу которую-либо стоющею прочитать ее всю, беру такую къ себѣ, а прочія возвращаю въ библіотеку“. Въ 1851 году продолжается то же заѣданіе времени отчетами, такъ что онъ и читать не успѣваетъ. Въ этихъ отчетахъ Плетневъ видѣлъ „нѣкоторую пользу исторіи литературы“.

Кромѣ отчетовъ, Плетневъ утѣшается еще тѣмъ, что онъ ведетъ переписку. Послѣдняя, дѣйствительно, отличалась строгою аккуратностью. Гроту онъ писалъ два раза въ недѣлю, Жуковскому — два раза въ мѣсяцъ. Это ставитъ онъ себѣ въ заслугу, считая письма „отраслью литературы, которая повсюду погибаетъ, хотя и составляетъ лучшую часть произведеній всякаго писателя“ [1]). Плетневъ проситъ сообщить ему свѣдѣнія о писателѣ, „который ничего не печаталъ, а друзья послѣ смерти его, собравъ его къ нимъ письма, ихъ напечатали“. Это былъ Тернеросъ (Törneros), профессоръ римской словесности въ Упсалѣ, умершій въ 1839 г. Лѣтомъ Плетневъ читаетъ съ женою романъ Диккенса.

1852 годъ былъ для Плетнева тяжелымъ. Сначала умерли два его

---

[1]) Ib. II, 540.

друга—Жуковскій и Гоголь, а въ октябрѣ скончалась единственная дочь Плетнева. Съ тѣхъ поръ, пишетъ Плетневъ, жизнь для него—тоска.

Въ январѣ 1853 г. Гротъ переходитъ въ Царское Село, и послѣднее письмо его изъ Гельсингфорса написано 6 января.

Еще въ началѣ 1855 года заболѣла жена Плетнева, и весною слѣдующаго года онъ отпросился для ея лѣченія за границу, гдѣ они пробыли болѣе года. Плетневъ ѣхалъ за границу еще въ первый разъ и вынесъ отъ заграничной жизни самыя благопріятныя впечатлѣнія. Такъ, проѣзжая черезъ Пруссію, онъ писалъ Гроту 25 іюня 1856 г.: „Чѣмъ глубже вдаешься въ Пруссію, тѣмъ сильнѣе чувствуешь, какое это благоустроенное государство". Конечно, болѣзнь жены препятствовала Плетневу въ ознакомленіи со страною, однако же онъ, насколько можно было, воспользовался случаемъ коечто узнать и увидѣть. Будучи въ Парижѣ, онъ два раза посѣтилъ французскій институтъ и познакомился съ Вильменомъ, историкомъ литературы, о которомъ Плетневъ не разъ упоминалъ въ своихъ сочиненіяхъ. Кромѣ того, онъ съѣздилъ въ Англію, отъ которой остался въ восхищеніи: „вотъ тамъ-то чувствуешь, что народъ живетъ самъ, а не ждетъ, чтобы его водили на помочахъ. Что за чудныя учрежденія для всякой части наукъ, художествъ, ремеслъ, торговли и проч. и проч." „День, проведенный мною въ Оксфордѣ", пишетъ Плетневъ, „никогда не изгладится изъ моей памяти. Я видѣлъ городъ, въ которомъ цѣлое народонаселеніе служитъ только наукѣ", говоритъ Плетневъ въ восхищеніи и описываетъ университетскіе обычаи. Въ Парижѣ Плетневъ посѣщалъ курсы Сорбонны и Collège de France. Въ то же время онъ составилъ „Записку" въ 12 листовъ, посланную Титову, Вл. П., занимавшемуся тогда проектомъ дворцоваго учебнаго заведенія для великихъ князей и ихъ сверстниковъ изъ высшаго класса общества. Она касалась, вѣроятно, постановки учебнаго дѣла во Франціи [1]). Плетневы возвратились домой среди лѣта 1857 г.

Въ 1858 г. Плетневъ былъ представленъ въ качествѣ перваго кандидата на должность попечителя. Но Государь сказалъ министру: „я очень хорошо знаю П. А-ча, люблю его и уважаю, но онъ такъ кротокъ, мягкосердеченъ и тихъ, что эта новая должность была бы ему въ тягость". Плетневъ пишетъ, что онъ согласенъ съ этимъ и доволенъ, что „эта чаша прошла мимо", но все-таки замѣчаетъ: „А сверхъ того, почему попечитель, самою этимологіею призываемый къ мягкосердію и кротости, долженъ дѣйствовать въ духѣ новаго Мусина?" [2]).

[1]) Ib. III, 649—50, 771.
[2]) Ib. III, 655 и сл.

Въ 1859 году [1]) Плетневъ вторично ѣздилъ по тому же поводу въ Парижъ, а въ 1861 году—еще разъ.

Въ 1861 году, съ закрытіемъ университета, по случаю безпорядковъ, Плетневъ оставилъ ректорство. Но дѣятельная связь его съ университетомъ отъ этого не прекратилась: онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ двухъ комиссій: по управленію университетомъ и для изысканія мѣръ и средствъ къ доставленію полезной дѣятельности лицамъ, оставшимся за штатомъ. Предсѣдателемъ II Отд. Ак. Н. онъ оставался (хотя съ 1863 года въ отсутствіи) до марта 1863 года.

Въ 1863 году Плетневъ поѣхалъ въ послѣдній разъ въ Парижъ, чтобы болѣе оттуда уже не возвращаться. Тяжелая болѣзнь (костоѣда) постигла его еще въ 61 году [2]), а въ 63-мъ образовались раны, которыя причиняли ему большія страданія. Они нѣсколько облегчались присутствіемъ жены его, ухаживавшей за нимъ со всею любовью. Также утѣшали его и письма друга, на которыя онъ изрѣдка находилъ силы отвѣчать. 2 (14) ноября 1865 года написано имъ послѣднее письмо, а 29 декабря, въ 5-мъ часу утра, не стало одного изъ ближайшихъ свидѣтелей Пушкинской эпохи.—Погребенъ Плетневъ въ С.-Петербургѣ, на кладбищѣ Александро-Невской Лавры, недалеко отъ Жуковскаго, Карамзина, Гнѣдича [3]).

Болѣзнь свою Плетневъ переносилъ „совершенно безропотно и даже весело", говорилъ Тургеневъ, видѣвшій его въ Парижѣ незадолго до кончины. Тутъ же высказывался онъ Тургеневу: „Я знаю, что я скоро долженъ умереть и, кромѣ благодарности судьбѣ, ничего не чувствую;—пожилъ я довольно, видѣлъ и испыталъ много хорошаго, зналъ прекрасныхъ людей; — чего же больше? Надо и честь знать!"—Онъ умеръ на 74 году. 24 декабря слегъ въ постель и почувствовалъ приближеніе смерти. О послѣднихъ дняхъ Плетнева Гротъ сообщаетъ слѣдующее: „24 числа начались предсмертныя страданія, во время которыхъ больной слабымъ и тихимъ голосомъ говорилъ: „Господи, прими мою душу грѣшную!.. Вскорѣ прибылъ приглашенный къ умиравшему отецъ Васильевъ съ св. дарами. Принявъ причастіе, страдалецъ отъ души благодарилъ священника за его доброту и радостно сказалъ: „Боже мой, какъ я

---

[1]) Въ 1859 г. Плетневъ все еще требовалъ своихъ 3.000 за «Современникъ». Его усовѣщивали, что «за тѣнь, за имя журнала это дорогая плата». Но онъ былъ упоренъ. Никитенко II, 150.

[2]) «Труды Грота» III, 292.

[3]) На могилѣ поставленъ простой памятникъ, съ годами его рожденія (1792) и смерти въ 1901 г.

счастливъ, что пріобщился Св. животворящихъ Христовыхъ таинъ; теперь я готовъ умереть! Объ одномъ прошу васъ, добрѣйшій отецъ, не оставьте мою бѣдную жену, которая безъ меня не будетъ знать, что ей дѣлать".

„Послѣ трогательнаго прощанія съ женой, которую онъ благодарилъ за ея неистощимую любовь, онъ просилъ ее передать его благословеніе двумъ малолѣтнимъ сыновьямъ, бывшимъ въ эти минуты въ училищѣ. Но они успѣли еще возвратиться во-время; больной твердымъ голосомъ увѣщевалъ ихъ, какъ жить, какъ любить и уважать свою мать. „Я увѣренъ, что вы будете исполнять мое завѣщаніе свято: приходятъ послѣднія минуты моей жизни". Бѣдныя дѣти рыдали неутѣшно. Умирающій не забылъ и молодого слугу своего, къ которому потомъ обратился съ словами: „Благодарю тебя, любезный П., за твою службу: ты былъ для меня не только слугою вѣрнымъ и добрымъ, но поистинѣ и роднымъ сыномъ". Всѣ переданныя здѣсь подробности о предсмертныхъ мгновеніяхъ нашего друга и сообщены перомъ этого добраго служителя (бывшаго двороваго мальчика его), который, видя отчаяніе несчастной супруги, рѣшился самъ написать роднымъ своего господина объ ожидающейся ихъ утратѣ. Вскорѣ за письмомъ послѣдовала и печальная телеграмма овдовѣвшей супруги: „нашъ мученикъ въ лонѣ Божіемъ, молитесь за него!" [1]).

Сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о Плетневѣ, которыя могутъ характеризовать его дѣятельность.

Изъ нашего бѣглаго обзора видно, что эта личность не является особенно выдающеюся. Дѣлъ громкихъ Плетневъ не совершилъ, слова вѣщаго не сказалъ: его сочиненія можно считать полузабытыми. Переписка его въ большей части своей не даетъ драгоцѣнныхъ историческихъ свѣдѣній... Его литературные взгляды не оттѣняются отъ обычныхъ представленій его современниковъ [2]).

Однако Плетневъ имѣетъ право на вниманіе, именно въ томъ смыслѣ, что онъ является представителемъ среднихъ людей своего времени. По немъ можно судить о характерѣ этой образованной массы, которая, въ сущности, и дѣлаетъ жизнь, какъ исполнительный, такъ сказать, органъ. Она проводитъ въ жизнь тѣ высшіе

---

[1]) «Труды Грота», III, 293—4.

[2]) «Карамзинъ явился жрецомъ искусства тогда, когда и въ Европѣ не было много подобныхъ поклонниковъ... Онъ творецъ этой *идеально-прекрасной* школы, которую составили Жук—ій, Бат., Пушкинъ и пр., включительно до насъ съ тобою».

взгляды, которые рождаются въ умѣ генія, она ихъ усвояетъ и потомъ дѣлаетъ достояніемъ низшихъ слоевъ. Или же, наоборотъ, она можетъ и задерживать благородные продукты высокой души и быть причиною поздняго признанія ихъ и со стороны толпы... Эта, болѣе высокая группа массы со всѣмъ усердіемъ, доходящимъ до забвенія собственныхъ интересовъ, можетъ отстаивать признанное ею за великое и съ тѣмъ же усердіемъ, иногда обращающимся въ фанатическую нетерпимость, она будетъ не понимать и бранить то, что не нашло отклика въ ея душѣ... Въ первомъ случаѣ она будетъ ангеломъ-хранителемъ великихъ людей и ихъ дѣлъ, а во второмъ—демономъ-порицателемъ тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе ей не понравиться, чье міросозерцаніе отличалось отъ ея взгляда на вещи...

Всѣ эти замѣчанія могутъ быть приложены къ Плетневу. Его душа раздѣлилась на двѣ части: въ одной помѣщались: Пушкинъ, Карамзинъ, Жуковскій, Гоголь. Ихъ онъ любилъ самою нѣжною любовью, для нихъ онъ забывалъ свою „проклятую должность", въ пользу ихъ употреблялъ онъ свою протекцію, ихъ дыханіе было для него священнымъ [„Какъ онъ дышалъ!"—собственныя слова Плетнева о Пушкинѣ (Майковъ)]. Въ другой половинѣ нашли себѣ мѣсто Бѣлинскій, Лермонтовъ, Грановскій, Некрасовъ и другіе. Ихъ Плетневъ—можно безъ преувеличенія сказать—ненавидѣлъ, имъ расточалъ онъ самые нелестные отзывы, которые повторять непріятно. Міръ этихъ людей остался ему непонятенъ. Это были люди, не похожіе на служителей чистаго искусства. Это были люди критики, которая была заключена Плетневымъ въ самыя узенькія рамки и отличалась полною „благовоспитанностью".

Можно отмѣтить въ Плетневѣ и то, что нелюбовь свою онъ не выражалъ открыто. Мы только теперь яснѣе можемъ судить о его взглядѣ на людей второй половины его сердца. Онъ только въ письмахъ своихъ выражалъ вполнѣ свое презрѣніе къ нимъ; а въ печатныхъ сочиненіяхъ говорилъ очень уклончиво. Припомнимъ, что письма онъ чуть ли не ставилъ выше другихъ произведеній пера.

В. Н.

ЛИТЕРАТУРА.

«Сочиненія и переписка П. А. Плетнева. По порученію II отд. Ак. Н. издалъ Я. Гротъ. Спб. 1885. 3 тома. Предполагается издать 4-й т., куда войдетъ біографія Плетнева и выборъ изъ остальныхъ произведеній».

«Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ». Спб. 1896. 3 т.

Плетневъ. Первое 25-лѣтіе И. Спб. Унив—та. Спб. 1896.

Плетневъ. Отчеты по II отд. Имп. Академіи Наукъ 2 т. 1852 и 1865 г.г.

Плетневъ. Письмо въ редакцію «Вѣстн. Европы», В. Е. 1866 г. т. I.

Плетневъ. Письмо къ Коссовичу. Р. Арх. 1877, 11.

Письма къ Коптеву. Р. А. 1877, 12.

Гротъ. К. Я. «Къ перепискѣ Н. В. Гоголя съ П. А. Плетневымъ. Спб. 1900. От. изъ Изв. II отд. т. V кн. 1.

Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго архива, кн. П. А. Вяземскаго. (От. изъ Р. Арх. 66 г. Письмо Плетнева. (Межовъ).

Письмо Плетнева къ ректору Моск. Унив. «Чтеніе въ Об—вѣ Ист. и Др.» 1873, № 2, стр. 269. (Межовъ).

Письма Пл—ва къ Кюхельбекеру. «Р. Стар.» 1875.

Гротъ, Я. К. «Труды» т. III. Спб. 1901. О Плетневѣ семь статей. Тамъ же см. «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники»: «Замѣтка о перепискѣ Пушкина съ Плетневымъ. Стр. 124 и «Секретныя донесенія о связяхъ между Пушкинымъ и Плетневымъ», стр. 255.

Гротъ, К. Я. Біографія Плетнева. Тоже — Біографическій словарь, русскій,— изд. Половцева.

Вяземскій. «Памяти Плетнева» въ сборникѣ «Утро» М. 1866., стр. 152—57.

Короновскій. Соврем. Лѣт. 1866, № 6.

Тургеневъ. Литературный вечеръ у Плетнева.

Лонгиновъ. Совр. Лѣт. № 2, 1866.

Скабичевскій. «П. А. Плетневъ» В. Е. 1885, № 11.

Его же «Катедеръ—карьеристъ 30-хъ годовъ». Р. М. 1898, VII.

Чернышевскій Н. «Очерки Гоголевскаго періода» стр. 161.

Гербель. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Спб. 1888, стр. 266.

Геннади. Справочный словарь о русскихъ писат. и ученыхъ. Рус. Арх. 1867, стр. 971.

Григорьевъ. «Имп. Спб. Университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ». Спб. 1870.

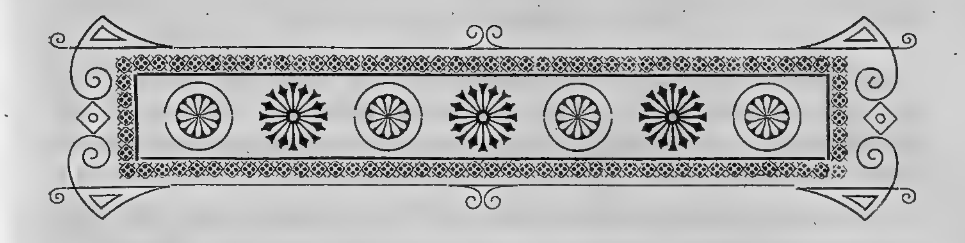
Ивановъ. «Исторія русской критики», ч. III, стр. 34.

Добрывъ. Біографіи русскихъ писателей.

Пыпинъ. Исторія р. литературы. т. IV.
«Записки о жизни Гоголя».
Анненковъ. Біографія Пушкина.
Шашковъ. Эпоха Бѣлинскаго. Д. 77, 5
Майковъ, Л. Историко-литературные очерки.
Глинскій, Б. «Загробный журналъ Пушкина». И. В. 97, 1.
Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина.
Лачинова ст. «Р. Ст.» 97, 5.
«Два вечера у гр. Блудова». Р. А. V. 1888, ст. Кокорева.
Два письма Аксакова и Плетнева. Р. А. 92.
Никитенко. Записки и дневникъ.
Панаевъ И. Литературныя воспоминанія.
Сологубъ Вл. А. гр. Воспоминанія. Спб. 87.
Головачева-Панаева. Воспоминанія.
Гоголь. Письма. 4 т. изд. Маркса.
Бѣлинскій, В. Г. Сочиненія.
Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона.
«Православно-русское слово» журналъ за 1902, статья: «Духовныя семинаріи и искусства».
Фортунатовъ. Воспоминанія о Спб. универ. Р. А. 69, № 2.
«Иллюстрированная Газета» некрол. Пл—ва.
Біографич. очеркъ прот. Павскаго изъ журнала «Странникъ» 1876 г. (Межовъ).
Матеріалы для біографіи Плетнева. Вятскія губ. вѣдомости. 1866, № 6. (тоже).
П. А. П—въ. «Дом. Бес.» 1866, № 6 (тоже).
О послѣднихъ дняхъ Плетнева. Сѣв. Почта, 66, № 4.
Извлеченіе изъ письма прот. Васильева къ кн. Вяземскому о смерти Пл—ва. Сѣв. Почта, 66, № 14 (тоже).
Панихида по Пл—вѣ. Спб. Вѣд. 1866, № 134 (тоже).
In memoria di P. Pletnew. Wiazemski (Traduzione dal testo russo) St.-Pietrob., 1866. 8 (тоже).
Некрологъ Пл—ва «Мѣсяцесловъ на 1867 г.» тип. Ак. Н.
Пыпинъ. Характеристики литературныхъ мнѣній.
Майковъ, Ап. Н. Стихотворное посланіе къ Пл—ву.
Плетневъ и Соханская. Рус. Об. 1896, іюнь.
Гоголя сочиненія.
Голицына князя словарь.
Филонова христоматія, ст. Плетнева: «Эпиграмма въ древности».
Смирнова, А. О. Записки, Спб. 1895.
Энциклопедич. словарь Брокг. и Ефрона. «Главный педагогическій институтъ», XVI полутомъ.
«Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія» журналъ.
Майковъ, Л. «Пушкинъ».
Бартеневъ, «Пушкинъ въ южной Россіи», М. 1862.
«Современникъ». 1853 г. ст. Гаевскаго: «Дельвигъ».
Пушкинъ. Сочиненія въ одномъ т. изд. Павленкова.
«Благонамѣренный» журналъ.
«Петербургскій У—тъ полвѣка назадъ». Р. А. 1888, № 9.
Скабичевскій. Біографія Лермонтова. Изд. Павленкова.

«Русскій Вѣстникъ». Изъ переписки съ Гоголемъ. 1890, XI.
«Странникъ» 1860. Біографія о. М. Константинова.
«Гражданинъ» 1874, № 4. Воспоминанія Т. И. Филиппова.
Стихотворенія Гнѣдича. Спб. 1832.
Сборникъ въ честь Стороженко.
П. А. Плетневъ и его отношенія къ Жуковскому и Пушкину. «Р. Ст.» 1904. Сентябрь. Статья В. Каминскаго.
Плетневъ, какъ критикъ и публицистъ. «Р. Ст.» 1906, ноябрь. Статья В. Каминскаго.

Очеркъ гражданской дѣятельности нашей въ Болгаріи въ 1877—1878 годахъ.

Въ 1877 году, послѣ переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай, по распоряженію его императорскаго высочества главнокомандующаго дѣйствующей арміею, были потребованы изъ разныхъ частей войскъ офицеры въ распоряженіе управляющаго гражданскою частью въ Болгаріи князя Черкаскаго, для назначенія на разныя должности по гражданскому управленію. Въ числѣ вызванныхъ офицеровъ былъ и я. Этотъ вызовъ былъ совершенной для меня неожиданностью: по случаю начавшейся войны, всѣ мы спѣшили приводить въ порядокъ все необходимое къ походу, а я, занимая должность завѣдывающаго хозяйствомъ, никакъ не разсчитывалъ разлучаться въ это время съ полкомъ, такъ какъ война была уже въ разгарѣ, а наша дивизія, имѣя бердановскія винтовки, скорѣе другихъ могла ожидать распоряженія о мобилизаціи. Командиръ полка, вслѣдствіе предписанія главнаго штаба о командированіи меня въ дѣйствующую армію, предписалъ мнѣ, по сдачѣ должности, отправиться въ Бухарестъ. Сдавъ должность и получивъ прогоны прямо изъ интендантства до Кишинева, я на третій день выѣхалъ, такъ какъ насъ понудили отправляться какъ можно скорѣе въ Бухарестъ, гдѣ отъ находившагося тамъ полковника Соболева мы должны были получить указаніе, куда намъ ѣхать далѣе, чтобы явиться къ князю Черкаскому. Полковника Соболева мы уже не застали въ Бухарестѣ и крайне затруднялись—куда намъ ѣхать далѣе, такъ какъ о мѣстѣ нахожденія главной квартиры никто не зналъ или не рѣшался говорить; наконецъ, въ нашемъ посольствѣ, куда мы поспѣшили обратиться,

посовѣтовали намъ ѣхать по желѣзной дорогѣ до Журжева, а оттуда по обыкновенной дорогѣ добраться какъ-нибудь до Систова, гдѣ, вѣроятно, будетъ кто-нибудь, кому поручено распорядиться нашимъ назначеніемъ.

Доѣхавъ до Журжева, мы прежде всего отыскали экипажи; условившись за три золотыхъ въ сутки съ экипажа, мы доѣхали до Зимницы; здѣсь не только всѣ дома, но всѣ сараи, конюшни и дворы заняты были нашими войсками, обозомъ, кухнями и лошадьми; разбивались госпитальныя палатки, и вообще работа и суета были невообразимыя. Переночевавъ на землѣ возлѣ лошадей, мы на другой день добрались кое-какъ пѣшкомъ до Систова; такъ какъ войсковой обозъ, поднимаясь по узкой дорогѣ въ Систово, стоялъ безъ движенія, покуда двинется первая повозка, то мы поспѣшили обогнать обозъ пѣшкомъ по боковымъ тропинкамъ; отъ встрѣчаемыхъ офицеровъ мы узнали, что генералъ Анучинъ, помощникъ Черкаскаго, находится въ Систовѣ и распоряжается назначеніемъ офицеровъ на должности по гражданскому управленію; намъ было сказано, чтобы мы спѣшили идти къ генералу прямо съ дороги, въ кителяхъ, только бы поскорѣе. Простой и привѣтливый генералъ Анучинъ встрѣтилъ насъ ласково и безъ малѣйшаго замедленія выдавалъ каждому заготовленныя предписанія и отзывы комендантамъ станцій для направленія насъ по румынскимъ желѣзнымъ дорогамъ къ мѣстамъ назначенія. Узнавъ, что я назначенъ въ Тульчу, губернскій городъ, хотя и брошенный турками, но не разоренный, я возвратился въ Зимницу, гдѣ я догадался оставить на нѣкоторое время свой экипажъ съ вещами при моемъ денщикѣ, такъ какъ трудно себѣ представить, какимъ образомъ пришлось бы возращаться одному ночью по румынскимъ владѣніямъ до Журжева. Добравшись до Журжева, мы отправились черезъ Бухарестъ до Галаца, надѣясь изъ Галаца ѣхать на баржѣ по Дунаю до Тульчи, но бывшій въ Галацѣ нашъ консулъ г. Романенко не совѣтовалъ намъ ѣхать по Дунаю, такъ какъ, по его предположенію, тамъ могли быть поставлены загражденія или мины. Насколько подобное предположеніе было вѣрно, мы не знали, но тѣмъ не менѣе мы рѣшили возвратиться въ Браиловъ, чтобы тамъ подумать, какимъ образомъ добраться намъ до Тульчи. Въ Браиловѣ одинъ изъ румынскихъ полицейскихъ далъ намъ весьма практичный совѣтъ, предложилъ нанять хорошіе экипажи, которые и доставятъ насъ безпрепятственно до Тульчи, такъ какъ, по его мнѣнію, въ этой мѣстности турецкихъ войскъ быть не могло, хотя и нашихъ также не было. Переправившись по устроенному нашими войсками мосту черезъ Дунай, мы ѣхали по турецкимъ владѣніямъ, гдѣ, по разсказамъ жителей, черкесы только-

что разорили нѣсколько селеній и угнали много скота; мы спѣшили проѣхать эту мѣстность засвѣтло.

Въ 12 верстахъ отъ Тульчи мы остановились въ небольшой нѣмецкой колоніи, расположенной вблизи румынскаго села Каталуй; здѣсь мы видѣли прекрасное нѣмецкое хозяйство, изобиліе у нѣмцевъ масла, молока и другихъ припасовъ, несмотря на то, что земля, отведенная имъ турками, была не изъ особенно плодородныхъ. Одинъ изъ проживавшихъ здѣсь русскихъ (вѣроятно, бѣглый солдатъ или изъ бывшихъ крѣпостныхъ) сказалъ намъ, между прочимъ, что у нихъ проведена съ горъ прекрасная, мягкая, ключевая вода, и мы воспользовались устроить чай, которымъ давно уже не наслаждались. По прибытіи въ Тульчу, насъ встрѣтили мѣстные болгары и проживающіе въ Тульчѣ старовѣры—некрасовцы, которые направили насъ въ конакъ, гдѣ мы и заняли временное для себя помѣщеніе: въ конакѣ было много отдѣльныхъ комнатъ съ нѣкоторою мебелью, которую не успѣли растащить мѣстные болгары, такъ какъ конакъ брошенъ былъ торопливо и никѣмъ не былъ охраняемъ. Въ Тульчѣ мы застали полусотню донскихъ казаковъ, оставленныхъ для охраны города подъ командою есаула, распоряжавшагося въ городѣ и уѣздѣ военною и гражданскою властью по собственному усмотрѣнію. Всѣ жители повиновались ему и безпрекословно исполняли всѣ его требованія. По прибытіи въ Тульчу, намъ предписано было явиться къ губернатору, отъ котораго мы и должны были получить назначеніе на должности по управленію гражданской частью въ Болгаріи, но губернаторъ еще не пріѣзжалъ, и гдѣ онъ находился — намъ извѣстно не было. Мы занялись устройствомъ себѣ квартиръ и, главное, продовольствіемъ, такъ какъ тѣмъ, кто не взялъ съ собой казенной прислуги, было чрезвычайно трудно довольствоваться въ мѣстныхъ ресторанахъ особенными какими-то блюдами. Полусотенный командиръ продолжалъ распоряжаться гражданскою частью, такъ какъ мы съ часу на часъ ожидали прибытія губернатора и не приступали ни къ какимъ обязанностямъ. Въ городѣ было совершенно спокойно, несмотря на то, что, кромѣ полусотни казаковъ, въ городѣ и окрестностяхъ войскъ не было, а между тѣмъ, въ Сулинѣ—50 верстъ отъ Тульчи—стояли наготовѣ турецкіе броненосцы, нѣсколько таборовъ войскъ и, главное, черкесовъ, которые безпрепятственно могли пробыть по Дунаю въ Тульчу, занять городъ и перебить всѣхъ, такъ какъ полусотня казаковъ не могла бы оказать никакого сопротивленія такому числу турокъ и черкесовъ. Но все прошло благополучно; одинъ только разъ, когда въ Тульчѣ былъ уже пѣхотный полкъ, артиллерія и штабъ начальника южно-дунайскаго отряда, была днемъ тревога по случаю при-

хода по Дунаю 4-хъ турецкихъ броненосцевъ, остановившихся въ 3 верстахъ отъ Тульчи для рекогносцировки. Войска наши и артиллерія выстроились немедленно на горѣ въ боевомъ порядкѣ, а турки, увидавъ войска, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій и повернули обратно въ Сулинъ.

Наконецъ прибылъ въ Тульчу нашъ губернаторъ Б., назначенный на эту должность изъ бывшихъ консуловъ въ Турціи; какъ человѣкъ, знающій здѣшній край и здѣшніе обычаи, онъ могъ дать намъ много полезныхъ и практическихъ совѣтовъ. Послѣ нашего представленія губернатору, онъ предложилъ намъ вынимать жребій, кому и куда суждено отправиться вводить гражданское управленіе въ округѣ (уѣздѣ). Совѣщаясь и разсуждая съ губернаторомъ, мы прежде всего рады были видѣть въ немъ человѣка умнаго, безгранично-добраго и привѣтливаго. Когда мы узнали о своихъ назначеніяхъ, губернаторъ предложилъ идти на другой день знакомиться съ проживающими въ Тульчѣ иностранными консулами, такъ какъ, по его мнѣнію, этотъ существующій у дипломатовъ обычай необходимо было выполнить прежде всего. На другой день, всѣ мы, назначенные вводить гражданское управленіе въ санджакѣ (губерніи), отправились, съ губернаторомъ во главѣ, къ проживающему въ Тульчѣ греческому митрополиту и ко всѣмъ консуламъ.

Предупрежденные консулы встрѣчали и принимали насъ ласково и привѣтливо и вмѣстѣ съ тѣмъ просто и радушно; митрополитъ благословилъ насъ и сказалъ на греческомъ языкѣ привѣтствіе (переводилъ намъ все губернаторъ). Вообще, митрополитъ и всѣ консулы произвели на насъ пріятное впечатлѣніе. Послѣ этого очень скоро мы пріискали себѣ квартиры и устроились въ оставленныхъ турецкихъ домахъ; предназначенные же къ выѣзду закупали себѣ все въ Тульчѣ и заказали въ открывшейся типографіи бланки для своихъ округовъ. Начали мы устраивать кое-что въ своихъ канцеляріяхъ, а черезъ нѣсколько дней губернаторъ предложилъ собирать два раза въ недѣлю въ конакъ избранныхъ въ особый совѣтъ мѣстныхъ гражданъ для общаго обсужденія о предстоящемъ устройствѣ въ краѣ всѣхъ учрежденій. На засѣданіяхъ этихъ мы обязательно присутствовали всѣ, каждый разъ, такъ какъ и предназначеннымъ къ отъѣзду начальникамъ округовъ также хотѣлось почерпнуть на засѣданіяхъ хоть что-нибудь, чтобы затѣмъ въ округахъ начать смѣлѣе свою работу. Къ сожалѣнію, всѣ эти засѣданія не представляли для насъ никакого интереса, главнымъ образомъ, потому, что всѣ разсужденія на нихъ происходили на непонятныхъ намъ болгарскомъ и турецкомъ языкахъ, и потому

мы рады были, когда совѣты эти сами собой прекратились, и тѣмъ дали намъ возможность приступить къ исполненію прямыхъ своихъ обязанностей по собственному усмотрѣнію.

Наша дѣятельность въ округѣ состояла прежде всего въ избраніи членовъ въ управительный совѣтъ, который, на основаніи данной намъ инструкціи, долженъ былъ вѣдать всѣ хозяйственныя дѣла, обсуждать нужды и вопросы и собрать свѣдѣнія, какая еще осталась невзысканная подать за текущій годъ, такъ какъ при турецкомъ правительствѣ, кромѣ взимаемой десятины съ урожая, опредѣлялся еще ежегодно разный налогъ на жителей, который и помѣщался подробно въ выдаваемыхъ жителямъ листкахъ; на этихъ листкахъ, при взносѣ денегъ въ казначействѣ, дѣлалась отмѣтка о томъ, за что получена подать. Новыхъ налоговъ мы рѣшили никакихъ не устанавливать и впредь до полученія распоряженія высшаго начальства вопросовъ никакихъ объ этомъ не возбуждать. При этомъ мы обязали управительный совѣтъ собрать свѣдѣнія, какое количество ячменя и ржи можетъ быть взято отъ каждаго селенія въ случаѣ реквизиціи. Избранные въ управительный совѣтъ болгары не имѣли никакого понятія, какъ приступить къ дѣлу, какъ оформить въ совѣтѣ свои постановленія и т. д., такъ какъ въ краѣ все находилось въ рукахъ турокъ, болгары же и, вообще, христіане ни къ какой общественной дѣятельности не допускались.

При такихъ условіяхъ начальнику округа предстояло чрезвычайно много заботъ и умѣнія дать дѣло каждому, научить, какъ дѣлать, не отмѣнять много хорошаго изъ существовавшаго при турецкомъ правительствѣ и нашими распоряженіями не стѣснять и не обижать никого.

Начали поступать разныя прошенія отъ жителей на турецкомъ, болгарскомъ и румынскомъ языкахъ, переводчиковъ было очень мало, да и тѣ плохіе, и потому даже по самымъ простымъ дѣламъ исполненіе затягивалось. Зная по опыту, что всюду намъ придется руководиться главнымъ образомъ нашими русскими законами и порядками, примѣняясь, конечно, и къ существующимъ мѣстнымъ правиламъ, я при отъѣздѣ изъ Россіи взялъ съ собою много разныхъ уставовъ и наставленій: судебные уставы, уставъ о таможенномъ сборѣ, наставленіе для производства слѣдствій и дознаній и т. д., а главное — сборникъ узаконеній, постановленій и распоряженій, касающихся полиціи, изданіе Леонтьева; сборникъ этотъ оказалъ мнѣ громадную услугу: служба начальника округа главнымъ образомъ полицейская, и на каждый случай я находилъ въ сборникѣ подробное указаніе: какъ поступать полицейскимъ чинамъ при

разныхъ общихъ распоряженіяхъ, по предупрежденію разныхъ преступленій и безпорядковъ, по наблюденію за благоустройствомъ въ городѣ и за торговлей, по охраненію здоровья и лѣченію заболѣвающихъ и т. д.; куда бы ни ѣхалъ я въ уѣздъ, сборникъ былъ всегда моимъ вѣрнымъ и полезнымъ спутникомъ. Губернаторъ нашъ занимался чрезвычайно усердно и добросовѣстно, но, какъ человѣкъ, принявшій въ первый разъ такую отвѣтственную административную обязанность, безъ опытныхъ помощниковъ и руководствъ, затруднялся, изъ какихъ должностей образовать ему свое управленіе и канцелярію и, затѣмъ, какую придумать дать каждому работу. Назначенные служащіе являлись аккуратно въ канцелярію и сидѣли въ ожиданіи приступить къ какимъ-нибудь занятіямъ, но наконецъ начали поступать отъ управляющаго гражданскою частью разные циркуляры и другія объ устройствѣ гражданской части распоряженія, и работа началась. Выбранъ былъ управляющій канцеляріей, назначенъ завѣдывающій казенными дѣлами и имуществомъ (въ родѣ управляющаго казенной палатой), выбранъ казначей—всѣ изъ болгаръ грамотныхъ, но совершенно несвѣдущихъ.—Одновременно съ устройствомъ губернской канцеляріи мы спѣшили вводить управленіе и въ своихъ округахъ, такъ какъ изъ всего видѣннаго и замѣчаемаго нами мы должны были убѣдиться, что единственными руководителями нашими будутъ русскіе законы и собственный здравый смыслъ, такъ какъ данное намъ краткое наставленіе составлено было на скорую руку, и никто изъ него ничего почерпнуть не могъ. Въ городѣ мы старались прежде всего образовать канцелярію, а въ уѣздѣ—нахіи (станы), отыскать чиновниковъ и дать дѣло каждому, учредить изъ избранныхъ жителей управительный совѣтъ для дѣйствія и распоряженій по хозяйственной части. Большое затрудненіе встрѣчали мы въ отысканіи служащихъ, въ особенности въ выборѣ секретаря и писцовъ, и потому приходилось брать только знающихъ читать и писать по-русски и болгарски; при назначеніи начальниковъ нахій—мы равномѣрно ограничивались грамотными изъ бывшихъ приказчиковъ или конторщиковъ. Формы входящихъ и исходящихъ журналовъ, разныя книги и описи дѣлъ мы составляли сами изъ взятыхъ изъ полковъ печатныхъ бланокъ; денежный журналъ былъ главной кассовой книгой, а для казначея—книга квитанцій съ корешками, остающимися при кассѣ. Сначала я былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Тульчѣ; назначенію этому я былъ очень радъ, такъ какъ Тульча городъ благоустроенный, не разоренный турками, близко отъ Измаила, гдѣ можно было доставать намъ разные припасы, хорошій русскій хлѣбъ и чай; въ Тульчѣ хотя и было до-

статочно всего мѣстнаго, но чай можно было найти только въ аптекѣ какъ лѣкарство. Въ скоромъ времени прибыло въ Тульчу еще нѣсколько офицеровъ и чиновниковъ, которымъ необходимо было давать разныя должности; одного изъ чиновниковъ, отбывающаго воинскую повинность, губернаторъ назначилъ правителемъ канцеляріи, а старшаго полковника, съ моего согласія, назначилъ вице-губернаторомъ временно, такъ какъ должности вице-губернаторовъ предпасано было поручать чиновникамъ изъ болгаръ для ознакомленія съ предстоящей имъ дѣятельностью въ Болгаріи. Вмѣстѣ съ этимъ я былъ назначенъ въ то же время начальникомъ Тульчинскаго округа вмѣсто исправлявшаго нѣкоторое время эту должность гвардейскаго офицера капитана С., котораго губернаторъ назначилъ на новую, совершенно необходимую, должность полицеймейстера въ Тульчѣ. Капитанъ С. оказался дѣятельнымъ и распорядительнымъ начальникомъ города, въ короткое время ввелъ въ немъ порядокъ и благоустройство и распоряжался во всемъ самостоятельно; между прочимъ, онъ оффиціально именовалъ себя градоначальникомъ, устроилъ въ конакѣ приличный кабинетъ съ надписью на дверяхъ: „Кабинетъ градоначальника“ и поставилъ у дверей каваса (въ родѣ жандарма), который и докладывалъ о всѣхъ желающихъ видѣть градоначальника. Оставались въ Тульчѣ еще изъ вновь прибывшихъ офицеры, для которыхъ нужно было создавать должности, и потому я просилъ губернатора командировать меня открывать гражданское правленіе въ г. Сулинъ, только-что занятый нашими войсками послѣ бомбардированія его отрядомъ генерала Веревкина, а занимаемую мною должность начальника тульчинскаго округа, какъ уже устроенную и правильно дѣйствующую, поручить другому вновь прибывшему офицеру. Губернаторъ охотно на это согласился и нѣсколько разъ спрашивалъ телеграммой управляющаго гражданскою частью, нужно ли командировать открывать гражданское управленіе въ Сулинѣ? Наконецъ полученъ былъ отъ помощника управляющаго гражданскою частью, генерала Анучина крайне неопредѣленный отвѣтъ: „Открывайте, если васъ пустятъ“.—Зная, что Сулинъ занятъ нашими войсками, губернаторъ просилъ меня ѣхать туда, и я, немедленно собравшись, отправился на лодкѣ по Дунаю въ мѣстность, только-что оставленную турками. Доѣхавъ до селенія Кедерлесъ, на берегу Чернаго моря, у устья Дуная, я остановился тамъ ночевать. Сопровождалъ меня отъ Тульчи житель Сулина Дульчери, человѣкъ молодой, дѣятельный, энергичный; живя въ Сулинѣ, въ портовомъ городѣ, онъ изучилъ практически всѣ необходимые для того края языки: турецкій, греческій, англійскій, французскій, болгарскій, румынскій и

русскій; человѣкъ онъ былъ безкорыстный и услужливый, и я, по прибытіи въ Сулинъ, назначилъ его на первое время при себѣ переводчикомъ.

Село Кедерлесъ населено русскими старообрядцами, занимающимися рыбною ловлею. Поговоривъ на другой день съ мѣстными жителями и узнавъ, что главная ихъ промышленность въ Кедерлесѣ рыбная ловля, я, по совѣту стариковъ, назначилъ извѣстнаго мнѣ болгарина вамышемъ въ с. Кедерлесъ. Вамышъ обязанъ записывать по особой книгѣ пойманную рыбу, вырученную икру и взимать установленный при турецкомъ правительствѣ сборъ за рыбу и икру.—Объ обязанностяхъ вамыша я не имѣлъ никакого понятія и потому поручилъ назначенному мною вамышу отыскать оставленный турками у мѣстныхъ жителей отчетъ и книги и прислать мнѣ для перевода и чтобъ затѣмъ мнѣ ознакомиться съ отчетомъ. Вамышъ оказался умнымъ, довольно честнымъ и аккуратнымъ человѣкомъ, ладилъ съ рыболовами и доставлялъ доходъ, собираемый имъ за рыбу и икру, который онъ успѣвалъ записать въ свою книгу и въ отчетъ. Въ Кедерлесѣ ловилась бѣлуга, осетрина, севрюга и друг. въ довольно значительномъ количествѣ, такъ что, при болѣе правильной организаціи и большемъ надзорѣ, собираемый доходъ, несомнѣнно, увеличился бы, но я назначилъ вамыша и къ нему помощниковъ на свой рискъ, предупредивъ, что на первое время жалованье имъ я буду выдавать въ такомъ только случаѣ, если они будутъ слѣдить за рыбной ловлею и собирать установленный съ рыбы сборъ, такъ какъ я только-что открываю управленіе въ Сулинѣ, и что въ городѣ нѣтъ еще денегъ и никакихъ средствъ; какіе же будутъ поступать доходы, я не знаю. Прибывъ въ Сулинъ и при помощи Дульчери отыскавъ себѣ квартиру, я пошелъ осматривать городъ; все было пусто, лавки закрыты, хлѣбъ мы доставали у солдатъ. Нѣкоторые жители со страхомъ возвращались въ городъ и отпирали свои лавки и дома. Конакъ былъ занятъ подъ казармы для войскъ; управленіе городомъ и гражданскою частью принялъ на себя капитанъ 1-го ранга П., съ которымъ я немедленно познакомился и передалъ ему, что, по распоряженію главнокомандующаго дѣйствующей арміей, я командированъ открыть гражданское управленіе въ Сулинѣ и управлять Сулинскимъ округомъ. Затѣмъ я представился отрядному командиру генералу Салацкому, назначилъ полицеймейстеромъ въ Сулинѣ Дульчери и приказалъ вывѣсить въ городѣ объявленіе о томъ, чтобы жители свободно возвращались въ городъ и занимались попрежнему торговлей и своими домашними дѣлами. Въ освобожденномъ отъ войскъ конакѣ я помѣстилъ свое управленіе и отдѣлилъ

помѣщеніе для будущаго казначейства. Отрядный командиръ генералъ Салацкій принялъ меня чрезвычайно любезно, очень былъ радъ, что для управленія гражданскою частью будетъ наконецъ въ Сулинѣ особое правительственное лицо. Въ теченіе всего пребыванія моего въ Сулинѣ генералъ Салацкій оказывалъ мнѣ возможное содѣйствіе въ нарядѣ войскъ и патрулей въ помощь полиціи и вообще, хорошо понимая тяжелое наше положеніе по образованію въ краѣ изъ ничего гражданскаго управленія, оказывалъ мнѣ всевозможную помощь.

Сулинскій портъ, при турецкомъ правительствѣ, состоялъ въ полномъ распоряженіи существующей въ Сулинѣ европейской комиссіи, главнымъ распорядителемъ которой былъ инженеръ Кюльцъ—англичанинъ, который и вѣдалъ всѣми дѣлами комиссіи, а также углубленіемъ и расчисткой сулинскаго гирла. Первымъ дѣйствіемъ моимъ въ городѣ было поспѣшить образовать свое управленіе, чтобы всѣ знали куда и къ кому обращаться—и отдѣлить помѣщеніе для казначейства. Прибывъ въ Сулинъ съ однимъ своимъ денщикомъ и, кромѣ Дульчери, не зная ни одной души, мнѣ чрезвычайно трудно было сначала устраиваться и приступать къ своимъ занятіямъ, но послѣ объявленія объ открытіи дѣйствія въ управленіи, начали приходить ко мнѣ разныя личности и просить принять ихъ на службу. Разбирать было некогда, а выбирать не изъ кого, и потому всѣмъ являющимся и хорошо выглядывавшимъ я производилъ экзаменъ и знающимъ русскій и болгарскій языки довалъ назначеніе, прикомандировывая къ своей канцеляріи. Городскимъ головой и предсѣдателемъ управительнаго совѣта я назначилъ мѣстнаго жителя Ободенко, человѣка очень порядочнаго и имѣвшаго въ городѣ осѣдлость; выборомъ этимъ я былъ доволенъ, такъ какъ впослѣдствіи Ободенко вполнѣ оправдалъ свое назначеніе. Затѣмъ, по вызову моему, пріѣхали грамотные болгары, изъ которыхъ одного—Каврукова—я назначилъ секретаремъ, и другого, бывшаго гдѣ-то сельскимъ учителемъ въ Румыніи, Рашкова—мировымъ судьей, Дульчери же былъ уже полицеймейстеромъ.

Дня черезъ три пришелъ ко мнѣ почтенный старичекъ Ушаковъ, бывшій гдѣ-то въ Бессарабіи сельскимъ учителемъ, и просилъ дать ему мѣсто. Ушаковъ зналъ хорошо читать и писать по-русски, болгарски и по-румынски, и потому я назначилъ его переводчикомъ, поручивъ заниматься въ канцеляріи, такъ какъ переписка съ каждымъ днемъ все увеличивалась. Черезъ недѣлю явился ко мнѣ Ушаковъ и на колѣняхъ благодарилъ, что я спасъ ему жизнь, такъ какъ,—говорилъ онъ мнѣ,—нигдѣ онъ не могъ получить мѣста и, наконецъ, узнавъ, что въ Сулинѣ владѣютъ русскіе, рѣшился ѣхать

сюда и просить дать ему возможность существовать чѣмъ-нибудь, съ тѣмъ, что если и я ему откажу, то онъ помолится Богу и бросится въ Дунай. Ушаковымъ я былъ очень доволенъ, и все время онъ былъ старательнымъ и исполнительнымъ чиновникомъ, человѣкомъ честнымъ и аккуратнымъ. Обставивъ кое-какъ свою канцелярію, я приступилъ къ благоустройству города, такъ какъ жители начали возвращаться, приступали къ торговлѣ и къ своимъ домашнимъ занятіямъ. Приказавъ составить списки всѣмъ домамъ и поименно всѣмъ домовладѣльцамъ и другимъ жителямъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился сдѣлать желѣзныя дощечки съ нумераціей по улицамъ всѣхъ домовъ съ наименованіемъ домовладѣльцевъ; приказалъ въ управленіи занести всѣхъ жителей въ особою книгу съ проставкою № дома, и кому онъ принадлежитъ, и затѣмъ, когда все было готово и мною провѣрено, приказалъ прибить дощечки на домахъ. Сулинъ очень небольшой городъ, но въ немъ собирается ежедневно около 2 тысячъ рабочихъ, которые разгружаютъ и нагружаютъ приходящія и отходящія суда.—По рекомендаціи мѣстныхъ жителей, назначилъ я одного болгарина казначеемъ за поручительствомъ двухъ состоятельныхъ домовладѣльцевъ; далъ ему заготовленныя уже книги и занялся обученіемъ порученнаго ему весьма несложнаго дѣла. Каждый пріемъ и выдачу денегъ казначей дѣлалъ въ моемъ присутствіи и все записанное показывалъ мнѣ; послѣ 2-хъ часовъ сводилъ итоги, сосчитывалъ наличность кассы, показывалъ мнѣ и затѣмъ запиралъ несгораемый шкафъ (доставшійся намъ отъ турокъ), запиралъ наружную у кассы дверь и, по постановкѣ отъ войскъ часового, уходилъ домой.

Осмотрѣвъ большую часть дворовъ, трактировъ и улицъ, я замѣтилъ вездѣ невыразимую грязь и нечистоту: масса сору и всякихъ отбросовъ по всѣмъ дворамъ и улицамъ производила зловоніе. Я тотчасъ приказалъ полицеймейстеру нанять рабочихъ—кстати ихъ много было праздныхъ въ городѣ,—и подъ своимъ наблюденіемъ очистить все и сбросить въ Дунай, такъ какъ дома и улицы находились на берегу, предупредивъ жителей, что дальнѣйшая очистка дворовъ и улицъ будетъ составлять предметъ ихъ заботливости и прямую ихъ обязанность. Послѣ этого, покуда жители не привыкли исполнять мое распоряженіе, мнѣ приходилось довольно часто штрафовать ихъ за каждую небрежность и неряшество на улицахъ. Болѣе всего нарушался порядокъ въ трактирахъ и ресторанахъ, гдѣ кутежи, драки и пьянство продолжались всю ночь; я разрѣшилъ торговать въ нихъ только до часу ночи и за каждое неисполненіе моего приказанія штрафовалъ по золотому; если же и это не помогало, закрывалъ заведеніе на недѣлю и болѣе.

Послѣ преличинарнаго договора въ Сулинъ начали приходить ежедневно греческія, американскія, англійскія, французскія и др. суда, а также и пассажирскія изъ Константинополя. Я не имѣлъ никакого понятія, нужно ли и какимъ порядкомъ взимать съ нихъ пошлины за свободный пропускъ, какая существуетъ для этого отчетность и чѣмъ руководствоваться, чтобы взимать съ каждаго судна различныя суммы по числу тоннъ. На помощь мнѣ явился одинъ турокъ, который велъ въ какомъ-то пограничномъ турецкомъ городѣ такой отчетъ и предложилъ мнѣ за небольшую плату свои услуги. Я очень былъ радъ поручить ему завѣдываніе этимъ дѣломъ и просилъ его ознакомить меня съ нимъ. Турокъ этотъ велъ отчетъ прекрасно и аккуратно; отъ него узналъ я, что каждое проходящее черезъ Сулинъ судно должно здѣсь останавливаться, получить отъ начальника города пропускъ, что въ городѣ и окрестностяхъ нѣтъ никакихъ эпидемій, и затѣмъ, по уплатѣ установленной турецкимъ правительствомъ суммы по числу тоннъ, слѣдовать безпрепятственно до Галаца. Вслѣдствіе того, что судовъ проходило много, эта была у насъ главная доходная статья; вмѣстѣ съ другими поступавшими сборами, она доставила средства для уплаты жалованья всѣмъ служащимъ; остатокъ же сдавался въ тульчинское казначейство.—Дознанія въ городѣ и уѣздѣ производилъ состоявшій при мнѣ переводчикъ, а болѣе серьезныя въ городѣ—секретарь управленія; слѣдствія же вовсе не производились, такъ какъ некому ихъ было поручать. По окончаніи дознанія мы подбирали изъ нашихъ судебныхъ уставовъ подходящія статьи законовъ, и затѣмъ все дѣлопроизводство передавалось мировому судьѣ для разбирательства и постановленія приговора, который приводился въ исполненіе только послѣ моего утвержденія, такъ какъ неопытный мировой судья не могъ и не зналъ еще, какъ ему рѣшать самыя обыкновенныя дѣла и почти по каждому дѣлу спрашивалъ предварительно моего совѣта и указанія.—Болѣе серьезныя уголовныя и гражданскія дѣла я предоставлялъ губернатору съ особымъ при каждомъ дѣлѣ моимъ заключеніемъ; губернаторъ, считаясь во всемъ съ моимъ заключеніемъ, возвращалъ дѣла обратно мнѣ для распоряженія по моему усмотрѣнію; иначе впрочемъ и быть не можетъ, такъ какъ губернаторъ былъ самъ не юристъ, а при немъ не было никакихъ свѣдущихъ лицъ. Каждое дѣло прежде всего я старался кончить миромъ. Содержащіеся подъ арестомъ при турецкомъ правленіи получали отъ казны хлѣбъ и воду, но я приказалъ отпускать имъ кормовыя деньги, на которыя сторожъ и покупалъ имъ пищу и хлѣбъ. Кромѣ незначительныхъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, бывали и другія случайности, по

*

которымъ требовалось безотлагательное рѣшеніе, при томъ всецѣло на личной моей отвѣтственности. Напримѣръ: когда я служилъ въ Тульчѣ начальникомъ округа, ко мнѣ явилось нѣсколько нѣмецкихъ семействъ съ просьбой разрѣшить имъ поселиться въ турецкихъ домахъ и владѣть ихъ землею въ одномъ изъ селеній, изъ котораго турки бѣжали, и часть котораго занята теперь проживавшими вмѣстѣ съ турками въ томъ селѣ татарами; привели они съ собою татарскаго старшину и, въ качествѣ понятыхъ, человѣкъ пять мѣстныхъ татаръ изъ того селенія. Татары усердно просили послать нѣмцевъ вмѣстѣ съ ними, такъ какъ они любятъ нѣмцевъ и хотятъ поучиться у нихъ вести сельское хозяйство. Отправившись вмѣстѣ съ нѣмцами въ указанное село и осмотрѣвъ полуразрушенные турецкіе дома, я очень радъ былъ отдать ихъ нѣмцамъ и сказалъ имъ, чтобы они сами раздѣлили и помѣстились въ нихъ сообразно величинѣ своихъ семействъ и имущества; турецкую землю также раздѣлить по соглашенію съ мѣстными татарами, сколько кто можетъ обрабатывать и затѣмъ, когда они устроятся на новыхъ мѣстахъ, я пріѣду посмотрѣть. Черезъ три недѣли я посѣтилъ въ татарскомъ селеніи новыхъ жильцовъ; оказалось, что нѣмцы привезли съ собой все имущество, привели лошадей съ повозками и скотъ, устроили и обставили свои дома уютно и чисто: на окнахъ занавѣски, вездѣ лампы, кофейники и другая посуда; въ сараяхъ чистота, постлана солома для скота, и вообще какъ будто они давно уже имѣли здѣсь осѣдлость. Землю раздѣлили и приготовлялись обрабатывать. Все это было въ тульчинскомъ округѣ, гдѣ изобиліе хорошей земли, лѣсу, благоустроенныя селенія и пути и сообщенія. Вообще дунайскій вилайетъ, гдѣ генералъ-губернаторомъ былъ извѣстный Мидхадъ-паша, можно считать изъ всей Болгаріи самымъ благоустроеннымъ; въ тульчинскомъ уѣздѣ, напримѣръ, я самъ ѣздилъ по шоссированнымъ даже проселочнымъ дорогамъ; сначала эти пути сообщенія были устроены правительствомъ, а потомъ по участкамъ ремонтировались и исправлялись мѣстными жителями. Почти во всѣхъ селеніяхъ устроены были турецкія бани, проведена съ горъ по сточнымъ трубамъ превосходная ключевая вода, устроены каменные резервуары для воды со вставленными въ нихъ мѣдными кранами; села не бѣдныя: достаточно скота и птицъ, много земли и лѣсу; сѣнокосъ бываетъ два раза въ годъ, такъ что сѣна много, а скотъ почти круглый годъ пользуется подножнымъ кормомъ. На поляхъ виднѣлись большія стада овецъ, шерсть съ которыхъ выдѣлывается мягкая и нѣжная; во многихъ селеніяхъ живетъ по нѣсколько семействъ нашихъ малороссіянъ, имѣющихъ свои хорошія чистенькія хаты съ дворами и

сараями, достаточно скота и домашней птицы; гористая и лѣсная мѣстность изобилуетъ дичью, и малороссы свободно охотились въ ближайшихъ лѣсахъ, для чего имѣли гончихъ собакъ. Въ 35 верстахъ отъ Тульчи есть малороссійское село Дегтянка, а въ 5 верстахъ отъ нея — православный женскій монастырь, основанный какимъ-то выходцемъ изъ Малороссіи; будучи еще очень молодымъ, онъ получилъ отъ турецкаго правительства въ большомъ лѣсу и горахъ мѣсто, основалъ тамъ монастырь, назвавъ его „Чиликъ", построилъ себѣ келью и въ горѣ вырылъ большую землянку и въ ней устроилъ церковь; войти въ церковь и выйти изъ нея можно было только съ зажженными свѣчами, и безъ провожатаго въ землянкѣ можно было легко заблудиться. Вскорѣ начали прибывать въ Чиликъ православныя монахини, которымъ строитель указывалъ мѣста для устройства келій. Работа шла довольно успѣшно, и въ скоромъ времени образовался благоустроенный монастырь; вблизи монастыря земля обрабатывалась подъ огородъ, виноградники, дыни, арбузы и др.; заводился постепенно скотъ, птица и все необходимое для домашняго хозяйства; построена была особая церковь, богослуженіе въ которой совершалъ самъ настоятель, или игуменъ, какъ онъ себя называлъ. При монастырѣ была выстроена довольно просторная гостиница, въ которой очень удобно было останавливаться всѣмъ пріѣзжающимъ къ обѣднѣ и по другимъ надобностямъ въ Чиликъ. Нерѣдко, посѣщая монастырь, мы бывали за обѣднею и не мало удивлялись, что старикъ-игуменъ такъ благоговѣйно совершаетъ богослуженіе.

Въ 1877 году, до войны, въ Чиликѣ числилось до 100 монашенокъ и самъ игуменъ сѣдой, почтенный старикъ, но еще бодрый и веселый. Когда была объявлена война,—разсказывалъ игуменъ,—и наши войска переправились черезъ Дунай, поселенные въ 5 верстахъ отъ нихъ черкесы начали грабить имущество и угонять монастырскій скотъ, а потомъ нѣсколько изъ нихъ явились грабить и разорять монастырь; монашенки разбѣжались и спрятались въ ближайшемъ лѣсу, а игуменъ остался въ своей кельѣ одинъ. Черкесы разломали двери, взяли все, что было, и деньги, и когда имъ дали знать, что недалеко показались наши казачьи разъѣзды, захватили, что могли, и ускакали. Послѣ этого разгрома большая часть монахинь ушла въ Россію; остались въ монастырѣ однѣ старухи, не болѣе 60 человѣкъ, и игуменъ. Въ монастырѣ все-таки осталось еще много спрятаннаго въ лѣсу имущества, и игуменъ, зная, что край занятъ уже нами, началъ скоро приводить въ порядокъ все испорченное, обрабатывать виноградники, огороды и т. д., такъ что, когда мы посѣщали монастырь, слѣдовъ особеннаго грабежа и ра-

зоренія въ немъ не замѣчали. Очень интересовался игуменъ, кому будетъ принадлежать послѣ войны тульчинскій округъ и его монастырь, такъ какъ о турецкомъ правленіи онъ отзывался съ большой похвалой; пришелъ онъ въ Турцію очень молодымъ, устроилъ все и зажилъ совершенно свободно маленькимъ владѣтельнымъ князькомъ.

Продолжаю о дальнѣйшей своей дѣятельности въ Сулинѣ. Врачебная часть въ городѣ была въ самомъ печальномъ состояніи: не было ни врачей, ни фельдшеровъ, да и взять ихъ было не откуда, а между тѣмъ, не говоря уже о больныхъ, врачъ нуженъ былъ для разныхъ осмотровъ и освидѣтельствованій. Симпатичный командиръ квартировавшаго въ городѣ 143-го Дорогобужскаго полка посовѣтовалъ мнѣ переговорить объ этомъ съ однимъ изъ врачей ввѣреннаго ему полка, обѣщаясь оказать полное свое въ этомъ содѣйствіе. Врачъ 143 полка согласился исполнять обязанность городового врача за жалованье отъ меня не менѣе по 50 руб. въ мѣсяцъ. Врачъ былъ очень доволенъ, а я еще болѣе, такъ какъ врачебная помощь была нужна почти ежедневно. Убой скота, по турецкимъ обычаямъ, производился открыто на улицѣ на берегу Дуная, и всѣ отбросы сваливались тутъ же въ рѣку безъ всякаго надзора. Я выбралъ мѣсто за городомъ на берегу Дуная, приказалъ устроить тамъ шалашъ, гдѣ и долженъ былъ производиться убой скота, а оттуда уже привозить въ городскія лавки для продажи; для наблюденія, чтобы убой не былъ допускаемъ въ чертѣ города, выбранъ былъ въ городѣ особый староста. Въ лавкахъ съ красными и бакалейными товарами разрѣшалась, при турецкомъ правительствѣ, продажа мѣстнаго вина и водки распивочно и на выносъ; такого обычая я не воспрещалъ, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы въ такихъ лавкахъ вечеромъ до закрытія лавокъ горѣли наружные фонари. На счетъ городскихъ средствъ я приказалъ поставить въ городѣ нѣсколько фонарей, но для южныхъ ночей требовалось гораздо большее освѣщеніе, а городскихъ доходовъ было недостаточно. Въ конакѣ я отдѣлилъ двѣ камеры для содержанія арестованныхъ, одну для задержанныхъ разныхъ предосудительныхъ личностей, другую—для отбывающихъ наказаніе по приговорамъ мирового судьи. Иностранные консулы безпрестанно тревожили меня различными своими претензіями относительно привлеченія къ отвѣтственности иностранныхъ подданныхъ и разбирательства дѣлъ объ нихъ мировымъ судьей, выражая желаніе, чтобы при производствѣ разслѣдованія и суда они могли присутствовать въ качествѣ защитниковъ интересовъ своихъ согражданъ. Въ судѣ, сказалъ я, не воспрещается быть никому, такъ какъ разбирательство производится гласно, но при дознаніяхъ ожидать прибытія консуловъ невозможно, такъ какъ всякое въ по-

добныхъ случаяхъ замедленіе будетъ имѣть неблагопріятныя послѣдствія для открытія истины и задержанія виновныхъ; при этомъ я обѣщалъ объ арестованіи и вообще привлеченіи къ отвѣтственности иностранныхъ подданныхъ сообщать консуламъ, поясняя: кто, за что и на какой срокъ арестованъ. Назначенный мною мировымъ судьею былъ человѣкъ очень усердный, осторожный и крайне интересовавшійся изучить наши судебные уставы; онъ бывалъ очень доволенъ, когда ему самому удавалось подыскать по тому или другому преступленію подходящія статьи закона. Вообще, всѣ служащіе, набранные мною, совершенно случайно, въ канцелярію, были люди честные, трудолюбивые и, хотя вовсе не знали порядка дѣлопроизводства и самыхъ простыхъ канцелярскихъ правилъ, но никогда меня не обманывали и все исполняли добросовѣстно. Но когда въ округахъ все устроилось и установился возможный порядокъ, къ нашему губернатору въ Тульчѣ начали являться разныя личности съ просьбами дать имъ мѣста; губернаторъ, по своей безграничной добротѣ и деликатности, не могъ отказывать, и чтобы поскорѣе отъ нихъ отдѣлываться, давалъ имъ рекомендательныя письма къ начальникамъ округовъ, предлагая давать имъ должность, какъ лицамъ, хорошо ему извѣстнымъ. Одинъ изъ такихъ проходимцевъ пріѣхалъ ко мнѣ, разсчитывая быть полицеймейстеромъ въ Сулинѣ вмѣсто моего полицеймейстера Дульчери, на котораго поступили къ губернатору жалобы отъ консуловъ, что полицеймейстеръ слишкомъ высокомѣрно держитъ себя передъ ними. Прибывшій господинъ заявилъ мнѣ, что онъ назначенъ полицеймейстеромъ въ Сулинъ, и что завтра онъ долженъ вступить въ исполненіе этой должности. Я сказалъ ему, что не имѣю еще отъ губернатора никакого о немъ распоряженія и что, вообще, онъ вступитъ въ должность только тогда, когда я объявлю о томъ въ приказѣ по управленію; при этомъ я потребовалъ отъ него документы—кто онъ такой и откуда пріѣхалъ. Онъ весьма нахально отвѣтилъ мнѣ, что кто онъ такой — извѣстно губернатору, а откуда пріѣхалъ — доставитъ свѣдѣнія завтра. Между тѣмъ онъ успѣлъ уже обѣгать трактиры и лавки и объявилъ, что онъ новый полицеймейстеръ, что онъ заведетъ новые порядки и повернетъ все по-своему. Согласно его заявленію о выѣздѣ его изъ какого-то города и о томъ, что тамъ ему и его женѣ были самые сердечные проводы, я туда телеграфировалъ и получилъ отвѣтъ, что лицо съ такою фамиліею въ городѣ неизвѣстно, и что никакихъ проводовъ давно уже не было; между тѣмъ я узналъ, что онъ успѣлъ уже въ городѣ забрать отъ нѣкоторыхъ купцовъ въ долгъ разные товары и, вообще, зарекомендовалъ себя личностью крайне сомнительною. Я немедленно потре-

бовалъ его и, сказавъ, что полицейместеромъ онъ не будетъ, посовѣтовалъ ему забрать свое семейство и завтра же на отходящемъ пароходѣ выѣхать изъ города, прибавивъ, что мѣсто на пароходѣ будетъ дано ему по моему распоряженію. Такимъ образомъ я спровадилъ эту личность, и куда онъ потомъ дѣвался, никто не зналъ и не слыхалъ. Послѣ прелиминарнаго договора въ Сулинъ начали свободно приходить разныя суда: греческія, англійскія, американскія, французскія и другія, а также и пассажирскія изъ Константинополя, направляясь съ товарами въ Галацъ. Незначительная часть разныхъ заграничныхъ товаровъ сдавалась лавочникамъ въ Сулинѣ безпошлинно, такъ какъ, вообще, учреждать пограничную стражу я не имѣлъ средствъ, тѣмъ болѣе, что, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, пошлина могла быть весьма небольшая и не покрывала бы расходовъ на содержаніе стражи. Существовала въ Сулинѣ такъ называемая европейская комиссія, управляемая англичаниномъ инженеромъ Кюльцъ, составляла отдѣльный превосходно устроенный городокъ, не имѣвшій ничего общаго съ городомъ, вѣдала полновластно портомъ, устраивала молъ, углубляла и расчищала Дунай (Сулинское гирло). Въ виду того, что приходящія въ портъ суда имѣли постоянное отношеніе ко мнѣ, какъ начальнику портоваго города, я счелъ долгомъ познакомиться съ управляющимъ комиссіей, инженеромъ Кюльцъ. Принялъ онъ меня чрезвычайно любезно, весьма порядочно говорилъ по-русски, предложилъ мнѣ пользоваться во всякое время комиссейскими пароходиками. Въ огромныхъ зданіяхъ комиссіи были прекрасныя помѣщенія для всѣхъ служащихъ, роскошный залъ для засѣданій и нѣсколько хорошо обставленныхъ свободныхъ комнатъ, которыми инженеръ Кюльцъ предложилъ мнѣ пользоваться въ случаѣ пріѣзда кого-либо изъ высокопоставленныхъ лицъ. Состоящій при комиссіи пилотъ (лоцманъ), по сигналамъ на устроенныхъ комиссіею маякахъ, отправлялся въ море встрѣчать суда и показывать имъ проходимый путь по Дунаю; выходящія въ море суда провожались имъ тоже также до извѣстнаго мѣста; при комиссіи находился особый врачъ и, вообще, все необходимое и нужное для благоустроеннаго учрежденія.

Въ городѣ по возможности все успокоилось и приступило къ мирной жизни, хотя, вслѣдствіе разныхъ распускаемыхъ въ городѣ слуховъ и огромнаго числа пришлыхъ рабочихъ (грековъ, турокъ, румынъ, армянъ), наряжались усиленные отъ войскъ патрули и обходы; поэтому особенныхъ буйствъ и насилій въ городѣ не бывало. Пассажирскіе пароходы приходили въ Сулинъ въ 4 часа утра, и съ этого часа всѣ служащіе и полицеймейстеръ были на ногахъ, встрѣчали пароходы и давали установленные имъ пропуски. Нѣ-

сколько разъ посѣщалъ Сулинъ начальникъ южно-дунайскаго отряда генералъ-лейтенантъ Веревкинъ, штабъ котораго находился тогда въ Тульчѣ. Генералъ Веревкинъ неоднократно выражалъ мнѣ удовольствіе, что Сулинъ, недавно имъ бомбардированный, представляетъ теперь изъ себя благоустроенный городъ съ городскими и казенными учрежденіями, гостиницами, магазинами и лавками. Пріѣзжалъ также въ Сулинъ начальникъ военныхъ сообщеній генералъ-адъютантъ Дрентельнъ, Императорскій комиссаръ князь Дондуковъ-Корсаковъ также, проѣздомъ, былъ въ Сулинѣ, обходилъ всѣ городскія улицы, осматривалъ европейскую комиссію, но, по случаю кратковременной остановки, не воспользовался предложеннымъ ему помѣщеніемъ въ европейской комиссіи. Когда стало извѣстно, что вся Добруджа и, конечно, Сулинъ будутъ принадлежать румынамъ, въ Сулинъ командированъ былъ болгаринъ, докторъ Минчевичъ, для временнаго управленія, вмѣсто меня, округомъ, такъ какъ болгаринъ этотъ заявилъ желаніе служить въ своей странѣ и хотѣлъ узнать хоть что-нибудь о предстоящей въ освобождаемой Болгаріи дѣятельности; вмѣстѣ съ тѣмъ, приказомъ управляющаго внутреннимъ отдѣломъ Болгаріи, генерала Грессера, я былъ назначенъ начальникомъ Ломпаланкскаго округа.

Во время службы моей въ Сулинѣ мною были образованы и устроены: окружное (полицейское) управленіе въ составѣ секретаря, 2-хъ переводчиковъ, полицеймейстера и писца; карантинное управленіе для взиманія пошлинъ съ проходящихъ судовъ; судебное учрежденіе для разбирательства дѣлъ по уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями; управительный совѣтъ (въ родѣ городской управы) въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ по выбору; касса (въ родѣ казначейства), управляемая кассиромъ по выбору; изданы правила о вамычнѣ въ с. Кедерлесъ для взиманія пошлины за продаваемую рыбу и икру; о порядкѣ содержанія арестованныхъ; объ аукціонной продажѣ имущества по разнымъ случаямъ; объ исполненіи натуральной квартирной повинности; объ установленіи базарныхъ цѣнъ на главные припасы; о сборахъ съ трактирныхъ заведеній, гостиницъ и питейныхъ домовъ за право продажи водки и вина; объ охраненіи оставшихся турецкихъ зданій и имущества; велись списки лицъ, съ которыхъ взыскивались денежные штрафы, съ поясненіемъ причинъ и суммы взысканій; списки пріѣзжающихъ въ Сулинъ по разнымъ случаямъ; списки лицъ, коимъ выдавались паспорты и т. д. По сдачѣ преемнику моему дѣлъ и книгъ по описи и денегъ въ казначействѣ, около 700 руб., на текущіе расходы, я поспѣшилъ выѣхать на пассажирскомъ пароходѣ черезъ Галацъ и Рущукъ въ Видинъ, гдѣ и пред-

ставился тамошнему губернатору Тухолкѣ; здѣсь же познакомился я и съ бывшимъ видинскимъ вице-губернаторомъ Петко Каравеловымъ, извѣстнымъ впослѣдствіи виднымъ дѣятелемъ въ Болгаріи. Встрѣчаясь затѣмъ въ Видинѣ и Ломпаланкѣ съ Каравеловымъ, я никакъ не могъ предполагать, что со мной говоритъ будущій болгарскій министръ, энергичный и дѣятельный администраторъ: онъ казался мнѣ крайне тихимъ, скромнымъ и неразговорчивымъ. Во время пріѣзда въ Ломпаланку онъ бывалъ у меня, обѣдалъ, казался мнѣ добрымъ и симпатичнымъ, хотя и былъ неразговорчивъ. Я часто говорилъ ему, что мы скоро уѣдемъ изъ Болгаріи, и что ему придется занять какую-нибудь должность, и потому совѣтовалъ ему знакомиться по возможности чаще съ дѣлопроизводствомъ въ губернаторской канцеляріи. — Временно-исправлявшій въ Ломпаланкѣ должность начальника округа, очень дѣятельный и разумный офицеръ капитанъ С., несмотря на пребываніе свое въ Ломпаланкѣ менѣе мѣсяца, разобралъ всѣ бумаги, распредѣлилъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, образовалъ изъ нихъ дѣла, сдѣлалъ описи и приказалъ внести во входящій и исходящій журналы, такъ какъ этого канцелярскаго порядка до него почему-то не соблюдалось. Въ канцеляріи были два писца, совершенно незнакомые съ дѣлопроизводствомъ и вообще съ перепиской на русскомъ языкѣ. Управительный совѣтъ, въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ, распоряжался хозяйственными дѣлами по своему усмотрѣнію, безъ соблюденія требуемыхъ канцелярскихъ правилъ и аккуратныхъ отчетовъ. Всю канцелярію я принялъ въ свое вѣдѣніе и приказалъ писцамъ только вести входящіе и исходящіе журналы и переписывать составляемыя мною бумаги. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ совершенно неожиданно ко мнѣ изъ Сулина Рашковъ, бывшій тамъ при мнѣ мировымъ судьей, и я въ тотъ же день назначилъ его секретаремъ и мировымъ судьей, такъ какъ онъ былъ даже знакомъ съ этимъ дѣломъ и хорошо писалъ по-русски и болгарски. Сосчитавъ наличную сумму въ кассѣ, я, для выясненія, какая должна быть сумма къ данному числу налицо, потребовалъ отъ предсѣдателя оправдывающіе приходъ и расходъ денегъ документы. Къ сожалѣнію, документовъ этихъ отыскать никакъ не могли, и хотя они и были въ свое время, но члены не знали, что ихъ нужно было хранить при книгахъ навсегда. Я приказалъ всѣ приходные и расходные документы хранить съ этого времени при книгѣ и въ концѣ мѣсяца сшивать ихъ въ хронологическомъ порядкѣ отдѣльно приходные и отдѣльно расходные, и показывать всегда мнѣ при повѣркѣ мною суммъ. Очень мнѣ трудно было установить порядокъ въ управительномъ совѣтѣ, такъ какъ до моего прибытія

этому учрежденію предоставлена была полная свобода ничегонедѣланія.

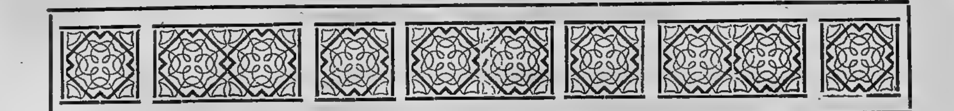
Черезъ недѣлю послѣ вступленія моего въ должность пріѣхалъ въ Ломпаланку изъ Софіи чиновникъ Ещенко, командированный управляющимъ финансовымъ отдѣломъ Болгаріи (министръ финансовъ) провѣрить дѣлопроизводство по денежной части въ городахъ и опредѣлить затѣмъ наличное состояніе суммъ. Чиновникъ Е. трудился усиленно нѣсколько дней и, не отыскавъ оправдывающихъ приходъ и расходъ документовъ, вынужденъ былъ оказавшуюся при его повѣркѣ сумму записать отдѣльною статьею по книгѣ и съ того времени начать правильно вносить въ книгу поступающія суммы и выписывать въ расходъ выдаваемыя; онъ просилъ меня представлять денежную вѣдомость такъ, какъ будто прежнихъ приходовъ и расходовъ не было, т. е. началомъ денежнаго отчета считать день опредѣленія чиновникомъ Е. Суммы, оказавшіяся при его ревизіи налицо, доказывали, что злоупотребленій въ денежныхъ дѣлахъ не было, вся же путаница происходила отъ того, что члены, выбранные изъ простыхъ нигдѣ неслужившихъ болгаръ, не имѣли никакого понятія о существующихъ кассовыхъ правилахъ и никто ими не руководилъ съ самаго открытія управленія. По словамъ чиновника во многихъ другихъ городахъ, гдѣ ревизовалъ онъ кассы и гдѣ управительные совѣты изъ болгаръ распоряжались хозяйственными и денежными дѣлами полновластно, онъ нашелъ такую путаницу въ отчетахъ и точно такъ же долженъ былъ приказать вести книгу и отчетъ, начиная съ оказавшейся налицо при ревизіи суммы. Вслѣдствіе того, что въ Ломпаланкѣ имѣлись пристани и въ виду большого количества привозимыхъ въ Болгарію изъ-за границы товаровъ, здѣсь находился австрійскій агентъ, онъ продолжалъ взимать пошлины со всѣхъ привозимыхъ товаровъ, всѣ товары по снятіи съ пароходовъ складывались въ особомъ при австрійскомъ агентствѣ помѣщеніи, осматривались агентомъ и, по внесеніи пошлины, возвращались владѣльцамъ товаровъ. Наша томоженная часть учреждена была также въ Ломпаланкѣ, по распоряженію видинскаго губернатора, завѣдывалъ ею особый человѣкъ и давалъ отчетъ прямо губернатору; какія взималъ онъ пошлины съ товаровъ и почему взималъ также и чиновникъ отъ австрійскаго правительства, я могъ знать только изъ одного любопытства, такъ какъ это было особое губернское распоряженіе, до котораго начальникъ округа никакихъ отношеній не имѣлъ. Тѣмъ не менѣе чиновникъ этотъ явился ко мнѣ и доложилъ, что онъ управляетъ недавно учрежденною таможенною частью и, на основаніи данной ему инструкціи, доставляетъ отчетъ и суммы, собранныя съ това-

ровъ, въ видинское правленіе. Исправленіе въ городѣ и округѣ дорогъ и устройство мостовъ производилось также по распоряженію губернатора особо командированными спеціалистами, которые имѣли отношеніе къ начальнику округа только въ томъ, что съ записками отъ губернатора приходили въ управительный совѣтъ получать деньги на покупку матеріаловъ для мостовъ, а по окончаніи работъ—условленную за исполненіе работъ сумму. Словомъ, отъ начальника округа требовалась только одна полицейская часть. Въ виду того исключительнаго положенія, что въ Болгаріи не было еще людей, которымъ возможно было бы поручать самостоятельно распоряжаться, казалось бы, что начальникъ округа долженъ бы быть полнымъ хозяиномъ въ округѣ и на первое время отвѣтственнымъ исполнителемъ всѣхъ правительственныхъ распоряженій. Управительный совѣтъ, составленный изъ болгаръ, не знающихъ, для чего совѣтъ учрежденъ, не понимающихъ, съ чего начать и какъ дѣйствовать въ совѣтѣ, ничего не дѣлалъ. При такихъ условіяхъ и должна была, несомнѣнно, образоваться путаница въ хозяйственныхъ денежныхъ дѣлахъ, обнаруженная при ревизіи суммъ и дѣлъ чиновникомъ Е. Болгары очень любятъ жаловаться и обращаться съ просьбами, и я, по вступленіи въ должность, засталъ въ канцеляріи 2-хъ юныхъ писцовъ, обязанность которыхъ состояла въ сочиненіи прошеній отъ жителей въ такомъ родѣ: Петко Тихчевъ взялъ у меня 10 франковъ и не отдаетъ. За каждое такое сочиненіе юноши получали по полфранка и менѣе; сочинялось прошеній около 50 штукъ ежедневно. Находить виновныхъ по такимъ прошеніямъ было чрезвычайно трудно, а между тѣмъ нужно было читать ихъ, заносить въ журналъ и дѣлать распоряженія. Я приказалъ напечатать на счетъ канцелярскихъ суммъ бланки, въ которыхъ прописывалось бы: имя, отчество и фамилія истца и отвѣтчика, мѣсто ихъ жительства (№ дома и улица) и чѣмъ они занимаются; сущность жалобы, имѣетъ ли росписку или видѣлъ ли кто, какъ онъ давалъ деньги. Затѣмъ я поручалъ переводчику, онъ же и писецъ, производить дознаніе и переводить дѣло мнѣ для назначенія разбирательства мировыхъ судей. Большинство жалобъ оказывались при разбирательствѣ ложными или недоказанными и потому оставлялись безъ послѣдствій, а затѣмъ и значительно сократились. Въ городѣ, по распоряженію бывшаго начальника округа, была проведена прямая къ пристани дорога, и устроенъ порядочный городской садъ, для чего потребовалось снести оставленные турецкіе дома и очистить мѣстность; отдѣланъ былъ хорошій и довольно просторный домъ для предполагавшейся школы, и, вообще, городу приданъ былъ видъ довольно благообразный. Въ

скоромъ времени ожидался пріѣздъ въ Ломпаланку императорскаго комиссара князя Дондукова-Корсакова вмѣстѣ съ управляющимъ внутреннимъ отдѣломъ, генераломъ Грессеромъ. Болгары непритворно радовались встрѣтить высокихъ гостей, такъ какъ они мечтали видѣть князя Дондукова-Корсакова своимъ княземъ; обставили въѣздъ его въ городъ торжественно, устроили арки при въѣздѣ и по срединѣ города съ надписью: „Здравствуй, княже нашъ!" Многочисленная депутація отъ городскихъ и сельскихъ жителей привѣтствовала князя, съ губернаторомъ Тухолкой и вице-губернаторомъ Каравеловымъ во главѣ. Князь Дондуковъ-Корсаковъ, хотя и остался очень доволенъ такимъ привѣтствіемъ, но сказалъ мнѣ затѣмъ между прочимъ: „не велите на будущее время устраивать подобныхъ встрѣчъ и не вводить жителей въ такіе лишніе и совершенно ненужные расходы". Черезъ нѣсколько дней высокіе гости возвратить опять въ Ломпаланку и прослѣдовали далѣе на лошадяхъ въ Софію. Представляясь генералу Грессеру, я доложилъ ему, что я въ Болгаріи болѣе полутора года, вводилъ гражданское управленіе въ трехъ городахъ, и потому просилъ откомандировать меня въ полкъ. Генералъ Грессеръ охотно согласился исполнить мою просьбу, вспомнивъ при этомъ, какъ мы съ нимъ, въ оберъ-офицерскихъ еще чинахъ, участвовали въ экспедиціи на Кавказѣ противъ горцевъ въ 1857-мъ году при разореніи дидойскаго аула Хибія. По прибытіи генерала Грессера въ Софію, послѣдовалъ въ скоромъ времени приказъ о моемъ откомандированіи и назначеніи вмѣсто меня другого офицера; губернаторъ Тухолка, еще до моего отъѣзда, уѣхалъ совсѣмъ въ Россію, и вмѣсто его пріѣхалъ временно исправлять должность губернатора въ видинскомъ санджакѣ г. Цѣнинъ, бывшій въ Россіи мировымъ судьей, а въ Болгаріи состоявшій, кажется, при управляющемъ внутреннимъ отдѣломъ въ Софіи. Г. Цѣнина я встрѣтилъ въ Ломпалонкѣ и заявилъ ему, что я кончаю уже свою обязанность и, по пріѣздѣ моего преемника, долженъ буду ожидать распоряженія о сдачѣ ему должности и объ отъѣздѣ къ мѣсту постояннаго своего служенія. Затѣмъ, сдавъ все прибывшему маіору К., я уѣхалъ въ Видинъ проститься и потомъ отправился на пароходѣ по Дунаю черезъ Вѣну въ Петербургъ, разставшись съ Болгаріей навсегда. За службу по введенію гражданскаго управленія въ Болгаріи, я былъ произведенъ въ полковники еще до отъѣзда моего изъ Болгаріи и затѣмъ, по прибытіи въ полкъ, черезъ три мѣсяца, былъ назначенъ уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ высшаго разряда.

М. Костырко.

Къ 150 лѣтней годовщинѣ сраженія при Цорндорфѣ 14 августа 1758 года.

Въ провинціи Бранденбургъ, въ 9 километрахъ къ сѣверу отъ Кюстрина, по желѣзно-дорожной линіи на Старгардъ, находится незначительная станція Вилькерсдорфъ-Цорндорфъ, у мѣстечка Цорндорфъ.

Здѣсь, на окрестныхъ поляхъ, 150 лѣтъ тому назадъ, 14 августа 1758 года произошло кровопролитное сраженіе между русскими войсками, бывшими подъ общею командою графа Фермора, и пруссаками, коими лично предводительствовалъ король Фридрихъ II.

Д. Масловскій въ своемъ замѣчательномъ военно-историческомъ трудѣ „Русская армія въ 7-ми лѣтнюю войну", описывая это сраженіе, далъ слѣдующій отзывъ о немъ: „Цорндорфъ былъ боевою пробою для русской пѣхоты, выдержанной ею (не смотря на разные недочеты) въ общемъ съ блестящимъ успѣхомъ" [1]). Хотя Цорндорфская битва и была въ сущности не рѣшительною для обѣихъ сторонъ [2]), тѣмъ не менѣе поле сраженія все же осталось въ рукахъ русскихъ войскъ, несмотря на весьма значительныя ихъ потери [3]).

Не касаясь описанія хода сраженія и его послѣдствій, вполнѣ

---

[1]) „Русская армія въ 7-ми лѣт. войну". Д. Масловскій. Вып. II, гл. VI, стр. 281. (Изд. 1888 г.).

[2]) Авторъ того же труда считаетъ Цорндорфскій бой преднамѣреннымъ, гдѣ обѣ стороны заранѣе готовились одержать побѣду. (Вып. II, глава VI, стр. 276).

[3]) Тамъ же; стр. 260.

обстоятельно и талантливо изложенныхъ въ упомянутомъ капитальномъ трудѣ Д. Масловскаго по ряду сочиненій о 7 лѣтней войнѣ и, въ особенности, архивнымъ документальнымъ даннымъ, ограничимся лишь свѣдѣніями о потеряхъ, понесенныхъ обѣими сторонами въ Цорндорфскомъ бою; такъ, изъ общаго состава нашей тамъ арміи въ 44.045 чел. было убито и пропало безъ вѣсти—10.886 чел., ранено (считая и легко раненыхъ, оставшихся въ строю) — 12.788, а всего 22.674 чел., т. е. 50% состава. Пруссаки потеряли 11.385 человѣкъ [1]).

По окончаніи боя, передъ фронтомъ нашихъ войскъ, на полѣ битвы былъ отслуженъ благодарственный молебенъ [2]).

Не вполнѣ удачный для русскихъ войскъ исходъ сраженія при Цорндорфѣ былъ причиною замѣны, спустя нѣкоторое время, Фермора [3]) графомъ Салтыковымъ, подъ предводительствомъ коего нашею арміею спустя годъ одержаны были дѣйствительно двѣ блестящихъ побѣды надъ пруссаками—при Пальцигѣ (12 іюля 1759 г.) и, въ особенности, при Кунерсдорфѣ (1 августа 1749) [4]), при чемъ въ этомъ послѣднемъ сраженіи прусскою арміею также лично командовалъ Фридрихъ Великій.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ нами изъ Цорндорфа, нынѣ на мѣстности бывшей тамъ 150 лѣтъ тому назадъ битвы, нѣтъ уже ни-

---

[1]) Тамъ же; стр. 265.

[2]) Тамъ же; стр. 263.

[3]) Во время сраженія графъ Ферморъ съ свитою удалился въ Куцдорфъ, и управленіе боемъ перешло въ руки частныхъ начальниковъ (стр. 254). Между прочимъ, въ реляціи его о Цорндорфскомъ сраженіи сказано въ заключеніе слѣдующее: „Я не въ состояніи Вашему Императорскому Величеству о поступкахъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и солдатъ довольно описать и аще бы солдаты во все время своимъ офицерамъ послушны были, и вина потаенно сверху одной чарки, которую для ободренія выдать велѣно, не пили, то бы можно такую совершенную побѣду надъ непріятелемъ получить, каковая желательна“. (Тамъ же, стр. 268). Въ Прил. XVI къ гл. II (стр. 58) своего труда, Д. Масловскій замѣчаетъ, что „пьянству и грабежу солдатъ въ Цорндорфскомъ бою дано Ферморомъ чрезмѣрно преувеличенное и умышленно невѣрное значеніе“.

Рескриптъ отъ 2 сентября 1758 года по поводу этого былъ сухой и кромѣ похвалы за храбрость, оказанную войсками, главнымъ образомъ былъ переполненъ самыми тяжкими упреками за исходъ сраженія. (Тамъ же, стр. 270).

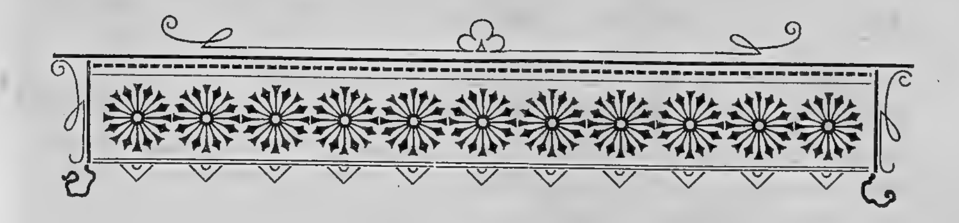
[4]) Въ этомъ сраженіи принимали участіе съ нашей стороны и австрійскія войска, но ихъ было сравнительно немного, а именно около $18^1/_2$ тысячъ. Тамъ же, вып. III, глава II, стр. 107.

какихъ слѣдовъ ея, нѣтъ и русскаго памятника, а есть лишь довольно скромный и, повидимому, запущенный „прусскій“ памятникъ [1]), въ видѣ обелиска, съ слѣдующею на немъ лаконическою надписью: „здѣсь стоялъ Фридрихъ Великій 25 августа 1758 г.“. (Hier stand Friedrich der Grosse am 25 August 1758).

Сообщилъ Л. Драке.

[1]) Въ полученномъ нами письмѣ изъ Цорндорфа 13 апрѣля сего года сказано слѣдующее: „Auf dem Schlachtfelde bei Zorndorf vom 7 jährigen Kriege keine Folgen mehr zu sehen sind. Es sind keine Batterien, Curganen, Grabmähle, Grabsteine u. s. w. vorhanden. Auf dem Schlachtfelde ist ein preussisches Denkmal aufgestellt. Ein russisches Denkmal ist nicht vorhanden“.

Поѣздка изъ С.-Петербурга въ Стокгольмъ на пароходѣ „Александрія“ въ 1838 году.

Посвящено лицейскимъ товарищамъ.

Вы хотите, друзья мои, чтобы я вамъ подробно описалъ путешествіе мое изъ Петербурга въ Стокгольмъ. Охотно исполняю ваше желаніе, не зная: вполнѣ ли удовлетворю вашему любопытству. Предъ вами выписки изъ моего журнала—слушайте или читайте:

I.

28 мая 1838. Крѣпость Ваксгольмъ.

Могъ ли я когда-нибудь думать, что такъ скоро, такъ неожиданно осуществится моя любимѣйшая мечта? Была пора, когда меня восхищала мысль, что современемъ золотыя эполеты украсятъ мои плечи, что бѣлый султанъ разовьется надъ моей головой..... но это время уходило; разсудокъ мой укрѣплялся въ силахъ; мысли становились свѣтлѣе и свѣтлѣе, и блескъ заманчивыхъ эполетъ начиналъ уже тускнѣть въ моихъ глазахъ. Тысячи новыхъ желаній по очереди тревожили мою юную душу, замѣняя прежнія ребяческія мечты. — Я хотѣлъ быть путешественникомъ. Я жаждалъ видѣть море... и вотъ оно—передо мной, за мной и подо мною!.. Стихія, доселѣ мнѣ незнакомая, доселѣ страшная мнѣ, внушила тысячу новыхъ восторговъ моей алчущей душѣ, оставила неизгладимое впечатлѣніе на воображеніи моемъ. Проплывъ пространство отъ нашей сѣверной столицы до дикихъ скалъ Скандинавскаго полуострова, я съ жадностью ищу теперь воспоминаній въ моей памяти.

Назначенный состоять при свиты Его Величества контръ-адміралѣ Р. К., отправлявшемся съ пароходами „Александрія“ и „Надежда“, для принятія у стокгольмскихъ шхеръ Ихъ Высочествъ

Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, я не заставилъ себя долго дожидаться. Въ два дня у меня было все уже готово. Чемоданъ наполненъ, паспортъ въ рукахъ, Бердовъ пароходъ дымится у Англійской набережни. Чего долго думать? Безъ прощаній, оханій и слезъ—маршъ на палубу, и

Неси меня, корабль, неси къ предѣламъ дальнимъ,
По грозной прихоти обманчивыхъ морей...

Пассажировъ было очень немного на пароходѣ. Нѣсколько морскихъ офицеровъ, два или три Джонъ Буля съ сигарами во рту и вѣчнымъ Good на языкѣ, да три или четыре купчика съ кудрявыми бородками. Изъ прекраснаго пола я замѣтилъ только.... ну да что мнѣ до него! Можно себѣ представить, какъ мнѣ было скучно идти въ Кронштадтъ.

Погода стояла тихая и ясная. Зеркальная равнина водъ, недавно еще загрязненная льдами, разстилалась на широкомъ пространствѣ чистою голубою пеленою, бороздясь только тамъ, гдѣ плылъ пароходъ — эта парящая мысль геніальности вашего времени!

Со мною были ирландскія мелодіи Томаса Мура. Читая ихъ, я то гулялъ на палубѣ, то уходилъ въ каюту. Повсюду безжизненность и тишина. Флотскій офицеръ, разговаривая, какъ кажется, громко съ какою-то фигуркою de joli minois, своимъ краснорѣчіемъ, безъ сомнѣнія, пылкимъ и страстнымъ, не прерывалъ даже шума колесъ, монотонно хлеставшихъ синюю воду.

На пароходѣ было одно лицо, весьма замѣчательное для меня. Я не обратилъ бы на него вниманія, если бы не услыхалъ словъ: *I was born in Srain throught up in England....* Я обернулся и что же? Это говорилъ инженерный полковникъ нашей службы со Станиславомъ на шеѣ. Такое признаніе заставило меня послушать далѣе. Онъ разговаривалъ съ англичанами, которые только-что передъ тѣмъ, по выговору полковника, удивлялись способности русскихъ говорить по-англійски. Узнавъ однако, что полковникъ былъ испанецъ, Джонъ Були не отказались отъ своего замѣчанія, а повторили его съ прибавкою, что не только англійскій, но вообще всѣ языки *покорилися* русскимъ. Это чрезвычайно щекотало мое самолюбіе. Я сто разъ порывался подтвердить ихъ замѣчаніе дѣломъ.... но робость и самолюбіе, очень часто встрѣчающіяся между собою, обыкновенно мѣшаютъ другъ другу.

Мы прибыли въ Кронштадтъ послѣ 3-хъ часовъ плаванія. Отыскавъ M-e Stuart, знаменитую трактирщицу, и занявъ у нея 10-й номеръ, я спокойно предался объятіямъ Морфея.

„На новомъ мѣстѣ худо спится" — старинное наблюденіе, а потому-то мнѣ и не удивительно показалось, что, проснувшись, повидимому, послѣ долгаго сна, я услышалъ стукъ 6 часовъ.

Время было чудесное. Я бродилъ по городу. Въ восемь часовъ отправился отыскивать к.-ад. К—а. Языкъ до Кіева доводитъ, — въ Кронштадтѣ же и безъ него не заблудишься. Впрочемъ я промаршировалъ добрыя двѣ версты, пока не нашелъ дома, гдѣ живетъ адмиралъ. Онъ еще спалъ. Я пошелъ далѣе на военную гавань—взглянуть, что дѣлаетъ пароходъ „Александрія"; игрушкою убранный, раззолоченный, какъ храмъ, онъ скромно любовался своею красотою въ свѣтломъ зеркалѣ воды. Все было тихо на „Александріи",—никто не шевелился. Посмотрѣвъ, полюбовавшись на ту игрушку, которой я ввѣрялъ свою судьбу, и не замѣтивъ никакихъ приготовленій къ походу, я возвратился въ домъ Р.-К—ва [1]), ожидая навѣрное застать его проснувшимся.

Такъ и случилось. Адмиралъ сидѣлъ уже за чайнымъ столикомъ. Прекрасная и премилая дама, супруга Р.-К—а разливала чай. Онъ меня представилъ ей. Раскланявшись онѣгински и извинясь, что по-походному явился въ сюртукѣ, я пододвинулъ стулъ и сѣлъ между супругами. Разговоръ нашъ переливался изъ предмета въ предметъ, какъ чай изъ чайника въ чашки. Мы долго бесѣдовали о лицахъ намъ обоимъ знакомыхъ. Живой, рѣшительный и бойкій разсказъ адмирала мнѣ чрезвычайно понравился. Я не люблю этого чопорнаго жеманства, которымъ думаютъ щеголять наши знаменитые краснобаи.

Адмиралъ объявилъ мнѣ, что пароходъ отойдетъ въ среду ночью или въ четвергъ поутру. Что дѣлать три дня въ Кронштадтѣ? Какъ убить время? Я побрелъ въ Лѣтній садъ. Кто былъ въ Кронштадтѣ, тотъ, конечно, знаетъ, что такое Лѣтній садъ; для того же, кто не былъ, не стоитъ и описывать его.

Однако двѣ вещи въ саду привлекли мое вниманіе и тысячу разныхъ думъ навѣяли на мою душу. Это бюстъ Петра Великаго — великаго во всемъ, и памятникъ мичману Домашенкѣ, принесшему себя въ жертву, спасая матроса.

Достойный морякъ сей, видя погибавшаго товарища, который тщетно боролся съ грозною волною, бросился къ нему на помощь — и жадное море поглотило ихъ обоихъ! Благородный подвигъ самоотверженія имѣетъ необъятное вліяніе на душу человѣка. Не зная лица, чувствуешь невольно какое-то благоговѣніе къ нему. „Судьба твоя, Домашенко", подумалъ я, глядя на простой памятникъ,

[1]) Надо полагать, Римскаго-Корсакова.

*

сооруженный офицерами корабля „Азова" въ честь достохвальнаго поступка ихъ товарища: „судьба твоя печальна, но незабвенный подвигъ твой купилъ тебѣ неувядаемый, хотя терновый вѣнецъ. Если у подножія бюста Петра Великаго душа моя, объятая мыслію о геніальности, трепещетъ, чувствуя свое ничтожество, и я смиренно преклоняю колѣно передъ отцомъ отечества, — убогій памятникъ твой, Домашенко, рождая мысль о человѣколюбіи и самоотверженіи, отрадно умиляетъ душу; сердце сильно бьется въ груди моей; я постигаю ту минуту, когда, презрѣвъ опасность и движимый любовью къ брату, ты бросился въ пучину моря спасать несчастнаго. Какъ свѣтелъ былъ твой взоръ! Какъ радостно ты шелъ на битву съ грозными волнами! Двѣ смерти стали предъ тобою, и ты не устрашился... но часъ твой пробилъ, ты погибъ подъ гнетомъ разъяренныхъ волнъ! Конецъ достойный моряка! . . . . .

. . . .

. . . .

...Пробилъ обѣденный часъ, и я отправился къ М-е Стюартъ обѣдать. За столомъ, хотя незатѣйливымъ, но дешевымъ, насъ сидѣло человѣкъ десять. Нечаянно я сѣлъ подлѣ испанца. Ни онъ, ни я не знаемъ Кронштадта. Служа 17 лѣтъ въ Россіи, онъ только два раза былъ въ Кронштадтѣ. — Я же, постоянный житель Петербурга, рѣдко выѣзжалъ изъ столицы, а потому мы очень скоро познакомились. Милый, словоохотный, съ богатымъ запасомъ разсказовъ, полковникъ занималъ меня въ продолженіе всего обѣда.

По окончаніи скромной трапезы, полковникъ уговорилъ меня идти на купеческую пристань, смотрѣть на иностранные корабли. Ему особенно любопытно было видѣть корабль „Anthoeus" съ острова Тенерифа, гдѣ жилъ, а можетъ быть и живетъ еще отецъ полковника. Отыскавъ шкипера корабля „Антеуса", замасленнаго, засмоленнаго англичанина, мы отправились къ нему въ гости.

Я воображалъ, что мнѣ представится нѣчто огромное, изящное, щегольской отдѣлки, и жестоко ошибся, увидѣвъ маленькій кораблишко, нечистый, загроможденный всякой дрянью. И это судно, подумалъ я, пришло съ западныхъ береговъ Африки! Какъ буря пощадила его! Шкиперъ Джонъ Бойдъ угостилъ насъ пожатіемъ сальною рукою и тенерифскимъ *brandy*. Я чуть не задохнулся, глотнувъ нѣсколько капель этого вина. Полковникъ же, прилежно осушая стаканъ свой, закусывалъ сушенымъ хлѣбомъ и, слушая разсказы шкипера про тенерифскихъ ихъ знакомыхъ, не думалъ, кажется, о возвращеніи домой. Мнѣ стало душно въ каютѣ; я хотѣлъ выйти, а гостепріимный хозяинъ уговаривалъ меня выпить„ *I thank you, I thank you very much. I cannot, this enough, quite*

enough forme". Только этими фразами могъ кое-какъ отдѣлаться отъ угощеній Джона Бойда.

На слѣдующій день рано утромъ, окончивъ счеты съ толстою М-е Стюартъ, я перебрался на пароходъ „Александрія". Мнѣ хотѣлось уже поскорѣе въ море. Берегъ начиналъ надоѣдать мнѣ. Въ Кронштадтѣ, гдѣ на пятомъ шагу встрѣтишь непремѣнно три разные костюма, гдѣ на каждомъ закоулкѣ услышишь Go-d-d или *porter,* я проводилъ большую часть дня въ купеческой гавани. Приходъ и уходъ пароходовъ сбираетъ туда множество народу. Только на пристани и можно встрѣтить миловидное личико. Въ самомъ же городѣ, кромѣ матросовъ всѣхъ націй и русскихъ флотскихъ офицеровъ, никакая женская головка не показывается.

Командиръ парохода „Александрія" К. Л. С—ій принялъ меня очень ласково.—Ознакомиться съ людьми не трудно. Сдѣлайте только сами первый шагъ, и потомъ вы будете *своимъ.*

Въ каютъ-кампаніи я нашелъ нѣсколько офицеровъ съ трубками и сигарами въ зубахъ. „Здравствуйте, господа; очень радъ познакомиться и проч. и проч..." Все это было дѣломъ пяти секундъ—и я, какъ дома.

Мы полагали къ вечеру оставить Кронштадтъ, а между тѣмъ адмиралъ, пригласивъ капитана и меня къ себѣ обѣдать, отложилъ походъ до слѣдующаго утра.

Погода начинала хмуриться. Имѣя надобность размѣнять русскія деньги на голландскіе червонцы, я бѣгалъ по городу, какъ сумасшедшій. Пробило четыре часа, я поспѣшилъ къ адмиралу. Я пріѣхалъ къ нему, по-прежнему, въ сюртукѣ, полагая обѣдать *en famille,* и какъ удивился, увидѣвъ, что столъ накрытъ парадно. Что бы это значило? И какъ мнѣ быть въ дорожномъ платьѣ? Философія моя о приличіяхъ свѣта кричала подъ ухо: „Ступай отсюда прочь". Желудокъ же, мудрецъ другого рода, нашептывалъ: „Останься здѣсь — или ты останешься безъ обѣда". Я не успѣлъ еще примирить двухъ враговъ, какъ Н. П. К—овъ встрѣтилъ меня ласковымъ привѣтомъ и повелъ въ гостиную, гдѣ была м-е К—ва. „Mille et mille excuses, Madame, de mon impolitesse; je n'ai pas cru... je ne savais pas etc etc". и все, что говорится, и что не говорится въ подобныхъ случаяхъ, поочереди сходило съ моего языка. Добрая, милая хозяйка просила быть безъ церемоніи; я ободрился.

Между тѣмъ гости начинали уже съѣзжаться. Все почти моряки. „Мы сегодня ждемъ къ себѣ молодыхъ", сказала мнѣ М-е К—ва. Вотъ тебѣ и разъ, подумалъ я.—„Дочь адмирала Р., родственница моя, вышла замужъ за О... Вы, вѣрно, знаете Monsieur

О.", продолжала хозяйка, вставая съ дивана и поправляя платье, чтобы идти навстрѣчу пріѣхавшимъ дамамъ. Я не отвѣчалъ. Мнѣ было досадно, что я въ сюртукѣ, и еще досаднѣе, что послушался увѣщаній желудка. Бѣжать было поздно. Я просилъ Н. П. извинить меня передъ адмираломъ Р...

Наконецъ зала и гостиная наполнились гостями. Черезъ 1/4 часа весь Кронштадтскій *beau monde* шевелился уже около стола. За прекраснымъ и вкуснымъ обѣдомъ разговоръ былъ порою всеобщій, порою раздроблялся на сосѣдей.

Когда все это кончилось, капитанъ парохода и я разсудили за благо убираться восвояси. Ему нужно было приготовиться къ походу, а мнѣ бѣжать отъ упрековъ и осужденій.

На другой день, ровно въ 11 часовъ утра, пароходъ „Александрія" шумѣлъ уже колесами. Пока мы не вышли за Кронштадтскій рейдъ, — мнѣ все казалось, что я иду не въ далекій путь, а въ Петербургъ или Петергофъ... Но семь выстрѣловъ раздались съ парохода, и отвѣтный салютъ съ крѣпости прогремѣлъ прощальнымъ аккордомъ въ воздухѣ—и сердце мое встрепенулось, какъ испуганная птица,—тысячи разныхъ ощущеній охватили меня. Мысли, старыя и новыя, толпою приходили ко мнѣ, какъ тѣ друзья, которые посѣщаютъ насъ только въ минуты необыкновенныхъ случаевъ. Ставъ на кожухъ, я предался, по обыкновенію, мечтамъ.

Свершается... Передо мною даль и море — подо мною бездна! Солнце горестно прощалось съ небомъ и землею, закутываясь, какъ стыдливая дѣва въ густое покрывало сѣроватыхъ тучъ. Что предвѣщаетъ намъ это небо?... Что предстоитъ намъ въ грядущемъ?... Какъ совершимъ мы свой путь?... До сего времени воздухъ былъ прекрасенъ и тихъ, небо было чисто, а теперь? Какой-то міракъ поднялся съ запада, и въ небѣ запестрѣли облака, іероглифически начертывая, быть можетъ, нашу участь. Кто разберетъ, что пишется тамъ, выше?

Воображеніе, любящее раздолье, не страшится фантастическаго міра. Ему привольно всюду. Я радостно чертилъ въ воображеніи своемъ всѣ ужасы предстоявшаго плаванія, а накрапывавшій дождь живительно поливалъ мои фантастическіе цвѣты, которые росли съ быстротою подвигавшагося парохода. Даль, которая, можетъ быть, для другихъ ограничивалась видимымъ горизонтомъ, передо мною разстилалась на необъятное пространство.

Какъ грустный Child Harold лорда Байрона, я прощался съ роднымъ берегомъ...

Увижуль васъ, приду ли къ вамъ
По этимъ сумрачнымъ волнамъ,
Края мои родные?
Покинувъ васъ впервые,
Ужели я въ послѣдній разъ
Смотрю, любуюся на васъ?...

...Подумавъ, что одна только полоса дерева, скрѣпленнаго желѣзомъ, отдѣляетъ меня отъ всепоглощающей бездны; что стоитъ только морю разыграться своею дикою страстью, и никакія силы въ мірѣ не спасутъ меня отъ гибели, — я улыбнулся. Но этой улыбки не поняли бы люди. Ею выразилось и сознаніе собственнаго моего ничтожества и вмѣстѣ съ тѣмъ—твердое упованіе на благость Провидѣнія.

Послѣ тихаго, хотя пасмурнаго вечера наступила майская ночь. и дождь усиливался замѣтно. Я не могъ идти въ каюту, мечты прогоняли сонъ, а для нихъ нуженъ былъ воздухъ и широкое море!...

Плескъ волны, однообразный шумъ колесъ и легкое, едва замѣтное, хотя чувствительное колебаніе парохода имѣли какое-то таинственное вліяніе на меня. Я прислушивался къ говору моря, мнѣ казалось, что кто-то разговаривалъ со мною. Изрѣдка крикъ вахтеннаго офицера: *средній ходъ, полный ходъ!* — прерывалъ таинственный процессъ моего воображенія. Мало-по-малу исчезали лица съ палубы, все утихало, — наконецъ, я остался почти одинъ. Утомленный напряженіемъ душевныхъ силъ, я спустился въ каюту и бросился на диванъ.

Не долго я спалъ. Въ 5 часовъ утра меня разбудили шумъ и суматоха на пароходѣ. Все суетилось. Мнѣ казалось болѣе жизни на палубѣ, чѣмъ прежде,—за то и небо было мрачно, вѣтеръ ежечасно усиливался, дождь шелъ изобильно. Съ каждою минутою, я замѣчалъ, увеличивалось безпокойствіе капитана и штурмановъ. Колебаніе парохода колебало всю мою внутренность, но еще не укачивало меня. Я могъ думать и размышлять.

— Что же, молодой путешественникъ, спросилъ я себя, любишь ты море? нравятся тебѣ его причуды?...

— Друзья мои, хотите испытать себя, желаете узнать себя вѣрнѣе, безпристрастнѣе—пускайтесь въ море, ищите бурь и въ ту минуту, когда васъ будетъ перебрасывать съ волны на валъ, и вы, подъ свистъ вѣтровъ, подъ грохотъ моря и дикій трескъ снастей, не потеряете разсудка, памяти,—спросите у себя: кто вы?.. О! вѣрьте—волна, какъ въ зеркалѣ, вамъ выкажетъ всю вашу душу.

Не нужно изученій цѣлей жизни, достаточно одной минуты, чтобы познать свое ничтожество. Мысль близкой гибели торжественно предстанетъ вамъ, и въ этомъ буйствѣ моря, въ этой борьбѣ стихій вы услышите знакомую вамъ повѣсть. Вамъ море выскажетъ всѣ ужасы прошедшаго. Передъ вами разрѣшится тайна жизни... Но предайтесь вѣрѣ. Тогда вашъ духъ, покинувъ все земное, свершитъ минутный переходъ въ нагорнее селеніе... Вы увидите, вы постигнете величіе Творца; уразумѣете Его премудрость, вы сочетаетесь, такъ сказать, съ природою, и ужасы ея не будутъ страшны вамъ. Тогда вы сами—вы, сынъ земли, очищенный отъ плоти, соедините свой восторгъ съ всемірнымъ гимномъ всей природы!.. Великая минута! но минута... Утихнетъ буря, и только страхъ воспоминанія объемлетъ васъ! Минута потому уже, что въ другой разъ свыкаетесь съ сею картиною и хладнокровно, а можетъ быть и равнодушно созерцаете бореніе стихій, какъ вамъ знакомое явленіе!..

Такъ было и со мною. На другой день я посмотрѣлъ на бѣшенство валовъ и очень хладнокровно спросилъ штурманскаго офицера: „Скоро ли пройдемъ мы этомъ плесъ; когда же снова въ шхеры?"...

Простоявъ нѣсколько часовъ на якорѣ, дождавшись парохода „Надежда", мы пустились далѣе. Знакомыя [1]) мѣста безпрестанно мелькали мимо насъ. Дикая Финляндія всюду выставляла углы своихъ голыхъ скалъ. Какъ мало здѣсь для живописи, зато какъ много для поэзіи!

Время на пароходѣ пролетало быстро. Всегда вмѣстѣ, разговоры наши были общіе. Всѣ мечтали о посѣщеніи Стокгольма, который впрочемъ мы отчаявались видѣть, потому что „Надежда" была всегда за нами. Раза три мы бросали якорь собственно для нея. Буксируя тяжелый ботъ съ угольями, „Надежда" отставала отъ насъ—отъ насъ, дѣтей міра сего, привыкшихъ бѣгать за нею.

Плаваніе наше до Свеаборга не было совершенно удачно. Вѣтеръ постоянно дулъ противный. Ночи были дождливыя и холодныя. День царя Константина и Елены, 21 число мая, мы встрѣтили за угломъ дикаго острова, стоя на якорѣ. 21 выстрѣлъ, шампанское за обѣдомъ, тосты за здравіе царя, царицы и милыхъ чадъ ихъ—и долгоденствіе высокому имениннику, провозглашенное общими восклицаніями всѣхъ собесѣдниковъ, ознаменовали этотъ день на пароходѣ.

Вечеромъ слѣдующаго дня мы пустились дальше.

Пробѣгая безпрестанно мимо голыхъ и дикихъ береговъ, а часто

---

[1]) Я былъ въ прошедшемъ году въ Финляндіи и возвращался изъ Гельсингфорса въ Петербургъ на чухонской лайбѣ шхерами.

между двухъ выдавшихся изъ воды островов, на которыхъ кое-гдѣ пестрѣютъ полуразвалившіяся избушки, я нерѣдко вслухъ удивлялся тѣмъ людямъ, которые, удалясь отъ всего человѣческаго, поселились и живутъ на этихъ камняхъ, не опушенныхъ зеленью, не отѣненныхъ березкою.

— Дайте мнѣ сто милліоновъ, замѣтилъ смѣясь К. С..., и я охотно промѣняю всѣ пышные хоромы лучшей европейской столицы на любой изъ этихъ камней.

— Я съ вами не согласенъ, возразилъ я, также смѣясь. Разберемъ ваше положеніе со ста милліонами на этомъ камнѣ . . . .

. . . .

Мы долго разбирали это предложеніе, взятое, конечно, изъ химерической фантазіи, а время между тѣмъ уходило, берега мѣнялись, погода измѣнилась и, наконецъ, величественный Свеаборгъ открылъ намъ свои зубчатыя стѣны.

Семь выстрѣловъ съ крѣпости отвѣтствовали на нашъ привѣтъ.

Еще въ прошедшемъ году я былъ въ Свеаборгѣ и Гельсингфорсѣ и восхищался столицею Финляндіи. Городъ видимо украшается. Мнѣ представлялось, что я вижу прелестную дѣву, которая купалась въ морѣ и, вышедъ на крутой скалистый берегъ, окуталась въ роскошную пелену, такъ изящно обрисовывающую ея пластическія формы,— вотъ картина Гельсингфорса. Семь братьевъ, грозныхъ видомъ, обнявъ другъ друга, стоятъ поодаль и сторожатъ стыдливость скромной дѣвы—вотъ видъ Свеаборга.

Бросивъ якорь передъ самою крѣпостью, мы, въ катерѣ, отправились на берегъ. На пристани насъ встрѣтила толпа женщинъ, изъ которыхъ я замѣтилъ одну очень хорошенькую. Н. П. К—въ подошелъ къ ней, какъ къ знакомой.

Кто же эта красавица, подумалъ я, съ слѣдами постепеннаго разрушенія на лицѣ. Есть много прекраснаго въ ея чертахъ; глаза горятъ еще алмазнымъ огнемъ, но быстрое движеніе ихъ, безпрестанно бросаемые то въ ту, то въ другую сторону взгляды; потупленіе и возвышеніе очей, которое то открывало черный зрачекъ, то обнаруживало длинныя рѣсницы—все это уже ясно доказываетъ, что природа, уступающая всепокорителю времени, начинаетъ замѣняться искусствомъ, или даже кокетствомъ.

Дѣвушкѣ, какъ мнѣ показалось, не болѣе 24-хъ лѣтъ, но малиновыя губки ея не открывали уже бѣлыхъ, какъ перлъ, зубовъ.

Я спросилъ Н. П. объ ней.

— О! да это презамѣчательное лицо въ С..., воскликнулъ адмиралъ, совершенно довольный неожиданною встрѣчею. Это-то и есть

золотая рыбка, о которой я вамъ говорилъ. Ужели вы не поражены ея красотой?

— Какъ! Это *золотая рыбка!*—вскричалъ я въ свою очередь. Признаюся, я ожидалъ бо̀льшаго.

Здѣсь кстати разсказать исторію золотой рыбки.

Въ С—гѣ живетъ старикъ булочникъ. У него дочь—красавица. Какимъ образомъ, когда и гдѣ могъ онъ дать ей прекрасное воспитаніе,—никто не знаетъ, а многіе не понимаютъ; только всѣмъ извѣстно, что дочь булочника говоритъ по-французски, играетъ на фортепіано, можетъ быть, поетъ, танцуетъ очень мило и на всѣхъ С—скихъ балахъ является царицей. Флотскіе офицеры, которые зимуютъ въ С—гѣ, уходятъ потомъ въ море безъ ума и сердца. Все это у ногъ *золотой рыбки*—названіе, Богъ знаетъ кѣмъ пожалованное С—кой красавицѣ. Поклонниковъ у нея всегда было цѣлый полкъ. Многіе, влюбляясь не на шутку, искали руки ея и сердца, какъ великаго счастья. Жестокая всѣмъ отказывала. Ее не соблазняли ни пышные княжескіе титула, ни густые генеральскіе эполеты. Повидимому, ни честолюбіе, ни тщеславіе не смѣли касаться зеркальной души этой наяды. Всѣ удивлялись ея особенности: одни приписывали это невинности ея души, на которую соблазны міра не имѣли еще пагубнаго вліянія; другіе же относили это къ дикой горной ея природѣ; третье, наконецъ, въ этомъ упрямствѣ думали видѣть какую-то затаившуюся мечту; а мнѣ кажется, что тутъ просто смѣлая игра юнаго самолюбія съ необычайностью, которой неопытное сердце такъ легко вѣритъ. Золотой рыбкѣ, привыкшей увертываться отъ удочки многихъ ловцовъ, конечно, хочется попасть въ руки какого-нибудь заморскаго принца, получше тѣхъ, которые являлись. „*Что, если бы*"... О! эта фраза очень заманчива. А потомъ, далѣе, выраженіе—„*да почему же, Боже мой, и нѣтъ?*" поддергиваетъ нерѣдко юность въ такихъ химерическихъ надеждахъ, что она совершенно запутывается въ построеніи воздушныхъ замковъ и долго сама не можетъ выйти изъ этого лабиринта.

Я думаю, и съ *золотою рыбкою* было то же, пока зеркало ни въ чемъ ея не упрекало. Теперь же, когда природа ея съ каждой весной изобрѣтаетъ новый нарядъ, когда собственное очарованіе мало-по-малу уходитъ и толпа страждущихъ рыцарей съ каждымъ днемъ рѣдѣетъ,—красавица, безъ сомнѣнія, легче покорится страсти любого поклонника. Стоитъ только явиться какому-нибудь смѣльчаку и даже притворствовать передъ нею... О! я увѣренъ, что рыбка, нечаянно-ль, нарочно-ль, а попадетъ на удочку.—Въ С. и безъ того поговариваютъ о свадьбѣ купца Т—ва съ золотою рыбкою. Вотъ какіе переходы совершаетъ иногда капризная судьба!

„Отъ великаго до смѣшного одинъ только шагъ“ сказалъ Наполеонъ;—отъ пышнаго титла княгини до наименованія купчихи Т. только нѣсколько мѣсяцевъ самонадѣянныхъ мечтаній.

Дѣвушки! Дѣвушки! прошу васъ, умоляю васъ, не будьте золотыми рыбками.—Рыбакъ въ другой разъ не бросаетъ тамъ сѣтей, гдѣ неудаченъ ловъ!..

Разсмотрѣвъ все достойное вниманія въ Гельсингфорсѣ,—городѣ мнѣ уже знакомомъ, сдѣлавъ кое-какія покупки для воспоминанія о поѣздкѣ моремъ,—на другой день вечеромъ мы снялись съ якоря. Время было прекрасное. Лѣто, казалось, наступило.

Разсчитывая по пальцамъ, котораго числа мы можемъ быть у Стокгольма, куда къ 28 числу мая ожидали прибытія ихъ высочествъ великихъ князей—мы начинали уже терять всякую надежду посѣтить столицу Швеціи. Адмиралъ предупредилъ насъ, что онъ самъ рѣшительно не пойдетъ въ Стокгольмъ. Отчаяніе наше было велико, тѣмъ болѣе, что и *«Надежда»* отставала.

Наступило 25 число. Къ вечеру стали показываться по берегу шведскаго материка телеграфы, что́ ясно обнаруживало близость столицы.

8 часовъ пробило, и мы повернули за островокъ, за которымъ открылись стѣны крѣпости Ваксгольмъ. *«Стопъ машина!»* раздалось на палубѣ.—Пары засвистали, пароходъ ослабѣвалъ въ ходѣ, подвигался еще прежнею силою. Наконецъ, цѣпь якоря зашумѣла—мы остановились. Семь выстрѣловъ съ парохода и столько же, по обыкновенію, съ крѣпости прогремѣли для насъ безнадежностью побывать въ Стокгольмѣ.

— „Кто хочетъ ѣхать въ столицу,—сказалъ адмиралъ,—можетъ, только съ тѣмъ, чтобы къ утру 27 числа быть здѣсь. Опоздавшаго не жду“.—Это насъ обрадовало. Мы всѣ разомъ собрались. На слѣдующій день, взявъ рано утромъ комендантскую шлюпку съ 5 гребцами, благополучно отправились въ сентиментальное путешествіе.

Путь отъ Ваксгольма до Стокгольма не великъ, всего русскимъ счетомъ около 24 верстъ, но мы его сдѣлали въ 4 часа времени.

Можно себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ мы ждали увидѣть столицу. Съ нами былъ молодой шведскій офицеръ, взятый изъ Ваксгольма, который обѣщалъ намъ достать лучшій номеръ въ трактирѣ, ложу въ театрѣ и показать всѣ достопримѣчательности города.

Жаль, что времени у насъ было мало. Я почти не надѣялся воспользоваться вполнѣ суточнымъ пребываніемъ въ Стокгольмѣ. Имѣя порученія къ посланнику нашему графу Потоцкому, долженъ былъ прежде всего позаботиться объ нихъ.

Подходя все ближе и ближе къ городу, мы завидѣли сначала кое-какія избушки по берегамъ; потомъ стали показываться загородные домики,—далѣе являлись городскія дачи; тамъ предмѣстье города, а наконецъ и городъ.

Видъ Стокгольма при въѣздѣ въ него, съ моря, прелестенъ. Крутой высокій берегъ скалъ усѣянъ домами, разбросанными съ искусною небрежностью по разнымъ направленіямъ.—Повсюду каменныя шестиэтажныя строенія.—Церкви, величественно упирая главы въ небо, обрѣзываютъ горизонтъ неровной бахрамою.—Прекрасный дворецъ, итальянской архитектуры, царствуетъ надъ всѣми частями города: крыша дворца видна отовсюду.—Множество купеческихъ судовъ пестрѣютъ разноцвѣтными флагами около пристани. Море у Стокгольма суживается въ проливъ, на нѣсколько рукавовъ раздѣленный, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно соединяется съ озеромъ Меларомъ, переброшенъ каменный мостъ, подъ которымъ отъ быстраго теченія шумятъ и пѣнятся волны.—Маленькія лодки безпрерывно прорѣзываютъ струи моря, перевозя жителей города съ одного берега на другой. Женщины въ желтыхъ соломенныхъ шляпкахъ исправляютъ должность гондольеровъ. Это показалось мнѣ страннымъ, но потомъ я вспомнилъ, что и у насъ въ Финляндіи le beau sexe гораздо трудолюбивѣе своихъ властелиновъ.

Я хотѣлъ подмѣтить то впечатлѣніе, которое произведетъ на меня Стокгольмъ, и что же?.. Видя предъ собою городъ, не замѣчалъ ничего столичнаго. Нѣтъ этого непрерывнаго движенія, этой многолюдности, жизни, которыми должна отличаться столица отъ простыхъ городовъ. Шлюпка наша причалила къ пристани противъ самаго дворца, и тутъ только толпа зѣвакъ обнаружила столичность.

Слѣдуя за нашимъ вожатаемъ, шведскимъ офицеромъ, мы пошли мимо дворца, и первое, что меня поразило—это недостатокъ въ тротуарахъ и дурное мощеніе улицъ. Дворецъ, дѣйствительно, прекрасенъ. Высокій, стройный, очень простой, онъ видимо отличается архитектурою отъ всѣхъ прочихъ зданій, окружающихъ его, и могъ бы сдѣлать честь любой европейской столицѣ. По правую сторону дворца—каменный мостъ, на которомъ избалованныя ноги петербургскаго жителя отдыхаютъ и не жалуются на боль отъ острыхъ камней. Намъ встрѣчались молоденькія, хорошенькія шведки, которыя, по привычкѣ, смѣло переступали съ камешка на камешекъ. Я дивился ихъ малоизнѣженности, а потомъ увидѣлъ, что на ногахъ у нихъ или деревянныя галоши, или башмаки съ такою толстою подошвою, что отъ одного грубаго вида ихъ, у насъ, въ Петербургѣ, любая дама упала бы въ обморокъ.

Бродя по улицамъ, отыскивая пріюта, мы едва нашли кое-какую квартиру. Столько наѣхало въ Стокгольмъ изъ провинціи, по случаю ожидаемаго прибытія его высочества государя цесаревича, что всѣ гостиницы были до насъ уже заняты.

Я не мѣшкалъ своимъ дѣломъ. Взявъ съ собою лонъ-лакея, отправился къ посланнику, котораго не засталъ дома. У меня было письмо къ секретарю посольства г-ну Г. Я обратился къ нему. Онъ посовѣтовалъ мнѣ заѣхать къ графу Потоцкому около 3-хъ часовъ.

Главною цѣлью нашей мимолетной поѣздки въ Стокгольмъ было закупить нѣсколько книгъ, пообѣдать въ Thiergarten—въ одномъ изъ лучшихъ загородныхъ мѣстъ, и побывать въ театрѣ, чтобъ имѣть хотя маленькое понятіе о шведской Мельпоменѣ и видѣть образчикъ Стокгольмскаго *beau monde.*

Все это мы успѣли сдѣлать. Въ 3 часа я снова забѣжалъ къ посланнику.—Онъ былъ дома. Графъ принялъ меня очень ласково и радушно. „Приглашаю васъ обѣдать", сказалъ онъ мнѣ по-французски: „впрочемъ располагайте временемъ, какъ вамъ лучше. Я знаю, что вы здѣсь на нѣсколько часовъ. Мы садимся въ 5".—Я поблагодарилъ графа и просилъ извинить меня.

Соединившись съ товарищами путешествія, мы всѣ вмѣстѣ пошли закупать разныя бездѣлки. Въ полтора часа времени успѣли обойти всѣ книжныя и галантерейныхъ вещей лавки. Улицы Стокгольма послѣ петербургскихъ не могли мнѣ понравиться. Узенькія, не совсѣмъ правильныя, онѣ не могутъ быть такъ опрятны, какъ щегольскіе проспекты Петербурга. Три экипажа едва-ли проѣдутъ рядомъ въ самыхъ широкихъ улицахъ Стокгольма, а есть такія, въ которыхъ проказникъ амуръ можетъ смѣло завести ручную почту между противоположными этажами.—Архитектура домовъ чрезвычайно разнообразна—но всѣ почти зданія носятъ на себѣ печать старины. Что же касается до магазиновъ, то въ, сравненіи съ петербургскими, стокгольмскіе кажутся столь бѣдными, что объ нихъ говорить не слѣдуетъ. Даже наружность ихъ не блистательна и не соблазнительна для слабости прекраснаго пола. Предметы роскоши и мотовства, выставленные на окнахъ, не дѣлаютъ никакого эффекта потому, что или находятся въ узкой, грязной и темной улицѣ, или расположены безъ граціи, безъ этой *élégance,* которая плѣнительна и въ самыхъ бездѣлушкахъ.

Мы были и въ книжныхъ лавкахъ. Правда, что цѣна книгъ дешевле петербургской, но на бѣду нашу, лучшія книги или были распроданы, или оставались еще не распечатанными въ ящикахъ, такъ что желаемыхъ мы не могли получить. Книгопродавцы увѣряли

насъ, что торговля ихъ лѣтомъ почти прекращается. Главный разборъ книгъ бываетъ зимою. Повѣривъ имъ на слово, мы остались безъ книгъ.

Пробило 5 часовъ, и мы снова собрались у Дворцовой пристани, чтобы взять лодку съ двумя гребцами въ шляпкахъ и отправиться въ Thiergarten обѣдать.

Въ городѣ я видѣлъ, правда мелькомъ, двѣ статуи. Обѣ представляютъ Густава III. Одною (что передъ театромъ) король представленъ верхомъ на конѣ, подобно какъ Петръ I на Михайловской площади; другая же, у пристани, изображаетъ его стоящимъ въ величественной позиціи, какъ нашъ Кутузовъ передъ Казанскимъ соборомъ. Надписи гласятъ, что эти памятники сооружены благодарностью тому, кто былъ законодатель, побѣдитель и мировозстановитель.

Любуясь еще разъ наружнымъ видомъ Стокгольма съ лодки, мы невольно сравнивали его съ красавицею нашего сѣвера. Какая удивительная разница! Между тѣмъ гребцы напрягали силы; проходя мимо живописныхъ островковъ, мы скоро очутились у пристани въ Thiergarten.

Thiergarten есть не что иное, какъ паркъ, въ которомъ устроено множество дачъ, красивыхъ и некрасивыхъ, нѣсколько трактировъ, куда лѣтнимъ вечеркомъ шведская молодежь собирается попировать и покурить. Куритъ она впрочемъ и въ городѣ.

Передъ калиткой, за которою тотчасъ начинается рядъ домиковъ, съ васъ потребуютъ *шиллингъ* въ пользу улучшенія дорогъ и мостовъ. Заплативъ пошлину смазливой привратницѣ, мы вошли въ узкую аллею, потомъ повернули направо, гдѣ намъ представился прелестнѣйшій ландшафтъ. По обѣ стороны дороги, проложенной какъ бы въ ущельи скалъ, устроены дачи и трактиры. Народу было очень мало. Только полненькія, розовенькія шведки вышли къ намъ навстрѣчу изъ трактировъ, приглашая, взорами, конечно, къ нимъ обѣдать. Мы поднялись на бугорокъ, и чтобъ не потерять напрасно времени, вошли въ первый трактиръ.

Намъ приготовили прекрасный и дешевый обѣдъ. За столомъ прислуживали дѣвушки—полныя, бѣлыя и румяныя.

Не успѣли насмотрѣться, нагуляться, какъ часы докладываютъ намъ, что давно пора въ театръ.

Пріѣхали въ театръ. Театръ ужъ полонъ. Хоть ложи не блещутъ, хотя партеръ не хлопаетъ, но всѣ мѣста были заняты. При насъ играли послѣдній актъ національной драмы съ пѣніемъ и танцами: „*Королева Христина*“. Не заставъ начала пьесы, мы нисколько не раскаивались. Никто изъ насъ не понималъ по-шведски. Декла-

мація же актеровъ и актрисъ мнѣ показалась довольно тяжелою. Риѳмы такъ и стучали въ ухо. Впрочемъ г. Кинмансонъ въ роли старика Оксеншерна былъ очень хорошъ. Уговаривая королеву выйти замужъ для блага отечества, онъ говорилъ передъ нею длинный монологъ съ большимъ чувствомъ.

Занавѣсь опустилась, и тишина, до того царствовавшая въ театрѣ, вдругъ нарушилась шарканьемъ, кашляньемъ и чиханьемъ.

Второе дѣйствіе открылось балетомъ. Передъ королевой танцуютъ. Мы не дождались конца и уѣхали.

Въ Швеціи, сколько могъ я замѣтить, нѣтъ обыкновенія хлопать или вызывать актера, особливо прежде окончанія спектакля. Это не дурно. Что сказать о самомъ театрѣ? Онъ стоитъ за мостомъ, на маленькой площади, неподалеку дворца. По наружности не отличается ничѣмъ отъ частныхъ домовъ. Внутренность его не богата. Костюмы изрядны; декораціи обыкновенны; сцена побольше нашей Михайловской.

Кто-то изъ проказниковъ путешественниковъ замѣтилъ, что въ Стокгольмѣ зимой при разъѣздѣ изъ театра не кричатъ, какъ у насъ, и вѣроятно какъ во всей Европѣ: *„карета такого-то готова"*, а *„галоши подъ № такимъ-то здѣсь"*. Я смѣялся и готовъ былъ принять это замѣчаніе за шутку, за остроту—не хотѣлъ вѣрить, а теперь почти повѣрю. Подъѣзжая къ театру, мы думали, что спектакль отмѣненъ. Не было ни одного экипажа—ни на площади, ни около театра, а между тѣмъ, всѣ ложи и партеръ были заняты. Вышедъ потомъ въ сѣни, я нигдѣ не замѣтилъ этой толпы лакеевъ, которыхъ у насъ встрѣчаешь при разъѣздахъ. Все было пусто. Кто бы подумалъ, что въ этомъ домѣ театръ, что тысячи людей сидятъ внутри его. О галошахъ при насъ, правда, не кричали, да и кричать не могли: во 1-хъ, потому, что мы оставили спектакль прежде окончанія, а во 2-хъ, потому, что время было теплое и сухое.

Такъ день нашъ и кончился. На слѣдующее утро, мы поднялись очень рано, чтобы не опоздать на шведскій пароходъ, который шелъ съ посланникомъ нашимъ и важными лицами Швеціи навстрѣчу государю цесаревичу. Всѣ полагали, что его высочество прибудетъ 28 мая къ вечеру. Графъ Потоцкій совѣтовалъ и намъ заблаговременно отправиться въ Ваксгольмъ и дожидать прибытія ихъ высочествъ великихъ князей.

Грустно, а нужно было разставаться съ Стокгольмомъ. Тамъ узналъ я о несчастіи, постигшемъ пароходъ „Николай", который шелъ изъ Петербурга съ пассажирами въ Любекъ. За милю до Травемюнде онъ загорѣлся. Людей спасли; но это происшествіе сильно меня встревожило. Я вспомнилъ о своихъ домашнихъ, кото-

рые должны были туда же отправляться на другомъ только пароходѣ, и вообразилъ ихъ испугъ.

Черезъ полтора часа насъ доставили въ Ваксгольмъ. Между тѣмъ и на этомъ краткомъ пути не обошлось безъ несчастій. Когда всѣ были заняты разговоромъ о пожарѣ парохода „Николай", губернаторъ стокгольмской провинціи, почтенный старикъ, оступился въ люкъ одною ногою и упалъ на бокъ. Его подняли безъ чувствъ. Ушибъ былъ великъ, хотя многіе обморокъ генерала приписывали испугу отъ мысли попасть въ машину, надъ которой онъ провалился. По совѣту нашихъ докторовъ, случившихся на пароходѣ, рѣшено было оставить больного въ крѣпости и пустить ему кровь. Потомъ мы узнали, что губернаторъ переломилъ себѣ ребро. „*Какъ скуделенъ сосудъ человѣка*", подумалъ я, вспомнивъ слова Великаго Петра передъ кончиною. . . . .

. . . .

Такимъ образомъ я могу смѣло говорить всѣмъ и каждому, что былъ въ Стокгольмѣ—видѣлъ столицу Швеціи. Кто будетъ спрашивать: долго ли? Былъ, видѣлъ; могу разсказывать много—довольно этого.

Завтра, а можетъ быть и сегодня вечеромъ придетъ „Геркулесъ" съ ихъ высочествами великими князьями, и мы отправилися обратно въ Петербургъ. Много воспоминаній оставила эта поѣздка въ душѣ моей!..

Мы готовимся принять высокихъ гостей и съ нетерпѣніемъ ждемъ прибытія „Геркулеса".

Я побился объ закладъ съ Н. П. Корсаковымъ, что пароходъ „Геркулесъ" прибудетъ сегодня вечеромъ не позже 9 часовъ. Онъ утверждаетъ, что завтра; посмотримъ—кто проиграетъ...

II.

9 іюня. Пароходъ «Александрія». Обратный путь въ Петербургъ.

— Червонцы ваши проиграны, — сказалъ мнѣ адмиралъ, когда барабанщикъ ударилъ зорю.

— Я это почти предвидѣлъ, — отвѣчалъ я, вынимая изъ кошелька деньги.

Наступило 29 число — воскресенье. Команда парохода „Александрія" приготовилась къ походу. Адмиралъ очень сожалѣлъ, что ему не удалось видѣть Стокгольмъ, отъ котораго онъ былъ такъ близко. Офицеры и я разсказывали о томъ, что видѣли и

слышали и, показывая другъ другу покупки свои, укладывали ихъ въ чемоданы.

Около полудня намъ прислали сказать изъ крѣпости, что по телеграфическимъ извѣстіямъ изъ столицы получены свѣдѣнія о прибытіи двухъ пароходовъ въ Даларе.

Приготовленія на „Александріи" дѣлались еще быстрѣе. Велѣно разводить пары и очищать каюты для Ихъ Высочествъ. Офицеры и команда одѣлись въ парадные мундиры. Я также принарядился въ форму. Потомъ адмиралъ, взявъ меня съ собою, отошелъ на катерѣ къ пароходу „Надежда", который стоялъ отъ насъ неподалеку. Тамъ то же движеніе, тѣ же приготовленія къ отплытію въ обратный путь.

— За скалой показался дымъ, — закричалъ вахтенный офицеръ. „*Смирно!*"—скомандовалъ капитанъ, и все разомъ утихло. Рядовые построились въ двѣ шеренги. Адмиралъ и я отошли на катерѣ отъ парохода, ожидая появленія „Геркулеса".

Черезъ нѣсколько минутъ онъ показался изъ-за угла острова, поднялъ великокняжескій флагъ, и началась пальба съ обоихъ пароходовъ.

Съ трепетомъ мы ждали той минуты, когда „Геркулесъ" поравняется съ нами, чтобы передать намъ драгоцѣнныхъ гостей. Адмиралъ безпрестанно спрашивалъ: „готовы ли пары"?—„*Есть*", раздавалось съ двухъ сторонъ.

Между тѣмъ гигантъ, бороздя зеленую воду, медленно, какъ бы усталый отъ похода, подвигался впередъ. Вдругъ поднимается на фокъ-мачтѣ сигналъ. Пока змѣйкой пробѣгалъ онъ между веревокъ, никто не могъ разгадать его. Достигнувъ вершины мачты, онъ вихремъ развернулся, и на вопросъ адмирала, что за сигналъ?—„*Слѣдовать за мною*", раздалось съ нашего парохода. *Лѣвая табань, правая греби; греби обѣ!*—скомандовалъ адмиралъ катеру.

— Слѣдовать за мною! — произнесъ съ восторгомъ Н. П. К—въ, когда мы снова очутились на палубѣ. „Что бы это значило? Какъ неожиданно!"

Команда, какъ я сказалъ уже, была выстроена въ двѣ шеренги. Поравнявшись съ докторомъ и приложивъ правую руку къ треугольной шляпѣ, я вытянулся, какъ струнка, и ждалъ приближенія „Геркулеса". Его Высочество Государь Наслѣдникъ стоялъ съ княземъ Меншиковымъ на кожухѣ.

Когда „Геркулесъ" поравнялся съ нами, Цесаревичъ изволилъ привѣтствовать команду нашу, приподнявъ фуражку. „Здравія же-

лаемъ Вашему Импер. Высочеству!" дружно прогремѣло въ воздухѣ.

Мы снялись съ якоря и вслѣдъ за „Геркулесомъ" отправились въ Стокгольмъ.

Кто изъ насъ могъ думать, что мы снова будемъ въ Стокгольмѣ, въ Thiergarten, опять увидимъ миловидныхъ шведокъ...

Н. П. К—въ особенно восхищался. Сердце его какъ будто что-то предчувствовало.

Пріемъ Цесаревича въ Стокгольмѣ былъ великолѣпенъ. Отъ малой крѣпости до самаго почти дворца построены были въ два ряда іолы, съ которыхъ производилась пальба. Весла, поднятыя вверхъ, матросы, выстроенные въ двѣ шеренги, исчезая безпрестанно въ дымѣ пушекъ, представляли какое-то волшебное зрѣлище. Прибавьте къ этому минутный блескъ выстрѣловъ и громъ орудій, раскатывавшійся въ ущеліяхъ скалъ, роскошную пестроту обоихъ береговъ, усѣянныхъ народомъ разнаго пола, возраста и званія, тихій вечеръ, упадавшее за горы солнце, четыре парохода, въ равномъ почти одинъ отъ другого разстояніи, медленно подвигавшіеся къ берегу и, наконецъ, отвѣтный салютъ съ „Геркулеса", потрясшій воздухъ и сердца прибывшихъ и ожидавшихъ прибытія,— и вы будете имѣть полную картину торжественнаго въѣзда Государя Цесаревича въ Стокгольмъ.

Въ одно мгновеніе всѣ пароходы бросили якорь.

Къ „Геркулесу" подошелъ шведскій адмиральскій катеръ и принялъ Его Высочество Наслѣдника. На другой катеръ сѣло множество генераловъ. Адмиралъ, капитанъ и я отправились на своемъ катерѣ къ „Геркулесу". Къ намъ напросилась бездна русскихъ офицеровъ и почти всѣ чиновники русскаго посольства.

Мы пристали ко дворцу. Не зная, что со мною будетъ, я шелъ за адмираломъ. Мы вошли во дворецъ.

Сначала на лѣстницу, потомъ съ лѣстницы на дворъ, въ огромныя сѣни, тамъ снова на верхъ — идемъ все выше, выше. Повсюду бездна зѣвакъ провожаетъ насъ, слѣдуетъ за нами во дворецъ. Я дивлюсь и почти не понимаю, что со мною происходитъ. Гдѣ я? Какъ сюда попалъ? Почему не иду въ Петербургъ? Между тѣмъ изъ комнаты въ комнату, мимо толпы придворныхъ лакеевъ, скороходовъ, разодѣтыхъ въ богатыя платья, мы проходимъ нѣсколько залъ. Я все вижу, на все смотрю, всему дивлюсь, а еще болѣе своему неожиданному положенію. Наконецъ мы остановились. Его Высочество Наслѣдникъ изволилъ идти къ намъ навстрѣчу.

Увидѣвъ Р.-К—ва, Его Высочество сказалъ ему вскользь: „Государь здѣсь". Мы трое ахнули отъ удивленія и не знали, вѣрить

ли своимъ ушамъ. Но появленіе графа О... (Орлова?), генералъ-адъютанта А—а (Адлерберга) вскорѣ убѣдило насъ, что Государь дѣйствительно здѣсь. Не успѣвъ еще опомниться отъ этой радостной, неожиданной и вмѣстѣ съ тѣмъ непостижимой для насъ вѣсти, мы очутились въ комнатахъ короля и тамъ-то увидѣли эту прекрасную, благородную, величественно-державную наружность русскаго Царя. Какъ описать восторгъ нашъ! Какъ ни мучило меня любопытство посмотрѣть на Карла XIV, но я не могъ вытерпѣть, чтобъ не любоваться прежде всего нашимъ Императоромъ, котораго присутствіе столь неожиданное изумило шведовъ и обрадовало насъ, русскихъ.

Вставъ поодаль отъ толпы русскихъ генераловъ и офицеровъ которыхъ Государь самъ изволилъ представлять королю, я со всевозможною подробностію разсматривалъ Карла XIV и слѣдилъ за каждымъ движеніемъ этого необыкновеннаго судьбою человѣка.

Старый, худенькій съ орлинымъ носомъ и чрезвычайно умнымъ выраженіемъ глазъ, онъ былъ въ совершенномъ восторгѣ отъ присутствія столь сильнаго сосѣда.

Всѣ генералы, какъ князь М—въ, князь Л—нъ и графъ О—въ и другіе, были королемъ по очереди расцѣлованы, инымъ онъ пожималъ только руку; съ нѣкоторыми раскланивался; остальнымъ же всѣмъ отдалъ одинъ общій поклонъ.

Я наблюдалъ лица придворныхъ шведскаго короля. Всѣ они были какъ-будто въ изумленіи. Конечно, не страхъ привелъ ихъ въ смущеніе, а неожиданность пріѣзда Государя нашего—удивленіе его любезности, его превосходной, поразительной наружности, той ловкости, съ которою Его Величество изволилъ обходиться съ королемъ—маститымъ старцемъ, который, проходя съ Государемъ по комнатамъ своего длиннаго дворца, не чувствовалъ, кажется, вовсе усталости.

За массою блестящихъ эполетъ и яркихъ лентъ и я переходилъ изъ конца въ конецъ дворца. Оставивъ покой короля, Его Величество со всею свитою поведенъ былъ на половину королевы.

Государь Императоръ, почти въ томъ же порядкѣ, изволилъ лично представлять и королевѣ своихъ генераловъ и вообще всю свиту. Очарованіе шведовъ къ русскому Владыкѣ ежеминутно возрастало.

Отсюда всѣ отправились въ покои кронъ-принцессы Жозефины,—супруги принца Оскара.

Ловкая, прекрасная собою, умная принцесса, послѣ разныхъ привѣтствій, которыя она не затруднялась дѣлать каждому изъ рус-

*

скихъ, представленныхъ ей также Его Величествомъ,—подвела къ Государю Императору милыхъ дѣтей своихъ.

Рѣдкій отецъ семейства, Царь нашъ, съ особенною нѣжностію обласкалъ маленькихъ принцевъ. Здѣсь мы видѣли пріятную семейную картину.—Былъ часъ 11-й.—Принцесса Жозефина, какъ заботливая и нѣжная мать, подвела дѣтей своихъ къ престарѣлому дѣдушкѣ; король, цѣлуя малютокъ въ лобъ, благословлялъ каждаго изъ нихъ по очереди на спокойный сонъ. Это было такъ мило и такъ непринужденно! Любовь къ внучатамъ,—чувство столь естественное въ дѣдахъ,—заставила короля забыть о присутствіи множества незнакомыхъ ему свидѣтелей. Меня это тронуло, я взглянулъ на короля, и 74 года, рѣзко начертанные на морщинахъ лица его, пробудили во мнѣ тысячу печальныхъ мыслей.

Исходивъ дворецъ вдоль и поперекъ, я ничего почти не помнилъ, что видѣлъ. Изъ огромныхъ, а порою маленькихъ комнатъ, ни одна не поразила меня ни великолѣпіемъ, ни прихотливымъ богатствомъ. Можетъ быть, я такъ былъ преисполненъ неожиданностей, новостію своего положенія, что пропускалъ безъ вниманія то, что въ другое время поразило бы меня. По крайней мѣрѣ, я помню хорошо лица королевской фамиліи.

На другой день, въ понедѣльникъ, 30 числа мая, всѣ знатнѣйшія особы Швеціи имѣли счастіе представляться Государю Императору.

Я отправился на пароходъ „Геркулесъ“, чтобы явиться къ его свѣтлости князю М—у; тамъ я узналъ, что Государь Императоръ, оставляя на слѣдующій день Стокгольмъ, возьметъ съ собою и дѣтей своихъ, кромѣ Государя Цесаревича. Его высочеству предположено пробыть въ Стокгольмѣ болѣе 10 дней, и пароходу „Александріи“ велѣно оставаться тамъ до отъѣзда его высочества въ дальній путь.

Итакъ мы, не надѣявшіеся вовсе быть въ столицѣ Швеціи, оставались тамъ долѣе другихъ. Вотъ судьба. Предполагайте послѣ этого, стройте свои воздушные замки, господа мечтатели. Справедливо повторяю: тысячу разъ справедлива всемірная пословица: l'homme propose et Dieu dispose.

Въ понедѣльникъ вечеромъ весь дворъ отправился въ Thiergarten. Народъ, какъ муравьи, потянулся туда же. Не было возможности достать экипажъ. Мы пытались было нанять коляску, но всѣ были уже взяты. Пріѣхавъ, на казенной гичкѣ, къ парку, мы едва успѣли сдѣлать 50 шаговъ, какъ увидѣли, что весь придворный поѣздъ скачетъ къ намъ навстрѣчу. Государь Императоръ, его высочество Наслѣдникъ, король и принцъ Оскаръ ѣхали въ одномъ экипажѣ.

Весь городъ собрался въ Thiergarten. Трактиры, дачи, аллеи, дорога, все пестрѣло шляпками, чепцами, султанами и касками. Дымъ сигаръ мѣшался съ пылью отъ шоссе. Не любя пыли, а еще менѣе съ сигарнымъ дымомъ, я возвратился на пароходъ.

Наступилъ вторникъ. При дворѣ назначенъ былъ обѣдъ, а вечеромъ балъ. Всѣ русскіе генералы, свита Государя Императора и командиры пароходовъ были приглашены къ обѣду. Время удивительно какъ быстро летѣло. Не успѣли оглянуться, какъ ужъ и вечеръ наступилъ.

Балъ для русскихъ продолжался не долго. Около полуночи Его Величество, въ сопровожденіи короля и принца, изволилъ отправиться на шведскомъ катерѣ къ „Геркулесу", гдѣ, простившись съ королемъ, принцемъ и его высочествомъ Государемъ Цесаревичемъ, велѣлъ сниматься съ якоря. Громъ пушекъ и всепотрясающее „ура!" возвѣстили городу объ отбытіи великаго гостя. Наградивъ многихъ шведовъ русскими орденами, Государь Императоръ поплылъ въ обратный путь, въ свою столицу — гдѣ Онъ готовился обнять своихъ дѣтей, равно не ожидающихъ столь скораго возвращенія Его Величества.

Стокгольмъ замолкъ на слѣдующее утро. Всѣ отдыхали послѣ бала. Никто опомниться не могъ отъ этого орлинаго, могучаго налета нашего Царя. Самые закоренѣлые враги Россіи присмирѣли, не зная чему дивиться: своему ли прежнему невѣжеству, или этому магическому, неопреодолимому вліянію Русскаго Царя на душу каждаго. Двухдневное пребываніе Императора въ Стокгольмѣ рѣшительно очаровало весь городъ. Всѣ были обворожены Его Величествомъ. Никто не могъ побѣдить въ себѣ этого невольнаго влеченія, которое раздается въ душѣ, при видѣ Царя Николая. Шведы и милыя шведки, посѣщавшіе, изъ любопытства, нашъ пароходъ, только и говорили о томъ всеобщемъ восторгѣ, который произведенъ неожиданнымъ пріѣздомъ Государя.

Журналисты позамолкли. Словомъ, необыкновенный переворотъ совершился въ умѣ націи.

Намъ, остававшимся послѣ отъѣзда Государя Императора еще 8 дней, замѣтнѣе было впечатлѣніе, произведенно Его прибытіемъ въ Стокгольмъ.

Собирая свѣдѣнія отъ разныхъ лицъ, мы съ удовольствіемъ узнали, что шведы совершенно измѣнились въ понятіи своемъ о русскихъ. Злые враги наши узрѣли истину и покорились ей.

На вторыя сутки послѣ отбытія Его Величества, Государь Наслѣдникъ былъ приглашенъ къ обѣденному столу у королевы. Каждый день проходилъ въ осмотрахъ достопримѣчательностей сто-

лицы и въ увеселеніяхъ. Вездѣ высокаго гостя принимали съ любовью и радушіемъ, которыя онъ внушалъ своею добротою и привѣтливостію.

Въ пятницу, утромъ 2 іюня, мы имѣли счастіе принимать на пароходѣ: Государя Наслѣдника и шведскаго кронъ-принца съ супругою. Щегольство, роскошь, чистота царскаго парохода не могли не понравиться ихъ высочествамъ.

Я любовался прелестною наружностью принцессы Жозефины. Въ чертахъ лица ея есть выраженіе грустнаго, тайнаго. Мнѣ казалось, что она и улыбалась вынужденно; будто бѣдствія, постигшія семейство Бонапарта, отразились въ глазахъ ея, какъ въ свѣтлой струѣ спокойнаго ручья отражается нерѣдко блескъ далекой грозы....

Вечеромъ, въ этотъ же день, графъ Потоцкій давалъ блистательный балъ. Мы всѣ были приглашены. Я не хотѣлъ пропустить случай видѣть лучшее общество Стокгольма и, натянувъ мундиръ и башмаки, отправился вмѣстѣ съ адмираломъ въ домъ посланника.

Былъ 10-й часъ. Домъ, занимаемый посланникомъ, считается лучшимъ и почти огромнѣйшимъ въ городѣ. Между петербургскими хоромами онъ былъ бы среднiй по всему. Нѣтъ огромныхъ залъ, и дамскимъ ножкамъ нельзя скользить по соблазнительному паркету. Паркеты вообще, сколько я могъ замѣтить, не въ обыкновеніи у шведовъ. Небольшая лѣстница была богато убрана цвѣтами и ковромъ. Когда мы вошли въ домъ, гостей уже было множество. Государь Наслѣдникъ ожидалъ пріѣзда королевы, чтобы польскимъ съ ея величествомъ открыть балъ.

Въ прекрасно убранныхъ комнатахъ все блестѣло огнями, звѣздами и шитыми мундирами. Всѣ толпились въ одномъ мѣстѣ, чтобы встрѣтить ея королевское величество. Наконецъ, что-то зашумѣло. Явился скороходъ объявить графу о пріѣздѣ королевы. Посланникъ донесъ объ этомъ Государю Цесаревичу, и его высочество, въ сопровожденіи своей свиты, извлилъ пойти навстрѣчу къ королевѣ. Я сталъ нарочно у дверей первой комнаты, чтобы все видѣть подробно

Сначала показались лакеи въ блестящихъ мундирахъ—потомъ скороходы со свѣчами въ рукахъ, а тамъ и королева, ведомая подъ руку Цесаревичемъ Наслѣдникомъ. За ними кн. Л—нъ съ принцессою, тамъ принцъ Оскаръ съ придворною дамою, а далѣе другіе дамы съ кѣмъ-нибудь изъ свиты его высочества.

Раскланявшись по обѣ стороны и пройдя всѣ комнаты перваго этажа, ея величество, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника, изволила пойти по прекрасно убранной лѣстницѣ въ верхній этажъ,

гдѣ ихъ встрѣтилъ хоръ музыки. Всѣ гости, сначала попарно, а тамъ въ разсыпную послѣдовали туда же.

Музыка играла польскій. Я былъ спокойнымъ зрителемъ; искалъ повсюду красавицъ, и мнѣ казалось, что ихъ вовсе нѣтъ въ залѣ. Когда прогремѣли звуки чуднаго вальса, любимаго танца шведовъ и шведокъ, я снялъ шпагу, бросилъ въ уголъ шляпу и подведенный адмираломъ къ премилой M-lle M—е отправился съ нею шаркать поналощенному полу.

Я пригласилъ ее потомъ и на первую французскую кадриль.— Vis-à-vis моимъ былъ какой-то шведъ въ камергерскомъ мундирѣ. Танцуя съ M-lle M—е, пріѣзжею въ Стокгольмъ, я восхищался ея умомъ—порою колкимъ и острымъ.

Въ замѣчаніяхъ своихъ я былъ съ нею очень откровененъ.

— Comment vous plait la capitale?—спросила она меня; я, разумѣется не спутался въ отвѣтѣ на такой вопросъ.

— Mais où sont les jolies Suédoises? спросилъ я въ свою очередь. Je ne les vois pas du tout, pas même içi...

— Chut—прервала меня милая незнакомка, приложивъ свой вѣеръ къ розовымъ губкамъ—„Et vous dites ça tout haut. Mais regardez donc votre voisine“.

— Ah cest vrai: elle est gentille.

— Voyez encore cella là à gauche.

Я оглянулся—лучше первой.

— Et puis remarquez bien la troisième paire du coin.

Дѣйствительно красавица.

— Ah! pardon, mille pardons M-lle. J'ai eu tort, j'ai eu tort.

Въ самомъ дѣлѣ, розовыя личики, какъ цвѣтки авроры, мелькали во всѣхъ углахъ залы.

Много танцевъ попеременно играла музыка. Здѣсь кстати замѣтить, что французскую кадриль танцуютъ въ Швеціи не такъ, какъ у насъ въ Петербургѣ. Кадансъ медленный, и милыя ножки прелестныхъ дамъ со всею граціею выдѣлываютъ па.—Это очень мило для дамъ, но каково же для мужчинъ, и въ особенности для насъ, привыкшихъ ходить.—Фигура *solo* пропускается, а вмѣсто нея—въ предыдущей фигурѣ каждый кавалеръ дѣлаетъ поклонъ своей сосѣдней дамѣ. Вообще шведы, какъ кажется, любятъ вальсъ и галопадъ. Мазурки же у нихъ почти не танцуютъ. Государю Наслѣднику угодно было, чтобы русскіе танцовали мазурку.—Это мой конекъ, подумалъ я, и, надѣвая перчатки, побрелъ искать дамы.— Проходя по богатому цвѣтнику, я долго не зналъ, кого выбрать себѣ для мазурки. О! мазурка—это цѣлый вѣкъ жизни въ два часа. Горе тому, кто сдѣлаетъ неудачный выборъ подруги!

Музыка заиграла. Съ прекрасною финляндкою, стройною, какъ лебедь, легкою, какъ пухъ, я занялъ мѣсто. Я былъ въ восторгѣ отъ своей дамы. Болтливость моя не имѣла границъ. Разсказывая ей про Петербургъ, котораго она не видала, про петербургскіе балы, о которыхъ она можетъ быть мечтала, я просилъ ее между прочимъ пріѣхать посмотрѣть нашъ пароходъ, который ежедневно посѣщается шведами и шведками. И мнѣ дано было обѣщаніе. Я совершенно таялъ передъ своей богиней,—готовъ былъ улетѣть въ седьмое небо,—но музыка утихла, и ловкій поклонъ съ моей стороны и граціозное наклоненіе головы со словомъ: „merci, M-r", со стороны финляндки, прервали мой полетъ. Я разстался съ нею.

Вскорѣ кончились танцы и всѣхъ позвали къ ужину. Кавалеровъ пригласили идти наверхъ; дамамъ накрыли столъ въ комнатѣ, гдѣ танцовали, а королевской фамиліи, его высочеству и всѣмъ знатнѣйшимъ особамъ парадный ужинъ былъ приготовленъ въ первомъ этажѣ со всею роскошью европейской гастрономіи.

Мнѣ любопытно было посмотрѣть на рой этихъ прекрасныхъ пчелокъ, которыя жужжа трудились надъ пышными яствами. Жаль, что въ Швеціи, какъ кажется, нѣтъ обыкновенія сажать кавалеровъ съ дамами. Я могъ только издали любоваться ими, и то пожертвовавъ своимъ ужиномъ.

Посмотрѣвъ потомъ на парадный ужинъ королевской фамиліи, я поспѣшилъ ѣхать домой. Чтобы вполнѣ соблюсти обычай шведскій, я вздумалъ отправиться съ балу пѣшкомъ. Секретарь англійскаго посольства, усадивъ свою жену въ карету, пригласилъ меня прогуляться съ нимъ. Я охотно принялъ предложеніе. Переступая съ камня на камень, въ тоненькихъ башмакахъ, начиналъ уже раскаяваться въ своемъ предпріятіи, какъ къ счастію адмиралъ подогналъ меня и пригласилъ сѣсть въ коляску. Этимъ я избавился отъ жестокаго мученія.

Въ послѣдующіе за баломъ 4 дня, которые мы провели въ Стокгольмѣ, я ничего новаго не прибавилъ къ своимъ наблюденіямъ въ Швеціи. Въ воскресенье мы были у обѣдни въ русской посольской церкви. Она построена въ 1768 году повелѣніемъ нынѣ царствующаго Государя Императора. Священникъ посольства служилъ прекрасно. Матросы съ нашего парохода пѣли хоромъ на клиросѣ.

Каждый вечеръ нашъ пароходъ привлекалъ къ себѣ вниманіе любителей музыки. Матросы пѣли пѣсни, а народъ, сбираясь толпами на оба берега города, съ жадностью слушалъ то залихватскіе, то заунывные звуки русской мелодіи.

Мы ждали возвращенія Н. П. К—а, чтобы пуститься снова въ море. Сопровождая его высочество за городъ на праздникъ короля, Н. П. К—въ возвратился къ намъ во вторникъ 6 іюня утромъ; мы тотчасъ же снялись съ якоря. Сказавъ *прости* Стокгольму, и *прости со вздохомъ* милой финляндкѣ, съ которою я танцовалъ мазурку на балѣ гр. П—го, полный новыхъ впечатлѣній, я замечтался о возвращеніи въ Петербургъ, о той радости, съ которою обниму родныхъ, товарищей и друзей. Я приготовлялъ разсказъ о моемъ путешествіи и въ минуту, когда я это пишу, мы подходимъ къ Роченсальму. Здѣсь, Богъ дастъ, будемъ дома!..

Ал. К—ій.

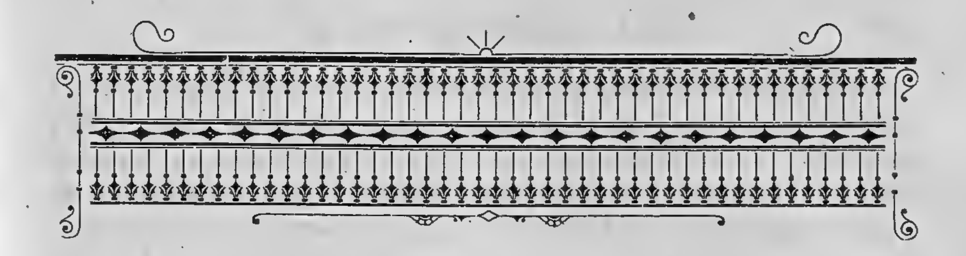
Къ путешествію Петра Великаго въ Архангельскъ въ 1694 году.

Лѣта ЗСВ (т. е. 1693)-го, декабря въ аі (т. е. 11) день. По указу преосвященнаго Гавріила архіепископа Вологодского и Бѣлозерского память Засодимской волости села Стефановского поселскому старцу Марку. Били челомъ Преосвященному архіепископу деревни Кадникова крестьяне Петрушка Евсѣвьевъ съ сосѣдми: деревни де Зарѣчья крестьяне Ганка Ильинъ съ сосѣдми да Лопотова монастыря крестьяне деревни Чюрилова Максимко Ивановъ съ сосѣдми насильствомъ своимъ отводятъ они проѣзжую зимнюю дорогу пустыми плесами для своей корысти; а съ ихъ де дороги вехи ломаютъ; а прежъ сего-де изстари дорога была всегда мимо ихъ деревни Кадниково, и въ писцовыхъ книгахъ написана и перемѣна была подводамъ въ прежніе годы въ той деревнѣ Кадниковѣ. И нынѣ для шествія великого Государя дорога учинена была и мосты мощены мимо ихъ деревню Кадниково. И преосвященному архіепископу пожаловати бъ ихъ—не велѣть той земней дороги пустыми плесами отводить, а быть той дорогѣ по прежнему противъ писцовыхъ книгъ. И какъ къ тебѣ ся память придетъ, и тебѣ-бъ деревни Зарѣчья и деревни Чюрилова крестьяномъ зимней дороги пустыми плесами отводить не велѣть, а велѣть быть мимо деревни Кадникова, куды нынѣ по указу великихъ Государей дорога учинена, а за насильство ихъ Ганку Ильина и Максимка Иванова съ товарищи и за плутовство выслать на Вологду. Къ сей памяти архіепископль приказной Иванъ Александровъ печать свою приложилъ.

Сообщ. И. Суворовъ.

Примѣчаніе. Упоминаемая здѣсь деревня Кадниково—есть нынѣшній уѣздный городъ Кадниковъ. Объ этомъ путешествіи Петра Великаго смотри книгу „Историч. свѣдѣнія объ іерархахъ древне-Пермской и Вологодской епархіи, собраны Н. Суворовымъ. Вологда". Стр. 132—133.

Воспоминанія стараго орловца.

Въ генварѣ 1847 г. я поступилъ въ Тульскій Александровскій малолѣтній кадетскій корпусъ, составлявшій неранжированную роту Орловскаго Бахметьева корпуса. Послѣ экзамена, произведеннаго единолично инспекторомъ классовъ штабсъ-капитаномъ Вас. Ив. Пясецкимъ, я былъ принятъ въ младшее отдѣленіе 2-го приготовительнаго класса. Не могу жаловаться, чтобы товарищи отнеслись ко мнѣ, какъ къ новичку, враждебно; обступили меня, предлагали разные вопросы: напримѣръ, ѣлъ ли я дома физику и химію, а когда я отвѣчалъ, что не ѣлъ, то перешли къ вопросамъ: учился ли я тому-то и тому-то; тутъ я погрѣшилъ и сказалъ, что я это училъ, и они рѣшили, что я долженъ поступить въ старшій классъ, при чемъ отнеслись ко мнѣ очень дружелюбно. Контингентъ воспитанниковъ состоялъ изъ поступившихъ въ корпусъ въ августѣ мѣсяцѣ и прибывшихъ изъ малолѣтняго Александровскаго Царскосельскаго корпуса. Это тоже были мальчики не свыше 10 лѣтъ, но считались старыми кадетами; они руководили играми и умѣли дѣлать разныя коробочки, альбомы (дворцы) и пр. Всего въ корпусѣ было три класса: 1 и 2 отдѣленія 2-го приготов. класса и 1 общій классъ. Директоромъ былъ полковникъ Языковъ, котораго мы мало видѣли, а ротнымъ командиромъ — Петръ Ивановичъ Гинцъ; этотъ маленькій, коротко стриженый капитанъ, съ вѣчно суровымъ и непривѣтливымъ лицомъ и былъ нашъ главный руководитель; тамъ были 4 дежурныхъ офицера, изъ которыхъ только одинъ шт.-кап. Мих. Яков. Зейнъ отличался звѣрскимъ обращеніемъ.

Зейнъ—единственный офицеръ, позволявшій себѣ давать затрещины кадетамъ; онъ оставилъ въ памяти слѣдующій случай:

одинъ изъ воспитанниковъ былъ доставленъ на штрафъ; слезы текли у него изъ глазъ и онъ отвѣсилъ нижнюю губу. Зейнъ вынулъ изъ табакерки щепотку нюхательнаго табаку и мазнулъ имъ по отвисавшей губѣ кадета. Потомъ Зейнъ командовалъ въ Орловскомъ корпусѣ 6-й ротой, но о свирѣпости его не было слышно, и онъ скоро выбылъ изъ корпуса; въ Орловскомъ корпусѣ помню одинъ случай, когда дежурный офицеръ ударилъ кадета и немедленно былъ отчисленъ въ полкъ.

Зейнъ между прочимъ содержалъ пансіонъ, куда поступали невыдержавшіе экзаменъ въ корпусъ. Воспитательная часть лежала преимущественно на дядькахъ, которыхъ было четверо, по числу отдѣленій въ ротѣ. Это были отставные унтера, преимущественно гвардейскихъ полковъ; въ моемъ 4 отд. былъ Шалфѣевъ, гвардейскій саперъ, считавшійся самымъ добрымъ; они обучали насъ фронтовой выправкѣ, а также блюли за нашимъ туалетомъ, строго наблюдая, чтобы носовые платки не были скомканы, а сложены въ карманахъ; передъ обѣдомъ они выносили мѣдные тазики съ квасомъ, куда обмакивали головныя щетки и причесывали насъ съ висками на лобъ, при чемъ потеки отъ кваса такъ и засыхали на нашихъ лбахъ. Учительскій персоналъ состоялъ изъ законоучителя Дарскаго; учителя естественной исторіи и русскаго языка Шиманскаго; математики подполков. Мясковскаго (онъ, кажется, былъ и корпусной казначей); чистописанія и рисованія Саратова; француза Крауза и нѣмца Берхмана. Эти два послѣднихъ отличались свирѣпостью, при писаніи на доскѣ, если кто не поставитъ или, то онъ того брыкалъ ногой, приговаривая вотъ тебѣ, вотъ тебѣ; нѣмецъ любилъ тоже показомъ обучать нѣмецкій языкъ и произношеніе: когда кто забывалъ какъ по-нѣмецки книга, то билъ по головѣ книгой, приговаривая бухъ, бухъ. Лучшіе по успѣхамъ воспитанники записывались въ классѣ въ спискахъ надъ красной чертой, средніе подъ красной, а худшіе подъ черной; зданіе корпуса было чрезвычайно нарядно: большія спальни, на стѣнахъ которыхъ золотыми буквами были надписи о времени посѣщенія корпуса членами Императорской фамиліи. Въ августѣ мѣсяцѣ, въ кибиткахъ, помѣщавшихъ по 4 кадета, вся рота отправилась въ Орелъ, для послѣдняго укомплектованія Орловскаго корпуса, такъ что въ послѣдующіе годы изъ Тулы только прибывали перешедшіе во 2-й общій классъ.

Прибывши въ Орелъ, мы остановились на берегу рѣки Орлика. Здѣсь мы вымылись, почистились и строемъ пошли въ корпусъ, гдѣ составили 2-ю мушкатерскую роту. Встрѣтилъ насъ тамъ директоръ корпуса ген.-маіоръ Сергѣй Никол. Тиньковъ и въ заключительной

рѣчи объявилъ намъ, что объ обмочившихся въ постели публикуется въ приказѣ по корпусу. Дѣйствительно, въ приказѣ по корпусу, который читался намъ предъ вечерней молитвой, послѣ нарядовъ на дежурство и приказовъ по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ была рубрика, „сего числа обмочились въ постели“. Въ скорости директоръ явился къ намъ въ роту и произвелъ переформировку. Я, какъ брюнетъ, былъ переведенъ въ 3-ю роту, вмѣстѣ съ капитаномъ Гинцемъ, блондины же остались во 2-й ротѣ, которую получилъ капитанъ Куколевскій; въ 3-й ротѣ я попалъ въ 4-е отдѣленіе, гдѣ отдѣленнымъ унтеръ-офицеромъ былъ воспитанникъ 4-го общаго класса Разгильдѣевъ (бывшій помощникъ командовавшаго войсками Варшавскаго военнаго округа, Петръ Имподистовичъ); это было необыкновенно суровое непосредственное начальство (мнѣ кажется, что онъ такимъ и остался, я съ нимъ встрѣчался, когда онъ былъ командиромъ Галицкаго пѣх. пол.). Въ 1-мъ отдѣленіи 3-й роты былъ унтеръ-офицеръ фонъ-Мевесъ 2-й.

Въ каждой ротѣ были по четыре дежурныхъ офицера, преимущественно назначаемыхъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ; были и кавалеристы, артиллеристы и гвардейцы. Всѣ они мало значили, какъ воспитатели, и смотрѣли только на своихъ дежурствахъ за тишиной и нарушавшихъ ее наказывали на штрафъ (стоять посреди залы), а также лишали послѣднихъ блюдъ—одного или двухъ; нѣкоторыхъ, но слава-Богу ихъ было не много, лишали на ночь тюфяка, и такимъ приходилось спать на однѣхъ только кроватныхъ доскахъ. Но были и исключенія, и приходится съ большимъ удовольствіемъ вспоминать о дежурномъ офицерѣ штабсъ-кап. л.-гв. Волынскаго полка Порфиріи Алексѣевичѣ Иващенко; это былъ истинный воспитатель, принимавшій участіе во всѣхъ играхъ кадетъ; онъ умѣло и сердечно относился къ намъ, и мы его очень цѣнили, а на его дежурствѣ старались соблюдать тишину и порядокъ. (П. А. во время Крымской войны былъ командиромъ Сѣвскаго пѣх. полка).

Но не могу не отмѣтить прекрасный пріемъ Порф. Алек.: при при утреннемъ вставаніи, непріятно было разставаться въ 6 часовъ утра съ постелью, а потому дежурные офицеры поднимали постоянно крикъ, шумъ, сыпались угрозы лишить утренняго завтрака, сдергиванья одѣяла и пр., а Пар. Ал. на своемъ дежурствѣ, послѣ пробитія зори, обходилъ насъ и нѣжно потрогивая, говорилъ: „проснитесь“; потомъ, спустя, нѣсколько минутъ уже командовалъ: „вставать“, и всякій старался немедленно исполнить его приказаніе, другіе же дежурные офицеры не брали въ примѣръ подобный способъ.

Какъ противоположный типъ, вспоминаю деж. офиц. Тетерина, перешедшаго въ корпусъ изъ конной артиллеріи. Это былъ человѣкъ

съ какимъ-то непріятнымъ гробовымъ голосомъ и наказывавшій безъ утренняго завтрака, минуя обѣденныя лишенія блюдъ, зная, что для воспитанника это было тяжелое наказаніе быть голоднымъ до обѣда. Тетеринъ послѣ былъ ротнымъ командиромъ и за инцидентъ въ лагеряхъ съ однимъ красивымъ воспитанникомъ своей роты былъ отчисленъ въ гарнизонный батальонъ, хотя мѣсто ему должно быть въ арестантскихъ ротахъ. Тетеринъ былъ женатый человѣкъ.

Еще о дежурномъ офицерѣ Мандрикѣ. Это былъ добродушный малороссъ, любившій чистоту и самъ былъ всегда одѣтъ очень изящно. Когда замѣчалъ у воспитанника нечищенные сапоги, то говорилъ, что сапоги есть зеркало души, - онъ также разсказывалъ, что онъ учился въ Нѣжинѣ вмѣстѣ съ Гоголемъ и сидѣлъ рядомъ съ нимъ, и когда Гоголь писалъ стихи, то онъ рисовалъ лошадей.

Гренадерской ротой командовалъ Булычевъ, а 1-й ротой Шелькинъ. Болѣе чѣмъ чрезъ 20 лѣтъ въ письмѣ ко мнѣ Владиміръ Шумовскій, имя котораго красуется на мраморной доскѣ корпуса, въ воспоминаніяхъ своихъ о кадетской жизни, сравнивалъ Шелькина съ Малютой Скуратовымъ.

Кромѣ выше приведенныхъ наказаній, былъ арестъ. Существовала особая свѣтлая комната со сдвижной кроватью и надъ дверью, на зеленой доскѣ, золотыми буквами была надпись „уединенная комната". Кромѣ того, въ каждой ротѣ существовали свои арестныя помѣщенія, напримѣръ, въ 3-й ротѣ былъ амуничникъ, чрезъ который былъ ходъ на церковныя хоры. Въ амуничникѣ этомъ были двѣ двери, но одна изъ нихъ была заставлена шкапомъ, и такимъ образомъ въ промежуткѣ, въ этомъ мѣшкѣ, безъ свѣта и воздуха, помѣщался нерѣдко заключенный.

Во 2-й ротѣ въ командованіе Петра Еф. Янковича драчунамъ надѣвали на руку солдатскую рукавицу и ставили во время обѣда около барабанщика или горниста, и маленькій забіяка съ поднятой рукой, со слезами на глазахъ, простаивалъ цѣлый обѣдъ, но эта привилегія принадлежала только 2-й ротѣ, а другіе ротные командиры этимъ не пользовались. Когда назначался къ столу горнистъ, то онъ въ продолженіе всего обѣда наигрывалъ сигналы. Ротные командиры обращались къ кадетамъ съ вопросомъ, какой былъ сигналъ, и незнающаго наказывали безъ блюда.

Теперь перейдемъ къ болѣе тяжкимъ, но довольно частымъ наказаніямъ розгами; это право принадлежало исключительно директору и отчасти ротнымъ командиромъ. Въ ротѣ существовалъ штрафной журналъ, куда дежурными офицерами записывались разные проступки воспитанниковъ; эти журналы ежедневно представлялись директору, который на поляхъ дѣлалъ резо-

люціи: „Прошу рот. ком. дать 25 крѣпкихъ и по исполненіи донести мнѣ запискою"; резолюція эта не тотчасъ исполнялась, а выжидалось время, пока наказуемыхъ собиралось нѣсколько, и тогда ротн. ком. велъ ихъ въ цейхгаузъ, гдѣ ставилась скамейка, накрывалась чистой простыней, и начиналась порка, при чемъ нужно было соразмѣрять свои голосовые органы: такъ, если, кто очень крѣпко кричалъ, то говорилось, что онъ жестокъ нарасправу, если же кто молчалъ, то говорилось „солдатская шкура". Также любили, кто кричалъ басомъ, всѣмъ этимъ прибавлялось нѣкоторое число ударовъ. При этомъ находилось нѣсколько воспитанниковъ, которые въ видѣ назиданія должны были присутствовать при экзекуціи; они и разносили по товарищамъ о геройствѣ молчальниковъ. Болѣе торжественная обстановка была, когда директоръ самъ производилъ наказаніе. Предъ ужиномъ получалась въ ротахъ записка съ фамиліями наказуемыхъ, которые собирались въ цейхгаузъ 1-й роты, и наказаніе производилось съ 2-хъ сторонъ, при чемъ Сергѣй Николаевичъ покрикивалъ „порѣже, да покрѣпче". При этомъ не могу не вспомнить о слѣдующемъ: это было предъ рождественскими каникулами. Я ходилъ по корридору съ великовозрастнымъ воспитанникомъ Леонидомъ Масловымъ, котораго за длинный носъ называли алигаторомъ. Мы вмѣстѣ съ нимъ ѣздили на праздники въ одинъ городъ въ отпускъ и мечтали о праздничныхъ удовольствіяхъ въ кругу родныхъ, но въ записку, присланную директоромъ, попадаю я. Масловъ провожаетъ меня на мѣсто наказанія и не успѣлъ выйти изъ цейхгауза, какъ вошелъ директоръ и спрашиваетъ: „чего онъ здѣсь?"—„такъ, ваше превосходительство", былъ отвѣтъ, и его перваго положили и высѣкли; послѣ наказанія воспитанникъ раскланивался. Это было такъ принято, хотя начальство и не дѣлало на этотъ счетъ внушеній.

Этотъ карательный режимъ продолжался во все время директорства С. Н. Тинькова даже и тогда, когда за смертью в. к. Мих. Пав. въ 1849 г. начальникомъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній сталъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Но за назначеніемъ директоромъ ген.-м. Вишнякова тѣлесное наказаніе было совершенно упразднено. Отчисленіе ген. Тинькова и назначеніе его, кажется, бриг. команд., состоялось при слѣдующихъ обстоятельствахъ: несмотря на кажущійся строгій режимъ, воспитанники Орловскаго корпуса, посылаемые въ спеціальные классы Дворянскаго полка, были признаны тамъ болѣе распущенными противъ прибывшихъ изъ другихъ корпусовъ, и вотъ въ одинъ день къ намъ прибыли изъ Дворянскаго полка 3 или 4 кадета обратно въ общій классъ. Они были лишены погоновъ и имъ были оставлены лишь одни погонныя пуговицы (тоже родъ наказанія). Это были Шумовскій 2-й, Чистяковъ

и князь Крапоткинъ. Въ этомъ же году корпусъ посѣтилъ начальникъ всѣхъ военныхъ учебныхъ заведеній Е. В. Наслѣд. Цесаревичъ. День былъ праздничный, и Его Высочество отстоялъ обѣдню и, послѣ цѣлованія креста, поцѣловалъ руку у священника, священникъ тоже поцѣловалъ руку у Цесаревича, затѣмъ Е. В. обошелъ воспитанниковъ, стоявшихъ у своихъ кроватей, и, пришедши въ гренадерскую роту, въ которой я тогда былъ, обратился съ рѣчью: „господа, я вашими товарищами, какъ въ прошломъ году, такъ и въ этомъ, очень недоволенъ". По обходѣ ротъ намъ велѣно надѣвать мундиры, амуницію и выходить на смотръ. Не успѣли роты собраться на корпусномъ плацу, какъ Е. В. уже прибылъ. Баталіонный команд. скомандовалъ: „ун.-оф. на линію!" „баталіонъ на линію!" какъ Е. В. приказалъ: „равняйся!" Это уже было признакомъ его недовольства; затѣмъ были произведены ружейные пріемы и сигналъ, вызывающій штуцерныхъ. Штуцерныя команды только-что были введены, и начальство, какъ видно, еще не изучило ихъ назначенія, а потому сформировало ихъ изъ самыхъ плохихъ фронтовиковъ. Они стояли за взводомъ съ отомкнутыми штыками, держа ружья по унтеръ-офицерски, и пріемовъ не дѣлали.

Само собою, эта команда вызвала неудовольствіе Е. В., который громко сказалъ: „Генералъ Тиньковъ, распущенная команда! я не люблю шутить". Послѣ обѣда Е. В. на плацу прощался съ кадетами, которые обступили его толпой. Директоръ, который былъ ростомъ не ниже Е. В., въ лосинахъ и ботфортахъ, наклонился, чтобы поцѣловать руку у Е. В., но Цесаревичъ руку отдернулъ. Затѣмъ вскорѣ послѣдовало назначеніе директоромъ Вишнякова и смѣна батал. командира Толокнеева. Не знаю, насколько были справедливы слухи, что всѣ эти перемѣны произошли по интригамъ начальника штаба Якова Ив. Ростовцева, который былъ не въ ладахъ съ Тиньковымъ и частенько надъ нимъ подтрунивалъ, пользуясь расположеніемъ В. К. Михаила Павловича. Тиньковъ до директорства былъ ротнымъ командиромъ Пажескаго корпуса.

Изъ воспоминаній о посѣщеніи корпуса Я. И. Ростовцевымъ осталось въ памяти, что онъ на плацу раздѣлъ насъ догола, вызвалъ корпусную пожарную команду и подъ сигналъ „наступленіе!" мы двигались впередъ, а насъ обдавали изъ пожарныхъ трубъ.

Вскорѣ по прибытіи изъ Тульскаго корпуса въ 1847 г., Орловскій корпусъ посѣтилъ первый разъ Его Имп. Вел. Государь Николай Павловичъ, обошелъ роты по кроватямъ и вскорѣ уѣхалъ. Онъ былъ одѣтъ въ сюртукъ Кавалергардскаго полка и оставилъ большое впечатлѣніе своей величавой фигурой. Другой разъ Его Величество посѣтилъ корпусъ въ началѣ 50-хъ годовъ и произвелъ намъ смотръ

совмѣстно съ полками Тульскимъ и Бѣлевскимъ, а также мѣстнымъ гарнизоннымъ баталіономъ. Отпустивши полки, произвелъ намъ застрѣльческое ученье. Былъ очень милостивъ и во время разсыпного строя покрикивалъ: „дѣти, не шумѣть". Одѣтъ былъ Е. В. въ мундиръ гвардейскаго полка, съ закрытыми лацканами. При посѣщеніи лазарета обратился къ воспитаннику Стоянову или Ступину, хорошо не помню, съ вопросомъ, скоро ли онъ поправится? Воспитанникъ отвѣчалъ, что при видѣ Его Величества надѣется скоро поправиться; этотъ отвѣтъ понравился Государю и С. былъ награжденъ директоромъ вареньемъ и конфетами. Посѣщали корпусъ великіе князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ въ оберъ-офицерскихъ чинахъ.

Наслѣдникъ Цесаревичъ при посѣщеніи корпуса былъ одѣтъ въ мундиръ Нижегородскаго драгунскаго полка. Были приглашены къ обѣденному столу Е. В. въ квартиру директора четыре фельдфебеля; изъ разсказовъ помню, что подавали пирожное въ бокалахъ, и фельдфебеля отказались, думая, что это было вино.

Посѣщали корпусъ инспектора военныхъ учебныхъ заведеній: баронъ Шлипенбахъ, Анненковъ и Мирковичъ, но впечатлѣній о насъ не вынесли.

Разъ корпусъ посѣтилъ преосвященный Смарагдъ, архіепископъ или епископъ Орловскій (Лѣсковъ?) Для него, кажется, спеціально былъ устроенъ публичный экзаменъ въ саду; мнѣ кажется, что воспитанники были уже въ лагерѣ, и экзаменъ производился не изъ одного только Закона Божьяго, такъ какъ мнѣ пришлось ему отвѣчать басню Крылова „Два голубя". Когда преосвящ. Смарагдъ былъ назначенъ въ засѣданіе Св. Сѵнода, то директоръ повелъ всѣхъ кадетъ проститься съ нимъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Преосв. вышелъ на крыльцо, и мы всѣ подходили подъ его благословеніе; когда подошелъ къ нему маленькій воспитанникъ 2-й роты Аргамаковъ съ необыкновенно рыжими волосами, то его преосв. обратился къ сопровождавшему насъ нашему законоучителю Остромысленскому: „от. Ефимъ, а какіе волосы были у Іисуса Христа?" От. Ефимъ отвѣчалъ, что цвѣта орѣховаго дерева, что это сказано въ письмѣ...

Болѣе 10 лѣтъ лагерь не имѣлъ особаго мѣста и былъ расположенъ на плацу корпуса; особыхъ крытыхъ столовыхъ не было, и когда, бывало, шелъ дождь, то обильно разбавлялъ и до того тощіе супы; все лѣто до 1-го августа происходили разныя ученія, особенно докучливы были шереночныя ученія съ тихимъ шагомъ въ три пріема; это просто было истязаніе, въ особенности въ жаркіе

дни, при монотонной протяжной командѣ: ра-з-з-з-ъ, д-в-в-в-а и три! Послѣ обѣда производились ротныя и баталіонныя ученія, а по вечерамъ устраивалась иногда парадная зоря съ перекличкой; при этомъ вспоминаю слѣдующій случай: когда при перекличкѣ назвали фамилію одного шаловливаго кадета, то онъ отвѣтилъ: „погибъ во славу русскаго оружія при Михайловскомъ укрѣпленіи“, за что стоялъ на линейкѣ; это было одно изъ лагерныхъ наказаній; нужно замѣтить, что незадолго передъ этимъ въ рекреаціонныхъ залахъ была повѣшена картина о подвигѣ рядового Архипа Осипова; въ память его подвига въ Тенгинскомъ пѣх. полку было уставлено, чтобъ при перекличкѣ былъ первымъ называемъ Архипъ Осиповъ и 1-й № отвѣчалъ, что погибъ во славу русскаго оружія подъ Михайловскимъ укрѣпленіемъ. По воскресеньямъ былъ церковный парадъ, хотя и продолжался недолго съ музыкой, но давалъ себя знать, такъ какъ послѣ него всегда болѣла голова: каска съ султаномъ, съ застегнутой чешуей необыкновенно давила голову и, разогрѣваясь на солнцѣ, ужасно воняла сапожнымъ товаромъ до одуренія. Въ свободное время воспитанники играли въ лапту, ходили на ходуляхъ и пѣли хоровыя пѣсни; много было любителей, которые занимались воспитаніемъ червячковъ и птичекъ, которые выдирали изъ деревьевъ, растущихъ въ саду у забора. Одинъ ухитрился выдрать бѣлаго воробья (албиноса) и доставилъ большое удовольствіе учителю естественной исторіи Тарачкову, сдѣлавшему изъ него чучело. Съ 1 августа до 15 были каникулы, и нѣкоторые разъѣзжались по домамъ въ отпускъ.

Обратимся опять къ составу ротныхъ командировъ. За смертью Булычева и уходомъ Шелькина ротными командирами выступили два брата Янковичи, бѣлый и черный. Бѣлый былъ прежде корпусный адъютантъ, а черный, Александръ Ефимовичъ, переведенъ изъ Полтавскаго кадетскаго корпуса. Алекс. Еф. былъ болѣе мягкаго характера и, даже когда велъ воспитанника на расправу, то дружески обнималъ его. Онъ отличался всегда франтоватостью и поощрялъ къ франтовству и воспитанниковъ: въ его командованіе появились собственные сапоги на высокихъ каблукахъ, которые дозволялось надѣвать въ танцъ-классъ. Можно было употреблять душистыя мыла и помадиться.

Алекс. Еф. также нашелъ неприличнымъ, чтобы въ число воскресныхъ лакомствъ, которыя покупались на собственныя деньги, хранящіяся у рот. команд., входили колбаса и булки, а между тѣмъ по воскресеньямъ болѣе всего чувствовался голодъ, такъ какъ болѣе всего находились въ движеніи и обѣдъ, бывъ не такъ сытенъ, оканчивался слоенымъ пирожкомъ. Питаніе наше состояло

утромъ изъ кружки сбитня съ молокомъ и булки изъ 2-го сорта муки, величиною гораздо меньше обыкновенной французской; золотушнымъ вмѣсто сбитня давалось молоко. Сбитень съ молокомъ составлялъ пріятный напитокъ, а булка представляла солидный денежный знакъ; за нее можно было обмѣнять и карандаши, и тетради. Она была единицей при проигрышѣ пари и пр. Съ 11 часовъ давался кусокъ чернаго хлѣба, а въ часъ обѣдъ, состоявшій изъ 3-хъ блюдъ: супа или щей, куска варенаго мяса съ огурцомъ или гарниромъ, пирогъ или каша; за вторымъ блюдомъ ставились графины съ водой и квасомъ. Затѣмъ ужинъ состоялъ изъ двухъ блюдъ: супа и каши размазни или крупениковъ или картофеля въ мундирѣ съ масломъ, а иногда вмѣсто ужина давалась кружка молока и булка. Если каша размазня подавалась часто и надоѣдала воспитанникамъ, то кашей смазывались салфетки. Этимъ выражался протестъ эконому, крупеники 4-хъ угольные изъ крупы, съ творогомъ и яйцами въ родѣ пряниковъ что-то, нужно думать, составляли привилегію изобрѣтательности эконома, такъ какъ въ разныхъ товарищескихъ обѣдахъ орловцевъ въ воспоминапіе ихъ входили крупеники. Передъ обѣдомъ пѣлась молитва всѣми воспитанниками, а также часто пѣлась и вечерняя молитва. Въ Тульскомъ корпусѣ на молитву выходили 3 воспитанника: православный, лютеранинъ и католикъ. Лютеранинъ читалъ по-нѣмецки, а католикъ по-польски.

Когда Алекс. Еф. женился, рота присутствовала въ церкви и потомъ подъ подушками, на кроватяхъ мы нашли конфекты и яблоки.

Затѣмъ перейдемъ къ учительскому персоналу. Въ приготовительномъ классѣ, который былъ отдѣльно отъ другихъ классовъ и назывался Египтомъ, преподавалъ Зак. Бож. корпусный діаконъ Гонорскій. Это былъ человѣкъ очень представительный, съ сильнымъ удареніемъ на букву о. Когда зѣвалъ въ классѣ, то крестилъ ротъ, когда пилъ воду, то дулъ въ стаканъ, все это онъ продѣлывалъ, какъ говорилъ, для отогнанія нечистаго духа.

Во всѣхъ остальныхъ классахъ Зак. Бож. преподавалъ протоіерей от. Ефимъ Остромысленскій. Это необыкновенно свѣтлая личность, оставившая по себѣ самое лучшее впечатлѣніе. Его кадеты очень любили и ему трудно было шествовать до инспекторской, такъ какъ толпа его обступала, подходя за благословеніемъ. Передъ полугодовыми и годичными экзаменами всякій учитель ставилъ отмѣтки. От. Ефимъ, приходя въ классъ, по списку спрашивалъ у каждаго, сколько ему поставить, и горе тому, кто увеличивалъ себѣ отмѣтки—

*

классъ дружно приходилъ въ негодованіе. Уроковъ от. Ефимъ очень рѣдко спрашивалъ, а полъ-лекціи состояло большею частью въ бесѣдахъ, остальная часть урока была посвящена объясненію слѣдующаго урока. Воспитанники широко пользовались прекрасными бесѣдами от. Ефима и даже предварительно условливались, кто на сегодня долженъ заговаривать батюшку. Припоминаю одинъ казусъ. Былъ у насъ въ классѣ одинъ чрезвычайно тупой товарищъ, которому палъ жребій заговаривать батюшку, и вотъ онъ предлагаетъ вопросъ: Правда ли, батюшка, что около Сѣвска нашли мощи I. Христа? Классъ разражается смѣхомъ, но от. Ефимъ и тутъ былъ на высотѣ своего званія и не разразился гнѣвомъ, тѣмъ болѣе, что это было не въ 1-мъ классѣ. Учитель математики Шведовъ, объяснивши урокъ, спрашивалъ, кто не понялъ. Если находились таковые, то онъ еще объяснялъ и потомъ спрашивалъ, кто не понялъ кромѣ N? N вышелъ въ юнкера. Я его встрѣчалъ отставнымъ маіоромъ, онъ такимъ и остался, какъ былъ въ молодости, и умеръ, кажется, отъ пьянства.

Учителя русскаго языка Карякинъ и Лаговской; первый очень хорошій, второй вѣчно плаксивый. Одному кадету очень досталось, такъ какъ въ журналѣ Лаговскій написалъ, что такой-то въ классѣ назвалъ меня кутейникомъ. Математикѣ учили: Михайловъ, Шведовъ, Азанчевскій. Первый выработалъ особый способъ преподаванія „по величинамъ". Шведовъ очень толковый былъ преподаватель. Исторію училъ Преферанскій; онъ вызывалъ отвѣчающихъ къ каѳедрѣ, которые брали литографированныя записки по исторіи, клали на каѳедру и читали. Это продолжалось года два, пока Преферанскій окончательно не сошелъ съ ума.

Учитель географіи Іогансонъ пріятный и шутливый преподаватель. Естественной исторіи Тарачковъ, солидный учитель, умѣлъ заставить полюбить свой предметъ. Онъ также преподавалъ физику и очень сердился, когда къ нему обращались съ просьбой, показать классу въ физическомъ кабинетѣ фокусы, говоря, что онъ не фокусникъ.

Физическаго кабинета отдѣльнаго не существовало, а онъ помѣщался въ корпусной библіотекѣ, которая помѣщалась на 4-мъ этажѣ. Книги были разставлены по ранжиру, въ красивыхъ переплетахъ, но трудно сказать, для какой она цѣли существовала, такъ какъ воспитанники ею не пользовались и не видно, чтобы ею пользовались преподаватели и офицеры; воспитанникамъ же позволялось читать журналы Военно Учебныхъ Заведеній, которые хранились у каптенармусовъ въ цейхгаузахъ; собственныя книги, если и

были, то на нихъ должна была быть надпись: „сію книгу имѣть дозволяется—помощникъ инспектора Масловъ", безъ этой надписи книга у воспитанника отбиралась, даже Новый Завѣтъ не избѣгалъ этой цензурной надписи, только въ директорство Вишнякова были учреждены ротныя библіотеки, помѣщавшіяся въ шкапахъ, стоявшихъ въ спальняхъ. Но системы для чтеній никто не рекомендовалъ и этимъ дѣломъ, кажется, никто изъ начальствующихъ не интересовался, завѣдывалъ библіотекой одинъ изъ кадетъ роты, рѣдко, но все-таки проникала въ среду кадетъ и нелегальная литература, какъ-то: „Три мушкетера" и прочіе романы Дюма, которые читались съ большой осторожностью, во избѣжаніе отобранія.

Учителя нѣмецкаго языка были Мартесонъ и Миквицъ (Фердинандъ Осиповичъ). У перваго я не учился, но онъ всегда служилъ предметомъ рисованія каррикатуръ и разсказовъ разныхъ комическихъ сценъ. Миквицъ былъ строгій, но толковый учитель. Поганко добродушный чехъ, иногда преподававшій и исторію и ботанику. Французскаго языка Дельенъ, старый господинъ; говорили, что онъ былъ барабанщикомъ въ арміи Наполеона. Дюфуръ на щекѣ имѣлъ лишай, что дало поводъ говорить, что это было клеймо, и что онъ бѣглый изъ галеръ; де-Бельпоръ, обрусѣлый французъ, довольно толковый преподаватель. Инспекторомъ былъ Левъ Осип. Дюгамель, высокій штатскій господинъ, милый и любезный. Его смѣнилъ полковникъ Нилъ Степановичъ Лавровъ; сынъ его Степа, кадетъ того времени, въ настоящее время директоръ Варшавскаго кадетскаго корпуса. Помощникъ инспектора классовъ Александръ Семеновичъ Масловъ, маленькій тщедушный капитанъ, сѣменящій быстро ножками, любилъ покрикивать и, обращаясь къ виновному, говаривалъ: трепещи-пъ! Виновный отвѣчалъ, трепещу, Александръ Семеновичъ. Молчи-пъ. Молчу, Александру Семеновичъ былъ отвѣтъ, и Александръ Семеновичъ успокаивался.

Со вступленіемъ директора Вишнякова, въ праздничные дни были устраиваемы кадетскіе спектакли, живыя картины и бывали балы, посѣщаемые цвѣтомъ Орла.

Воспитанники скоро сдѣлались настоящими кавалерами, хотя ходилъ разсказъ, что одинъ кадетъ пригласилъ на легкій танецъ одну дѣвицу и предложилъ, какъ ей угодно танцовать за даму или за кавалера? Особое джентльменство слабо прививалось, такъ какъ очень мало воспитанниковъ посѣщали свои дома за отдаленностью, плохими путями и краткосрочными отпусками; въ нашъ проѣздъ изъ Тулы въ Орелъ, ѣхали по грунтовой дорогѣ, даже тогда шоссе не было; единственный разъ мы воспользовались продолжительнымъ

каникулярнымъ отпускомъ—это послѣ смотра Императора Николая Павловича, повелѣвшаго дать намъ отпускъ и освободить отъ лагерныхъ ученій. Не знаю, вслѣдствіе какихъ причинъ выработался особый типъ, считавшійся молодечествомъ, и назывался „закалы". Они ходили въ развалку, говорили басомъ, были хорошіе товарищи, но не любимы начальствомъ; красивые воспитанники назывались „мазочками".

Въ числѣ новшествъ было обязательное писаніе писемъ предъ праздниками Р. Х. и С. Х. В. къ родителямъ, которыя отправлялись на казенный счетъ; письма эти сопровождались аттестаціями рот. ком., и вотъ одинъ маленькій кадетъ Ф., сынъ генерала съ почтенною нѣмец. фамиліею, лютеранинъ, писалъ отцу: „милый папаша, позвольте мнѣ перекреститься, такъ какъ всѣ товарищи называютъ меня колбасникомъ". А другой, болѣе безстрашный, не отличавшій успѣхами и хорошимъ поведеніемъ, писалъ: „Милые Родители, учусь и веду себя скверно, въ чемъ можетъ засвидѣтельствовать ротный командиръ". Это возмутило ротнаго, и онъ велѣлъ переписать, но воспитанникъ упорно отказался, и нужно думать, что письмо пошло въ первоначальномъ видѣ, но находчивый воспитанникъ адресовалъ въ тотъ городъ, гдѣ его родители никогда не были.

Всѣ эти новшества не завоевали любви къ новому директору, и мы часто вспоминали Тинькова, прощая ему его наказанія. Вспоминали его за добродушіе и что онъ въ продолженіе своего директорства никого не сдѣлалъ несчастнымъ.

На выпускномъ экзаменѣ во 2-мъ спеціальномъ классѣ одному изъ способныхъ учениковъ достался билетъ о Херасковѣ; онъ и говоритъ, что Херасковъ былъ сынъ бѣдныхъ и не благородныхъ родителей, что отецъ не могъ дать ему приличнаго образованія, а потому опредѣлилъ его въ кадетскій корпусъ. Разразился гнѣвомъ Вишняковъ, и способный кадетъ оставилъ корпусъ, поступилъ въ другое учебное заведеніе и былъ потомъ прекраснымъ выборнымъ мировымъ судьей.

С. Н. Тиньковъ обладалъ шутливымъ тономъ и особенными выраженіями—обращаясь къ воспитанникамъ, называлъ ихъ „милостивецъ". Напримѣръ, въ строю былъ оставленъ интервалъ для неявившагося кадета. С. Н. показалось, что интервалъ великъ, и вотъ онъ обращается: „милостивецъ, что это вы для двухъ Шаховыхъ оставили мѣсто". Петръ Шаховъ былъ новый кадетъ, и потомъ былъ воспитателемъ въ Орловскомъ корпусѣ. Въ 3-й ротѣ былъ кадетъ Краевичъ косой. С. Н. обращается къ нему и говоритъ, „совершенно какъ моя Ниночка". Нина Сергѣевна, дочь С. Н., кра-

сивая, стройная дѣвица, но была немного косовата. Шутливый тонъ не покидалъ С. Н. до конца жизни; такъ, мнѣ пришлось слышать отъ одного калужца, что С. Н. въ отставкѣ поселился въ имѣніи своемъ въ Калужской губ. и при освобожденіи крестьянъ писалъ миров. посреднику въ привычномъ ему тонѣ, за что былъ нѣсколько разъ штрафованъ миров. поср., а потомъ узнали, что онъ добрый человѣкъ, и оставили его въ покоѣ.

Періодъ, обнимающій мои воспоминанія, относится къ первымъ годамъ основанія корпуса. Воспоминанія мои подчеркнуты событіями немыслимыми въ настоящее время, но, несомнѣнно, были и свѣтлыя страницы кадетской жизни. Корпусъ воспиталъ истинно-русскихъ людей, патріотовъ и далъ изъ тогдашняго состава: представителей высшихъ чиновъ арміи, корпусныхъ командировъ, администраторовъ, начиная съ губернаторовъ, земскихъ дѣятелей, судей, литератора Василія Потто (писавшаго еще въ корпусѣ стихи) и друг.

Александръ Пороховщиковъ, гвардейскій офицеръ, извѣстенъ былъ въ Москвѣ, какъ строитель, выработавшій особый архитектурный Пороховщиковскій стиль и, наконецъ, бывшій фельдфебель 1-й роты, артиллеріи офицеръ Слѣпушкинъ, имѣлъ магазинъ дамскихъ принадлежностей, а Надѣинъ велъ книжную торговлю. Много героевъ пало на поляхъ битвы. Имена ихъ записаны на мраморной доскѣ въ корпусной церкви. Были и ученые и даровитѣйшіе воспитанники. Мацковъ, бывшій долгое время инспекторомъ корпуса, заслужилъ общую любовь послѣдующихъ поколѣній, и въ честь его собирается подписка на стипендію его имени въ Орловскомъ корпусѣ. Помню его, этого коренастаго, съ розовыми щечками кадета, съ костромскимъ нарѣчіемъ, и мы къ нему обращались: „Кострома же, братецъ, Кострома"!

Зданіе корпуса въ четыре этажа имѣло фигуру буквы Н. При немъ были отдѣльные флигеля, помѣщеніе директора въ два этажа и въ три этажа флигель, который занимали разныя должностныя лица: старшій врачъ Виллькенъ, казначей капитанъ Клейгельсъ, полицеймейстеръ подполковникъ Полтавцевъ, діаконъ Гонорскій и др. Затѣмъ была баня, куда водили поочередно, и прачешная съ кастеляншей Шарлотой Карловной, почтенной дамой, которую часто посѣщалъ во время пріѣзда даже Яковъ Ив. Ростовцевъ.

Въ 1-мъ этажѣ главнаго зданія помѣщалась служительская рота со своимъ ротнымъ командиромъ и его помощникомъ. Это были офицеры, произведенные изъ каптенармусовъ корпуса; они носили инвалидную форму, но на эполетахъ были иниціалы корпуса. Служителя, кромѣ обыкновенныхъ шинелей, имѣли сюртуки. Погоны же были одина-

коваго цвѣта съ кадетами, то есть синіе, съ бѣлыми кантами и съ иниціалами О. Б. (въ настоящее время черные съ желтымъ кантомъ). Женатые солдаты помѣщались съ женами, а со вступленіемъ въ директорство Вишнякова всѣ служителя сбрили усы, кромѣ четырехъ каптенармусовъ. Этой же участи подверглись и музыканты. 2-й этажъ занимали: кухня, квартира эконома, 4-хъ рот. командировъ, батальоннаго командира и нѣкоторыхъ офицеровъ, канцелярія, лазаретъ и запасный лазаретъ, гдѣ, во время пріѣзда лютеранскаго пастора и католическаго патера, совершалось богослуженіе. Воспитанники этихъ вѣроисповѣданій въ младшихъ классахъ учились совмѣстно съ православными, а тамъ, гдѣ преподавался уже катехизисъ, они сидѣли въ своихъ классахъ.

Помню одинъ случай съ воспитанникомъ Лелонгъ, поступившимъ изъ Сиротскаго Царскосельскаго Александр. кад. кор. и считавшимся православнымъ; но въ одно прекрасное время ему объявляютъ, что онъ католикъ. Это огорчило Лелонга, и онъ съ плачемъ говорилъ, что онъ не желаетъ быть полякомъ, и кажется, потомъ оказалось, что Лелонгъ не принадлежалъ ни къ той, ни къ другой изъ этихъ церквей.

3-й этажъ занимала зала собранія въ два свѣта; здѣсь же помѣщалась и гренадерская рота. Съ одной стороны были спальни, рекреаціонная зала 1-й роты, столовая, церковь и классы, а съ другой стороны рисовальный классъ, гдѣ былъ преподаватель Ѳома Александровичъ Александровъ, а учителемъ чистописанія былъ очень элегантный, съ орлинымъ носомъ Фельдманъ, который училъ писать по нѣмецкой командѣ 1, 2 и 3. На каждомъ счетѣ надавливалось перо и, напримѣръ, если букву нужно было написать въ три темпа, то при остановкѣ на 2-мъ темпѣ должно быть написано 1/2 буквы; при существованіи Орловской-Бахтина военной гимназіи Фельдманъ былъ, кажется, воспитателемъ. При 12-ти бальной системѣ, самый высшій балъ по чистописанію былъ 9. 4-й этажъ рекреціонныя залы 2-й и 3-й роты и спальни ихъ, а также спальня 1-й роты, библіотека, пѣвческій классъ, цейхгаузы 1, 2 и 3-й роты. Кромѣ этихъ зданій, была усадьба-особнякъ съ деревяннымъ мезониномъ-домомъ, квартира инспектора классовъ, а также деревянный флигель, гдѣ между прочими жили аптекарь Феро и архитекторъ Тибо. Женатымъ солдатамъ дозволялось имѣть гдѣ-то на корпусныхъ задворкахъ коровъ, и они просили за обѣдомъ кадетъ побольше оставлять кусковъ хлѣба и въ своихъ ведрахъ, наполненныхъ остатками обѣда и кусками хлѣба, относили ихъ своимъ коровамъ. Во время лагерей кадеты покупали у нихъ молоко по 10 к. за кубанку

(очень большой черный горшокъ). Молодыхъ служителей было очень мало, а все служившіе 20 и болѣе лѣтъ, но еще состоявшіе на службѣ. Еще въ концѣ плаца стояла очень старая изба, гдѣ помѣщалась слесарная. Эта изба была остаткомъ отъ владѣнія графа Каменскаго; на землѣ, купленной у него, и былъ построенъ корпусъ. За плацемъ былъ садъ. Впереди корпуса былъ городской плацъ и каѳедральный соборъ. На этомъ плацу Императоръ Николай Павловичъ и произвелъ намъ смотръ съ полками 6-го армейскаго корпуса.

Конст. Ѳедор. Кулябка.

Начальникъ Соколовой горы.

(Изъ записокъ стараго помѣщика).

По должности губернскаго предводителя мнѣ пришлось открыть и затѣмъ два года предсѣдательствовать въ особой комиссіи по пересмотру саратовскаго городового положенія 1839 года, утвержденнаго Императоромъ Николаемъ I, и комиссія эта, состоя изъ представителей отъ купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ съ городскимъ головой и полицеймейстеромъ, имѣла еще и представителей отъ правительства, назначенныхъ министерствомъ.

Занятія эти были очень трудныя и, въ особенности, для предсѣдателя, котораго министръ внутреннихъ дѣлъ не только торопилъ окончаніемъ пересмотра положенія, но отъ времени до времени требовалъ отъ него представленія и личныхъ по этому дѣлу его заключеній, при соображеніи съ прежнимъ городовымъ положеніемъ, почему мнѣ пришлось заглянуть въ городской архивъ, давно сданный уже въ архивъ при губернскомъ правленіи, и хотя архивы прежняго времени большею частью уничтожались, но въ оставшейся, пожелтѣвшей отъ времени перепискѣ, къ моему изумленію, я нашелъ странный бывшій городской расходъ на квартиру начальника Соколовой горы, у подошвы которой расположенъ Саратовъ.

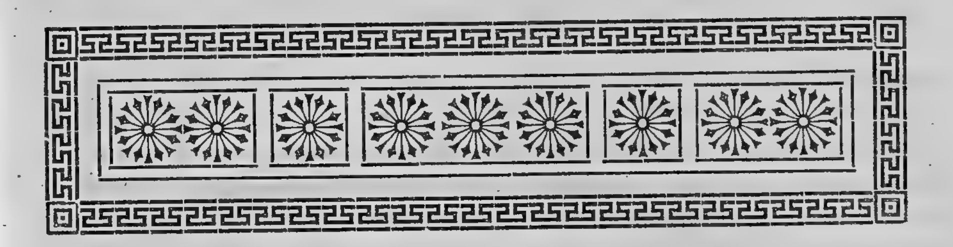
Гора эта, какъ извѣстно, уже въ продолженіе всего девятнадцатаго столѣтія не имѣла у себя не только ни одного деревца, но даже и какой-либо травы, между прочимъ до 1830 года состоялъ начальникомъ этой горы полковникъ М. А. Родіоновъ, получавшій по этой должности, кромѣ квартирныхъ, еще и значительное содержаніе отъ правительства.

Это курьезное обстоятельство заинтересовало меня, и я постарался узнать объ этомъ поподробнѣе, при чемъ оказалось, что Соколова гора въ XVIII столѣтіи на большое пространство была покрыта вѣковымъ дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ водились сокола, доставлявшіеся для охоты прежнимъ государямъ, но послѣ нашествія Пугачева, который, расположивъ тамъ свой станъ, обстрѣливалъ Саратовъ черезъ прорубленныя просѣки, лѣсъ этотъ подвергался пожару и затѣмъ окончательно уничтожился. Милые же порядки того времени, зачастую въ ущербъ казны, сохраняли долгое время подобныя миѳическія правительственныя должности, награждавшіяся и чинами и орденами.

Затѣмъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ весьма почтенной дамой, близкой родственницей полковника Родіонова; я разсказалъ ей объ этомъ курьезѣ, на что она, смѣясь, отвѣтила, что пока былъ начальникъ Соколовой горы, она не сползала въ Волгу, какъ это дѣйствительно случилось недавно.

В. А. Шомпулевъ.

Изъ дневника Опочинина.

Октябрь.—1830 г.

Воскресенье 5/17 окт. Варшава.

Въ настоящее тревожное время, когда политическія событія первостепенной важности быстро слѣдуютъ одно за другимъ, у меня, безъ сомнѣнія, не будетъ недостатка въ интересномъ матеріалѣ для моего дневника. Если въ этой книгѣ сохранится хотя одна благотворная мысль, то я сочту трудъ мой вознагражденнымъ.

Нѣкто Яницревскій, вышедшій въ отставку въ 1815 г., работалъ на табачной фабрикѣ Ровацкаго, получая за свой трудъ по 2 флорина въ день. Не имѣя другихъ средствъ къ существованію, онъ рѣшился наконецъ бросить этотъ непроизводительный трудъ и поступилъ въ труппу странствующихъ музыкантовъ, игравшихъ по кофейнямъ. Когда же по случаю кончины Е. И. В. во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ было воспрещено играть музыкѣ, то человѣкъ этотъ, чтобы не умереть съ голода, отправился къ г. Войда, городскому головѣ г. Варшавы, просить мѣста въ муниципалитетѣ. Послѣдній отказалъ ему разъ, другой, а въ десятое его посѣщеніе, говорятъ, велѣлъ выгнать его изъ дому. Недѣли двѣ тому назадъ Яницревскій встрѣтилъ г. Войда близъ арсенала и снова обратился къ нему со своею просьбою. Городской голова отвѣчалъ ему по-прежнему отказомъ, пославъ его въ добавокъ къ черту; тогда отставной военный не вытерпѣлъ и за эти дерзкія слова нанесъ головѣ три удара. Его внушительная расправа на этомъ бы не кончилась, если бы въ дѣло не вмѣшался проходившій мимо артиллерійскій полковникъ *** и два польскихъ гренадера; они схватили расходившагося Яницревскаго и отправили его въ тюрьму подъ конвоемъ, взятымъ изъ арсенала, гдѣ въ то время стоялъ въ караулѣ г. Абрамовичъ съ Литовскимъ

полкомъ. Вслѣдъ за донесеніемъ г. Абрамовича каменданту объ этомъ приключеніи узналъ и его высочество; онъ тотчасъ послалъ своего дежурнаго адъютанта Трембицкаго освѣдомиться объ состояніи здоровья г. Войда, которому между тѣмъ пустили кровь. Виновный въ нанесеніи ударовъ былъ приговоренъ судомъ къ заключенію въ тюрьму на мѣсяцъ и къ денежному штрафу въ 40 флориновъ.

Г. Войда не любили въ городѣ; между поляками составилась подписка, доставившая обвиненному 6.000 флориновъ.

Нѣсколько дней спустя къ разносчику, продававшему на улицѣ трости, подходитъ неизвѣстный человѣкъ и спрашиваетъ его, что онѣ стоятъ и какъ называются.

— Онѣ не имѣютъ особаго названія, отвѣчаетъ торговецъ.— Какъ не имѣютъ?—возразилъ покупатель, это войданки; вотъ тебѣ рубль, продавай ихъ подъ этимъ названіемъ.

Глупецъ послушалъ этого совѣта, а полиція выместила его на спинѣ торгаша.

Многіе утверждали, что возмущеніе въ Варшавѣ вещь невозможная. Но въ послѣднее время убѣжденіе это повидимому поколебалось; обстоятельства показали, что даже самыя прочно установившіяся государства не обезпечены отъ треволненій. Правительство въ послѣднее время принимаетъ мѣры предосторожности противъ всякой попытки къ возмущенію, все это дѣлается самымъ секретнымъ образомъ; и мы могли замѣтить эти приготовленія только по болѣе частому появленію вице-президента Любавицкаго въ Бельведерскомъ дворцѣ, по совѣщаніямъ Е. И. В. съ Курутой и Жандромъ, по удвоенному надзору нашихъ ближайшихъ начальниковъ за гвардіей и по новымъ паролямъ, розданнымъ часовымъ. Наши ежедневные приказы и тѣ отличаются странной таинственностью; намъ даютъ почувствовать, что приказы эти имѣютъ особенное значеніе, но не разъясняютъ ихъ вполнѣ.

Вотъ какіе слухи носятся объ замыслахъ партіи недовольныхъ. Говорятъ, что на-дняхъ, въ казармѣ 4-го линейнаго полка найдена прокламація, писанная женскимъ почеркомъ, въ которой этотъ полкъ подстрекается къ возмущенію. Подобныя прокламаціи находятъ каждый день на всѣхъ углахъ, но покуда дѣло этимъ ограничивается. Во всемъ этомъ обвиняютъ студентовъ; говорятъ, будто они хотятъ побудить народъ къ возстанію, воспользовавшись для этого всеобщею дороговизною, которая возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Перваго ноября, по новому стилю, цѣны на мясо должны подняться, и они хотятъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы поднять народъ, начавъ съ сожженія нашихъ мостовъ, чтобы запереть насъ въ казармахъ. Говорятъ, будто особенная опасность угро-

жаетъ Мостовскому и Наваховичу; послѣдній уѣхалъ вчера въ Петербургъ, сказавъ, что жена его при смерти больна.

Говорятъ, что въ настоящее время приняты слѣдующія мѣры предосторожности. Всѣ ружья, находящіяся въ Варшавскомъ арсеналѣ, разобраны по частямъ; Волынскій полкъ, стоящій въ отдѣльныхъ казармахъ, получилъ приказъ быть готовымъ въ случаѣ тревоги; генералъ Исаковъ произвелъ даже на-дняхъ фальшивую тревогу, и солдаты въ 8 минутъ были уже въ полной походной амуниціи.

Уланскій и нашъ полкъ также получили по этому случаю новыя распоряженія. Въ казармахъ Волынскаго полка поставлены 4 пушки, всякая съ двумя запасными зарядными ящиками.

Относительно карауловъ увеличена строгость; генералы свиты его высочества получили приказаніе осматривать караулы по ночамъ, что его высочество разъ или два дѣлалъ лично. Въ нашемъ полку, приказомъ капитану *** удвоены часовые у всѣхъ мостовъ для наблюденія за толпами, шумомъ и пожаромъ.

Въ предмѣстьи (au Schouler) у дверей каждаго кабака поставлены часовые, обязанные не впускать туда солдатъ. Словомъ, полиція отличается необыкновенною дѣятельностью, и однако до сихъ поръ не найдено виновныхъ, нарушающихъ общественное спокойствіе. Часовымъ роздано по десяти боевыхъ патроновъ каждому.

При первомъ представленіи „Маріанны" Вольтера эта трагедія подала поводъ къ двумъ насмѣшкамъ, произнесеннымъ на нее какимъ-то человѣкомъ въ партерѣ, и вслѣдствіе которыхъ она чуть было не сошла со сцены. Это было во время праздника трехъ королей; и вотъ въ ту минуту, какъ Маріанна беретъ чашу съ ядомъ, какой-то шутникъ закричалъ: la reine boit (королева пьетъ) — всѣ въ партерѣ разразились смѣхомъ. Актеръ, исполнявшій роль Варюса, былъ очень дуренъ собою; его наперсникъ говоритъ ему: „Вы смущаетесь, вы мѣняетесь въ лицѣ". „Пускай себѣ мѣняетъ", раздается снова въ партерѣ. Общій смѣхъ.

Вставъ въ 5 часовъ, я отправился въ казармы, такъ какъ былъ назначенъ командовать церковнымъ парадомъ, но онъ былъ отмѣненъ; я отстоялъ обѣдню. У обѣдни я былъ съ матерью; изъ церкви заѣхалъ къ Бутурлину, затѣмъ къ Сергѣю; онъ сегодня дежурный по полку. Обѣдалъ въ Бельведерскомъ дворцѣ, гдѣ дежурнымъ сегодня Грессеръ, а вечеромъ былъ въ театрѣ. Давали „Le Papa", комедію въ одномъ актѣ, „Frachka", комедію въ одномъ актѣ, и „Wuziaszeks Ukrainy", водевиль, переведенный съ французскаго („Дядя изъ Америки"). Изъ театра возвратился прямо къ себѣ, читалъ и писалъ до полуночи.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Понедѣльникъ 6/18 октября. Варшава.

Г. Кулебакинъ, гусарскій офицеръ, весьма некрасивый собой, горбатый и совершенно изуродованный, отправился въ университетъ послушать рѣчь г. Оссинскаго. Когда онъ входилъ, въ классѣ поднялся шумъ, послышались дерзкія восклицанія, и одинъ изъ студентовъ, проходя мимо него, нахально осмотрѣлъ его съ ногъ до головы. Не теряя присутствія духа, офицеръ отвелъ юношу въ сторону и спросилъ его фамилію и адресъ. — На что вамъ? — Чтобы потребовать объясненія по поводу того, какъ вы посмотрѣли на меня. — Но это моя обычная манера. — Въ такомъ случаѣ остается только пожалѣть васъ. На эти слова молодой человѣкъ сказалъ свою фамилію и сталъ извиняться, но его товарищи начали кричать, называя Кулебакина *москалемъ*. Въ это время вошелъ полицейскій и спросилъ офицера, кто его оскорбилъ. — „Никто", отвѣчалъ гусаръ и, обратившись къ студентамъ, прибавилъ: „Вотъ, господа, какъ мститъ русскій офицеръ. Я воспитывался такъ же, какъ и вы, въ общественномъ заведеніи [1]), но никогда не позволялъ себѣ оскорбить иностранца, да и товарищи не дозволили бы мнѣ этого.

Я всталъ въ 7 часовъ и поѣхалъ верхомъ въ казармы. Въ 10 часовъ взводное ученіе верхомъ на уздечкахъ. Я жалуюсь капитану Килю на Голицына, который былъ выпивши. Онъ простилъ его. Возвратившись домой въ 12 ч., я болѣе никуда не выходилъ. Вечеромъ былъ у Левицкихъ. Легъ спать въ четверть перваго.

Да сохранитъ меня Господь.

Вторникъ 7/19. Варшава.

Судя по городскимъ слухамъ, вчера должно было вспыхнуть возстаніе, такъ какъ это былъ день раздачи жалованья рабочимъ и при томъ понедѣльникъ. Трудно сказать, до чего подобные справедливые или ложные слухи волнуютъ умы и сколько людей не спало всю ночь, ожидая возстанія.

Рунъ, юноша вообще довольно разсудительный, пресерьезно увѣрялъ меня, что всѣ эти слухи достовѣрны, и самъ до того былъ въ нихъ убѣжденъ, что созвалъ къ себѣ нѣсколькихъ товарищей, которые у него ночевали; между ними былъ маленькій Свитчинъ, капитанъ, состоящій при штабѣ Крассинскаго. Этотъ маленькій человѣчекъ, между прочимъ крайне безобразный, живетъ съ своимъ братомъ въ домѣ Крассинскаго, и такъ какъ владѣлецъ этого дома ненавидимъ партіей недовольныхъ, то онъ побоялся провести эту ночь подъ одной крышей съ нимъ. Я имѣлъ случай убѣдиться, до

---

[1]) Въ лицеѣ.

какой степени человѣкъ, занятый одной мыслью, находитъ съ нею связь въ самыхъ обыкновенныхъ и ничтожныхъ фактахъ и толкуетъ ихъ по-своему. Рунъ слышалъ въ первомъ часу ночи звукъ почтовой трубы, что въ Варшавѣ вовсе не составляетъ рѣдкости, и теперь вы ничѣмъ въ мірѣ не убѣдите его, что это не былъ сигналъ къ возстанію.

Наши генералы также ужасные трусы; они бредятъ революціей; Маковъ говоритъ, что никакія мѣры предосторожности не лишни; Жандръ и Курнатовскій то и дѣло объѣзжаютъ по ночамъ казармы; не далѣе какъ вчера они явились въ 1 часъ ночи; добрякъ комендантъ Левицкій объѣзжалъ сегодня ночью караулы съ конвоемъ изъ двухъ казаковъ вмѣсто одного. Одинъ только Кнорингъ такъ же спокоенъ и хладнокровенъ, какъ обыкновенно, и прекрасно дѣлаетъ.

Парадъ. Нашъ эскадронъ въ караулѣ. Посѣщеніе Овсянникова. Разговоръ съ Розеномъ. Въ 11 часовъ я навѣстилъ больного Безобразова; онъ спалъ. Я отправился въ баню. Гёте дорого поплатился въ Женевѣ за удовольствіе взглянуть на прекрасную ж... въ природномъ костюмѣ; я же имѣлъ это удовольствіе безплатно въ банѣ, благодаря маленькой щелочкѣ въ дверяхъ, сквозь которую я вдоволь налюбовался на хорошенькую, молоденькую женщину *in puris naturalibus*. Прелестное зрѣлище!!! Обѣдалъ дома. Вечеромъ былъ у Безобразова — не видалъ его; уединенная прогулка въ Саксонскомъ саду. Былъ у Левицкихъ. Юлія простила меня; она была причесана à la Niobé и очень хорошенькая. Игралъ въ мушку съ Озеровыми, полковникомъ Парадовскимъ и M-me Левицкой; выигралъ 5 фл. 15 гр.; легъ спать въ половинѣ перваго.

Да сохранитъ меня Господь.

Среда 8/20. Варшава. Въ казармахъ.

Вчера въ полдень генералъ неожиданно отдалъ приказъ всѣмъ эскадронамъ, за исключеніемъ нашего, занимавшаго караулъ, осѣдлать лошадей и выступить. Въ 14 минутъ всѣ эскадроны были готовы къ бою, сѣдла безъ вьюковъ, иные въ рейтузахъ, колетахъ, кирасахъ, каскахъ и при калошахъ. Одинъ солдатъ 2-го эскадрона былъ готовъ въ 6 минутъ. Затѣмъ эскадроны съ однимъ унтеръ-офицеромъ во главѣ прошли мимо генерала церемоніальнымъ маршемъ.

Я былъ дежурнымъ вмѣстѣ съ кап. Килемъ, кап. Кноррингомъ и корнетами: Гриберомъ и Луба. По утру былъ его высочество и генералъ; вечеромъ мы играли до 2 часовъ утра въ горку, я выигралъ 22 злота. Дежурство очень строгое; всѣ при сабляхъ. 3 ч. ночи ходили съ ротмистромъ по конюшнямъ..

Да сохранитъ меня Господь.

Пятница 10/22. Варшава.

Холера, пришедшая къ намъ изъ Персіи, опустошила въ прошломъ году наши юго-восточныя провинціи. Въ этомъ году она свирѣпствовала въ Астрахани и Оренбургѣ, проникла въ Пензенскую, Владимірскую, Саратовскую губерніи и приближается теперь къ Москвѣ. Въ прошломъ мѣсяцѣ императоръ послалъ на мѣсто бѣдствія министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго съ 40 врачами. Онъ учредилъ комитетъ общественнаго здравія и предлагаетъ премію въ 25.000 руб. тому, кто напишетъ лучшее сочиненіе объ этой болѣзни. Надобно замѣтить, что къ конкурсу не допущены французскіе медики.

Получивъ 29 сентября извѣстіе, что холера появилась въ Москвѣ, Закревскій немедленно отправился туда. Въ Ижорѣ устроенъ карантинъ, баркамъ запрещено спускаться по Невѣ; крестьянамъ, пріѣзжающимъ въ столицу, приказано привозить съ собою какъ можно больше можжевельника; аптеки снабжены всѣми лѣкарствами, употребляемыми въ этой болѣзни; въ Казанскомъ соборѣ, въ присутствіи двора былъ отслуженъ молебенъ и читали молитву, сочиненную по этому случаю Филаретомъ. Въ церквахъ молятся о прекращеніи эпидеміи, а въ газетахъ и на улицахъ опубликованы слѣдующія правила:

Главные симптомы этой болѣзни: сильная головная боль, безпрестанная рвота, сопровождаемая кровавымъ поносомъ, наконецъ, конвульсія или спазмы въ икрахъ. Чтобы предохранить себя отъ этой болѣзни, жители должны точно соблюдать нижеслѣдующія мѣры предосторожности:

1. Какъ можно болѣе остерегаться простуды; въ дурную погоду, какая господствуетъ въ настоящее время, одѣваться какъ можно теплѣе, перемѣнять сырое платье и стараться не промочить ногъ.

2. Не спать ни днемъ, ни ночью на воздухѣ, и въ особенности на сырой землѣ.

3. Не обременять желудка неудобоваримой пищей; согласно съ этимъ строго воспрещается ѣсть яблоки, сливы, дыни, сырую рѣпу, грибы и пр.

4. Какъ можно менѣе употреблять крѣпкіе напитки и горячительныя кушанья, въ особенности не ѣсть луку.

5. Соблюдать чистоту тѣла, чаще мѣнять бѣлье и заботиться о чистотѣ не только жилыхъ покоевъ, но также дворовъ и улицъ.

6. Очищать воздухъ въ комнатахъ; въ хорошую погоду открывать окна, а въ дурную протапливать печи и курить уксусомъ и можжевельникомъ.

7. Не выходить по утру натощакъ и не утомляться до изнеможенія.

8. Лишь только въ домѣ у кого-нибудь обнаружатся вышеупомянутые симптомы, тотчасъ же донести объ этомъ комитету здравія.

9. Перенести больного въ отдѣльную комнату, которую слѣдуетъ часто обкуривать; для большей предосторожности мыть руки уксусомъ каждый разъ, какъ дотронешься до больного или до его одежды.

10. Въ случаѣ смерти больного, бѣлье, которое онъ употреблялъ, слѣдуетъ перемывать и провѣтривать, по крайней мѣрѣ, въ теченіе четырехъ дней, точно такъ же, какъ и его постель; тѣло должно быть предано погребенію не позже, какъ по прошествіи 24 часовъ отъ кончины.

11. Если врачъ потребуетъ отправить больного въ госпиталь, то за лѣченіе его и медикаменты не будетъ взиматься никакой платы.

Въ Грузіи и на Кавказѣ, гдѣ болѣзнь эта можетъ быть названа мѣстною, всѣ до того убѣждены, что она коренится въ воздухѣ, что запрещено даже организовать кордоны. Въ Тифлисѣ жители имѣютъ обыкновеніе уѣзжать въ горы; въ этомъ году подобная мѣра ни къ чему не привела. На Кавказѣ пробовали очищать воздухъ, стрѣляя изъ пушекъ, но безуспѣшно. Первый человѣкъ, кому пришло на мысль организовать кордонъ, былъ гетманъ донскихъ казаковъ—личность, какъ видно, не особенно авторитетная въ научномъ отношеніи.

Болѣзнь эта появилась, кажется, первоначально на Зондскихъ островахъ, откуда перешла въ Индію и распространилась по всей Азіи. Когда она появилась въ Россіи, то наше правительство сдѣлало оффиціальный запросъ Англіи по поводу этой язвы, которую англійскимъ докторамъ часто представлялся случай изучать въ Индіи, и получивъ удовлетворительный отвѣтъ, оно сообщило его всѣмъ военнымъ врачамъ южныхъ губерній. Итакъ, до сихъ поръ примѣняется, и надобно замѣтить, почти безуспѣшно, одна только англійская система лѣченія. Это методъ въ высшей степени противувоспалительный, состоящій въ частомъ кровопусканіи и назначеніи слабительнаго. Также пробовали давать сильные пріемы опіума. На Дону нынѣшній годъ съ успѣхомъ употребляли полынь.

Судя по извѣстіямъ изъ Москвы, холера тамъ довольно слаба. До сихъ поръ насчитываютъ не болѣе 17 жертвъ. Городъ раздѣленъ на участки, подчиненные вѣдѣнію сенаторовъ.

Cholera Morbus очень острая болѣзнь желудка и кишекъ, при которой съ сильными потугами и рвотой отдѣляется желчная, ѣдкая и кислая мокрота желтаго, зеленаго и черноватаго цвѣта; рвота сопровождается колотьями въ животѣ, тошнотою, слабостью, нервнымъ, учащеннымъ пульсомъ, холоднымъ потомъ, выступающимъ на лбу и оконечностяхъ, сильной жаждой и нерѣдко конвульсіями и другими опасными симптомами, которые нерѣдко причиняютъ смерть въ 24 часа.

Чума, свирѣпствовавшая въ Москвѣ въ 1777 году, была занесена туда въ турецкомъ платкѣ, денщикомъ одного генерала, возвратившимся изъ Турціи. Отъ заразы умеръ его хозяинъ и весь домъ, но болѣзнь удалось задержать, предавъ сожженію все ихъ имущество. Къ несчастію, какой-то ямщикъ изъ слободы Ямской подобралъ постромки, лежавшія около этого дома, и занесъ вмѣстѣ съ ними чуму въ свой кварталъ, откуда она распространилась по всей Москвѣ.

Вставъ въ 7½ ч., я отправился въ казармы. Конное ученье повзводно на уздечкахъ; у меня во взводѣ десять рядовъ. Послѣ былъ дома, писалъ кое-что, мало читалъ. Обѣдалъ въ Бельведерѣ, гдѣ видѣлъ Ивана Михайловича Флавицкаго, который недавно пріѣхалъ съ кавказскихъ водъ. У него засталъ доктора Волоскаго.

Да сохранитъ меня Господь.

Суббота 11/23. Варшава.

Говорятъ, будто сегодня положено перебить насъ, и что это должно было совершиться еще въ прошлый понедѣльникъ, но отложено до сегодняшняго дня, такъ какъ не все еще было подготовлено. Вѣроятно, завтра мы услышимъ, что экзекуція снова отложена до понедѣльника; въ понедѣльникъ—до 1 ноября и такъ далѣе до тѣхъ поръ, покуда найдутся легковѣрные люди, довѣряющіе всякимъ слухамъ на слово.

Что касается меня, то вотъ мое мнѣніе обо всѣхъ этихъ слухахъ. Генералъ Рожнецкій получаетъ ежегодно на содержаніе тайной полиціи около 400.000 рублей. Эта, столь дорого стоющая полиція накрывала до сихъ поръ, вмѣсто заговорщиковъ, офицеровъ, прогуливавшихся разстегнутыми, не по формѣ одѣтыми и т. д. Эти важныя открытія ни чуть не помѣшали заговору 1826 г. созрѣть подъ носомъ его превосходительства г. Рожнецкаго. Разумѣется,

это поколебало его кредитъ, а для того, чтобы его возстановить и удержать вмѣстѣ съ тѣмъ и 400.000 руб., которые легко могли ускользнуть изъ его рукъ, онъ, какъ умный человѣкъ, воспользовался, вѣроятно, теперешнимъ смутнымъ временемъ, ропотомъ нѣкоторыхъ недовольныхъ и незначительными студенческими волненіями, чтобы напугать Его Высочество. Изъ мухи сдѣлали слона; какъ знать, быть можетъ, и самая муха создана его фантазіей; это было бы верхъ совершенства! Я не вѣрю и 7/8 всѣхъ тревожныхъ слуховъ, распускаемыхъ въ городѣ, и допускаю одно, что есть недовольные, которые были бы рады пошумѣть; число этихъ недовольныхъ быть можетъ значительнѣе, нежели думаютъ, но русскіе штыки держать ихъ въ повиновеніи, и они ничего не предпримутъ ни сегодня, ни въ понедѣльникъ, ни 1-го ноября и никогда.

У меня былъ поутру несчастный Гельвигъ; онъ сообщилъ мнѣ со слезами, что его мать умерла въ Дрезденѣ. Это прекрасный молодой человѣкъ, но слишкомъ мягкій и неопытный, чтобы быть гувернеромъ 16-лѣтняго юноши, и въ особенности Николая Левицкаго. Онъ окончилъ курсъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, и кажется, на богословскомъ факультетѣ. Это истый нѣмецъ, сентиментальный, анализирующій каждое чувство, наивный, какъ дѣвушка, дѣвственный въ 24 года и въ то же время въ дѣлѣ религіи проникнутый самыми либеральными идеями. Онъ говорилъ мнѣ, напримѣръ, что не вѣруетъ въ Св. Троицу, потому что это непонятно. Онъ уѣзжаетъ къ отцу своему въ Дрезденъ, чему я не радъ, такъ какъ подъ его вліяніемъ я полюбилъ нѣмецкую литературу, и онъ снабжалъ меня лучшими нѣмецкими классиками.

Поутру парадъ; нашъ эскадронъ въ караулѣ; Его Высочество замѣтилъ, что дурно обмундированъ. Въ 11 часовъ была репетиція церковнаго парада на завтрашній день. Я поѣхалъ на нее верхомъ, а возвратился вмѣстѣ съ капитаномъ Килемъ. Посѣщеніе Гельвига и Озеровыхъ. Обѣдъ въ Бельведерѣ. Послѣ обѣда, написавъ письмо, отправился къ Озерову, гдѣ засталъ Овандера, Шульгина и хорошенькую Г... отъ Яворскихъ. Играли въ вистъ.

Да сохранитъ меня Господь.

*

Понедѣльникъ 13/25. Варшава.

Вчера вечеромъ въ театрѣ смѣси (Rosmaitosci) Шульгинъ занималъ кресло перваго ряда возлѣ графа Солтыкова; передъ ними всталъ родственникъ генерала Пенхержевскаго. Графъ Солтыковъ неоднократно замѣчалъ ему, что онъ мѣшаетъ имъ видѣть, наконецъ, всталъ и пожаловался дежурному офицеру. Тогда Жандръ, Штакельбергъ и капитанъ Карскій замѣтили Шульгину, что если бы подобная сволочь наступила бы имъ на ногу, то они заставили бы полицію принять должныя мѣры. Шульгинъ, по его словамъ, ничего не отвѣчалъ; однако ему пришлось за все поплатиться. По выходѣ изъ театра, его окружили пятеро или шестеро статскихъ, прижали его къ стѣнѣ и говорили, показывая ему кулакъ: „Мы люди свободные, и никакая полиція ничего съ нами не можетъ сдѣлать. Ты москаль, а мы поляки!“ Штакельбергъ 2-й и маленькій Жандръ хотѣли выручить его, но въ свою очередь были окружены, стиснуты, и такъ какъ все это происходило въ узкомъ корридорѣ при входѣ, то произошла давка. Женщины подняли крикъ; среди всеобщей суматохи дежурному плацъ-адъютанту съ трудомъ удалось вызвать статскихъ и Шульгина въ сосѣднюю комнату. Когда толпа разошлась, эти господа отнеслись съ жалобой къ Любовицкому и генералу Штрандманну. Поутру Шульгинъ отправился къ корпусному командиру, графу Крассинскому, который оправдалъ его, но сказалъ при этомъ слѣдующія замѣчательныя слова: „жаль, что вы не обратились прямо ко мнѣ, вице-президентъ покровительствуетъ гражданскимъ и обвинитъ васъ въ своемъ докладѣ Его Высочеству“. Дѣйствительно, не знаю, какъ было объ этомъ донесено Его Высочеству, но онъ сказалъ: „такъ какъ Шульгинъ не умѣетъ держать себя въ театрѣ, то пусть и не ходитъ туда“, и подвергъ его домашнему аресту. Особенно смѣшно было видѣть, съ какими вытянутыми лицами явились сегодня генералы на смотръ. Любавицкій также былъ весьма мраченъ. Они приписываютъ этому дѣлу политическое значеніе. Въ настоящее время нельзя поздороваться или проститься съ кѣмъ-нибудь, чтобы въ вашей манерѣ не заподозрили какого-нибудь политическаго оттѣнка.

Я слышалъ такъ объ этомъ событіи отъ самого Шульгина и его партіи. Вотъ что говорятъ его противники. Они утверждаютъ, во-первыхъ, что господа офицеры были немного навеселѣ. Денщикъ Шульгина приходилъ къ нему въ началѣ спектакля съ извѣстіемъ, что въ городѣ волненіе. Шульгинъ, живой отъ природы, сообщилъ это извѣстіе довольно громко, такъ что слухъ о немъ

пронесся по залѣ, и всѣ бывшіе тутъ кавалеристы оставили театръ. Многіе изъ моихъ товарищей были такъ встревожены, что поспѣшили надѣть мундиръ и верхомъ отправились въ полкъ. Возвратившись въ театръ, маленькій Жандръ не кстати вмѣшался въ споръ графа Солтыкова съ *Кубдарскимъ* и Шульгинымъ съ компаніей; обозвали его с . . . Люди болѣе благоразумные удалились, а Шульгинъ къ несчастію первый попался подъ руку и одинъ только поплатился за все домашнимъ арестомъ. Всѣ, однако, того мнѣнія, что полиція не исполнила своей обязанности. Гражданскія лица, замѣченныя въ этомъ дѣлѣ, также арестованы.

Комендантъ Левицкій получилъ сегодня отъ его высочества головомойку за то, что въ своемъ рапортѣ по утру донесъ о пожарѣ въ деревнѣ Случево, между тѣмъ какъ горѣло N [1]), мѣстечко, принадлежащее Потоцкимъ, за Виллановымъ. При этомъ погибло много рогатаго скота, между прочимъ 400 барановъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ, неизвѣстно какимъ путемъ, Его Высочество часто получаетъ анонимныя письма. На-дняхъ его извѣщали, между прочимъ, что вечеромъ должна была произойти сходка на биржѣ. Онъ отправился туда въ полночь, прошелъ по всѣмъ дворамъ и никого не видалъ.

Сегодня вечеромъ снова былъ пожаръ за заставой. Если завтра опять будетъ горѣть какая-нибудь деревня въ окрестностяхъ, то я право стану вѣрить въ существованіе заговора.

Сегодня къ Его Высочеству прибылъ изъ Москвы фельдъегерь отъ Императора; онъ пробылъ здѣсь не болѣе получаса и отправился въ С.-Петербургъ; если онъ не застанетъ тамъ Государя, то поѣдетъ къ нему навстрѣчу. Онъ привезъ извѣстіе о признаніи Людовика Филиппа королемъ со стороны Россіи. Говорятъ, что нашъ Императоръ написалъ по этому случаю французскому королю прекрасное и чрезвычайно искреннее письмо, въ которомъ онъ высказываетъ, что рѣшается признать его королемъ только въ интересахъ обще-европейскаго мира.

Я всталъ въ 7 3/4 ч. Въ 11 час. былъ на смотру; Ал. Чичеринъ довезъ меня въ полкъ. Ученье пѣшее съ карабинами въ присутствіи его превосх. Генералъ очень недоволенъ. Обѣдалъ въ Бельведерѣ. Послѣ обѣда былъ съ Чичеринымъ у Шульгина; потомъ, вечеромъ, у Левицкихъ.

Да сохранитъ меня Господь.

---

[1]) Пропущено въ подлинникѣ. *Прим. переводчика.*

Вторникъ 14/26. Варшава.

Съ тѣхъ поръ какъ въ окрестностяхъ начались возмущенія, и въ особенности послѣ случая съ Войдой, Рожнецкому отпускаютъ ежедневно 6.000 флориновъ на содержаніе тайной полиціи; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ старается поддерживать въ Его Высочествѣ мысль о существованіи заговора.

Вставъ въ 8 часовъ, я отправился въ 9-ть въ казармы; конное ученье на уздечкахъ. Павелъ не присутствовалъ на немъ, такъ какъ онъ былъ въ церкви по случаю дня рожденія покойной императрицы.

Да сохранитъ меня Господь.

Среда 15/27. Варшава.

Сегодня вечеромъ мы играли у Левицкихъ въ фанты; игра въ вопросы мнѣ очень понравилась.

Разводъ отказанъ. Ученье пѣшее съ карабинами очень скверно. Репетиція ординарцамъ. Я, Чичеринъ 1-й и Рамъ. Генералъ весьма доволенъ. Обѣдалъ дома.

Привожу извлеченіе нѣкоторыхъ писемъ, полученныхъ моею матерью по поводу холеры.

Москва. 30 сент. 1830 г.

„Императоръ пріѣхалъ вчера по утру въ 11 часовъ. Пріѣздъ его оживилъ Москву, облеченную въ трауръ. Дома всѣ заперты, въ городѣ не видно экипажей, и по всѣмъ улицамъ тянутся погребальныя процессіи. Всѣ объяты ужасомъ; кто не видѣлъ города, опустошаемаго эпидеміей, тотъ не можетъ себѣ представить, какъ ужасно работаетъ воображеніе испуганнаго населенія; вообразить себѣ, что не только боишься воздуха, которымъ дышемъ, но съ опасеніемъ встрѣчаемъ самаго близкаго человѣка, обкуриваемся, спрашиваемъ, откуда онъ? Всякій шагъ внушаетъ опасеніе. Вотъ состояніе Москвы. Императоръ явился въ глазахъ народа ангеломъ хранителемъ. Всѣ вышли изъ оцѣпенѣнія. Самоотверженіе Государя возбудило въ жителяхъ храбрость, и я увѣрена, что присутствіе его спасетъ многихъ, сдѣлавшихся жертвами страха. Представьте себѣ, что одна дама изъ университета, беременная въ третьемъ мѣсяцѣ, до того испугалась, узнавъ, что по сосѣдству отъ нея одинъ человѣкъ умеръ отъ холеры, что она лишилась разсудка и умерла третьяго дня“.

Стрѣльна. 8/20 октября 1830 г.

Между Москвою и Петербургомъ учреждено два карантина, одинъ въ Вышнемъ Волочкѣ, и другой въ Помераньѣ. Въ первомъ приходится останавливаться на 4, а во второмъ на 5 дней. Императоръ также выдержитъ этотъ карантинъ. Московская дорога не проходитъ теперь черезъ Царское Село; а идетъ изъ Ижоры на Славянку; Кіевская дорога сворачиваетъ изъ Гатчины на Кипень; все по случаю пребыванія царской фамиліи въ Царскомъ Селѣ.

Присутствіе Е. В. ободрило Москву; каждый спѣшитъ со своей стороны что-нибудь пожертвовать, одни отдаютъ свои дома подъ госпиталь, многіе купцы присылаютъ муку, рожь и т. п. Аптекаря предложили изготовлять лѣкарства безплатно; словомъ, общее настроеніе напоминаетъ 1812-й годъ.

Вотъ рѣчь, съ которой митрополитъ Филаретъ обратился къ Императору, встрѣтивъ его съ крестомъ, въ дверяхъ Успенскаго собора:

Благочестивѣйшій Государь!

Цари обыкновенно любятъ являться царями славы, чтобы окружать себя блескомъ торжественности, чтобы принимать почести,— ты являешься нынѣ среди насъ, какъ царь подвиговъ, чтобы опасности съ народомъ твоимъ раздѣлять, чтобы трудности предпобѣждать. Такое дѣло царское выше славы человѣческой, поелику основано на добродѣтели христіанской. Царь небесный провидитъ сію жертву сердца твоего, и милосердно хранитъ тя, и долготерпѣливо щадитъ насъ. Съ крестомъ, срѣтаемъ тебя, Государь, да будетъ съ тобою воскресеніе и жизнь.

По разнымъ отчетамъ видно, что съ начала эпидеміи въ Москвѣ заболѣло 1.000 человѣкъ, изъ коихъ умерло 500.

Вставъ въ 8 часовъ, я провелъ весь день дома; вечеромъ былъ у Левицкихъ. По утру были похороны полковника Менье, состоявшаго при штабѣ его высочества. Легъ спать въ 12 часовъ. Да сохранитъ меня Господь.

Воскресенье 19/31. Варшава.

Гельвигъ самъ былъ въ Лейпцигскомъ университетѣ и вотъ что разсказывалъ мнѣ о тайныхъ студенческихъ обществахъ. Въ каждомъ университетѣ есть нѣсколько обществъ, терпимыхъ правительствомъ, такъ какъ они не считаются опасными. Въ Лейпцигѣ существуетъ ихъ пять. Общества эти бываютъ двухъ родовъ:

одни, называемыя Handsmannshaft, имѣютъ цѣлью просто хорошо жить, т. е. наблюдать за нравственностью членовъ. Такъ, напр. они не дозволяютъ своимъ членамъ посѣщать б...... Тайныя общества, какъ указываетъ ихъ названіе, возникли изъ союзовъ, заключенныхъ между собою студентами-земляками. Поэтому они принимаютъ названія и цвѣта главнѣйшихъ областей Германіи. Есть общества саксонцевъ, саксо-пруссовъ и т. д. На академическихъ праздненствахъ члены носятъ на шляпахъ перья цвѣта своего общества. Особеннымъ предпочтеніемъ пользуется смѣшеніе желтаго, краснаго и чернаго цвѣта, входившихъ въ кокарду древней Германской имперіи. Но такъ какъ ее запрещено носить, то студенты украшаютъ шляпу бѣлыми перьями и бѣлымъ шарфомъ, а подъ рубашку надѣваютъ полосатыя ленты по цвѣтамъ ихъ общества. Другія тайныя общества имѣютъ цѣлью сохранить въ Германіи національность; они возникли изъ Tugend Bund'а и т. п. Члены ихъ носятъ старинный студенческій костюмъ: обтянутый черный сюртукъ, такого же цвѣта шляпу съ бѣлыми перьями и бѣлымъ шарфомъ, бѣлыя брюки, испанскіе ботфорты со шпорами, шпагу, длинные усы и волосы. Эти общества чисто университетскія; члены исключаются тотчасъ по окончаніи курса. Каждое изъ этихъ обществъ имѣетъ своего судью и наблюдаетъ въ особенности за распрями между студентами. Напр., если студентъ толкнулъ другого, оскорбленный имѣетъ право сказать: Sie Sind ein dummer Junge (болванъ); тотъ въ свою очередь можетъ вызвать его на дуэль, и тогда они дерутся на обоюдоострыхъ шпагахъ; или если оскорбленный отвѣтилъ: Sie sind ein Hundssotz, то въ такомъ случаѣ дерутся на сабляхъ, что гораздо опаснѣе. Если же было произнесено какое-нибудь другое слово. кромѣ вышеозначенныхъ, то виновный съ позоромъ изгоняется изъ общества. Дуэли на пистолетахъ дозволены между студентами лишь въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ нихъ не умѣетъ владѣть шпагой.

Вечеромъ, бывши у г-жи Кнорингъ, я долго всматривался въ Дюрана, французскаго консула. Это маленькій кубикъ, или скорѣе шарикъ, который не ходитъ, а катится по комнатѣ; руки его дотого коротки, что ему никогда не удается сложить ихъ на животѣ, и вслѣдствіе этого онъ постоянно держитъ въ рукѣ шляпу самымъ комичнымъ образомъ. Онъ не дипломатъ, но скорѣе каррикатура на дипломата, въ особенности послѣ недавнихъ событій. Кромѣ политическаго поприща, онъ занимается еще содержаніемъ виноградниковъ, и поэтому при возвышеніи Полиньяка счелъ нужнымъ предложить свои услуги и войти въ соглашеніе съ господствующей партіей. Но вотъ обстоятельства измѣнились, Полиньякъ и К°.

обанкрутились, и нашъ маленькій человѣкъ совершенно потерялся, не зная, какъ держать себя. Съ нимъ любопытно поговорить. Мнѣ болѣе всего нравится въ немъ его вино, называемое *Люнелемъ Дюрана.* По утру былъ за приказаніемъ въ Бельведерѣ; обѣдалъ дома.

Да сохранитъ меня Господь.

Четвергъ 23/4. Варшава.

!!!Всѣ мои надежды на богатство и счастье рушились, въ карманѣ нѣтъ ни гроша, не на что купить куска хлѣба взамѣнъ обѣда!! Какое положеніе послѣ вчерашнихъ надеждъ и воздушныхъ замковъ!!! Въ какое положеніе поставилъ меня этотъ отказъ или, лучше сказать, неразрѣшенный отпускъ. По утру мое положеніе было ужасно; я буквально умиралъ съ голоду, и не предвидѣлось никакого исхода; одинъ несчастный флоринъ, найденный мною въ моей коллекціи, далъ мнѣ возможность купить порцію холоднаго мяса и хлѣба. Это составило мой обѣдъ. Утоливъ голодъ я повеселѣлъ и обдумалъ свое положеніе, однако надобно сознаться, что покуда желудокъ мой былъ пустъ, мнѣ приходила охота побить кого-нибудь.

Воскресенье 26 октября, (7 ноября), Св. Дмитрія. Варшава.

Именины гр. Курута.

Онъ родился въ рубашкѣ. Воспитанный у адмирала Л. И. Кутузова, который до нѣкоторой степени растратилъ свое состояніе, онъ вполнѣ наслѣдовалъ его образъ мыслей, его оригинальность и даже его дурныя манеры. Онъ кривляется ужасно; съ нимъ нужно разговаривать закрывши глаза. Онъ очень уменъ, много знаетъ и жаждетъ почестей. Онъ началъ службу въ гвардейской пѣшей артиллеріи и считался старательнымъ и весьма приличнымъ офицеромъ. Онъ завѣдывалъ школою фейерверкеровъ. 14 декабря командовалъ батареей, будучи простымъ лейтенантомъ, имѣлъ счастіе первымъ прибыть на площадь съ картечью и этимъ обратилъ вниманіе Императора. Онъ получилъ тогда Владимірскій крестъ и нѣсколько времени спустя былъ назначенъ адъютантомъ Его Высочества. Въ турецкую кампанію 1828 года онъ мало былъ при в. к., а большею частью находился въ авангардѣ или при осадныхъ батареяхъ. При Бѣловѣ командовалъ 9 дней батареей, получилъ Георгія 4 степени. Храбрый и необыкновенно хладнокровный, ищущій всегда случая отличиться, онъ получилъ въ эту войну почетную саблю, чинъ штабсъ-капитана, Анну на шею и нѣсколько

благодарностей. Въ 1829 г. онъ состоялъ при главнокомандующемъ графѣ Дибичѣ. Командовалъ двумя батареями при осадѣ Силистріи, былъ произведенъ въ капитаны и получилъ лихорадку въ траншеяхъ. При заключеніи мира онъ получилъ корону на Анну и тогда онъ отправился въ Карлсбадъ, объѣхалъ въ продолженіе 6 мѣсяцевъ, истративъ 10.000 руб., всю Италію, Рейнъ и часть Австріи и теперь возвратился въ Россію. Съ такой жаждой къ повышенію и съ его средствами, онъ, безъ сомнѣнія, будетъ играть со временемъ видную роль въ нашемъ военномъ мірѣ.

Вторникъ 28/9. Варшава.

Въ настоящее время никто не вѣритъ въ возможность возмущенія въ Варшавѣ и говорить о заговорѣ считается уже не современнымъ; мысли направлены въ другую сторону, и что бы теперь ни случилось—ничего не относятъ болѣе къ недовольству поляковъ. Въ прошлую субботу, напримѣръ, около ста студентовъ отправились въ № чтобы пропѣть заупокойный гимнъ въ честь храбрыхъ защитниковъ отчизны, отправленныхъ Суворовымъ ad patres. Десять дней тому назадъ это встревожило бы всѣхъ властей; патрули и часовые были бы усилены, и моимъ храбрымъ товарищамъ снова пришлось бы заряжать свои пистолеты. Теперь же объ этомъ фактѣ никто не говорилъ и даже не думалъ. Вчера всѣ были встревожены холерою, появившеюся въ Гродненской губерніи, сегодня всюду только и говорятъ о войнѣ съ возставшими бельгійцами. Весь этотъ переполохъ поднялся вслѣдствіе отказа въ отпускахъ и приказанія учить солдатъ стрѣльбѣ въ цѣль. Всѣ только и толкуютъ о приготовленіяхъ къ походу; говорятъ даже, будто 1-й корпусъ графа Петра Палена составитъ авангардъ. Дай Богъ, чтобы эти слухи имѣли болѣе основанія, нежели толки о заговорѣ.

Среда 29/10. Варшава.

Нельзя долго быть влюбленнымъ, не надѣлавъ много глупостей; также трудно говорить о любви, не сказавъ пошлости.

Ивашкевичъ, полковникъ нашего полка, котораго мы всегда считали величайшимъ пьяницей и человѣкомъ, который болѣе всего боится Его Высочества и генерала, будучи въ кирасирскомъ полку, подъ командою ген. Левашева, спасъ послѣднему жизнь. Онъ его вывезъ изъ сраженія, когда ген. былъ раненъ въ руку. Я узналъ объ этомъ, пот. что Его Высоч. пожелалъ видѣть Ивашкевича.

Слухи о войнѣ раздаются все чаще и чаще. Сегодня мнѣ говорили, что первая гусарская дивизія, отданная подъ личный присмотръ инспектора всей кавалеріи, снова присоединена къ первому корпусу. Корпусъ этотъ, ввѣренный графу Петру Палену, получилъ приказаніе быть готовымъ выступить 20-го декабря; мы должны выступить того же числа.

Четвергъ. 30/11 Варшава.

Привожу содержаніе полученныхъ писемъ:

Холера продолжаетъ свирѣпствовать въ Москвѣ. Присутствіе Его Величества, подобно электрической искрѣ, возвратило жизнь и движеніе властямъ этой столицы, парализованной страхомъ. Всѣ газеты наполнены списками лицъ, жертвующихъ на общую пользу деньги или личный трудъ. Каждый сенаторъ взялъ въ свое распоряженіе одинъ кварталъ, и многіе добровольно предложили свои услуги, чтобы помогать имъ.

Многія частныя лица, между прочимъ князь Михаилъ Долгорукій, отдаютъ свои дома подъ госпитали. Купцы предложили снабжать народъ по дешевой цѣнѣ мукою и капустою.

Съ начала эпидеміи число больныхъ возрасло до 2.400 человѣкъ, изъ коихъ около 1.000 умерли до 12/24 октября. Это цифра небольшая при населеніи въ 300.000 душъ.

Москва объята ужасомъ. Нѣкто Хвостовъ пріѣхалъ въ Москву 8, заболѣлъ 9 и умеръ 10. Доктора объявили, что боязнь помѣшала лѣкарствамъ подѣйствовать. „Анастасія Николаевна Хитрово пишетъ изъ Москвы, что она со всѣмъ семействомъ уже исповѣдалась, пріобщалась, и что они ежеминутно ожидаютъ вѣчной разлуки".— Впрочемъ „хотя холера не забываетъ и аристократію, но все же это болѣзнь чисто демократическая и простонародная".

Поѣздка Императора въ Москву составитъ достойную страницу по исторіи; во время своего пребыванія въ этомъ городѣ онъ нисколько не берегъ себя, не только посѣщалъ госпиталя, но и въ Кремлѣ былъ окруженъ народомъ, исполненнымъ надежды и любви къ нему. Особенно достойно вниманія, что онъ строго выдержалъ двухнедѣльный карантинъ въ Твери; въ С.-Петербургъ онъ возвратился 19 числа. 25-го дворъ переѣдетъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Пятница 31/12. Варшава.

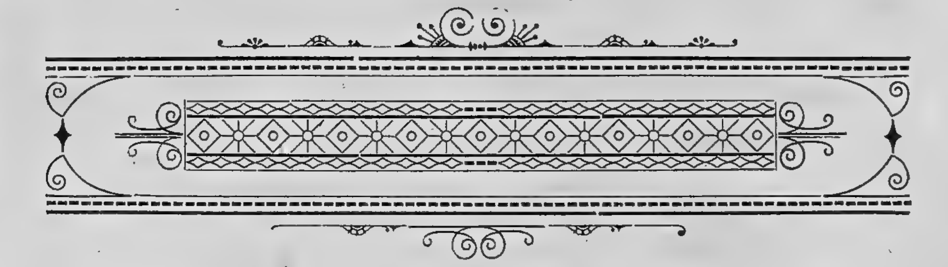
Въ Литовскомъ полку Федоровыхъ было пять: Василій, Николай, Павелъ, Михаилъ и Дмитрій. Теперь ихъ осталось только трое. Впрочемъ, они схожи почти во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что, зная одного, можно сказать, что знаешь всѣхъ. Настоящіе полувоспитанные московскіе баричи.

Хвастливы, крикуны, оскорбляющіеся за каждое слово, и готовы всегда возстановить свою честь дуэлью... на вилкахъ. Ограниченнаго ума и образованія, тщеславные; но, не взирая на эти маленькіе недостатки, младшіе два все - таки добрые малые. Павелъ имѣетъ вдобавокъ претензію быть поэтомъ, я никогда не имѣлъ удовольствія читать его стихи, но Одинцовъ 1-ый, имѣвшій это несчастіе, разсказываетъ, что они въ высшей степени комичны. Этотъ же самый Павелъ повздорилъ однажды (въ 1829 г.) съ Сережей; они должны были драться въ Страстную пятницу; никогда не забыть мнѣ этого дня. Сережа и я были приглашены на обѣдъ къ Жандръ, куда я отправился одинъ, чтобы не возбудить подозрѣнія. Дуэль была назначена въ 5 часовъ.

Какая была моя тревога все время обѣда! Лишь только вышли изъ-за стола, я поспѣшилъ удалиться и побѣжалъ узнать о Сережѣ къ Одинцову; но поединокъ окончился весьма миролюбиво, и страхъ мой былъ напрасенъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 гг. [1])

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Осада Силистріи.

Пріѣхавъ въ лагерь Багратіона передъ Силистріей, я принялъ командованіе корпусомъ Милорадовича, состоящимъ изъ слѣдующихъ частей:

2 баталіона Сибирскаго гренадерскаго полка.
2 „ Малороссійскаго гр. полка.
2 „ Одесскаго „
2 „ Апшеронскаго „
2 „ 6-го Егерскаго „
5 эскадроновъ Кинбургскихъ драгунъ.
10 „ Бѣлорусскихъ гусаръ.
6 орудій двѣнадцати фунтовыхъ.
12 „ конной артиллеріи.
2 казачьихъ полка.

Подъ личнымъ начальствомъ князя Багратіона состояли:

2 баталіона Архангелогородскаго полка.
2 „ Воронежскаго „
2 „ Новгородскаго „
2 „ Украинскаго „
5 эскадроновъ Стародубовскихъ драгунъ.
12 орудій двѣнадцати фунтовыхъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1908 г.

Авангардъ Платова состоялъ:

2 баталіона 7-го Егерскаго полка.
2 „ 14-го „ „
2 орудія Донской артиллеріи.
12 эскадроновъ Чугуевскихъ уланъ.
5 „ Дерптскихъ драгунъ.
9 казачьихъ полковъ.

16-го сентября наша флотилія бомбардировала Силистрію, и 8 канонерскихъ лодокъ поплыли противъ теченія на всѣхъ парусахъ, чему способствовалъ сильный восточный вѣтеръ, вдоль города, и остановилась по другую сторону его. Но слабость этой флотиліи лишила насъ надежды въ возможность задержать ожидаемыя подкрѣпленія изъ Рущука. Слѣдовало бы собрать здѣсь всю флотилію какъ лейтенанта Центиловича, такъ и часть флотиліи Акимова, стоявшей противъ Браилова.

Турки, не подозрѣвая такой дерзости со стороны нашей флотиліи, къ которой наши моряки не пріучили ихъ, не догадывались даже о проходѣ этихъ лодокъ, такъ какъ ими нельзя было управлять въ каналахъ р. Борща, которая тогда была слишкомъ мелководна для канонерскихъ лодокъ.

Платовъ безпрестанно посылалъ разъѣзды на 20, 30 и 40 верстъ отъ Силистріи. Эти разъѣзды изрѣдка встрѣчали и разсѣивали турецкихъ всадниковъ, но по большей части, вѣроятно, что они вовсе ихъ не видѣли, а ограничивались лишь донесеніями. Во всѣхъ арміяхъ начальники мелкихъ, легкихъ отрядовъ пользуются привилегіей лганья, а потому надо всегда вѣрить только половинѣ того, что они доносятъ; но казаки въ этомъ отношеніи превосходятъ всѣхъ гусаръ и стрѣлковъ всего свѣта, и нужно всегда сокращать въ 10 разъ число встрѣченныхъ и убитыхъ ими враговъ.

18 сентября, 1.000 турецкихъ всадниковъ вышли изъ Силистріи по Туртукайской дорогѣ. Изъ города имъ не былъ виденъ лагерь Платова, подъ Канипетри, и они не подозрѣвали тамъ никого. Какъ только турки были замѣчены, графъ Строгановъ приказалъ казакамъ атаковать ихъ. Генералъ Кутейниковъ и полковники Ефремовъ, Балабинъ, Иловайскій бросились на нихъ, опрокинули, убили 50 человѣкъ и преслѣдовали до города. Но какъ только турки получили подкрѣпленіе, казаки принуждены были отступить.

20 сентября, наконецъ, подошелъ и корпусъ Маркова, который составляли:

2 баталіона Фанагорійскаго гренадерскаго полка.
2 баталіона Колыванскаго полка.
2 баталіона Старо-Ингерманландскаго полка.
2 баталіона 13-го Егерскаго полка.
1 баталіонъ Алексопольскаго полка.
5 эскадроновъ Сѣверскихъ драгунъ.
5 эскадроновъ Ольвіопольскихъ гусаръ.
12 орудій 12-ти фунтовыхъ.

Это было очень полезное подкрѣпленіе, но еще недостаточное, чтобы кольцомъ окружить и блокировать Силистрію

Марковъ остановился на дорогѣ въ Шумлу, но берегъ Дуная и дорога въ Туртукай все еще оставались незанятыми.

Въ этотъ день, довольно значительный отрядъ турокъ, подъ начальствомъ Пегливана, вышелъ изъ Рущука и подошелъ къ Силистріи. Пегливанъ прошелъ черезъ Туртукай, чего бы онъ не могъ сдѣлать, если бы мнѣ дано было право взять этотъ городъ, какъ я это предполагалъ сдѣлать раньше, когда это было сравнительно легко. Извѣстіе о движеніи Пегливана было получено отъ полковника Емельянова, командовавшаго Выборгскимъ полкомъ въ Ольтеницѣ, передъ Туртукаемъ. Турки расположились лагеремъ сначала у с. Поппи, около праваго берега Дуная, въ 25 верстахъ отъ Силистріи, а 21 они произвели движеніе вправо. 23 сентября, Пегливанъ и тиранъ Махмутъ, знаменитый своимъ побѣгомъ изъ дома, который былъ блокированъ Уланіусомъ и Исаевымъ (Записки 1807 г.), вышли съ 3—4 тысячами, для рекогносцировки лагеря Платова.

Платовъ тотчасъ же вышелъ имъ навстрѣчу; въ авангардѣ, съ 6-ю казачьими полками выступилъ гр. Строгоновъ, за нимъ, во второй линіи, находились гр. Павелъ Панинъ и генералъ Лисаневичъ съ регулярной кавалеріей, а арьергардъ составляли 4 баталіона егерей, подъ начальствомъ кн. Трубецкого.

Живая и прекрасно произведенная атака регулярной кавалеріи и казаковъ совершенно разстроила ряды турокъ, они не выдержали и бѣжали въ страшномъ безпорядкѣ. Конница наша преслѣдовала ихъ 5 верстъ. Затѣмъ турки собрались и остановились на одной возвышенности, гдѣ Пегливанъ отчаянно защищался, но Платовъ приказалъ произвести вторую конную атаку, при которой Исаевъ съ 2 казачьими полками ударилъ во флангъ, а драгуны и уланы понеслись на фронтъ. Турки вторично были разбиты и преслѣдуемы до ихъ лагеря, находившагося верстахъ въ 15 позади. Турки

потеряли около 1.000 чел. и взято въ плѣнъ 108, изъ коихъ 38 офицеровъ, и въ ихъ числѣ попалъ раненымъ Махмутъ. Онъ былъ взятъ во время преслѣдованія, когда его лошадь устала, а другая, которую онъ имѣлъ для смѣны, была уведена его слугою, которому Пегливанъ приказалъ за это отрубить голову.

Мы потеряли 60 человѣкъ убитыми и очень много ранеными; въ числѣ убитыхъ былъ подполковнимъ Ефремовъ, человѣкъ большого ума и рѣдкой храбрости. Казаки сильно сожалѣли о немъ.

24-го турки, не зная о происшедшемъ наканунѣ, вышли изъ Силистріи въ числѣ 2.000 чел., чтобы соединиться съ Пегливаномъ, но Платовъ немедленно выслалъ противъ нихъ казаковъ, которые и прогнали ихъ обратно, нанеся большія потери.

27-го на присоединеніе съ кн. Багратіономъ прибылъ изъ Валахіи генералъ-маіоръ принцъ Мекленбургъ-Шверинскій съ 2 баталіонами Московскаго гренадерскаго полка, 2 баталіонами Шлиссельбургскаго полка, 5-ю эскадронами Петербургскихъ драгунъ и 6-ю орудіями двѣнадцати фунтовыми.

1-го октября, изъ Молдавіи прибыла осадная артиллерія, которую расположили въ Калорашѣ, на батареяхъ, построенныхъ на лѣвомъ берегу Дуная. Тотчасъ же началась бомбардировка Силистріи, но крайне не успѣшно, что̀ вызвало неудовольствіе кн. Багратіона противъ начальника артиллеріи арміи, генерала Рѣзваго, который предполагалъ, что снаряды его не истощимы, и не жалѣлъ ихъ. Выстрѣлами осадной артиллеріи были разбиты и сожжены нѣсколько мельницъ около города и ничего болѣе.

Генералъ Зассъ все еще не прибывалъ, а между тѣмъ его присутствіе считалось необходимымъ. Багратіонъ приказалъ гр. Сергѣю Каменскому оставить Кюстенджи, Мангалію и Коварну (пушки этихъ крѣпостей мы принуждены были бросить въ море изъ-за невозможности перевезти ихъ), подойти къ с. Бетеркинъ, въ 50 вер. отъ Базарджика и соединиться съ Зассомъ, который получилъ приказъ взять Базарджикъ, разрушить и выслать отряды къ Шумлѣ и къ Козлуджѣ.

Такое, не вполнѣ раціональное, распоряженіе вынуждало насъ съ недостаточными силами удержать не пропорціонально большую площадь, что, конечно, было ошибкой Багратіона. Онъ долженъ былъ вернуть Засса и гр. Каменскаго, тогда онъ, имѣя на 7.000 чел. болѣе войскъ, могъ бы разбить Пегливана и взять Силистрію, что, конечно, было важнѣе, нежели разореніе Базарджика.

Между тѣмъ наступило осеннее позднее время и нельзя было

думать о дальнѣйшихъ операціяхъ по взятіи Силистріи. Зассъ, хотя и получилъ отмѣну перваго приказа, но было уже слишкомъ поздно.

Разоренные болгары разсѣялись по лѣсамъ и начали безпокоить насъ, захватывая нашихъ офицеровъ и отсталыхъ. Необходимо было войско еще и для назначенія въ конвой противъ этихъ вооруженныхъ жителей, которыхъ мы такъ не кстати принудили сдѣлаться нашими врагами, не удержавъ казаковъ отъ грабежа ихъ деревень. Въ 4-хъ верстахъ отъ лагеря, эти разбойники увезли коляску полковника Ланскаго и перебили у насъ довольно много лошадей. Мы нуждались въ сѣнѣ, а фуражъ могъ быть доставленъ только подъ конвоемъ; казаковъ же для сего было слишкомъ недостаточно.

13 октября Багратіонъ приказалъ Маркову построить редутъ передъ своей позиціей въ одну линію съ моими, чтобы удержать турецкихъ стрѣлковъ. Редутъ этотъ, очень хорошо намѣченный, былъ трасированъ рано вечеромъ, но Марковъ, не желая разстраивать своей партіи въ бостонъ, не отдалъ приказаній о сборѣ рабочихъ въ тотъ же вечеръ, а сдѣлалъ это много позднѣе. Работу эту онъ поручилъ офицеру генеральнаго штаба армянину Турманову—очень скверному субъекту и еще болѣе плохому офицеру. Несмотря на длинную ночь, работа не была окончена; а на другой день, лишь только турки замѣтили работу редута, толпой вышли изъ города и атаковали съ такой силою, что надо было имѣть хладнокровіе Попандопуло и твердость 13-го Егерскаго полка, чтобы удержать этотъ, едва начатый, редутъ. Марковъ выслалъ туда Старо-Ингерманландскій полкъ, который былъ размѣщенъ въ лощинѣ, между этимъ редутомъ и моими, и просилъ у меня помощи; самъ же не двинулся изъ свой палатки, сказавшись больнымъ.

Услыхавъ объ атакѣ, я сейчасъ же двинулъ Малороссійскій полкъ, который, скажу по правдѣ, не пошелъ, а полетѣлъ въ огонь. Ген. Булатовъ и я, мы ѣхали галопомъ, а полкъ подошелъ въ одно время съ нами, хотя онъ запыхался и былъ немного въ безпорядкѣ.

Дѣло было серьезное, турки увеличивались ежеминутно, и я не могъ дать ни секунды отдыха полку.

Я собралъ всѣхъ стрѣлковъ, соединилъ ихъ со Старо-Ингерманландцами, и генер. Булатовъ самъ ихъ повелъ впередъ. Турки отступили, и въ одинъ мигъ редутъ былъ освобожденъ. Но сраженіе не прекратилось; мы продолжали драться въ виноградникахъ, са-

дахъ и огородахъ—любимыхъ мѣстахъ турокъ, откуда ихъ уже нельзя было легко выбить. Затѣмъ, турки напали на меня, и я долженъ былъ выдвинуть вправо Апшеронскій полкъ и приказалъ открыть стрѣльбу картечью изъ 8 орудій въ формирующіяся группы турокъ. Потери ихъ были весьма значительны, но все же они успѣли убрать всѣхъ своихъ убитыхъ.

Наконецъ, подошелъ и Марковъ съ Фанагорійскимъ полкомъ и Сѣверскими драгунами. Онъ издали взглянулъ на сраженіе и уѣхалъ доигрывать свою партію въ бостонъ.

Вызвавъ Кинбургскій драгунскій полкъ, я приказалъ наблюдать за небольшими валиками, находившимися позади насъ, куда не слѣдовало никоимъ образомъ допускать проскользнуть туркамъ.

Наконецъ, огонь сдѣлался на столько жаркимъ, что Багратіонъ лично выѣхалъ на поле сраженія и, встрѣтивъ тамъ Маркова, очень сухо обошелся съ нимъ. Затѣмъ, онъ вернулся снова въ линію огня, подъѣхалъ ко мнѣ, поблагодарилъ и сказалъ: „по крайней мѣрѣ этотъ куда придетъ, тамъ и остается“.

Я мало видѣлъ такихъ горячихъ и такихъ упорныхъ сраженій, какъ это; оно продолжалось 8 часовъ и стоило намъ всего 200 чел., что было еще счастливо. Турки потеряли 500 чел., одинъ приступъ редута стоилъ имъ 200 чел. Апшеронскаго полка маіоръ Стеркъ и 3—4 другихъ офицера были ранены.

Между тѣмъ, турки продолжали собираться въ Поппи и не прекращали своихъ частыхъ рекогносцировокъ.

Выше я уже говорилъ, что Багратіонъ долженъ бы былъ приказать Зассу и гр. Каменскому какъ можно скорѣе присоединиться къ нему, тогда бы онъ достигъ численнаго превосходства, котораго ему не доставало для побѣдъ надъ Пегливаномъ.

Съ прибытіемъ войскъ Засса, можно было быть увѣреннымъ, что намъ удалось бы опрокинуть турокъ и, тогда выигранное сраженіе давало намъ всѣ шансы на взятіе Силистріи; тогда, быть можетъ, и сами турки сдались бы.

Вообще, я долженъ повторить, что до Россевата планъ кампаніи, намѣченный Прозоровскимъ, по исполненію своему дѣлаетъ честь кн. Багратіону; но послѣ Россевата, онъ дѣйствуетъ на удачу, безъ плана, безъ цѣли и постоянно дѣлаетъ ошибки; самая главная изъ нихъ—незнаніе имъ мѣстности предстоящихъ сраженій. Ошибка эта не только непростительна, но она была бы, со стороны Багратіона, преступной небрежностью и недостаткомъ предпріимчивости, которыхъ, конечно, не было ни въ его характерѣ, ни въ его привычкахъ.

Разъѣзды до Туртукая посылались безъ конца; казаки разъ 20 проходили взадъ и впередъ разстояніе до Татарицы и никто не изучилъ его.

Багратіонъ не только лично не выѣхалъ осмотрѣть мѣстность между своимъ и турецкимъ лагерями, когда турки приближались и были еще въ Поппи, значитъ, въ 25 верстахъ отъ него, но онъ даже не послалъ туда ни начальника своего штаба, генерала Адеркаса, ни одного изъ своихъ офицеровъ свиты. Онъ слишкомъ довѣрялъ Платову и не сомнѣвался, что послѣдній сдѣлалъ все, что въ подобномъ случаѣ долженъ сдѣлать образованный генералъ. Я полагаю, что главнокомандующій самъ долженъ все видѣть лично, и Багратіонъ долженъ былъ знать невѣжество и нерадивость Платова, черезъ котораго вѣдь онъ и потерпѣлъ пораженіе и потерялъ славу плодовъ этой кампаніи.

9-го октября, въ полдень, стало извѣстно о движеніи турокъ отъ Поппи къ Коракли и Татарицѣ, которая находилась всего въ 8 верстахъ отъ Силистріи, въ 6 верстахъ отъ лагеря Платова и въ 12 отъ лагеря Багратіона. Казаки донесли, что турки были въ числѣ 25.000 (на этотъ разъ они преувеличили всего на 1/3).

Пегливанъ безъ затрудненій вошелъ въ Татарицу и окопался тамъ.

Деревня Татарица лежитъ на равнинѣ, тянущейся вдоль Дуная, въ 1½ вер. отъ берега рѣки. Вся эта равнина, длиною 20—25 верстъ, имѣетъ около Татарицы ширины 1—2 версты. Между этой деревней и Вейдемиромъ, находящимся на 2 версты ниже Силистріи, лежатъ болота.

На разстояніи 2-хъ верстъ отъ Дуная эта равнина упирается въ рѣзко возвышающіяся горы, вершины которыхъ покрыты кустарниками и называются Вейдемирскими возвышенностями.

Небольшой овратъ перерѣзываетъ ихъ слѣва, параллельно Дунаю, а по другую сторону этого оврага тянутся горы, покрытыя густымъ кустарникомъ. Горы эти образуютъ два широкихъ оврага, изъ которыхъ одинъ является лишь продолженіемъ только-что описаннаго, а другой лежитъ перпендикулярно къ Дунаю. Овраги очень глубоки и упираются въ большое озеро, находящееся позади Татарицы.

У подножія одной изъ возвышенностей, спускающейся амфитеатромъ къ деревнѣ, Пегливанъ построилъ ночью ретраншаментъ который захватывалъ и деревню. Въ ту же ночь, онъ построилъ на горѣ, по другую сторону овраговъ, редутъ.

Пегливанъ былъ слабъ, чтобы наступать на русскихъ, у него

было всего 17—18 тысячъ и 18 пушекъ; вотъ почему онъ и засѣлъ въ укрѣпленіяхъ, гдѣ и ожидалъ Мухтара-пашу, сына Али-паши изъ Ясины, который привелъ ему 4—5.000 арнаутовъ.

Если бы великій визирь былъ болѣе дѣятельнымъ и предпріимчивымъ, онъ двинулся бы на Багратіона со всей своей арміей и могъ бы съ своими сорока тысячами заставить снять осаду Силистріи, даже безъ боя; но онъ преспокойно остался въ Рущукѣ съ большей частью своихъ войскъ, гдѣ онъ былъ совершенно безполезенъ.

9-го октября турецкая конница показалась на Вейдемирскихъ высотахъ, и обычныя стычки съ нашей кавалеріей продолжались до вечера.

Въ то же время турки вышли изъ Ѳилистріи, чтобы соединиться съ Пегливаномъ, но Платовъ, съ Чугуевскими уланами и казачьимъ полкомъ, атаковалъ ихъ и отогналъ обратно въ крѣпость.

Передъ выступленіемъ своимъ, кн. Багратіонъ поручилъ мнѣ командованіе войсками, оставленными передъ Силистріей, и назначилъ мнѣ въ помощь двухъ хорошихъ генераловъ: Булатова и Мантейфеля. Остался также и Марковъ, котораго Багратіонъ больше не выдѣлялъ и не пожелалъ взять съ собой. Общее число оставшихся войскъ нашихъ составляло 7.000, а у турокъ, въ крѣпости, было 12.000 человѣкъ.

Сраженіе при Татарицѣ.

Князь Багратіонъ двинулся на турокъ съ цѣлію атаковать ихъ и распредѣлилъ свою маленькую армію, въ 11.000 чел., слѣдующимъ образомъ: направо, вдоль Дуная—генералъ Павелъ Иловайскій съ своимъ полкомъ и двумя полками его братьевъ; въ центрѣ—казачьи полки: Атаманскій, Сысоева и Баранникова, подъ начальствомъ графа Строганова; на лѣвомъ флангѣ Мельниковъ, Кутейниковъ, Иловайскіе 5-й и 10-й.

Въ первой линіи нашего фронта находилось 6 пѣхотныхъ каре; на правомъ флангѣ — Московскій и Малороссійскій полки, подъ начальствомъ принца Карла Мекленбургскаго; въ серединѣ — 1) большое каре Воронежскаго и Архангелогородскаго полковъ, подъ начальствомъ Бахметьева съ полковниками Сутгофомъ и Беренъ, 2) каре Новгородскаго и Украинскаго полковъ, подъ начальствомъ генерала Рѣпнинскаго; на лѣвомъ флангѣ — 7-й и 14-й Егерскіе

полки, подъ начальствомъ кн. Трубецкого съ полковниками Лаптевымъ и Колоперъ.

Регулярная кавалерія была поставлена въ 3 линіи; съ праваго фланга—полковникъ Ланской съ 10-ю эскадронами Бѣлорусскихъ гусаръ, затѣмъ Денисьевъ съ 5-ю эскадронами Сѣверскихъ драгунъ и гр. Павелъ Паленъ съ Стародубовскими и Дерптскими драгунами.

По фронту было разставлено 60 орудій. Багратіонъ и Платовъ находились въ центрѣ, при большомъ каре Бахметьева. Позади себя, для охраненія тыла и для наблюденія за Силистрійскимъ гарнизономъ, онъ поставилъ генерала Лисаневича съ Чугуевскими уланами, Шлиссельбургскимъ баталіономъ и казаками.

10-го октября вся наша армія начала наступленіе, оставивъ въ резервѣ одно каре принца Мекленбургскаго съ Московскимъ полкомъ.

Вмѣсто того, чтобы обойти сильную позицію турокъ, Багратіонъ двинулся прямо на ихъ фронтъ; благодаря этой ошибкѣ, онъ потерялъ сраженіе.

Съ 6 час. утра казаки завязали стычку съ турецкой конницей, а 8 ч. утра началось общее сраженіе.

При наступленіи на Вейдемирскія возвышенности генер. Бахметьевъ встрѣтилъ большой отрядъ непріятельской конницы и пѣхоты, строившихъ тамъ редутъ; онъ немедленно атаковалъ ихъ стрѣлками Новгородскаго полка и спѣшенными казаками, открывшими сильный ружейный огонь, поддержанный пальбою изъ орудій. Сильный огонь этотъ заставилъ турокъ бросить работы и отступить. Стрѣльба продолжалась нѣсколько часовъ, и турки, мужественно сопротивляясь, начали отступленіе лишь тогда, когда къ мѣсту боя подошли казаки гр. Строганова и кн. Трубецкаго.

Если бы кн. Багратіонъ, чтобы сломить упорство турокъ, оставилъ одно каре, часть кавалеріи и артиллеріи на позиціи противъ непріятеля, а три каре пѣхоты съ большимъ числомъ кавалеріи и казаковъ отправилъ внизъ, въ долину, на лѣвый флангъ, съ цѣлью обойти правый флангъ Пегливана, то, спустясь въ оврагъ и двигаясь къ озеру, они могли бы зайти въ тылъ непріятельскихъ укрѣпленій. Гора Татарицы была совершенно голой и имѣла доступъ со стороны этихъ овраговъ, а потому достичь ея вершины было очень легко, и тогда Пегливану ничего не оставалось бы дѣлать какъ бросить всю свою артиллерію. Такое движеніе было бы повтореніемъ сраженія подъ Россеватомъ. Но кн. Багратіонъ, не разслѣдовавъ мѣстности, упорно двигался на фронтъ. Единственный, кто угадалъ,

что надо было дѣлать,—это былъ кн. Трубецкой. Онъ двинулся влѣво и могъ бы выиграть сраженіе, если бы не одно происшествіе, которое ему помѣшало въ этомъ, какъ мы увидимъ дальше. Павелъ Иловайскій двинулся, направо, вдоль Дуная, и турки сейчасъ же вышли ему навстрѣчу; тогда Багратіонъ приказалъ каре Украинскаго и Малороссійскаго полковъ спуститься съ высотъ Вейдимиръ и они, соединившись съ казаками Иловайскаго, отбросили турокъ въ ихъ укрѣпленія, откуда былъ открытъ сильный артиллерійскій огонь, который и остановилъ Иловайскаго. Но онъ выставилъ противъ нихъ 12 двѣнадцати-фунтовыхъ орудій, которыя и завязали артиллерійскую перестрѣлку.

Когда опредѣлилось, что турки стали сосредоточиваться именно съ этой стороны, то Багратіонъ перевелъ сюда, изъ резерва, и Московскій полкъ. Вслѣдъ затѣмъ, полковникъ Ланской, съ большей отвагой, чѣмъ разсудительностью, атаковалъ съ своими гусарами турецкую конницу и взялъ у нихъ 2 знамени, но, увлекшись атакой, наскочилъ на ретраншаментъ и попалъ подъ картечный и ружейный огонь. Преслѣдуемые турками, гусары въ сильнѣйшемъ безпорядкѣ быстро отступили на высоты Вейдемира и смѣшали каре Бахметьева, а на плечахъ гусаръ туда же ворвались и преслѣдовавшіе ихъ турки и произвели общую суматоху и свалку. Но смѣлая стойкость каре и отвага опытнаго начальника его спасли людей отъ разгрома и пораженія. Въ этотъ критическій моментъ, подвергаясь сильной опасности, подъѣхалъ сюда кн. Багратіонъ и немедленно приказалъ Денисьеву съ Сѣверскими драгунами атаковать турокъ. Въ полномъ порядкѣ, стройно кинулись драгуны въ атаку на турокъ и, при содѣйствіи картечнаго огня 12 орудій, не только отразили турокъ, но и выгнали ихъ обратно въ ретраншаментъ.

Воспользовавшись отступленіемъ турокъ, Багратіонъ задумалъ самъ перейти въ наступленіе и для сего открылъ сильный артиллерійскій огонь, продолжавшійся нѣсколько часовъ, но наши 60 орудій никакъ не могли заставить прекратить огонь 18 турецкихъ пушекъ разныхъ калибровъ. Перестрѣлка эта, хотя и сильно поражала турокъ, но причинила и намъ не малыя потери.

Между тѣмъ, кн. Трубецкой, со своимъ каре стрѣлковъ, удалился отъ центра, перешелъ оврагъ, находившійся влѣво онъ него, двинулся на правый флангъ турокъ, открылъ орудійный огонь съ высотъ, которыя предварительно были имъ заняты, и взялъ Татарицкую возвышенность. Въ это же время, Мельниковъ, со своими казаками, спустился въ другой оврагъ, откуда было очень удобно обойти турецкую позицію, и гдѣ хотѣлъ его поддержать кн. Трубецкой, но,

за недостаткомъ войскъ, не могъ этого сдѣлать. Но на помощь казакамъ былъ присланъ гр. Паленъ съ 10 эскадронами драгунъ, 4-мя орудіями Донской артиллеріи и 12-ю двѣнадцати-фунтовыми орудіями, подошедшими къ нему немного спустя послѣ начала сраженія.

Въ этотъ же день, утромъ, въ 10 верстахъ отъ поля сраженія, по Разградской дорогѣ, проходилъ съ своими войсками Мухтаръ-паша. Услыхавъ выстрѣлы, онъ быстро прискакалъ съ конницей и, около 2-хъ часовъ дня, внезапно напалъ на кн. Трубецкаго и гр. Палена.

Каре егерей было окружено и болѣе часа отбивалось отъ яростнаго нападенія турокъ. Если бы не его твердость и хорошій примѣръ офицеровъ и генераловъ, то оно было бы разбито. Двѣ наши пушки, лошади и прислуга которыхъ были убиты, попали въ руки турокъ. Мельникову пришлось употребить много усилій, чтобы выбраться изъ оврага, куда онъ углубился, и снова подняться на высоты. Графъ Паленъ приказалъ своимъ драгунамъ спѣшиться, такъ какъ они не могли дѣйствовать на конѣ. Благодаря храбрости войскъ, драгунамъ не только удалось вернуть два потерянныхъ орудія, но и выручить кн. Трубецкаго.

Наконецъ, наши войска, съ большимъ трудомъ, отступили на 3 версты. Багратіонъ, хотя и выслалъ на помощь войскамъ генерала Рѣпнинскаго съ Новгородскимъ полкомъ, но помощь эта подошла уже тогда, когда войска отступили. Трубецкой и Паленъ прославились въ этомъ дѣлѣ.

Наконецъ, около 6 час. вечера, послѣ одиннадцати-часовой ожесточенной битвы, Багратіонъ отошелъ на 4 версты и расположился бивакомъ, въ боевомъ порядкѣ.

Въ этой битвѣ, мы хотя и не потеряли ни знаменъ, ни орудій, но и не достигли предположенныхъ результатовъ. Вслѣдствіе сего, принуждены были снять осаду Силистріи. Надо сознаться, что мы потеряли это сраженіе, а между тѣмъ легко могли его выиграть.

Потери наши заключались въ 5 офицерахъ и 206 солдатъ убитыми и 380 ранеными. У турокъ было взято 16 знаменъ и они потеряли 1.000—1.200 чел. убитыхъ и раненыхъ.

Во время сраженія гарнизонъ Силистріи не оставался въ бездѣйствіи, но онъ не сдѣлалъ достаточно большихъ усилій, чтобы дѣйствительно помочь Пегливану. Рано утромъ, въ день сраженія, 3.000 всадниковъ вышли изъ-за валовъ крѣпости и поднялись на гору, влѣво отъ Маркова, позади долины Калипетри. Другой

конный отрядъ имѣлъ намѣреніе перейти черезъ долину, тянувшуюся вдоль Дуная, съ цѣлью зайти въ тылъ нашей арміи, но этотъ отрядъ былъ задержанъ Лисаневичемъ и казаками, соединившимися, на ихъ правомъ флангѣ, съ войсками, которыя я отправилъ на лѣвый флангъ Маркова. Тогда я выслалъ гр. Мантейфеля съ Петербургскими драгунами, Фанагорійскими гренадерами и баталіономъ егерей, которые и остановили турокъ, сражаясь съ ними все утро съ большой отвагой и благоразуміемъ.

Около 2-хъ часовъ я замѣтилъ, что турки начинаютъ усиливаться, а потому, не опасаясь болѣе за свой фронтъ, выдѣлилъ отъ себя, въ помощь Мантейфелю, генер. Булатова съ тремя баталіонами и 6 орудіями. Къ вечеру турки принуждены были, съ небольшими потерями, возвратиться обратно въ крѣпость. У насъ было 60 чел. убитыхъ и раненыхъ.

11-го и 12-го все было спокойно; а вечеромъ 12-го, армія Багратіона расположилась бивакомъ въ Калипетри.

Между тѣмъ, Пегливанъ оставался въ Татарицѣ и усиливалъ свои укрѣпленія, а великій визирь продолжалъ оставаться въ Рущукѣ съ 30.000 войскъ, готовыхъ прійти на помощь Пегливану, что конечно легко можно было ожидать.

Наступила поздняя осень. Корма для лошадей не было. Подвозы затруднялись непроходимостью дорогъ. Въ войскахъ сталъ обнаруживаться недостатокъ не только въ сѣнѣ и овсѣ, но даже и въ хлѣбѣ.

13-го октября Багратіонъ пріѣхалъ подъ Силистрію и, вмѣстѣ съ Адеркасомъ, былъ у меня. Войдя въ палатку, онъ выслалъ всѣхъ присутствующихъ и сказалъ мнѣ, что предполагаетъ отступить въ Валахію, но все же хочетъ остаться нѣкоторое время у Троянова вала, чтобы собрать всѣ свои войска и дать генеральное сраженіе великому визирю, если онъ только выйдетъ изъ крѣпости. Этимъ онъ задержитъ его и дастъ время Эссену взять Браиловъ [1]). Я отвѣтилъ ему, что онъ тысячу разъ правъ и что не можетъ ничего лучшаго сдѣлать при тѣхъ затруднительныхъ условіяхъ, въ которыхъ мы тогда находились, но предупредилъ его, что это наступленіе не понравится въ Петербургѣ и поставитъ его въ дурныя отношенія ко двору, гдѣ, конечно, не могутъ вѣрно судить о дѣйствительномъ

---

[1]) Это опасеніе было неосновательно, особенно противъ турокъ. Благодаря взятію Мачина и Гирсова и нашей флотиліи, можно было помѣшать всякой попыткѣ проникнуть въ Браиловъ, но надо было усилить войска флотиліи и гарнизоновъ обѣихъ крѣпостей.

положеніи дѣлъ, такъ какъ слишкомъ мало знакомы со страной и полагаютъ, что въ Валахіи вѣчная весна и что тамъ можно вести войну даже зимой. Я полагаю, что послѣ Татарицы, поведеніемъ Багратіона дѣйствительно можно быть недовольнымъ.

14-го утромъ, турки еще разъ вышли изъ Силистріи, по Туртукайской дорогѣ, но были отброшены.

Если бы Багратіонъ перенесъ къ Силистріи мостъ, остававшійся около Гирсово, то съ 16-го октября мы всѣ уже могли бы начать переправу на лѣвый берегъ Дуная. Вообще, я нахожу, что онъ черезчуръ остерегался утомить войска и слишкомъ рано задумалъ занять зимнія квартиры, не давая даже разрѣшенія оставить войска въ Гирсовѣ, на правомъ берегу Дуная.

14-го октября Шлиссельбургскій полкъ былъ отправленъ на островъ, лежащій противъ Силистріи, для охраны отступленія осадной артиллеріи, а въ 9 ч. вечера я приказалъ увезти орудія изъ всѣхъ редутовъ и срыть всѣ укрѣпленія, выстроенныя мною во время осады. Въ ночь на 15-е число и я съ своимъ корпусомъ выступилъ въ походъ, вслѣдъ за войсками кн. Багратіона. Мы сдѣлали 32 версты и остановились въ Ольсонѣ, имѣя передъ собой непроходимый въ бродъ ручей. Платовъ отступилъ въ 2 ч. дня и расположился въ 15 верстахъ впереди насъ. Для прикрытія нашего марша, въ продолженіе всей ночи, производилась стрѣльба изъ редутовъ Калараша.

Турки и не предполагали о нашемъ отступленіи и только на слѣдующій день узнали объ этомъ. На островѣ Суссѣ они напали на нѣсколько нашихъ повозокъ съ больными, не успѣвшими перейти Дунай, но огнемъ флотиліи они были разстроены и, раньше чѣмъ успѣли построить боевой порядокъ, всѣ наши больные уже были перевезены на другой берегъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ повозокъ, уже захваченныхъ турками.

16-го мы простояли въ Ольсони, и въ этотъ день кн. Багратіонъ послалъ Одесскій полкъ въ Гирсово, а Малороссійскій гренадерскій и Петербургскій драгунскій въ Каларашъ, гдѣ и былъ сформированъ особый отрядъ подъ начальствомъ гр. Мантейфеля.

17-го мы подошли къ Россевату, въ 25 верстахъ отъ Ольсони, а Платовъ занялъ Миріанъ, въ 15 верстахъ впереди насъ.

18-го и 19-го мы простояли на тѣхъ же мѣстахъ, а 20-го расположились лагеремъ въ Черноводахъ, въ 5 верстахъ отъ Троянова вала, на возвышенностяхъ, имѣя передъ собой деревню и болотистый непроходимый ручей съ перекинутымъ черезъ него маленькимъ мостомъ, который легко можно было защищать. Платовъ съ

авангардомъ остался на Трояновомъ валу и выставилъ посты. Въ этотъ день, догнавшій насъ наконецъ, Зассъ занялъ чудную позицію въ Карасонѣ, въ самомъ центрѣ Троянова вала, а гр. Каменскій расположился близъ Кюстенджи, на берегу Чернаго моря.

Съ нашей стороны, позади вала, шелъ цѣлый рядъ озеръ, весьма затруднявшихъ подступы къ нашей позиціи. Зассъ находился въ 18 верстахъ отъ Черноводовъ, на возвышенности, наклонно спускающейся къ озерамъ, и имѣя передъ собой узкій и длинный мостъ, по которому никакъ нельзя было пройти не замѣтнымъ.

Къ Милорадовичу былъ отправленъ его плохой Апшеронскій полкъ, который никто не пожелалъ оставить при себѣ, и превосходный полкъ Кинбургскихъ драгунъ. Самъ князь Багратіонъ оставался со мной въ Черноводахъ.

Общій составъ нашихъ войскъ заключался:

У меня:

16 баталіоновъ.
15 эскадроновъ.
28 орудій 12-ти фунтовыхъ.
12 „ конной артиллеріи.

У Платова:

9 казачьихъ полковъ.
10 Уланскихъ эскадроновъ.
15 Гусарскихъ „
7 Егерскихъ баталіоновъ.
12 орудій Донской артиллеріи.

У Засса:

10 баталіоновъ.
10 эскадроновъ.
3 казачьихъ полка.
10 орудій 12-ти фунтовыхъ.

У графа Каменскаго:

7 баталіоновъ.
10 эскадроновъ.
3 казачьихъ полка.
6 орудій конной артиллеріи.

Самый большой баталіонъ не насчитывалъ въ своихъ рядахъ и 400 чел., а были и такіе, которые имѣли и по 200. Эскадроны имѣли не болѣе 60 чел. каждый, а казачьи полки — по 200 челов. Въ общей сложности армія не превышала 24.000 челов. и имѣла 132 орудія, включая и полковыя.

Мы организовали хорошее сообщеніе между аванпостами и, въ случаѣ нападенія, могли соединиться въ 36 часовъ. Но турки, очень довольные освобожденіемъ Силистріи, были далеки отъ желанія подвергнуться вѣрному пораженію въ открытомъ полѣ, во-первыхъ, потому, что они не имѣли достаточно времени и средствъ, чтобы подвезти провіантъ для арміи въ 6.000 челов. и, во-вторыхъ, они вовсе не любятъ такъ далеко двигаться по грязи въ своихъ туфляхъ. Надо скорѣе предположить, что освобожденные отъ всякой опасности, на правомъ берегу Дуная, они не будутъ стараться проникнуть въ Валахію. Багратіонъ опасался этого и желалъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія о силахъ и намѣреніяхъ непріятеля въ Журжевѣ и Рущукѣ. Зная очень хорошо, что онъ не можетъ получить ихъ отъ тѣхъ, которыхъ назначилъ бы Милорадовичъ, онъ просилъ моего содѣйствія. Я написалъ Варламу и просилъ его послать въ Рущукъ вѣрнаго шпіона и увѣдомилъ Грекова, чтобы пропустить его черезъ цѣпь, не извѣщая однако ни Милорадовича, ни гр. Цукато, подъ начальствомъ котораго Грековъ находился и зная, что онъ преданъ Милорадовичу. Платовъ также написалъ Грекову, но послѣдній, убоясь своего начальника или изъ желанія ему угодить, показалъ оба письма гр. Цукато, а этотъ Милорадовичу. Раздраженный этимъ поступкомъ Милорадовичъ, почувствовавшій причину справедливыхъ подозрѣній, подрывающихъ довѣріе къ нему, отправилъ оба эти письма къ князю Багратіону съ рапортомъ и прошеніемъ на Высочайшее имя [1]), гдѣ позорно жаловался на своего начальника и на меня.

Багратіонъ былъ смущенъ, но Милорадовичъ, легкомысленный и не послѣдовательный, не придавалъ этому никакого значенія. Его убѣдили, что это возмущеніе компрометтируетъ его больше, чѣмъ насъ, и онъ просилъ возвратить ему обратно свой рапортъ и прошеніе и пропустилъ шпіоновъ, посланныхъ Варламомъ, которые и успокоили насъ. Турки и не думали наступать на Бухарестъ, гдѣ они были бы приняты Милорадовичемъ такъ же, какъ и мной.

---

[1]) Въ Россіи всякое прошеніе надо посылать черезъ своего прямого начальника, хотя бы это была жалоба на него самого, какъ это было въ данномъ случаѣ.

Великій визирь подошелъ къ Силистріи поздравить Пегливана съ побѣдой, но онъ лучше бы сдѣлалъ, если бы самъ раздѣлилъ или одержалъ ее. Комендантъ Силистріи Емикъ-Оглы, увидѣвъ ихъ со стѣнъ крѣпости, не разрѣшилъ войти въ городъ ни тому, ни другому. Надо сказать, что въ этой экстраординарной арміи коменданты крѣпостей имѣютъ особенную власть—отказывать входъ въ крѣпость даже своему главнокомандующему и первому министру, которые бы пріѣхали снять осаду.

Визирь хотѣлъ было послать Пегливана намъ въ слѣдъ съ 20.000 войскъ, полагая, что мы остановимся въ Гирсовѣ; но наша настоящая позиція, на Трояновомъ валу, измѣнила его намѣреніе и дала намъ возможность разрушить его планы.

Для усиленія генерала Эссена 3-го, которому (какъ мы увидимъ позднѣе) поручено было осаждать Браиловъ, Багратіонъ послалъ: Московскій, Воронежскій, Архангелогородскій и Одесскій полки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начальникомъ отряда въ Гирсовѣ былъ назначенъ генералъ Рѣпнинскій.

Для постройки предмостнаго укрѣпленія, вмѣсто заболѣвшаго генерала Гартинга, послали къ Гирсовскому мосту генерала Рѣзваго. Генералъ-лейтенантъ Ротгофъ, посланный въ Бессарабію, послѣ назначенія шефомъ Астраханскаго полка, былъ замѣщенъ въ Измаилѣ генераломъ Тучковымъ.

18-го октября Платовъ разрушилъ Буздумъ, по приказанію князя Багратіона, оставивъ только мечети и тѣмъ показалъ туркамъ, что мы уважаемъ ихъ священныя мѣста. Пегливанъ нашелъ только одинъ пепелъ на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше возвышались его дворцы и всѣ чудныя постройки. Тогда онъ счелъ за лучшее уѣхать въ Россію.

22 октября, одна маленькая лодка, вышедшая изъ Силистріи, намѣревалась пробраться подъ Гирсовскій мостъ, чтобы проникнуть въ Браиловъ; въ ней находилось двое турокъ и три болгарина. Часовой на мосту, рядовой Одесскаго полка Георгій Насѣкинъ, замѣтилъ ихъ и выстрѣломъ изъ ружья опрокинулъ этотъ челнокъ. Двое турокъ и одинъ болгаринъ утонули, другой болгаринъ спасся вплавь, а третій былъ взятъ въ плѣнъ. На немъ были найдены письма, изъ которыхъ мы узнали, что турки хотѣли отправить въ Браиловъ 100 лодокъ съ продовольствіемъ. Багратіонъ тотчасъ же приказалъ флотиліи Центиновича перейти въ Гирсово и соединилъ ее съ флотиліей Акимова. Этого было достаточно, чтобы задержать турецкія транспортныя суда, которыя однако не появлялись, а остались въ Силистріи. Турецкая флотилія прошла изъ Рущука мимо Туртукая, гдѣ была обстрѣлена подполковникомъ Емельяновымъ,

который, повредивъ нѣсколько судовъ, заставилъ иныя изъ нихъ вернуться обратно.

30-го октября генералъ Зассъ выслалъ три отряда казаковъ для наблюденія за турками. Каждый изъ этихъ отрядовъ имѣлъ стычки съ встрѣченными турками; при чемъ, тотъ изъ нихъ, который доходилъ до Базарджика, имѣлъ очень живое дѣло съ конницей гарнизона города. Въ этомъ дѣлѣ было убито 50 казаковъ и столько же турокъ.

5-го ноября авангардъ Платова отступилъ на Черноводы.

Къ концу октября и въ началѣ ноября погода стала очень холодной, выпало много снѣгу. Нѣкоторые полки, а въ особенности авангарды вовсе не имѣли палатокъ, такъ какъ отослали ихъ въ Валахію. Въ фуражѣ чувствовался большой недостатокъ. Люди и лошади терпѣли сильную нужду въ продовольствіи. Дороги стали такими ужасными, что конвой съ трудомъ могъ проѣзжать по нимъ. Быки, на которыхъ перевозили походные магазины, взятые у жителей Валахіи, покрывали дороги своими трупами. Наше положеніе было ужасно, и князь Багратіонъ, желая избѣгнуть опасности погубить свою армію и кавалерію, приготовился перейти Дунай.

Имѣя дѣло съ непріятелемъ болѣе образованнымъ и предпріимчивымъ, чѣмъ турки, можно было бы опасаться, что они доставятъ провіантъ въ Браиловъ, увеличивъ свои силы на правомъ берегу Дуная, между Гирсовымъ и Мачинымъ. Батареи, поставленныя вдоль рѣки, могли бы принудить нашу флотилію удалиться, и тогда визирь имѣлъ бы возможность водою доставить въ блокированную крѣпость съѣстные припасы и провіантъ на 3—4 мѣсяца. Онъ могъ бы располагать множествомъ подводъ изъ Рущука, изъ Шумлы и Базарджика. Тогда-то кн. Багратіонъ почувствовалъ ту громадную ошибку, которую онъ сдѣлалъ, не прекративъ разбоевъ казаковъ и не приготовивъ средствъ для зимовки въ Болгаріи.

Если бы не были разрушены деревни, и жители оставались бы въ своихъ домахъ, то мы легко могли бы достать продовольствіе для арміи въ 50.000 человѣкъ. Сохраняя Трояновъ валъ и опираясь обоими флангами своей позиціи на Кюстенджи и Черноводы, можно было приготовить себѣ большія преимущества для кампаніи слѣдующаго года. Все это было упущено, и очевидно, что Государь былъ правъ, найдя, что не сдѣлали всего того, что должны были сдѣлать.

Мы покинули 14 ноября Трояновъ валъ и 15-го прибыли въ Гирсово; 17-го былъ день назначенный для переправы черезъ Дунай. Зимнія квартиры были уже назначены. Князь Багратіонъ долженъ былъ имѣть свою главную квартиру въ Фокшанахъ, вмѣстѣ съ

графомъ Сергѣемъ Каменскимъ; Милорадовичъ—по-прежнему въ Бухарестѣ; Марковъ—въ Бузео; Исаевъ—въ Краіово; Платовъ—въ Рымникѣ; Зассъ—въ Галацѣ; Эссенъ—въ Бирлатѣ (послѣ сдачи Браилова); Тучковъ—въ Измаилѣ и я—въ Фальчѣ. Мы были сильно обмануты въ нашемъ предположеніи и въ нашихъ ожиданіяхъ. Но прежде чѣмъ заняться этимъ мало пріятнымъ эпизодомъ нашей кампаніи, я долженъ описать, что происходило передъ Браиловомъ.

Взятіе Браилова.

Войска наши въ Валахіи были расположены слѣдующимъ образомъ: кн. Василій Вяземскій — передъ Визирьскимъ бродомъ; Олсуфьевъ—лагеремъ подъ Саджатомъ; Колюбакинъ—подъ Галацомъ; вдоль всего Дуная, отъ Серета до Аржиша, находились небольшіе отряды; генералъ Ильинскій, со своимъ полкомъ Ливонскихъ драгунъ, резервными баталіонами и нѣсколькими казаками, находился въ Ульмѣ и Бершетти въ 50 верстахъ отъ Браилова и въ 50 отъ Бузео, въ устьѣ Кальмоцани, впадающей въ Дунай.

Послѣ взятія Гирсова, полкъ Мельникова былъ посланъ къ Платову, и у него оставалось такъ мало людей, что не хватало даже для аванпостовъ. Всѣ эти отряды были подъ моимъ начальствомъ, во время командованія моего войсками Валахіи, но это командованіе было только фиктивное, такъ какъ за исключеніемъ отряда въ Ольтеницѣ, всѣ остальные были слишкомъ удалены, чтобы я могъ управлять ихъ движеніями и оказывать, въ случаѣ надобности, во время имъ помощь. Я отдалъ приказъ начальникамъ всѣхъ этихъ небольшихъ отрядовъ непосредственно доносить обо всемъ князю Багратіону, который былъ къ нимъ гораздо ближе.

Какъ только, такъ называемая, большая армія пододвинулась къ Россевату, стало безполезнымъ оставлять генерала Олсуфьева въ Саджатѣ, и я приказалъ ему отправиться къ Визирьскому броду, гдѣ онъ былъ болѣе полезенъ. Между тѣмъ онъ не имѣлъ достаточно кавалеріи, чтобы препятствовать назиру дѣлать, изъ Браилова, во внутрь страны, вылазки, столь необходимыя ему для добыванія себѣ припасовъ и для безпокойства насъ. Не понимая бездѣйствія, которому онъ себя обрекъ, такъ какъ оно не было въ его характерѣ, я думалъ, что онъ двинется къ Фокшанамъ или даже въ Бырлатъ, гдѣ онъ могъ бы овладѣть нѣсколькими нашими госпиталями, перехватить наши сообщенія, разрушить деревни; и причинить намъ много зла, но назиръ не двинулся своей персоной.

Быть можетъ, онъ считалъ насъ сильнѣе, чѣмъ мы были въ дѣйствительности, быть можетъ, онъ не хотѣлъ раздражать насъ противъ себя, предвидя, что скоро попадется намъ въ руки, быть можетъ, наконецъ, онъ боялся, чтобы жители не закрыли ему воротъ, когда онъ удалится отъ города, какъ это сдѣлали съ Пегливаномъ въ Измаилѣ.

Олсуфьевъ не имѣлъ съ нимъ серьезныхъ сраженій, но, при множествѣ мелкихъ стычекъ съ аванпостами, всегда одерживалъ верхъ.

Въ началѣ августа, кн. Вяземскій отбилъ вылазку фуражировъ. 24 августа Олсуфьевъ, узнавъ, что они вышли изъ города съ большими силами за фуражемъ, приказалъ подполковнику Снарскому, офицеру смѣлому и почтенному, при содѣйствіи двухъ, столь же хорошихъ гвардейскихъ офицеровъ: капитана Колли, француза [1]), своего адъютанта и капитана Ренненкампфа, адъютанта кн. Вяземскаго, атаковать фуражировъ. Они прогнали турокъ, убивъ у нихъ 40 человѣкъ.

7 сентября было у нихъ дѣло болѣе горячее; Снарскій имѣлъ стрѣлковъ и орудія; сраженіе продолжалось 7 часовъ; мы потеряли около 50 человѣкъ, турки же оставили на полѣ сраженія 200.

12 сентября турки выступили изъ Браилова въ трехъ колоннахъ, по направленію къ Фокшанамъ и Бузео. Олсуфьевъ собралъ всѣ отряды, приказалъ Ильинскому двинуться изъ Ульма на Бертешти и повсюду разставилъ казаковъ, чтобы быть освѣдомленнымъ относительно направленія непріятельскихъ колоннъ, надѣясь отрѣзать ихъ отъ города, но они отступили.

Олсуфьевъ предполагалъ, что осаду Браилова поручатъ ему, но онъ ошибся. Мечтая о командованіи, еще ни одинъ генералъ не взялъ той крѣпости, взятіе которой онъ желалъ и къ осадѣ которой онъ себя предназначалъ!

Я хотѣлъ взять Измаилъ и имѣлъ на это нѣкоторое право, послѣ того, какъ 3 года простоялъ передъ нимъ. Послѣ моего отъѣзда изъ Бессарабіи, для той же операціи назначили Войнова, и только Зассъ исполнилъ это. Гартингъ долженъ былъ взять Мачинъ, а удостоился этого Марковъ. Этотъ послѣдній былъ назначенъ для взятія Гирсова и Кюстенджи, а овладѣлъ ими Платовъ. Милорадовичъ долженъ былъ взять Силистрію, а взялъ бы ее я, если бы мы выиграли битву при Татарицѣ. Наконецъ, Олсуфьевъ долженъ бы

---

[1]) 1827 г. Теперь генералъ-лейтенантъ и командиръ корпуса, одинъ изъ лучшихъ генераловъ нашей арміи.

былъ взять Браиловъ, а извлекъ изъ этого пользу Эссенъ. Олсуфьевъ былъ самъ причиною этой непріятности, которую испыталъ. Онъ имѣлъ переводчика, поляка Пикельштейна, который прекрасно зналъ по-турецки, но очень скверно по-русски и по-французски, а Олсуфьевъ зналъ послѣдній еще хуже. Пикельштейнъ вздумалъ написать назиру Браилова самое курьезное и неумѣстное письмо, угрожая ему, что̀ совершенно не имѣло смысла, послѣ печальныхъ результатовъ штурма и снятія осады. Назиръ отвѣтилъ ему очень иронично, съ большой твердостью и остроуміемъ. Эта корреспонденція крайне не понравилась Багратіону, который и отправилъ Эссена 3 командовать подъ Браиловъ. Сначала эту операцію онъ предложилъ мнѣ, но я предпочелъ остаться передъ Силистріей, которую я считалъ погибшей, но я ошибся, что доказываетъ, что на войнѣ всегда надо покоряться своей судьбѣ, а не выбирать себѣ дѣятельности.

Олсуфьевъ, обиженный тѣмъ, что его обошли, не захотѣлъ быть ниже Эссена и его перевели въ Яссы. Эссенъ, въ началѣ октября, собралъ войска изъ лагеря Галаца, Бузео и Визирьскаго брода, починилъ мостъ въ Сербешти, отправилъ въ Мачинъ—теперь очень важный для насъ пунктъ, генерала Степанова съ 4 баталіонами, поставивъ одинъ баталіонъ въ Фокшанахъ, одинъ—въ Бузео, одинъ—въ Галацѣ и 2 ноября, получивъ подкрѣпленіе, присланное ему изъ главной арміи, двинулся на Браиловъ съ 22 баталіонами, 13 эскадронами, 18 орудіями двѣнадцати-фунтовыми и 4 орудіями конной артиллеріи. Онъ распредѣлилъ войска на три колонны, которыя устроили три отдѣльныхъ лагеря, на такой же позиціи, на какой были три лагеря Прозоровскаго въ апрѣлѣ, но немного дальше отъ города.

Въ центрѣ былъ лагерь Колюбакина съ слѣдующими войсками:

2 баталіона Смоленскаго полка.
2 „ Мингрельскаго полка.
1 „ Вятскаго полка.
1 „ Нейшлотскаго полка.
1 „ Одесскаго полка.
1 „ Бутырскаго „
1 „ 14-го Егерскаго полка.
5 эскадроновъ Житомірскихъ драгунъ.
3 эскадрона Ольвіопольскихъ гусаръ.
16 орудій двѣнадцати-фунтовыхъ.

На лѣвомъ флангѣ, у кн. Вяземскаго были:

2 баталіона Архангелогородскаго полка.
1 баталіонъ Мингрельскаго полка.
1 „ Вятскаго полка.
1 „ Смоленскаго полка.
2 баталіона Воронежскаго „
1 баталіонъ 14-го Егерскаго полка.
2 эскадрона Ольвіопольскихъ гусаръ.

На правомъ флангѣ, у принца Карла Мекленбургскаго:

Московскій гренадерскій полкъ.
1 баталіонъ 27-го Егерскаго полка.
Ливонскій драгунскій полкъ.

Отрядъ этотъ былъ расположенъ скрыто, въ глубинѣ лощины, чтобы турки не могли замѣтить его малочисленности; и дѣйствительно, они считали его сильнѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Эссенъ не имѣлъ и 6.000 чел., а блокировалъ гарнизонъ въ 12.000 чел. Его положеніе было весьма критическимъ, и надо было быть очень осторожнымъ, чтобы счастливо выйти изъ него. Онъ построилъ флеши между всѣми тремя отрядами (эти работы велись маіоромъ Мишо, присланнымъ ему Багратіономъ).

Флотилія приблизилась къ крѣпости и бомбардировала ее. 16 октября Мишо выстроилъ одну батарею, а 19-го другую, соединивъ ихъ между собою траншеями. Батареями командовали люди съ такою же отвагою, какъ и подъ Измаиломъ.

Уже 13 октября, назиръ соглашался сдать крѣпость, но на такихъ условіяхъ, что Эссенъ не могъ ихъ принять. 15-го Эссенъ вызвалъ его и потребовалъ окончательнаго отвѣта. 16-го опять начались переговоры. Для сего Эссенъ назначилъ своего брата, дежурнаго маіора его штаба и лейтенанта Икскуля — офицера главнаго штаба; всѣ трое были нѣмцы. Генералы этой націи всегда выдвигаютъ только своихъ близкихъ [1]).

---

[1]) Ливонскіе нѣмцы еще болѣе нѣмцы, чѣмъ таковые изъ Германіи. Офицеры этой націи образуютъ въ русской арміи особый кружокъ. Они не любятъ русскихъ и очень мало связаны съ другими національностями, находящимися на русской службѣ. Когда генералъ-ливонецъ командуетъ корпусомъ или арміей, можно быть увѣреннымъ, что онъ будетъ окруженъ только нѣмцами и что всѣ награды и милости будутъ раздаваться только нѣмцамъ. Французы, англичане и другіе иностранцы, находящіеся на рус-

21-го октября Браиловъ сдался.

Назиръ ясно видѣлъ, что больше не было средствъ защищаться и что, если бы онъ вывелъ насъ изъ терпѣнія, то не могъ бы разсчитывать получить хорошія условія. Имѣя провіанта только на 15 дней, онъ просилъ и получилъ разрѣшеніе выйти изъ города съ оружіемъ и имуществомъ, оставивъ намъ знамена, артиллерію и аммуницію. Паша Абдулъ-Какманъ, въ качествѣ командующаго войсками, подписалъ условіе капитуляціи. Мы никогда о немъ не слышали никакихъ разговоровъ, онъ дѣлалъ только то, что ему приказывалъ назиръ, который былъ истиннымъ комендантомъ крѣпости. Отъ него потребовали возврата русскихъ перебѣжчиковъ и дезертировъ, которыхъ оказалось 200 чел., но многіе изъ нихъ скрылись отъ нашихъ поисковъ.

96 знаменъ, 2 бунчука пашей, 205 артиллерійскихъ орудій (изъ нихъ 14 мортиръ), огромное количество военныхъ запасовъ и пороху, котораго турки всегда имѣли большіе запасы,—все это было нами взято въ Браиловѣ.

2.000 жителей, оставшихся въ городѣ, были исключительно христіане, а вышло изъ города: 1.100 всадниковъ, 4.100 пѣхотинцевъ и 11.300 жителей мусульманъ.

Капитуляція эта не была одобрена при Дворѣ и въ результатѣ, по прошествіи 2-хъ недѣль, мы бы заставили назира сдаться военноплѣнными. Задержать назира, для насъ, было также желательно, какъ и взять въ плѣнъ 5.000 турецкихъ войскъ, состоявшихъ изъ солдатъ Хотина, Бендеръ, Аккермана и Бессарабскихъ татаръ. Всѣ они были храбры, воинственны и въ продолженіе всей этой войны дѣйствовали противъ насъ вездѣ энергично.

Эссенъ нисколько не былъ виноватъ въ этомъ соглашеніи, такъ какъ онъ получилъ точное приказаніе Багратіона подписать капитуляцію. Вся же вина лежала на Багратіонѣ, отдавшемъ это приказаніе [1]).

Эссенъ получилъ орденъ Александра Невскаго, также какъ и Зассъ получилъ его за Измаилъ и, также какъ и тотъ, былъ единственнымъ награжденнымъ за успѣхъ, столь намъ необходимый.

ской службѣ, гораздо легче привыкаютъ къ нравамъ и обычаямъ русскихъ, чѣмъ ливонцы; тѣ даже говорятъ иногда между собой по-русски или пофранцузски, но ливонцы исключительно говорятъ по-нѣмецки. Но нужно имъ отдать справедливость — они хорошіе офицеры, образованные, имѣютъ понятіе о наукахъ, но вообще они очень педантичны и полны претензій.

[1]) Если бы я командовалъ Браиловской осадой, то я, конечно, настоялъ бы, чтобы назиръ выдалъ доказательство своихъ сношеній съ Филипеско и его измѣны.

Гарнизонъ и жители выступали, частію водою, частію сушей, въ Силистрію; назиръ выбралъ себѣ сухопутье [1]).

Пріѣхавъ въ Каларашъ, онъ остановился на нѣсколько дней у гр. Мантейфеля, былъ очень веселъ, любезенъ и даже галантенъ съ M-me Мантейфель и пилъ много рома, какъ настоящій христіанинъ, называя его шербетомъ.

Эссенъ оставилъ въ Брацловѣ своего брата комендантомъ, назначивъ гарнизономъ его Архангелогородскій и Алексопольскій полки (возвращенный изъ Мачина), а 26 октября самъ онъ занялъ зимнія квартиры въ Бирталѣ.

Князь Вяземскій, со своимъ Егерскимъ полкомъ, былъ посланъ въ Мачинъ и возвратился оттуда, когда Багратіонъ перешелъ обратно Дунай и приказалъ срыть Мачинъ.

Мы должны были перейти Дунай 17 октября. Послѣ такой живой и утомительной кампаніи, всѣ мечтали объ отдыхѣ и о зимнихъ квартирахъ, какъ вдругъ, 16-го вечеромъ произошла перемѣна. Кн. Трубецкой былъ посланъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о Татарицкомъ сраженіи, дабы придать ему настоящій колоритъ и объяснить причины нашего отступленія; но онъ былъ плохо принятъ. Черезъ 2 дня мы получили приказъ, адресованный кн. Багратіону, съ предложеніемъ оставаться всей арміи въ Болгаріи и вести кампанію зимой. Первый изъ этихъ двухъ пунктовъ оказался не исполнимымъ, изъ-за опустошенія страны, но въ Петербургѣ думали, что такого опустошенія быть не можетъ. Что же касается втораго пункта, то исполненіе его представляло чрезвычайныя трудности или, вѣрнѣе сказать, онъ былъ не исполнимъ, но, какъ я уже говорилъ, при Дворѣ были увѣрены, что берега Дуная не знаютъ, что такое зима.

Можно себѣ вообразить наше настроеніе при полученіи этого приказа, между тѣмъ надо было слушаться. Багратіонъ представилъ Двору наисильнѣйшіе доводы, но въ ожиданіи отвѣта, который могъ быть не раньше трехъ недѣль, надо было оставаться въ Гирсовѣ, гдѣ у насъ не было ни продовольствія, ни квартиръ.

---

[1]) Надо помнить, что въ 1807 г. назиръ былъ извѣщенъ объ отъѣздѣ князя Ипсиланти изъ Бухареста и о томъ, что курьеръ, привезшій ему эту новость, имѣлъ паспортъ отъ Милорадовича. Этотъ паспортъ и письмо отъ Филипеско назиръ сохранилъ. Я просилъ Эссена потребовать эти документы, но Эссенъ выказалъ слишкомъ мало энергіи и сказалъ ему объ этомъ лишь въ день отъѣзда его въ Силистрію; назиръ отвѣтилъ, что они были уже отправлены въ числѣ другихъ бумагъ. Эссенъ этимъ удовлетворился, а я потерялъ случай обнаружить дѣйствія Филипеско и Милорадовича.

Городъ былъ наполовину разрушенъ; согласно законнаго обычая русскихъ, были сохранены только дома, занятые подъ госпиталя, и, конечно, не особенно пріятно было помѣщаться тамъ, но ничего нельзя было сдѣлать. Багратіонъ имѣлъ лучшее помѣщеніе, всего въ одну жилую комнату; остальные генералы размѣстились, какъ могли, въ конюшняхъ, въ развалинахъ домовъ, въ лачугахъ, словомъ, кое-какъ устроились. Войска расположились лагеремъ въ три линіи; частію изъ обломковъ разрушенныхъ домовъ, частію изъ лѣса, привезеннаго за 40—50 верстъ, наши солдаты выстроили себѣ землянки и укрѣпили лагерь редутами и флешами.

Людей у насъ осталось очень мало, такъ какъ Багратіонъ, послушавшійся болѣе своего разума, чѣмъ полученнаго приказанія, отослалъ всю кавалерію и часть артиллеріи за Дунай, оставивъ себѣ только нѣсколько казачьихъ полковъ.

Зассъ былъ расположенъ въ Черни, на полдорогѣ отъ Мачина.

Багратіонъ повсюду разослалъ приказы, чтобы подвозили провіантъ войскамъ и солдаты не нуждались ни въ хлѣбѣ, ни въ мясѣ. Не такъ было съ нами, дороги были такъ отвратительны, что мясники и торговцы не хотѣли рисковать жизнію своихъ лошадей, чтобы привезти намъ провизіи, и мы часто оставались безъ обѣда. Безъ милости Варлама, приславшаго мнѣ нѣсколько повозокъ провизіи, я бы буквально умеръ съ голода [1]).

Тѣмъ не менѣе мы были въ прекрасномъ настроеніи. Сначала мы пали духомъ и были въ отчаяніи, но дня черезъ 4 мы примирились со своей участью, и наше горе смѣнилось ужаснымъ сумасбродствомъ. Никогда мнѣ не приходилось видѣть въ арміи подобной близости между генералами; ни одинъ начальникъ не былъ такъ любимъ нами, какъ Багратіонъ.

Корпусъ кадетъ, оставленный безъ надзора своими воспитателями, не придумалъ бы столько развлеченій, какъ мы въ Гирсовѣ. Мы не были дѣтьми, но забавлялись, какъ они. Багратіонъ, Платовъ, Трубецкой, Строгановъ, Рѣпнинскій, Бахметьевъ, Адеркасъ, Попандопуло, Циціановъ (пріѣхавшій недавно изъ Вѣны), Булатовъ и я, мы не разставались, и все служило для насъ мотивомъ къ веселью. Грязь была такъ ужасна, что не было никакой воз-

---

[1]) Однажды утромъ, Платовъ прислалъ ко мнѣ посланнаго съ просьбой одолжить ему небольшой кусокъ сахару для чая, я сдѣлалъ ему эту любезность съ тѣмъ, чтобы онъ прислалъ мнѣ 2 свѣчи, такъ какъ уже 4 дня я освѣщалъ у себя, какъ дикарь, лучинками, оторванными отъ карнизовъ моего дома.

можности перейти изъ одного дома въ другой иначе какъ верхомъ, утопая по колѣно въ этой отвратительной черной массѣ. Изъ разрушенныхъ ледниковъ образовалось множество ямъ, куда каждый изъ насъ падалъ по очереди, и это составляло интересъ дня.

Платовъ имѣлъ у себя одного калмыка, въ родѣ шута, котораго мы заставляли пѣть, разсказывать намъ исторіи объ его странѣ, и это служило для насъ спектаклемъ. Конечно, эти исторіи не имѣли никакого смысла, но хохотали надъ ними ужасно; особенно забавно было хладнокровіе Платова, слушавшаго ихъ съ величайшимъ вниманіемъ, замѣчая умъ и остроты—этого буфона, которыми онъ одинъ могъ восхищаться. Этотъ калмыкъ, Маныкъ, больше всѣхъ выигралъ отъ нашего пребыванія въ Гирсовѣ; мы ему надавали болѣе сотни дукатовъ, а Багратіонъ имѣлъ слабость пожаловать ему Св. Георгія 4-й ст. (солдатскій) [1].

Мы рисковали еще большимъ, чѣмъ плохимъ продовольствіемъ; намъ, также какъ и солдатамъ, грозило лишиться всѣхъ средствъ къ существованію, если бы случился ураганъ, какъ въ 1810 г., и снесъ бы Рущукскій мостъ. Разрушь онъ нашъ мостъ, мы не имѣли бы другой пищи, какъ конина отъ нашихъ лошадей, но мы не думали объ этихъ бѣдствіяхъ, и ничто не могло помѣшать нашему веселью [2].

Что бы сдѣлать диверсію и показать туркамъ, что мы еще не

---

[1]) Изъ этого можно заключить, что эти кресты давались такъ же легко, какъ и въ 1807 г. Такъ напр. я видѣлъ, какъ Зассъ декорировалъ своего полка унтеръ-офицера, никогда не бывшаго подъ огнемъ, но который велъ его хозяйство и соблюдалъ его маленькіе интересы.

[2]) Я, положимъ, былъ нѣсколько смущенъ однимъ непріятнымъ эпизодомъ. Одинъ поручикъ генеральнаго штаба, Тумановъ, тотъ самый, который мѣсяцемъ раньше выстроилъ такъ плохо редутъ передъ Силистріей, былъ назначенъ ко мнѣ и я посадилъ его чертить въ своей комнатѣ. Онъ укралъ у меня шкатулку съ нѣсколькими важными бумагами, всѣми моими орденами и значительной суммой денегъ. (Я только-что получилъ жалованье, и онъ объ этомъ прекрасно зналъ). Одинъ солдатъ нашелъ на другой день пустую шкатулку, брошенную въ канаву. Слѣды были явные, и я ни на минуту не сомнѣвался относительно лица, виновнаго въ такомъ поступкѣ. Я заставилъ его признаться передъ генераломъ Адеркасомъ и изъ уваженія къ его мундиру я потушилъ дѣло, хотя оно стало извѣстнымъ всей арміи, что не помѣшало, однако, поручику Туманову, по рекомендаціи графа Сергѣя Каменскаго, годъ спустя, получить чинъ капитана, крестъ св. Владиміра, золотую саблю, а въ 1811 году, выйти въ отставку подполковникомъ. Я же такъ и не получилъ ни своихъ бумагъ, ни денегъ. Тумановъ былъ потомъ полицеймейстеромъ въ Кишиневѣ и сдѣлался фаворитомъ губернатора, генерала Алексѣя Бахметьева, который, конечно, не могъ не знать объ исторіи съ пропавшей шкатулкой, такъ какъ былъ въ то время съ нами въ Гирсовѣ. Вскорѣ послѣ того, Тумановъ былъ помѣщикомъ Херсонской губ., гдѣ былъ очень уважаемъ. По немъ можно судить о другихъ.

ушли и что наше отступленіе не было бѣгствомъ, а можетъ быть, чтобы угодить Платову, желавшему дать возможностъ отличиться своему зятю Грекову (пріѣхавшему недавно съ Дона), Багратіонъ назначилъ набѣгъ на Базарджикъ. Строгановъ двинулся туда съ тремя полками казаковъ и уланъ. Зассъ отправилъ туда Петербургскихъ драгунъ съ двумя егерскими баталіонами. Но ничего изъ этого не вышло. Грековъ, бывшій впереди, съ авангардомъ отряда, который долженъ былъ получить всю славу этой экспедиціи, былъ совершенно разбитъ конницей Базарджикскаго гарнизона и съ трудомъ спасся бѣгствомъ, потерявъ 100 чел. Строгановскихъ казаковъ. Регулярныя же войска отступили еще до сраженія.

Я уже говорилъ о томъ, что Багратіонъ сдѣлалъ Двору самыя сильныя представленія о нашемъ положеніи и гибельныхъ для арміи послѣдствіяхъ, если ее оставятъ въ Болгаріи. Онъ представилъ Императору тѣ же резоны, какіе фельдмаршалъ Румянцевъ представлялъ Екатеринѣ въ 1773 г., и Императоръ Александръ отвѣтилъ почти то же, что и Екатерина Румянцеву. Мы получили изъ Петербурга шифрованный отвѣтъ, и Безакъ вскорѣ узналъ его содержаніе.

Наконецъ, послѣ взятія Браилова, мы получили разрѣшеніе занять зимнія квартиры, но Багратіону было приказано оставить одинъ корпусъ въ Гирсовѣ, и онъ былъ принужденъ оставить почти всѣ войска, находившіяся тамъ.

Въ своей перепискѣ съ Багратіономъ, Императоръ былъ очень сухъ и холоденъ. Переписка Багратіона съ графомъ Румянцевымъ (все еще министромъ иностранныхъ дѣлъ) была крайне обострена. Несомнѣнно, что идея о зимовкѣ нашей арміи въ Болгаріи принадлежала Румянцеву, который осуждалъ даже память своего отца за отказъ зимовать въ Болгаріи. Багратіонъ, не желавшій и не имѣя возможности исполнить требованія Румянцева, не скрывалъ отъ него досады, которую тотъ вызвалъ въ немъ. Однако онъ безпокоился о послѣдствіяхъ этой перемѣны и объ опасностяхъ для себя, въ случаѣ неисполненія имъ требованій Двора; онъ также боялся Аракчеева, тогда уже вполнѣ могущественнаго и открыто протежировавшаго Милорадовичу, съ которымъ продолжалъ быть въ перепискѣ, гдѣ не мало доставалось Багратіону. Вся переписка между ними доставлялась курьерами Милорадовича, имѣвшими паспорта, подписанные военнымъ министромъ Аракчеевымъ [1].

---

[1] Одинъ изъ адъютантовъ Аракчеева, Незвановъ, гвардейскій подпоручикъ, еще болѣе усилилъ безпокойство Багратіона. Онъ пріѣхалъ подъ предлогомъ осмотра артиллерійскихъ парковъ, но на самомъ дѣлѣ для

Князь Багратіонъ назначилъ Милорадовича командовать корпусомъ въ Гирсовѣ, чѣмъ онъ хотѣлъ вызвать его изъ Бухареста, а самъ предполагалъ провести зиму въ Б. Валахіи. Присутствіе тамъ же и Милорадовича сильно стѣсняло бы его. Милорадовичъ счелъ себя обиженнымъ за это назначеніе и сказался больнымъ. Тогда корпусъ его былъ переданъ графу Сергѣю Каменскому, о которомъ Багратіонъ отдалъ очень лестный приказъ, поздравляя его, какъ перваго генерала, зимующаго на правомъ берегу Дуная.

Это былъ придворный комплиментъ, который Каменскій прекрасно съумѣлъ оцѣнить, но, тѣмъ не менѣе, мнѣ казалось, что онъ былъ очень доволенъ своимъ назначеніемъ.

31 декабря кн. Багратіонъ выѣхалъ въ Браиловъ и оттуда въ Бухарестъ, а я остался въ Гирсовѣ до 4 января, чтобы дождаться гр. Каменскаго, которому я долженъ былъ передать командованіе корпусомъ. Затѣмъ я переѣхалъ въ Яссы, гдѣ была моя главная квартира.

Распредѣленіе войскъ было измѣнено. Главной квартирѣ назначено быть въ Бухарестѣ. Армію раздѣлили на 5 корпусовъ и одинъ отрядъ—Исаева, находившійся въ М. Валахіи. Отрядъ этотъ состоялъ изъ 15 баталіоновъ, 5 полковъ казаковъ, 5 баталіоновъ Пандуровъ и Хорватовъ, 6 орудій двѣнадцати-фунтовыхъ и 6 орудій конной артиллеріи.

Въ Бухарестѣ расположились: Зассъ и Олсуфьевъ съ 22 баталіонами, 8-ю полками казаковъ, 18-ю орудіями двѣнадцати-фунтовыми и 6-ю конной артиллеріи.

Платовъ и Марковъ расположились въ Рымникѣ съ 20 баталіонами, 25 эскадронами, 24 орудіями двѣнадцати-фунтовыми, 24 орудіями конной артиллеріи и 8-ю полками казаковъ.

Мнѣ была назначена квартира въ Яссахъ съ 15 баталіонами, 30 эскадронами, 12 орудіями двѣнадцати-фунтовыми и 12 орудіями конной артиллеріи. Затѣмъ ко мнѣ присоединились 12 баталіоновъ и 20 эскадроновъ 18-й дивизіи и 12 баталіоновъ 10-й дивизіи, что увеличило подчиненныя мнѣ войска до 39 баталіоновъ, 50 эскадроновъ, 36 орудій двѣнадцати-фунтовыхъ и 24 орудія конной артиллеріи.

того, чтобы шпіонить и быть въ курсѣ всего происходящаго. Онъ видался съ Милорадовичемъ, но Багратіона ему не удалось видѣть, несмотря на то, что онъ очень долго оставался въ Фокшанахъ.

Во всей своей командировкѣ этотъ негодный мальчишка выказывалъ рѣдкую наглость и заставлялъ трепетать многихъ генераловъ. Графъ Сергѣй Каменскій имѣлъ низость сдѣлать ему визитъ, который тотъ ему не отдалъ.

Эссенъ 3-й остался въ Бирлатѣ съ 25 баталіонами, 30 эскадронами, 36 орудіями двѣнадцати-фунтовыми, 12 орудіями конной артиллеріи и однимъ полкомъ казаковъ.

Графъ Каменскій былъ въ Гирсовѣ и имѣлъ 15 баталіоновъ (изъ нихъ 6—въ Гирсовѣ, 2—въ Мачинѣ, 4—въ Черновидахъ и 3—около моста) и 5 полковъ казаковъ; кромѣ того, онъ имѣлъ одинъ казачій полкъ при главной квартирѣ и одинъ при магазинахъ.

Флотилія наша расположилась въ слѣдующемъ порядкѣ:

26 судовъ въ Сулинѣ.
6 „ въ Киліи.
5 „ въ Исакчѣ.
5 „ въ Измаилѣ.
12 „ въ Мачинѣ.
22 „ въ Галацѣ.
26 „ въ Гирсовѣ.
13 „ въ Браиловѣ.

Оставлено было:

5 резервныхъ баталіоновъ въ Браиловѣ.
5 „ „ въ Измаилѣ.
2 „ „ въ Киліи.
1 „ „ въ Аккерманѣ.
2 „ „ въ Бендерахъ.
2 „ „ въ Хотинѣ.
1 „ „ въ Тирасполѣ.
2 „ „ въ Каменецъ-Подольскѣ.

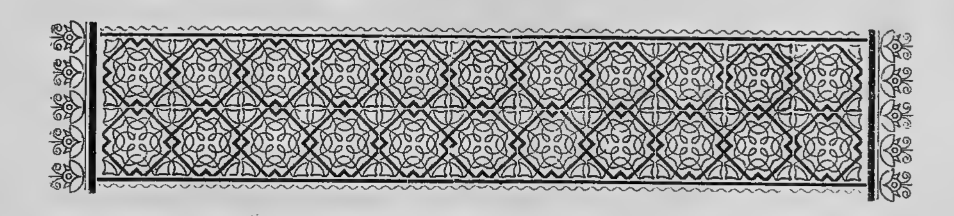
Такъ окончилась эта кампанія, по результатамъ довольно счастливая. Мы взяли Измаилъ, Браиловъ и 9 другихъ крѣпостей въ Болгаріи; но она могла имѣть болѣе доблестные результаты и принести больше пользы, если бы не разрушали страну, если бы разбили Пегливана подъ Татарицей и если бы взяли Силистрію.

Всѣ эти предположенія было очень легко привести въ исполненіе.

Сообщ. Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ давно прошедшаго [1]).

(Отрывочныя воспоминанія).

(Окончаніе).

Лѣтомъ 1866 года посѣтили Казань ихъ императорскія высочества великіе князья наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ и Владиміръ Александровичъ; въ честь ихъ въ залахъ дворянскаго собранія данъ былъ казанскимъ дворянствомъ обѣдъ и блестящій балъ, при чемъ къ этому дню спеціально былъ выписанъ изъ Петербурга оркестръ лейбъ-гвардіи Коннаго полка. Изложу теперь, частью по сохранившимся путевымъ замѣткамъ, частью по личнымъ моимъ воспоминаніямъ, наиболѣе характерныя частности продолжительной командировки, выпавшей на мою долю зимою 1865—66 годовъ, въ направленіи на Свіяжскъ, Козьмодемьянскъ и Чебоксары, для попутнаго осмотра этапныхъ пунктовъ и опроса встрѣчавшихся арестантскихъ партій. Въ этомъ направленіи все оказалось въ порядкѣ и претензій заявлено не было. Вернувшись черезъ нѣсколько дней въ Казань, я, спустя сутки, отправился въ Пермь по ссыльному тракту на Малмыжъ и Оханскъ.

Въ то время издавна практиковавшій порядокъ „пѣшей" пересылки арестантовъ, на Тобольскъ, Ачинскъ и далѣе, былъ только-что отмѣненъ и замѣненъ перевозкою на подводахъ и саняхъ; одновременно произведена была и реорганизація инвалидныхъ и этапныхъ командъ и сформированы конвойныя команды, частью изъ бывшихъ этапныхъ, но съ лучшимъ подборомъ людей. Благодаря бывшему мятежу въ Царствѣ Польскомъ и въ губерніяхъ сѣверо-и юго-западнаго края,—въ 1863 и 1864 годахъ число высы-

[1]) См. „Русская Старина", іюль 1908 г.

лавшихся „политическихъ" арестантовъ было весьма значительно и лишь немного уменьшилось въ 1865 году.

Путемъ осмотра по пути всѣхъ этапныхъ пунктовъ по ссыльному тракту, частью днемъ, частью ночью, и изъ опросовъ пересылавшихся арестантовъ, независимо записи заявлявшихся иногда претензій, пришлось услышать и увидѣть многое.

До 1865 года пересылка арестантовъ въ Сибирь—въ рудники, тюрьмы и на поселеніе, производилась, въ общихъ чертахъ, слѣдующимъ порядкомъ, слава Богу минувшимъ. Каждая партія (иногда общее число арестантовъ въ ней доходило до 100 и болѣе человѣкъ) дѣлилась на три категоріи: политическую, гражданскую и „невродную" (то есть изъ лицъ, слѣдовавшихъ за арестантами по разнымъ причинамъ въ Сибирь, но „не въ родѣ" арестантовъ); каждая категорія выбирала изъ своей среды старосту съ круговою порукою—на весь путь, то есть, напримѣръ, до Тобольска, гдѣ категоріи арестантовъ обыкновенно дробились на мелкія партіи, въ зависимости отъ дальнѣйшаго назначенія. Этапы (ночлежные пункты) совпадали съ почтовыми станціями по ссыльному тракту, отстоя одинъ отъ другого на перегонъ въ 20—25 верстъ [1]). Такимъ обра-

---

[1]) Въ повѣсти «Въ далекіе края», соч. К. Станюковича, приведена слѣдующая фраза, касающаяся этаповъ на главномъ ссыльномъ Сибирскомъ трактѣ: «что же касается этаповъ, то они буквально представляютъ собою клоповники». (Стр. 454, т. V, кн. 3, изд. Маркса 1907). Въ правдивости этого я имѣлъ случай лично убѣдиться во время моей поѣздки зимою 1865 года по упомянутому тракту. Все это, конечно, уже быльемъ поросло, и нынѣ иные порядки, начиная съ желѣзнодорожнаго сообщенія въ этомъ направленіи, но въ то время большая часть мрачныхъ зданій этаповъ, по такъ называемой «Владиміркѣ», была до-нельзя скверною, помѣщенія для арестантовъ, особенно общія,—не говоря уже объ отсутствіи вентиляціи въ нихъ,—нары и корридоры—содержались грязно, а по ночамъ были невыносимо смрадны, благодаря отчасти «парашамъ» и развѣшаннымъ для просушки арестантскимъ портянкамъ. Все это привелось тогда лично видѣть при посѣщеніи нѣкоторыхъ этаповъ въ ночное время.

Правдивое описаніе жалкаго состоянія въ тогдашнее время большинства этапныхъ пунктовъ по ссыльному тракту помѣщено было даже и въ романѣ С. Окрейца, подъ заглавіемъ: «Въ Сибири»; такъ, про общій видъ этапа, на 3 стр. тамъ сказано: «группа деревянныхъ построекъ, окруженная высокимъ, заостреннымъ частоколомъ, изъ-за зубцовъ котораго снаружи едва виднѣлись почернѣвшія крыши и нѣсколько кирпичныхъ трубъ. Крѣпкія окованныя желѣзомъ ворота всегда бывали на запорѣ съ безмолвными часовыми у будки». Далѣе, на стр. 7, описывая помѣщенія арестантовъ въ этапныхъ пунктахъ, авторъ замѣчаетъ: «на ночь весь этотъ людъ наглухо запертъ и долженъ исполнять всѣ свои нужды при посредствѣ общей кадки—параши, тутъ же стоящей». („Въ Сибири", романъ С. Окрейца; Спб. 1888 г. Ч. I, гл. I, стр. 3 и 7).

зомъ, пѣшая отправка арестантовъ длилась весьма долго, ибо партія дѣлала въ день только одинъ переходъ и ночевала на слѣдующемъ этапѣ. Иное было уже въ 1865 году, когда арестантская партія, перевозимая на троечныхъ колесныхъ подводахъ или троечныхъ саняхъ, дѣлала до ночлега 100—120 верстъ въ день, мѣняя лошадей на промежуточныхъ этапахъ. Ночью переѣзды не производились.

Изъ свѣдѣній, добытыхъ тогда на мѣстѣ, практиковавшійся до 1865 года вполнѣ своеобразный порядокъ пересылки арестантовъ до Перми и далѣе на Екатеринбургъ и Тюмень, былъ, въ общемъ, слѣдующій.

Передъ выступленіемъ утромъ съ ночлежнаго пункта (этапа), арестантская партія выстраивалась и пересчитывалась, затѣмъ кромѣ кандальныхъ и „невродныхъ" арестантовъ, дѣлилась на „шестерки", т. е. каждые 6 человѣкъ будто бы приковывались правыми руками къ желѣзному пруту [1]). Конвой былъ слабый, совершенно не соотвѣтствовавшій численности партіи и иногда слѣдовавшій за нею даже особнякомъ, скромно—сзади. Сборную партію (изъ трехъ категорій, съ добавленіемъ иногда подводъ, на коихъ сидѣли больные арестанты и жены ихъ съ дѣтьми) сопровождалъ до слѣдующаго этапа (ночлега) офицеръ этапной команды и, по прибытіи на этапъ, сдавалъ партію по статейнымъ спискамъ. Переночевавъ, партія, уже съ другимъ этапнымъ офицеромъ, отправлялась на слѣдующій ночлегъ (этапъ) и такъ далѣе.

Злоупотребленія при подобной пересылкѣ арестантовъ, не считая разнаго рода вымогательствъ и поборовъ съ арестантовъ, продажѣ имъ по высокимъ цѣнамъ разныхъ пищевыхъ продуктовъ на этапахъ,—заключались въ слѣдующемъ. Зачастую, арестантская партія, выступивъ съ мѣста ночлега и пройдя 1—2 версты, останавливалась, прикованные къ прутамъ арестанты—освобождались, конечно, съ разрѣшенія офицера, по соглашенію съ старостами, кандальные расковывались и кандалы складывались на подводу, слѣдовавшую при партіи „на случай" болѣзни въ пути. Конвойный офицеръ усаживался на подводу съ однимъ изъ старостъ и, дабы скоротать скучное время перехода до слѣдующаго этапа, иногда съ старостою начиналъ закусывать и бражничать. Партія двигается свободно, появляется даже гармоника и затягивается пѣсня; арестанты идутъ въ разбродъ, частью по обочинамъ тракта. Не доходя 2—3 верстъ до слѣдующаго этапа (ночлега), партія останавливается, и все при-

---

[1]) Какъ мнѣ тогда было заявлено на этапахъ въ Кунгурѣ и Камышловѣ.

водится въ порядокъ, т. е. надѣваются, кому слѣдуетъ, кандалы и пр., и партія, какъ ни въ чемъ не бывало, въ порядкѣ подходитъ къ этапу. Несмотря, однако, на такія поблажки, побѣги арестантовъ съ пути, благодаря вліянію старостъ и круговой поруки, были рѣдки. Конечно, партіонный начальникъ получалъ за такой переходъ,—кромѣ казеннаго путевого довольствія, — небольшую сумму, уплачивавшуюся ему арестантскими старостами (вѣроятно, не болѣе 5—8 рублей за всю партію), при чемъ она своевременно собираема была старостами путемъ складчины. Напримѣръ, на Тугулымскомъ этапѣ Тобольской губерніи, у начальника этапа имѣлось даже съ десятокъ охотничьихъ ружей, выдававшихся, по соглашенію съ партіоннымъ начальникомъ (его же подчиненнымъ), „желающимъ“ охотникамъ-арестантамъ, конечно, за хорошую плату—для охоты въ пути до слѣдующаго ночлега; тамъ эти ружья отбирались и при оказіи отправлялись обратно. Все вышеизложенное смахиваетъ скорѣе на анекдотъ, а не на быль, но я все это узналъ изъ цѣлаго ряда опросовъ нижнихъ чиновъ конвойныхъ командъ, арестантовъ-рецидивистовъ (т. е. уже ранѣе побывавшихъ въ Сибири и вторично туда высылавшихся), станціонныхъ смотрителей и проч. и проч., а также изъ оффиціальныхъ попутныхъ сообщеній исправниковъ и становыхъ на посланные мною имъ запросы. Продолжаю однако. Какъ только партія арестантовъ приближалась къ этапу, тамъ возлѣ тына (частокола) уже готовъ былъ рядъ столовъ съ дымящимися на нихъ самоварами, разнымъ варевомъ и незатѣйливою снѣдью [1]); торговлею иногда завѣдывала лично жена этапнаго начальника или его родственница, устанавливавшая свою таксу на все и, конечно, не малую [2]). Короче, грабили безъ зазрѣнія совѣсти, зная, что, если иной арестантъ, чего добраго, кому-либо и нажалуется—все равно изъ его жалобы ничего не выйдетъ Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ составѣ партій, среди арестантовъ, иногда встрѣчались люди съ достаткомъ, а бывали и весьма денежные. Все это сходило съ рукъ благополучно и безнаказанно. Нѣтъ сомнѣнія, что инспекціи были, но, вѣроятно, инспектирующія лица, быстро и комфортабельно ѣхавшія по ссыльному тракту, мало были освѣдомлены о существовавшихъ порядкахъ, а если что-либо видѣли или имъ показывали,

---

[1]) Это я лично видѣлъ на нѣсколькихъ этапахъ ссыльнаго тракта.

[2]) Припоминается, что тогда же, случайно, на квартирѣ одного изъ этапныхъ начальниковъ (кажется, въ Дебессахъ) я замѣтилъ установленную на буфетѣ цѣлую серію крупной величины самоваровъ и на мой вопросъ о причинѣ такого ихъ обилія получилъ уклончивый отвѣтъ, сопровождавшійся нѣкоторымъ конфузомъ хозяйки дома.

то это было не только надлежащимъ образомъ заблаговременно прибрано, но и, вѣроятно, пріукрашено. Такъ, по добытымъ даннымъ, практиковалось изъ года въ годъ и все благополучно сходило съ рукъ, т. е. и арестанты полностью доходили до конечнаго пункта ихъ дѣйствительно тернистаго пути, ну и былые этапные начальники не оставались въ накладѣ. Все это, къ счастью, уже миновало безвозвратно; даже въ 1865 году, когда мнѣ пришлось ѣхать по ссыльному Сибирскому тракту, хотя и были мѣстами прорухи, непорядокъ на ночлежныхъ пунктахъ, жалобы иногда арестантовъ на вымогательство и сравнительно мелкія злоупотребленія, но уже порядокъ былъ иной, а нынѣ, думаю, и представить себѣ нельзя встрѣтить что-либо подобное изложенному выше.

Общій видъ этаповъ на всемъ трактѣ по Казанской, Вятской, Пермской и Тобольской губерніямъ былъ одинаковый съ весьма малыми варіантами, а именно, рядъ деревянныхъ, изрѣдка каменныхъ, одноэтажныхъ построекъ, обнесенныхъ высокимъ тыномъ (изъ толстыхъ заостренныхъ наверху бревенъ), съ воротами и часовымъ у нихъ. Этапы эти находились всегда въ нѣкоторомъ разстояніи отъ села, деревни или почтовой станціи.

Трудно было узнать правду, и приходилось поневолѣ прибѣгать къ разнымъ ухищреніямъ, подъѣзжая, напр., къ этапу ночью, а иногда, — оставивъ кибитку на дорогѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этапа, — идти къ нему по снѣгу, безъ дороги, пѣшкомъ, дабы застать тамъ все, какъ есть, безъ приготовленій, и только такимъ образомъ возможно было разсчитывать видѣть все безъ прикрасъ и опросить арестантовъ, не предупрежденныхъ начальствомъ.

Порядокъ перевозки арестантовъ по ссыльному тракту въ Сибирь въ 1865 году былъ слѣдующій. Перевозили ихъ небольшими партіями (транспортами) на просторныхъ троечныхъ саняхъ, называвшихся почему-то — „форпостными“; перевозки были только дневныя, по одному и по два рейса. Такіе транспорты не разъ приходилось обгонять въ пути, а при обратной поѣздкѣ — встрѣчать, при чемъ я иногда останавливалъ транспорты и опрашивалъ арестантовъ. Въ каждыхъ троечныхъ саняхъ сидѣло по 4 арестанта (2 на передней и 2 на задней скамьѣ) и конвойный рядовой (одѣтый въ короткій полушубокъ, при шашкѣ, свисткѣ и заряженномъ револьверѣ), сидѣвшій на нѣсколько приподнятыхъ козлахъ, рядомъ съ ямщикомъ и лицомъ къ арестантамъ. Подобный транспортъ обыкновенно состоялъ изъ 8—10 саней, а лѣтомъ изъ такого же числа телѣгъ; позади транспорта на отдѣльныхъ саняхъ ѣхалъ конвойный унтеръ-офицеръ — начальникъ транспорта.

Нѣсколько разъ приходилось ѣхать во время снѣжнаго бурана, при чемъ широкая дорога настолько заносилась снѣгомъ, что послѣ перепряжки въ пути ѣзда продолжалась весьма медленно гуськомъ, при чемъ одна изъ пристяжныхъ лошадей привязывалась сзади — къ кибиткѣ.

Прибывъ въ Пермь 5 декакря вечеромъ, я, не заѣзжая на почтовую станцію, отправился въ канцелярію мѣстнаго губернскаго баталіона, гдѣ, въ силу даннаго мнѣ предписанія, выбралъ по описи нужныя для справокъ дѣла, приказы по баталіону и пр., оставивъ росписку на все взятое, а на слѣдующій день явился мѣстному губерчскому воинскому начальнику полковнику Николеву и губернатору Струве (прославившемуся впослѣдствіи своимъ участіемъ въ извѣстномъ продовольственномъ еврейскомъ тріумвиратѣ въ войну 1877—78 г.г.) и получилъ приглашеніе на балъ къ нему въ тотъ же день [1]).

Покончивъ съ порученными мнѣ дѣлами въ Перми, я 11 декабря выѣхалъ далѣе по Сибирскому тракту на Кунгуръ и Екатеринбургъ. Почти сейчасъ же за Пермью мѣстность стала постепенно возвышаться, и подъемы, впрочемъ довольно пологіе, встрѣчались часто. Селенія по пути, какъ напр., Златоустовское и Билимбаевское, выглядѣли богато и тянулись вдоль тракта иногда на версту и болѣе. Здѣсь Сибирскій трактъ пролегалъ по наиболѣе широкой части Уральскаго хребта. Встрѣчались въ попутныхъ селахъ и деревняхъ сосланные поселенцы за участіе въ мятежѣ 1863—64 годовъ.

Изъ попутныхъ городовъ особенно бѣдно и захудало выглядывалъ Камышловъ. Перевалъ черезъ Уральскій хребетъ былъ почти незамѣтенъ и на высшей точкѣ перевала, — въ разстояніи 16—17 верстъ не доѣзжая Екатеринбурга, у дороги находился большой полуразвалившійся обелискъ съ надписью металлическими буквами— къ сторонѣ Перми — „Европа", а въ другую сторону—„Азія". Отъ перевала мѣстность начала замѣтно понижаться и, подъѣзжая къ Екатеринбургу, было нѣсколько крутыхъ спусковъ.

Городъ этотъ выглядѣлъ гораздо обширнѣе и богаче Перми, имѣлъ порядочное число многоэтажныхъ каменныхъ домовъ (напр. дома Горнаго управленія и Севастьянова), широкія улицы, много магазиновъ и въ числѣ ихъ съ различными произведеніями горнозаводскаго промысла и порядочное зданіе городского театра. Вообще, по первому впечатлѣнію, Екатеринбургъ можно было скорѣе при-

1) Игралъ на балу не штатный и дрянной оркестръ Пермскаго губернскаго баталіона.

знать губернскимъ центромъ, чѣмъ Пермь, съ его сугробами снѣга на улицахъ и можествомъ деревянныхъ домишекъ, рядомъ съ рѣдкими каменными; лучшими тамъ (т. е. въ Перми) зданіями были: домъ губернатора, казенные дома съ правительственными учрежденіями, ну, и конечно, какъ обыкновенно,—мѣстный тюремный замокъ.

Изъ Екатеринбурга я выѣхалъ по Сибирскому ссыльному тракту на Камышловъ къ Тюмени, съ попутнымъ осмотромъ всѣхъ арестантскихъ этаповъ и на станціи Тугулымской (въ 16—17 верстахъ отъ Тюмени), гдѣ былъ послѣдній этапъ казанскаго военнаго округа, закончилъ свою миссію [1]).

Обратный переѣздъ по тому же пути, на Екатеринбургъ, Пермь и Малмыжъ въ Казань, исполненъ былъ уже нѣсколько скорѣе, хотя также съ осмотромъ нѣкоторыхъ этаповъ и опросомъ встрѣчавшихся арестантскихъ партій, и въ Казань я вернулся въ первой половинѣ февраля 1866 года, пробывъ въ командировкѣ немного болѣе $1^1/_2$ мѣсяца. Результатомъ подробнаго отчета по командировкѣ былъ рядъ дознаній по жалобамъ арестантовъ и, кажется, отчисленіе отъ должностей нѣсколькихъ бывшихъ этапныхъ начальниковъ.

Такъ закончилась эта, хорошо памятная мнѣ и интересная поѣздка. Въ заключеніе этого краткаго очерка службы въ Казанскомъ

---

[1]) Курьезный случай имѣлъ мѣсто съ ѣхавшимъ со мною писаремъ штаба на Тугулымской станціи. Еще въ Перми онъ жаловался на ноющую боль въ ухѣ и я намѣревался помѣстить его въ мѣстномъ лазаретѣ, но, уступивъ его усиленной просьбѣ, взялъ все же съ собою въ дальнѣйшій путь. Прибывъ, помню, какъ разъ въ сочельникъ, 24 декабря, на названную станцію,—конечный пунктъ порученнаго мнѣ разслѣдованія,—я рѣшилъ тамъ отдохнуть сутки и затѣмъ двинуться въ обратный путь. Лично я устроился для ночлега въ небольшой комнаткѣ «для проѣзжающихъ», а писарь примостился на полу въ сосѣдней комнатѣ (канцеляріи), имѣя изголовье подъ кіотомъ, уставленнымъ горѣвшими восковыми свѣчами. Около полуночи вдругъ раздался сильнѣйшій крикъ; оказалось слѣдующее: станціонный смотритель «посовѣтовалъ» страдавшему отъ боли уха писарю взять отъ образа тонкую двухкопѣечную горѣвшую восковую свѣчу, воткнуть ее въ ухо и лечь, добавивъ, что «зажженная свѣча, взятая въ такой большой праздникъ прямо отъ образа, сразу уйметъ боль». Писарь съ дуру это исполнилъ, то есть имѣлъ глупость всунуть горѣвшій огарокъ свѣчи себѣ въ ухо, легъ и—задремалъ, ну, а свѣча тѣмъ временемъ конечно догорѣла до поверхности ухо и обожгла его.

Обезумѣвшій отъ боли писарь закричалъ благимъ матомъ и со всей силы ударилъ себя по больному уху; получился неожиданный благопріятный результатъ, ибо отъ удара прорвался нарывъ. Въ концѣ концовъ вечеромъ 25 декабря мы благополучно тронулись въ обратный путь.

округѣ, добавлю еще слѣдующее. Въ 1866 году командированъ былъ изъ Петербурга въ округъ адъютантъ военнаго министра штабсъ-ротмистръ (или ротмистръ) П. для „осмотра“ нѣсколькихъ резервныхъ баталіоновъ (совершенно не подходящая командировка для оберъ-офицера, да еще кавалерійскаго). Копіи отчета этого „инспектора“ были присланы въ штабы окружный и мѣстныхъ войскъ, при чемъ въ отчетѣ объ осмотрѣ 66 резервнаго баталіона, квартировавшаго въ Саратовѣ, по поводу корпуса офицеровъ этого баталіона была приведена слѣдующая забавная по своей полной непонятности фраза: „Офицеры 66 баталіона, при всей ихъ единонравности, не могутъ достигнуть равномѣрности“ и затѣмъ точка; что хотѣлъ именно сказать этими словами авторъ отчета—осталось неизвѣстнымъ.

Служба и жизнь въ Казани продолжали идти своимъ чередомъ, при чемъ первая при такомъ начальникѣ, какимъ былъ упомянутый выше генералъ П. (спустя 1¹/₂ или 2 года отчисленный таки отъ должности), временами была прямо невыносима, и приходилось не разъ вспоминать о полковой жизни и службѣ, несмотря на всѣ перенесенныя въ періодъ польскаго мятежа 1863—64 г.г. лишенія и невзгоды [1]).

Л. Драке.

[1]) См. статью «Пережитое». «Рус. Старина» 1907 г., іюнь—ноябрь.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

